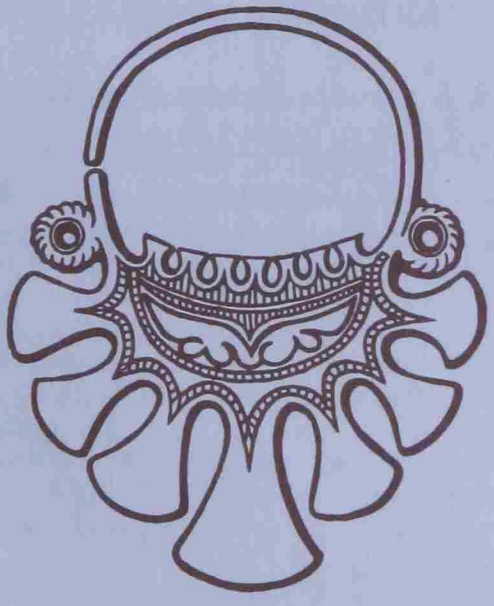
ISSN 0869-6063

275 лет
Российская академия наук

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



1999 2

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Р. М. Мунчаев (председатель),
Т. И. Алексеева, А. П. Деревянко, В. П. Любин,
Н. Я. Мерперт, М. Г. Мошкова, Е. Н. Носов, А. Д. Пряхин,
Б. А. Рыбаков, В. В. Седов, А. А. Формозов,
А. И. Шкурко, В. Л. Янин

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. И. Гуляев (главный редактор),
Х. А. Амирханов, Л. А. Беляев (зам. главного редактора),
А. Н. Гей, И. С. Каменецкий, Г. А. Кошеленко,
Н. А. Макаров, В. С. Ольховский (ответственный секретарь),
Е. Н. Черных

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
МОСКВА

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

1999 2

Журнал основан в январе 1957 г.

Выходит 4 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

Мунчаев Р.М. Институт археологии РАН сегодня 5
Мерперт Н.Я. Из истории Института археологии (к 80-летию его учреждения) 16
Беляев Л.А., Гуляев В.И. Журнал "Российская археология": проблемы и перспективы 32
Амирханов Х.А. Исследования отдела археологии каменного века Института археологии РАН: современное состояние и проблемы 38
Абрамова З.А. Верхний палеолит Восточно-Европейской равнины. Итоги и проблемы 48
Массон В.М., Кирчо Л.Б. Изучение культурной трансформации раннеземледельческих обществ (по материалам новых раскопок на Алтын-депе и Илгынлы-депе) 61
Дэвлет Е.Г. О некоторых тенденциях в исследовании наскальных изображений 77
Мошкова М.Г. Изучение проблем раннего железного века в Институте археологии РАН в 1989–1998 гг. 86
Плетнева С.А. Группа "Археология евразийских степей эпохи средневековья" 99
Афанасьев Г.Е., Зотько М.Р., Коробов Д.С. Первые шаги "космической археологии" в России (к дешифровке Маяцкого селища) 106

Публикации

Сыроватко А.С. Поселения эпохи раннего железа юго-восточного Подмосковья 124
Сапрыкин С.Ю., Федосеев Н.Ф. Клейма Синопы с датами 135
Храпунов И.Н. О населении Крыма в позднеримское время (по материалам могильника Дружное) 144
Гущина И.И., Журавлев Д.В. Погребения с бронзовой посудой из могильника Бельбек IV в Юго-Западном Крыму 157
Соловьев В.С. Раннесредневековый город Тохаристана по материалам раскопок Кафыркалы 172
Кызласов Л.Р. Манихейский храм в котловине Сорга (Республика Хакасия) 181

© Российская академия наук
Институт археологии, 1999 г.

История науки

Лунин Б.В. Михаил Евгеньевич Массон (1897–1986) 207

Критика и библиография

Перевалов С.М. *Junkelmann Marcus.* Reiter wie Statuen aus Erz. Mainz am Rhein, 1996 211
Махортых С.В. *Эрлих В.Р.* У истоков раннескифского комплекса. М., 1994 215
Козенкова В.И. *Motzenbäcker I.* Sammlung Kossnierska. Der digorische Formenkreis der kaukasischen Bronzezeit. Bestandskataloge. Band 3. Berlin, 1996 223
Кулаков В.И. Петр из Дусбурга. Хроника земли Прусской. М., 1997 229
Амиров Ш.Н. Tell Sabi Abyad the Late Neolithic Settlement. Report on the Excavations of the University of Amsterdam (1988) and National Museum of Antiquities Leiden (1991–1993) in Syria. Vol. I–II. Edited by Peter N.M.G. Akkermans. Nederlands Historisch-Archaeologisch Instituut te Istanbul. 1996 233

Хроника

Ольховский В.С. Маргулановские чтения–98 (Алма-Ата, 1998) 238
Смирнов А.С. Использование компьютеров в археологии. 26-ой конгресс CAA (Барселона, 1998) 242
Плетнева С.А. Памяти Ирины Петровны Русановой (1929–1998) 246
Джапаридзе О.М., Мунчаев Р.М. Памяти Александра Ивановича Джавахишвили (1917–1998) 253

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY
MOSCOW

ROSSIYSKAYA ARKHEOLOGIYA

1999 2

Founded in 1957
Published quarterly

Editor-in-Chief
S. A. Pletneva

CONTENTS

Munchaev R.M. The Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences Today 5
Merpert N.Y. From the History of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (the 80th anniversary of its foundation) 16
Belyaev L.A., Gulyaev V.I. "Russian Archaeology": Problems and Outlooks 32
Amirkhanov Kh.A. Activity of the Stone Deportament of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences: Current Status and Problems 38
Abramova Z.A. The Upper Paleolithic of the Eastern European Plain in the Studies Performed by the Paleolithic Age Department of the Institute of Artifact Culture History of the Russian Academy of Sciences 48
Masson V.M., Kircho L.B. The Study of Cultural Transformations of Early Agricultural Societies (using materials of new excavations at Altyn-depe and Ilgynly-depe) 61
Devlet E.G. Some Trends in the rock art studies 77
Moshkova M.G. The Study of the Early Iron Age Issues in the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences in 1989–1998 86
Pletneva S.A. The Group "Archaeology of Eurasian Steppes during the Middle Ages" of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences 99
Afanasyev G.E., Zotko M.P., Korobov D.S. First Steps of "Space Archaeology" in Russia (Deciphering of the Mayats Settlement) 106

Publications

Syrovatko A.S. Early Iron Age Settlements of the South-East Moscow Region 124
Saprykin S.Y., Fedoseev N.F. Seal Stamps of Sinope with Dates 135
Khrapunov I.N. The Population of the Crimea in the Late Roman Time (Based on artifacts from the burial ground Druznoye) 144
Guschina I.I., Zhuravlev D.V. Burials with Bronze Vessels from the Burial Ground Belbek IV in the Southern-West Crimea 157
Solovyev V.S. Early Medieval City of Tokharistan Based on the Excavation Materials from Kafyrkala 172
Kyzlasov L.P. A Manichee Temple Located in the Depression Sorga 181

History of Science

Lunin B.V. Mikhail Yevguenyevich Masson (1897–1986) 207

Critique and Bibliography

Perevalov S.M. *Junkelmann M.* Reiter wie Statuen aus Erz. Mainz am Rhein, 1996 211
Makhortykh S.V. *Erlikh V.R.* At the Origin of the Early Scythian Complex. Moscow, 1994 215
Kozenkova V.I. *Motzenbäcker I.* Sammlung Kossnierska. Der digorische Formenkreis der kaukasischen Bronzezeit. Bestandskatalogue. Band 3. Berlin, 1996 223
Kulakov V.I. Petr from Dusburg. Chronicles of the Prussland. Moscow, 1997 229
Amirov Sh.N. Tell Sabi Abyad the Late Neolithic Settlement. Report on the Excavations of the University of Amsterdam (1988) and National Museum of Antiquities Leiden (1991–1993) in Syria. V. I–II. Edited by Peter N.M.G. Akkermans. Nederlands Historisch-Archaeologisch Instituut te Istanbul. 1996 233

Chronicle

Olkhovsky V.S. Margulan Readings-98 (Alma-Ata, 1998) 238
Smirnov A.S. The Use of Computers in Archaeology. 26th Congress CAA (Barcelona, 1998) 242
Pletneva S.A. To the Memory of Irina Petrovna Rusanova (1929–1998) 246
Dzhaparidze O.M., Munchaev R.M. To the Memory of A.I. Dzhavakhishvili (1917–1998) 253

К 80-летию Института археологии РАН

Р.М. МУНЧАЕВ

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ РАН СЕГОДНЯ

Институт археологии РАН отмечает свой 80-летний юбилей. Нам очень приятно, что он совпадает с 275-летием самой Российской академии наук, в состав которой Институт входит 60 лет. Эти важные и примечательные события являются серьезным стимулом для размышлений по поводу становления нашей науки и в частности для оценки роли Института в развитии отечественной археологии и исторической науки в целом. Отмечая его, мы ясно осознаем, что одновременно это и юбилей Института истории материальной культуры РАН. Ведь более 70 лет мы были единым коллективом, являясь ведущим археологическим учреждением страны, которое внесло решающий вклад в становление и развитие советской археологии. Именно благодаря общим усилиям сотрудников РАИМК–ГАИМК–ИИМК–ИА АН СССР на обширной территории Советского Союза были выявлены и исследованы десятки тысяч разнообразных памятников истории и культуры от палеолита до позднего средневековья и подготовлены многочисленные публикации и крупные обобщающие труды, многие из которых вошли в золотой фонд нашей науки и стали гордостью мировой археологии.

Москва и Ленинград (Санкт-Петербург), где находились Институт и его Отделение, стали подлинной кузницей кадров археологов высокой квалификации для всей страны. Это позволило в конечном итоге создать научные археологические центры почти во всех национальных республиках, а также в Сибири, на Урале и Дальнем Востоке. Еще до Великой Отечественной войны был организован Институт археологии в системе Академии наук Украины, а в 1950–1980-е годы крупные археологические центры создаются в Академиях наук Узбекистана, Армении, Грузии, Азербайджана и других республик, а также во всех региональных отделениях АН СССР и в ряде университетов страны.

Все это стало возможным в значительной степени благодаря активной и целенаправленной деятельности центрального археологического учреждения страны, которое составляли коллективы ученых Москвы и Санкт-Петербурга.

Я не ставлю целью проследить весь путь, пройденный нашим Институтом, начиная с учреждения в апреле 1919 г. в Петрограде Российской академии истории материальной культуры (РАИМК). В этом номере журнала "Российская археология" представлены специальные публикации, отражающие историю развития советской археологии, и некоторые результаты, достигнутые в тех важных направлениях археологии, разработкой которых занимается Институт археологии РАН. У меня же более скромная задача – показать, что представляет из себя Институт археологии РАН сегодня, как он развивался в тяжелые 1990-е годы уже без своего отделения в Санкт-Петербурге, выделившегося в самостоятельное научное учреждение, и как видятся перспективы нашего дальнейшего развития. Археология в России возникла в XVIII в. и к моменту Октябрьской революции достигла немалых успехов. В этом прежде всего заслуга Императорской археологической комиссии в Петрограде и Московского археологического общества, созданных во второй половине XIX в.

В апреле 1919 г. декретом советского правительства, подписанным В.И. Лениным,

© Р.М. Мунчаев, 1999 г.

в Санкт-Петербурге на базе Российской императорской археологической комиссии была организована Российская академия истории материальной культуры (РАИМК). С этой даты ведется обычно начало Института археологии РАН, а теперь и Института истории материальной культуры РАН. РАИМК позже была переименована в Государственную академию истории материальной культуры (ГАИМК), которая в 1938 г. вошла в состав Академии наук СССР как Институт истории материальной культуры (ИИМК АН СССР). Институт находился в Ленинграде, а в Москве функционировало его отделение (МО ИИМК).

В 1944 г. Институт был переведен в Москву, а в Ленинграде действовало его отделение (ЛО ИИМК). В 1957 г. ИИМК АН СССР был переименован в Институт археологии (ИА АН СССР). И наконец, в 1991 г. решением Президиума Академии наук Ленинградское отделение института было преобразовано в отдельный, самостоятельный институт, который получил уже существовавшее ранее название – Институт истории материальной культуры (ИИМК РАН).

Во главе РАИМК–ГАИМК стояли разные ученые, но дольше всех – Н.Я. Марр. В предвоенные годы Институт возглавлял М.И. Артамонов. С середины же 1950-х годов на протяжении более 30 лет у руля ИА АН СССР находился акад. Б.А. Рыбаков, много сделавший для развития как Института, так и всей советской археологической науки в целом. Короткое время – с 1988 г. вплоть до своей внезапной кончины в ноябре 1991 г. – директором нашего Института был крупнейший антрополог современности и один из видных специалистов по истории первобытного общества акад. В.П. Алексеев. Он намечал широкие планы развития Института, совершенствования его структуры и научной проблематики, усиления роли Института на международной арене. К глубокому сожалению, столь рано оборвавшаяся жизнь этого выдающегося ученого и наступившие для российской науки в целом и для археологии в частности тяжелые времена не позволили ему осуществить задуманное.

Рассматривая состояние науки в нашей стране в послевоенный период – вплоть до первых годов так называемой перестройки, следует подчеркнуть, что все это время Академия наук СССР и ее многочисленные институты развивались в общем весьма динамично и стабильно. Это относится и к нашему Институту, хотя ясно, что многим другим институтам, прежде всего естественнонаучного профиля, определявшим развитие ведущих направлений современной науки, оказывалось несравненно больше внимания.

Говоря конкретно об Институте археологии, мы помним, что он медленно, но постоянно рос количественно и качественно за счет как выпускников кафедры археологии МГУ, так и молодых ученых, заканчивавших аспирантуру Института. Ежегодно Институт получал минимально необходимые ассигнования на проведение полевых исследований и научных командировок, приобретение материалов и оборудования и камеральную обработку археологических коллекций. Институт осуществлял также значительный объем хоздоговорных работ, исследуя памятники археологии в зонах народнохозяйственного строительства. В целом мы проводили ежегодно не менее 100 экспедиций, в том числе ряд зарубежных (Афганистан, Болгария, Венгрия, Ирак, Монголия, Йемен, Куба, Шпицберген–Норвегия). Если возникала необходимость в организации новой, срочной экспедиции или увеличении ассигнований на какую-нибудь конкретную экспедицию, то Президиум АН СССР, как правило, всегда удовлетворял соответствующие просьбы Института.

Достаточно плодотворной была и издательская деятельность Института. Стабильно, на протяжении многих лет РИСО АН СССР нам был установлен ежегодный лимит в размере 400 п.л. Это позволяло Институту публиковать в издательстве "Наука" в год до 20 монографий и научных сборников, включая четыре выпуска "Кратких сообщений Института", ежегодник "Археологические открытия" и один том "Археология СССР". Все эти издания, как и журнал "Советская археология" – периодический печатный орган Института, получили широкую известность и признание научной общественности в нашей стране и далеко за ее пределами.

Не стану перечислять те большие достижения советских археологов, и особенно ученых Института археологии, так как они хорошо известны. Нет особой необходимости специально останавливаться и на тех негативных факторах, которые отрицательно сказывались на развитии нашей исторической науки, и в том числе археологии. О них также уже немало говорилось в печати. Не сомневаюсь в том, что ученые, занимающиеся изучением истории советской археологии, продолжат глубокое и всестороннее исследование ее формирования и развития, правдиво и объективно осветив все позитивное и негативное в этом опыте.

В середине 1980-х годов по инициативе лидера КПСС М.С. Горбачева в СССР была начата перестройка. Она была поддержана нашим народом, всеми учеными АН СССР, связывавшими с ней большие надежды на подлинную демократизацию общества, дальнейшее улучшение условий нашей жизни и работы. Но эти надежды не оправдались. Чем завершилась эта "кампания" и каковыми оказались ее последствия для нашей страны, ее экономики, науки и культуры, известно всем. Перестал существовать Советский Союз, распавшийся на 15 отдельных государств. Все они встали на путь самостоятельного развития, но ни одно из них до сих пор не стало процветающей страной с подлинно рыночной экономикой и прочной демократией.

Кризис затронул непосредственно многие важные стороны жизни России, в том числе и науку. Весь этот период, со времени распада СССР, продолжается борьба за выживание нашей науки и ее передового отряда в лице Российской Академии наук, за сохранение научного потенциала страны.

Действительно, нашей основной задачей начиная с 1991 г. продолжает оставаться сохранение Института, его научного коллектива. Мы, как и сотрудники других институтов РАН, пережили тяжелые времена, не преодоленные до конца и до сих пор. Рухнула вся система финансирования науки. Все эти годы институты РАН получают ассигнования, рассчитанные лишь на зарплату сотрудников, да и то не в срок и не всегда в полном объеме. Я уже не говорю о том, как ничтожно мала сейчас сама зарплата научных сотрудников.

Более пяти лет Институт не получал бюджетных ассигнований на экспедиционные работы. Лишь в 1996–1998 гг. Президиум РАН выделил некоторые средства целевым назначением на проведение полевых исследований. Благодаря этому нам удалось организовать до 12 экспедиций. Из этих же средств мы впервые за последние годы приобрели небольшое количество необходимого экспедиционного оборудования.

Укажу и на то, что в 1998 г. решением Президиума РАН сокращена в среднем на 10% численность сотрудников Академии, в том числе и Института археологии.

Несмотря на все отмеченные трудности, Институт выдержал тяжелейшие испытания и выжил, сохранив почти весь свой научный потенциал. В этом заключается главное, основное достижение Института в 1990-е годы. Оно стало возможным благодаря прежде всего сплоченности коллектива Института, пониманию им складывавшейся обстановки и постоянным поискам путей выхода из данной ситуации. Значительная помощь была оказана нам, как и научным сотрудникам других учреждений России Институтом "Открытое общество" (фонд Сороса), Российским фондом фундаментальных исследований (РФФИ) и Российским гуманитарным научным фондом (РГНФ). Большая финансовая поддержка со стороны РФФИ и особенно РГНФ продолжается и поныне. Выделенные ими гранты позволили поддержать материально многих сотрудников Института, обеспечить Институт компьютерной техникой, провести несколько важных международных и региональных конференций, ряд экспедиций, издать большое число научных трудов и т.д. Без этих грантов, а также помощи со стороны Министерства науки и технологии РФ и отдельных спонсоров трудно было бы сохранить Институт как дееспособное научное учреждение. Поэтому мы испытываем ко всем, помогавшим и продолжающим оказывать помощь Институту, чувство самой глубокой благодарности.

Что из себя представляет Институт археологии РАН сегодня? Это самое крупное в стране научно-исследовательское учреждение в области археологии. В нем в настоя-

щее время работает немногим более 200 сотрудников, в том числе один академик РАН, три члена-корреспондента РАН, 52 доктора и 83 кандидата наук. Это внушительный научный коллектив, способный, как он и доказал, решать важнейшие проблемы отечественной и мировой археологии. В частности, он продемонстрировал это, взявшись за подготовку такого фундаментального и беспрецедентного в мировой науке труда, как 20-томная "Археология СССР", 16 выпусков которой уже изданы (последние несколько томов – под названием просто "Археология").

Хотя многие из научных сотрудников перешагнули пенсионный возраст, они продолжают активно трудиться. Средний возраст докторов наук в нашем Институте составляет 62 года, а научных сотрудников в целом – 49 лет.

Перед нами в последние годы стояла задача сохранения коллектива Института, и эту задачу нам удалось решить. Институт за минувшие семь лет покинуло по разным причинам несколько молодых специалистов, но мы компенсировали эти потери, приняв в свой штат группу достойных молодых ученых. Но проблема "старения" штата института и необходимости его постоянной ротации остается.

Структура Института подчинена выполнению задач, поставленных перед его коллективом Отделением истории и Президиумом РАН. До 1991 г. она включала следующие отделы: каменного и бронзового века, скифо-сарматской археологии, античной археологии, славяно-русской археологии, теории и методики, археологических сводов, естественнонаучных методов в археологии, охранных раскопок, полевых исследований, а также лаборатории реставрации и консервации археологических материалов и архива.

В целях совершенствования структуры Института в 1991–1992 гг. был создан ряд новых специальных подразделений, в частности Отдел каменного века, Сектор археологии Москвы при Отделе славяно-русской археологии, группа по изучению средневековых кочевников евразийских степей, а также группы по истории керамики, физической антропологии, арктической археологии и зарубежной археологии (все три – при отделе теории и методики). Одновременно Отдел античной археологии был переименован в Отдел классической археологии, а Отдел сводов – в Отдел археологических сводов и карт.

Среди крупных обобщающих трудов, над подготовкой которых в течение многих лет работает коллектив Института, – в первую очередь "Археология СССР". Этот труд, рассчитанный на 20 томов, был начат во второй половине 1970-х годов и к началу 1990-х годов было издано уже 11 томов. За последние шесть лет издательством "Наука" опубликовано еще 5 томов: "Степная полоса Европейской части СССР в скифо-сарматское время" (1992), "Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н.э. – первой половине I тысячелетия н.э." (1993), "Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Вып. I. Ранняя и средняя бронза Кавказа" (1994), "Неолит Северной Евразии" (1996), "Древняя Русь. Быт и культура" (1997). Том "Средняя Азия в эпоху средневековья" выйдет в 1999 г. Завершение издания данного фундаментального исследования – одна из приоритетных задач Института на ближайшие годы.

Как известно, в Москве никогда не было научного центра по изучению палеолита – самой продолжительной эпохи в истории человечества. Как уже отмечалось выше, в 1992 г. в Институте археологии РАН было создано специальное подразделение по исследованию древнего каменного века, которое весьма активно и успешно функционирует как в научном, так и в полевом отношении. Перед его небольшим коллективом поставлена задача разработки проблемы освоения человеком Русской равнины и особенностей его культуры в палеолите. В этом подразделении Института подготовлены и изданы такие крупные монографические исследования Х.А. Амирханова, как "Каменный век Южной Аравии" (1991) и "Неолит и постнеолит Хадрамаута и Махры" (1997).

Отдел каменного века организует ежегодно три палеолитические экспедиции, результаты работ одной из которых – Зарайской – стали уже известны широкой научной общественности.

Особо следует отметить, что в 1997 г. в г. Зарайске (Московская обл.) Институт археологии РАН в сотрудничестве с Комиссией по верхнему палеолиту Международного союза до- и протоисторических наук провел международную конференцию, посвященную восточному Граветту. Во время ее работы на Зарайской стоянке для участников был организован специальный семинар.

Другая большая проблема, занимающая нас уже многие годы, – происхождение производящего хозяйства – земледелия и скотоводства – и формирования древнейших цивилизаций человечества. Для ее решения институтом была организована многолетняя экспедиция на Ближний Восток – в Месопотамию. После 15 полевых сезонов в Ираке экспедиция с 1988 г. ведет стационарные работы в Северо-Восточной Сирии[1]. Это первая археологическая экспедиция России в Месопотамии. И хотя мы приступили там к полевым исследованиям с большим опозданием, сделанное нами за это короткое время, настолько результативно, что, по признанию западных специалистов, отныне невозможно изучать древнейшие раннеземледельческие культуры Ближнего Востока без учета данных, полученных нашей экспедицией. Действительно, мы исследовали целую группу памятников конца VIII–III тыс. до н.э. – от докерамического неолита до начала цивилизации, или, другими словами, отражающих все этапы культурно-исторического развития дописьменной Месопотамии. На материалах экспедиции издано значительное число публикаций и монографических трудов, в том числе за рубежом – в Ираке, Сирии, Англии, Италии, Франции, Японии и США. В 1994 г. Аризонский университет в США издал серию трудов нашей Месопотамской экспедиции в виде большой книги "Early stages in the evolution of Mesopotamian civilization. The Soviet excavations in Northern Iraq". Кстати, в рецензии на эту книгу известный специалист по Ближнему Востоку Дж. Отс подчеркнула, что если до недавнего времени британская археология играла ведущую роль в исследовании севера древнейшей Месопотамии, то отныне эта роль перешла к российской экспедиции, исследования которой существенно изменили представления о неолите Месопотамии. Примечательно, что это написала английская исследовательница, а рецензия опубликована в известном английском журнале "Antiquity" (1994. V. 68. № 261. P. 862–865).

Следует отметить, что с разработкой данной проблемы связаны вопросы о времени и путях распространения производящего хозяйства на территории Европы. В данном аспекте особое значение приобретают памятники неолита, энеолита и раннего бронзового века Балканского региона, многолетними исследованиями которых продолжает успешно заниматься российско-болгарская экспедиция ИА РАН.

В настоящее время усилия части сотрудников Института сосредоточены на изучении проблемы становления производящего хозяйства, включая древнейшую металлургию и металлообработку, в степях Восточной Европы, Приуралье и Западной Сибири. В ее исследовании важное значение приобретают результаты ведущихся институтом в последние годы раскопок такого уникального комплекса, как Каргалинский горно-металлургический центр в Оренбуржье. Здесь, на рудном поле площадью около 500 км^2 открыто примерно 20 тыс. следов самых разнообразных горных работ (шахт, штолен, карьеров и т.д.) и зафиксировано 20 поселений и 3 могильника древних рудокопов. Раскопками некоторых из них добыты значительные материалы по истории древнего горного дела и металлургии и огромные коллекции остатков палеофауны – костей животных. Эксплуатация медных рудников здесь началась в конце IV тыс. и особенно активно продолжалась в III–II тыс. до н.э., в период развития ямной, полтавкинской, срубной и других культур бронзового века евразийских степей.

Отмеченные культуры гигантской степной полосы знаменуют глубоко специфичный путь социально-экономического и культурного развития, сыгравшего огром-

---

[1] Институт археологии РАН выражет глубокую благодарность "АО – Российские Международные авиалинии" за ежегодную помощь в транспортировке экспедиции в Сирию и обратно в Москву.

ную роль в истории народов Евразии. В значительной мере это касается и этнической истории обоих континентов, и прежде всего сложнейшей индоевропейской проблемы как в лингвистическом, так и в историко-археологическом ее аспектах. В данной связи могу с удовлетворением сказать, что Отделом бронзового века института завершается подготовка специального тома "Археологии", в котором обобщаются результаты исследований эпохи бронзы этой колоссальной территории. С данным направлением науки связаны также такие важные вопросы, как распространение скотоводческих форм хозяйства, доместикация лошади, возникновение и развитие всадничества и номадизма в целом.

Прямое продолжение эти процессы получают в следующую эпоху – в раннем железном веке, с которым связана одна из традиционных тем отечественной науки – скифо-сарматская археология. За минувшее десятилетие трудами российских ученых, включая и сотрудников Института археологии, резко расширены как географические, так и хронологические рамки данной проблематики: от Алтая до Кавказа и Средней Азии и с VIII в. до н.э. до гуннского нашествия (IV в. н.э.). Институт в серии "Археология СССР" издал два крупных обобщающих труда по культурам евразийских степей в скифо-сарматскую эпоху (в том числе последний – в 1992 г.), в сокращенном виде переизданных в США в 1995 г. под названием "Кочевники евразийских степей в раннем железном веке".

В настоящее время сотрудники Отдела скифо-сарматской археологии ИА РАН заняты исследованием, с одной стороны, вопросов происхождения и периодизации скифской культуры, а с другой – изучением погребального обряда сарматов и созданием соответствующего банка данных. Последнее, кстати, ведется в сотрудничестве с Московским и Волгоградским университетами и итальянскими коллегами, и в 1994, 1995 и 1997 гг. в Москве и Неаполе издано три совместных монографии.

Институт провел в текущем десятилетии ряд экспедиций, которые исследовали чрезвычайно интересные комплексы раннежелезного века в Оренбуржье (Илекская экспедиция), на Среднем Дону (Потуданская экспедиция) и Западном Казахстане (Устюртская экспедиция). В частности, Потуданская экспедиция в 1997 г. исследовала богатое скифское погребение, оказавшееся не ограбленным. Большого внимания заслуживают и результаты раскопок на Байте (Казахстан), где открыты святилища и удивительные образцы монументальной каменной скульптуры IV–II вв. до н.э.

Особо следует отметить, что опубликованный институтом в 1997 г. сборник "Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы" ознаменовал начало издания новой серии – "Материалы и исследования по археологии России". Издание трудов Института в данной серии необходимо всячески поддерживать и продолжать.

Еще с дореволюционных времен российская наука уделяла серьезное внимание изучению памятников классической археологии. В Причерноморском регионе России, Приазовье и Подонье представлены замечательные памятники греко-римской культуры. Институт успешно продолжает исследования таких древнегреческих городов на юге России, как Горгиппия (современная Анапа), Танаис на Дону (Ростовская обл.), Фанагория и Патрей на Таманском п-ове и др. Среди находок, например, в Танаисе в последние годы особое внимание привлекает большое число надписей, обнаруженных в районе агоры города. Выделим и проводимые с 1995 г. широкие исследования в сотрудничестве с французскими коллегами по изучению палеоэкологии Таманского п-ова.

Мы не приостановили наших работ и в Крыму, где продолжаются раскопки на Керченском п-ове, а также в Туркменистане, где совместно с Ашхабадским университетом исследуются памятники эллинистической эпохи. Укажу в частности на то, что возобновлены, хотя и в скромных масштабах, раскопки Старой Нисы и завершается многолетняя работа по составлению археологической карты Мервского оазиса.

Говоря о наших работах в области античной археологии, не могу не отметить, что в Институте археологии находится в процессе завершения создание специальной биб-

лиотеки на базе уникального собрания книг, завещанного В.Д. Блаватским. Это будет наиболее полная и самая крупная в России библиотека по классической археологии. С помощью западных коллег, особенно немецких, она активно пополняется новейшей литературой. Считаю, что эту уникальную библиотеку следует рассматривать как достояние не только Института археологии, но и всей РАН.

Одним из важнейших направлений в деятельности Института была и всегда остается славяно-русская археология. Помимо самого крупного подразделения Института – Отдела славяно-русской археологии – и Сектора археологии Москвы, отдельные сотрудники еще нескольких подразделений занимаются разработкой различных аспектов славяно-русской проблематики. Выполненные в рамках Института многочисленные исследования по этногенезу и ранней истории славян, археологии, истории и культуре Древней Руси получили широкую известность. Отмечу только, что в 1995–1998 гг. в серии "Археология" изданы: том, посвященный быту и культуре Древней Руси; два крупных исследования В.В. Седова – "Славяне в древности" и "Славяне в средневековье"; оригинальные работы Л.А. Беляева "Древние монастыри Москвы по данным археологии" и "Русское средневековое надгробие"; интересная монография Н.А. Макарова "Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII вв." и ряд трудов других сотрудников Института. Отмечу здесь же, что акад. Б.А. Рыбаков завершает работу над своим очередным крупным исследованием "Античный мир и древние славяне".

Большим достижением Института в последнее время явилось проведение в августе 1996 г. в Новгороде VI Международного конгресса Унии славянской археологии. Впервые в России – самой крупной славянской стране – был организован весьма представительный конгресс по славянской археологии. В нем участвовали ученые из 23 стран, и он прошел на высоком научном уровне. Проведенный с помощью Президиума РАН, РГНФ и частично фонда Сороса и при активном сотрудничестве с Московским университетом, Новгородским объединенным музеем-заповедником и Новгородским университетом, этот конгресс стал заметным событием в жизни института и в истории изучения славянской археологии. Благодаря финансовой поддержке Министерства науки РФ, РГНФ и Новгородского музея-заповедника, Институт оперативно подготовил и издал в 1997 г. три тома трудов конгресса (I – "Проблемы славянской археологии", II – "Славянский средневековый город" и III– "Этногенез и этнокультурные контакты славян").

Отдельно скажу о Секторе археологии Москвы. Созданный на базе Московской экспедиции около 10 лет тому назад, он действует в тесном сотрудничестве с Московским археологическим центром при мэрии столицы. Перед сотрудниками сектора стоит задача организации неотложных раскопок в Москве в связи с проведением разного рода строительных работ и исследования археологии, культуры и истории средневековой Москвы. В настоящее время сектор совместно с Отделом археологических сводов и карт института завершает работу над археологической картой Москвы и Московской обл. Четыре ее части в виде отдельных книг уже изданы. Создание археологических карт – весьма важное и необходимое дело. Этой большой работой в Институте специально занимается коллектив Отдела археологических сводов и карт.

К сожалению, многолетнюю работу (совместно с Институтом российской истории РАН и Институтом истории и теории искусств) по составлению Сводов памятников истории и культуры по регионам России, выполнявшуюся по заданию Министерства культуры РФ и Президиума Академии наук, Институт не по своей вине был вынужден прекратить. И это после того, как были подготовлены археологические разделы Сводов по целому ряду областей России. В связи с этим мы перепланировали работу Отдела на создание археологических карт областей пока центральной части России. Эта важная инициатива была поддержана Министерством культуры РФ и РФФИ, а затем и РГНФ. Результат налицо – за последние пять лет Институт издал 15 выпусков археологической карты России, в том числе по Владимирской, Ивановской, Калужской, Брянской, Смоленской, Орловской, Московской и Рязанской областям.

В специальном подразделении Института работают сотрудники, исследующие вопросы теории и истории археологической науки. Их большой заслугой нужно признать подготовку и издание в 1994–1995 гг. совместно с Государственным Историческим музеем трехтомной "Антологии советской археологии", вызвавшей большой интерес ученых в нашей стране и за рубежом. Значительный интерес вызвали также недавно опубликованные труды сотрудников этого отдела, в частности работа А.А. Формозова о русских и советских археологах, монография В.Б. Ковалевской "Археологическая культура – практика, теория, компьютер" (1995) и др.

При данном подразделении находятся группа зарубежной археологии, занимающаяся изучением ранних культур и цивилизаций Месопотамии и археологии Балкан и Мезоамерики, а также группа, исследующая различные аспекты палеоэкологии по данным антропологии. Последней опубликованы такие труды, как "Экологические проблемы в исследованиях средневекового населения Восточной Европы" (1993), монография М.В. Козловской "Экология древних племен лесной полосы Восточной Европы" (1996), "Неолит лесной полосы Восточной Европы. Антропология Сахтышских стоянок" (1997) и др., которые вызывают большой интерес специалистов.

Перед Группой арктической археологии ИА РАН стоит задача изучения проблемы освоения Арктики в XVI–XVIII вв. и комплексного исследования (совместно с польскими, голландскими и норвежскими учеными) на архипелагах Шпицберген, Новая Земля и Земля Франца-Иосифа. В целях выполнения этой программы работает многолетняя экспедиция Института. Отметим, кстати, что в 1996 г. при активном участии Института на Шпицбергене (в поселке российских горняков Баренцбурге) открыт специальный музей и проведена совместно с компанией "Арктикуголь" международная конференция, посвященная истории освоения Шпицбергена и Арктики в целом.

Важное место в деятельности Института занимает Отдел естественнонаучных методов в археологии. При нем функционируют кабинеты спектрального химического анализа, дендрохронологии, палинологии, палеоботаники, палеозоологии и др. В настоящее время усилия коллектива этого отдела в полевом плане сосредоточены на исследовании Каргалинского медно-рудного очага, а в более широком научном отношении – на разработке становления земледелия, скотоводства и металлургии в Восточной Европе, от Волги до Урала. В компьютерном центре отдела уже созданы банки данных по древней бронзе Европы, Кавказа, Ближнего и Среднего Востока.

Отмечу здесь и то, что за последние шесть лет удалось обеспечить компьютерами все подразделения Института. В некоторых из них, в частности в Отделе охранных раскопок, в плане развития компьютерных технологий создан ряд информационно-поисковых систем по сбору всесторонней информации об отдельных группах бытовых и погребальных памятников, а также программы для планиграфическо-стратиграфического анализа массового материала. Первые работы по использованию географических информационных систем позволили вносить данные об археологических памятниках в автоматизированную систему Земельного кадастра.

Группа сотрудников Института занимается разработкой методики дистанционного анализа земной поверхности. Цель его – с помощью компьютерной расшифровки космических и особенно авиационных снимков производить поиск новых памятников и, что особенно важно, анализ их внутренней структуры. Здесь уже получены некоторые результаты, но еще много предстоит сделать в будущем.

Активное внедрение и широкое использование электронно-вычислительной техники позволило нам провести в 1993 г. первую в России конференцию на тему "Компьютеры и археология". Материалы этой конференции изданы Институтом в виде отдельной книги ("Компьютеры в археологии", 1996). Мы также издали в 1995 г. на основе компьютерных исследований сборник "Базы данных в археологии". Институт готов уже выставить на продажу ряд созданных им баз данных.

Необходимо особо остановиться еще на двух важных направлениях деятельности Института. Первое – это постоянное участие последнего в работах по изучению и

охране разрушаемых по разным причинам историко-археологических памятников. С этой целью в Институте уже давно функционирует специальное подразделение – Отдел охранных раскопок. Сейчас объем работ отдела заметно сократился по сравнению с концом 1980-х годов. В 1996 г., например, он составил 1 млрд. 11 млн. рублей, что примерно в 2,5 раза меньше объема работ 1991 г.

Институт в качестве головной организации принял участие в подготовке в 1994–1995 гг. по заданию Министерства культуры РФ национальной программы "Наследие", включающей в себя список археологических памятников России, находящихся под угрозой уничтожения и требующих первоочередного исследования. К сожалению, эта программа была лишь частично профинансирована в 1995 г. и на этом работа по ее реализации прекращена.

В условиях отсутствия действенного законодательства по охране археологического наследия, резкого усиления неконтролируемых хозяйственных работ на земле и грабительских раскопок в последние годы Институт считал одной из своих важных задач государственного значения подготовку соответствующего законодательства и федеральной программы "Наследие". И в данном направлении было немало сделано. В частности, Институт принял активное участие в подготовке проекта Закона о памятниках археологии России, который ждет своего рассмотрения в Государственной Думе.

Особое место в системе Института занимает, бесспорно, Отдел полевых исследований. На него возложена задача выдачи лицензий в виде "Открытых листов" на право производства всех видов археологических работ на территории России. Ежегодно отдел выдает в среднем 700 таких листов и соответственно рассматривает такое же количество отчетов по ним.

Эта огромнейшая работа по контролю над полевыми археологическими исследованиями в стране уже много лет ведется Институтом археологии РАН на общественных началах. Никакого вознаграждения институт за эту работу не получает. А между тем она отнимает у нас много сил и времени. Чтобы обсудить ежегодно около 700 отчетов, нужно провести не менее 50 заседаний Отдела полевых исследований. После их утверждения отчеты передаются в Архив Института, где должны пройти соответствующую обработку, прежде чем их положат на полки. А Архив уже забит в буквальном смысле, ведь он получает такое большое пополнение каждый год и не успевает его просто обрабатывать.

За минувшие 50 лет Архив Института превратился в крупнейшее в мире бесценное хранилище полевой археологической документации. Ни одна страна не располагает таким архивом. В нем постоянно работают сотрудники научных учреждений, музеев и вузов России и других стран. Поэтому мы обратились в Президиум РАН с просьбой ходатайствовать о включении Архива ИА РАН в список объектов национального достояния. Мы планируем с помощью РГНФ укрепить в материально-техническом отношении архив и провести компьютерную обработку хранящихся в нем экспедиционных отчетов, перевести их в электронную форму.

Институт всегда поддерживал и развивает сейчас связи с различными научными центрами, вузами и музеями страны. Прежде всего, мы сотрудничаем в разной форме со всеми институтами Отделения истории РАН. С Институтом истории, археологии и этнографии СО РАН, например, готовится сейчас к изданию очередной том "Археология", посвященный бронзовому веку. В Москве, как всегда, наиболее тесные связи – с Кафедрой археологии МГУ и Государственным Историческим музеем, а в последнее время и с Археологическим центром при мэрии Москвы.

Институт заключил более 80 договоров с музеями, университетами и научными учреждениями России и других стран. При этом особо подчеркну, что у нас не прервались связи с научными учреждениями стран СНГ, особенно с соответствующими институтами Академий наук Украины, Белоруссии, Узбекистана, Ашхабадским университетом и др. Нами подписан, в частности, договор о научном сотрудничестве с Институтом археологии АН Украины.

Зарубежные связи Института в последнее время усиливаются и расширяются. Институт продолжает вести, хотя и не в таких объемах, как раньше, полевые работы в Месопотамии (Сирия), Болгарии и на Шпицбергене. Мы имеем договора о сотрудничестве с научными учреждениями Франции, Англии, Германии, Италии и других стран. В 1994 г. подписано соглашение с Туринским центром раскопок об организации на базе Института археологии РАН в Москве Российско-Итальянского археологического института, но пока оно не реализовано. В рамках данного соглашения в 1995–1996 гг. проведены совместные экспедиционные работы в Анапе.

К сожалению, сотрудничество с научными учреждениями стран бывшего соцлагеря значительно сократилось, а с Румынией, Венгрией и Чехией оно прекратилось фактически полностью.

Отрадно, что в последнее время увеличилось количество научных командировок в зарубежные страны (Франция, Германия, Англия, Испания и др.) как для выполнения совместных проектов, так и для участия в различных международных и региональных конференциях.

Подчеркну, что наше участие в международных организациях нельзя признать активным, если не считать Международную Унию славянской археологии. Но мы попрежнему имеем своих представителей как в Постоянном совете Международного союза до- и протоисторических наук (Гуляев В.И. и Мунчаев Р.М.), так и в ряде других его органов (Амирханов Х.А., Кольцов Л.В., Черных Е.Н.).

В последние несколько лет заметно усилилось участие иностранцев, особенно студентов, в экспедициях института. Это касается почти всех наших экспедиций, включая палеолитические. В 1996 г., например, в этих экспедициях участвовали студенты из США, Англии и Италии. По просьбе Болонского университета, в частности, для его студентов, работавших в Зарайской экспедиции, был прочитан в полевых условиях небольшой курс лекций по палеолиту и принят у них зачет.

Возвращаясь к научно-организационной работе, остановлюсь кратко также на деятельности Ученого и Диссертационного советов. Ученый совет остается важнейшим органом, определяющим основные направления научной и научно-организационной работы института. На его заседаниях периодически, хотя и не столь регулярно, как в прошлом, заслушивались доклады по новейшим археологическим открытиям и завершенным многолетним темам, проблемным и спорным вопросам. Специальные заседания были посвящены празднованиям 850-летия Москвы (октябрь 1997 г.) и 90-летия со дня рождения акад. Б.А. Рыбакова (июнь 1998 г.).

Сложное финансовое положение и необходимость поисков выхода из него побуждали нас проводить не реже одного раза в месяц (а иногда и чаще) совместные заседания Ученого совета и дирекции института для обмена мнениями по складывающейся ситуации и принятия неотложных решений. Дирекция систематически информировала членов Ученого совета и руководителей подразделений о том, как идет финансирование Института, сколько и из каких источников поступило средств, как последние расходуются и т.д. На ежегодное общее собрание коллектива представлялись всегда не только доклад об итогах научной деятельности Института за истекший год, но и отдельно подробный отчет о полученном за год финансировании и его использовании вплоть до рубля.

Что же касается диссертационного совета, то он продолжал активно функционировать. Достаточно сказать, что только в 1996–1998 гг. на заседаниях совета было защищено 11 докторских и 26 кандидатских диссертаций сотрудниками ИА РАН и других научных учреждений, вузов и музеев России, а также Украины и Туркменистана.

Возможно, что в связи с юбилеем я в несколько розовых тонах охарактеризовал деятельность Института. Действительно, в нем собран небольшой, но высоко квалифицированный коллектив, который активно трудится и делает большое дело. Нас считают, и не без основания, ведущим археологическим учреждением страны. Но мы совершенно не преувеличиваем данного обстоятельства и должным образом оцени-

ваем деятельность других археологических центров страны и работающих в них ученых. Перед нашей наукой стоит очень много задач, разных по характеру и значению. Поэтому, определяя задачи Института на ближайшие годы и перспективу и реально оценивая силы и возможности коллектива, мы установили, что именно Институт может сделать своими силами, что – в кооперации с другими учреждениями и что мы не можем и не должны делать. Исходя из этого, и составлены наши планы, в соответствии с этим мы и работаем.

Но, к глубокому сожалению, кризис, переживаемый нашей страной в последние годы, самым тягостным образом сказался и сказывается на развитии российской науки, включая археологию. Мы переживаем по-настоящему тяжелые времена, но признаем, что за последние годы Институтом достигнуты и определенные позитивные результаты. Не будет излишним повторить, что нам удалось прежде всего сохранить весь научный потенциал Института. С помощью РФФИ и РГНФ, а также Президиума РАН Институт продолжает, хотя и в ограниченных масштабах, экспедиционную деятельность. Осуществлена компьютеризация всех подразделений Института и заметно усилилась издательская деятельность. Достаточно отметить, что только в 1995–1998 гг. мы издали не менее 130 монографий и коллективных трудов, не считая четырех номеров журнала "Российская археология" в год. Следует признать достижением возобновление с 1993 г. издания "Археологических открытий". Мы надеемся также возобновить с 1999 г. издание "Кратких сообщений Института археологии РАН".

Но в целом Институт, как и другие учреждения РАН, продолжает оставаться в крайне нелегком положении. Всем ясно, что Институт археологии не может существовать и тем более развиваться без полевых – разведочных и особенно раскопочных – работ. А между тем мы уже несколько лет не имеем планомерного бюджетного финансирования таких работ. Подавляющая часть оборудования, необходимого для проведения экспедиций, пришла в негодность и списана. Начиная с 1991 г. нам не было выделено средств на приобретение палаток, спальных мешков, лопат, кирок и многого другого, не считая дорогостоящих предметов – фотоаппаратов, нивелиров и т.д.

Но даже в такой ситуации мы не теряем оптимизма и надеемся, что выйдем в скором времени из поразившего нас жестокого финансового кризиса и сумеем своими новыми открытиями раздвинуть горизонты древней и средневековой истории народов России.

Институт археологии РАН,
Москва

R.M. MUNCHAEV

THE INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES TODAY

Summary

This paper analyses the current status of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, characterizes its staff of scholars and its organizational structure, major areas of theoretical and field research, topics discussed at conferences and symposium, results of cooperation with foreign organizations and institutes. It provides a general review of monographs and collected papers prepared by the scholars of the Institute over the past years.

Н.Я. МЕРПЕРТ

ИЗ ИСТОРИИ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

(к 80-летию его учреждения)

Нашему Институту исполнилось 80 лет[1]. Срок достаточно долгий. Лишь немногие археологические учреждения мира подобного охвата сумели пройти столь длительный путь, сохранив свою специфику, целенаправленность и значение в горниле политических, идеологических, экономических и культурных перипетий уходящего века. Последние же неизбежно коснулись отечественной археологии и того учреждения, которое призвано было исполнять роль руководящего ее звена, не только направлять и координировать развитие нашей науки, но и нести бремя ответственности за самое ее существование. Именно его деятельность была более всего подвержена воздействию как позитивных, так и негативных тенденций послереволюционного периода. Именно она в первую очередь определялась сложнейшей обстановкой в стране, связанной со спецификой тоталитарного государства и тоталитарной идеологии, стремлением подчинить археологические исследования в целом единой социальной тенденции (Формозов А.А., 1993). В ряде случаев, особенно в области теории и методики, тенденция эта доходила до прямого диктата, до политизации археологии, придания ей декретированного сверху и фактически антиисторического "классового характера" и, как результат, до изоляции ее, противопоставления как предшествовавшей русской, так и зарубежной науке (Быковский С.Н., 1932 а, б; 1933; Равдоникас В.И., 1930; Генинг В.Ф., 1982 а, б; 1983; Массон В.М., 1980; Глушков И.Г., 1983; Монгайт А.Л., 1963; Пряхин А.А., 1986 и др.).

Все это, естественно, отражалось на связанных с археологией учреждениях страны. Отнюдь не прямыми были пути развития послереволюционной отечественной археологии. Непростыми были и судьбы головного ее учреждения. Но всегда, в самые тяжелые времена, в кризисные моменты, находились силы, готовые противостоять ударам, отстаивать пути подлинного развития нашей науки, расширения источниковой ее базы и тематической направленности, разработки методологической основы и совершенствование методического арсенала.

Истории Института посвящена уже достаточно значительная литература, рассматривающая ее в различных аспектах и контекстах. Отмечу лишь некоторые из соответствующих работ. Весьма детальный обзор фактов, знаменовавших сложение, а далее и руководящую деятельность Института в связи с общими судьбами советской археологии в первые два десятилетия ее существования дан в упоминавшихся уже специальных монографиях В.Ф. Генинга (1982б) и А.Д. Пряхина (1986). Собранный и проанализированный этими авторами материал весьма значителен. Но мне пришлось уже отмечать, что я придерживаюсь совершенно иной системы оценок, касающихся факторов, определивших специфику этого периода (Мерперт Н.Я., 1995, с. 4). Здесь я полностью солидарен с А.А. Формозовым (1993; 1995). Весьма содержательной и хорошо фундированной представляется посвященная этому же периоду (1919–1937 гг.) статья Г.В. Длужневской (1991), тем более, что внимание автора сконцентрировано

[1] Понятие "наш институт" в данном случае условно: оно объединяет все головные археологические учреждения РСФСР, СССР и Российской Федерации, наследовавшие друг другу, менявшие наименования (РАИМК, ГАИМК, ИИМК АН СССР, ИА РАН). Рассматриваемый период предшествовал разделению на Московский и Санкт-Петербургский институты.

© Н.Я. Мерперт, 1999 г.

именно на судьбах Института, а система ее оценок объективна и справедлива. Общий обзор деятельности Института на фоне истории советской археологии доведен до начала 1950-х гг. А.В. Арциховским (1955) и до середины 1960-х гг. Б.А. Рыбаковым (1968). Итоговыми статьями отмечались юбилейные даты страны, Академии наук, самого Института. Из них наиболее информативна посвященная 70-летию последнего статья Д.Б. Шелова (1991).

Частично, и в тезисной форме, рассматриваемое 80-летие включено в общую периодизацию истории русской археологии, выработанную Г.С. Лебедевым (1992) и вызвавшую ряд комментариев А.А. Формозова (1994).

Особое внимание, естественно, уделено Институту в связи с теоретическими и методологическими аспектами истории нашей науки. Именно в его стенах как позитивные, так и негативные проявления этих аспектов были выражены с наибольшей определенностью. Соответственно оценки их в научной литературе отнюдь не однозначны (Генинг В.Ф., 1982а; Массон В.М., 1980; Глушков И.Г., 1983; Пряхин А.Д., 1986; Клейн Л.С., 1993; Формозов А.А., 1993; 1995 и др.). Специальные работы посвящались отдельным периодам и конкретным событиям в жизни Института, начиная с самого его возникновения (Фармаковский Б.В., 1921; Жебелев С.А., 1935; Монгайт А.Л., 1963; Пескарева К.М., 1980; Тиханова М.А., 1980; Борисковский П.И., 1980, Платонова Н.И., 1989 и др.). Хотел бы здесь особо отметить превосходную статью Н.И. Платоновой (1991), в которой с предельными документальностью и выразительностью представлен крестный путь Института (прежде всего ленинградского его коллектива) в трагические годы Великой Отечественной войны.

Приведенная краткая историографическая справка позволяет, как я полагаю, считать, что история нашего Института отнюдь не была обойдена вниманием исследователей. Как общие ее контуры, так и многие конкретные события были уже рассмотрены в ряде специальных работ. Подробное повторение изложенных в них фактов явилось бы бессмысленной формальностью. Но некоторые из них представляются ключевыми и заслуживают дальнейшего обсуждения. Особенно касается это их интерпретации, оценки их роли в истории науки и конкретно в истории Института. Как уже отмечалось, этим вопросам также посвящена уже значительная литература. Но характер соответствующих работ, направленность их и степень тенденциозности сугубо различны, а заключения отнюдь не однозначны. Настоящая статья ни в коей мере не может претендовать на полное аналитическое их рассмотрение. Будут очень кратко рассмотрены лишь отдельные вопросы, по которым автор, проработавший в Институте более полувека, считает себя вправе высказать определенные суждения. При этом будет охвачен период до рубежа 1990-х гг.

Начну с поставленного уже выше вопроса о факторах, обусловивших сравнительно быстрое восстановление и позитивные стороны дальнейшего развития археологической деятельности в нашей стране в послереволюционные годы. Л.С. Клейн справедливо отмечает, что "Для археологии первые последствия революции и связанной с ней разрухи были исключительно негативными: массовая гибель памятников и коллекций, прекращение экспедиций, гибель и бедствия специалистов..." (Клейн Л.С., 1993, с. 17). Но уже в начале 1919 г. было декретировано формирование новых руководящих археологических структур, которые немедленно приняли меры по обследованию, реставрации и охране памятников архитектуры и искусства, а с начала 1920 г. и по возобновлении фундаментальных археологических экспедиций, тематический охват и результативность которых стремительно возрастали (Длужновская Г.В., 1991, с. 35 сл.). И первым обусловившим это фактором представляется наличие в России уже достаточно развитых в предшествующий период археологических традиций, что подчеркивалось рядом исследователей (Формозов А.А., 1961; 1974; 1988; 1995; Клейн Л.С., 1993; Лебедев Г.С., 1992). Мне также доводилось отмечать, что "К моменту Октябрьской революции археология России представляла собой активно развивающуюся науку, обретшую определенные организационные формы и обладавшую уже четкой направленностью, вырабатываемой методикой, а также серьезными и

многосторонними достижениями. Нет никаких оснований говорить об отставании ее от уровня развития молодой еще археологической науки в других европейских странах". По меньшей мере неправомерным представляются распространявшиеся с конца 1920-х гг. тенденциозные утверждения о том, что "Русские археологи долго занимались как будто бессмысленным и... большей частью технически весьма несовершенным описанием фактов, задачи синтеза или вовсе не ставились, или ставились примитивно и подражательно"(Равдоникас В.И., 1930, с. 33) или – еще хлеще, что "Русская дореволюционная археология – археология императорских обществ и комиссий и по научной технике и по эрудированности и по уровню интересов ее основных представителей была во многом ниже археологических исследований буржуазных ученых Запада" (Кричевский Е.Ю., 1935, с. 125). "Есть все основания утверждать, что выработанные менее чем за полвека развития русской дореволюционной археологии научные направления, а также теоретические положения, методологические принципы и методические установки в значительной мере определили становление советской археологии" (Мерперт Н.Я., 1995, с. 5, 6). Обосновывающие такое заключение факты хорошо известны. Да, были и Императорская археологическая комиссия и Русское археологическое общество, и еще большое число центральных и местных археологических институций (к таковым должны быть отнесены университеты, губернские архивные комиссии, музеи, общества любителей древностей, общества истории, археологии и этнографии, археологические общества и пр.). И действовали они весьма эффективно. Организовывали десятки экспедиций, охватывавших все новые регионы Империи, включая Кавказ и Среднюю Азию и уже к началу Первой Мировой войны создавших огромный источниковый фонд для четырех основных разделов археологии – первобытного, классического, славяно-русского и восточного. Стимулировали совершенствование методики полевых исследований, что приводило к значительным достижениям и в этой области (достаточно вспомнить методику, выработанную Б.В. Фармаковским при раскопках Ольвии, превосходившую методику соответствующих зарубежных исследований и знаменовавшую принципиально новый этап в изучении античных городов). Регулярно созывали археологические съезды, способствовавшие широкому обсуждению результатов полевых исследований, определению их перспектив, выработке основных проблемных направлений российской археологии, взаимодействию ее с историей, антропологией, этнографией, биологией и другими науками. Был учрежден ряд периодических и серийных изданий, с предельной оперативностью и на чрезвычайно высоком полиграфическом уровне вводивших в научный оборот результаты раскопок и исследований археологических материалов.

Вся эта деятельность уже во второй половине XIX – начале XX в. превратила русскую археологию в весьма значительное явление отечественной науки и культуры. Им, а не "эксплуататорским классам" (Худяков М.Г., 1933), она и служила прежде всего, способствуя просвещению широких масс, возрастанию интереса их к своему прошлому и его памятникам, сохранности и изучению последних. Это менее всего соответствует "классовым" характеристикам ее, прокламированным в начале 1930-х гг. и приведенным выше.

Л.С. Клейн, отмечая, что "В дореволюционной России шло успешное по тем временам освоение археологического наследия страны", справедливо подчеркивает отставание ее, как и тогдашней Америки, от ведущих западноевропейских стран в области "археологического мышления и разработки методов исследования". "Российские ученые, – пишет он, – примыкали к тем или иным течениям, возникшим за рубежом, больше всего к позднему эволюционизму... и раннему диффузионизму..." (Клейн Л.С., 1993, с. 17). Вместе с тем, он столь же справедливо признает, что и здесь у сформировавшихся в дореволюционный период русских ученых были определенные достижения, которые "позже приобрели всемирную известность и оказали влияние на зарубежное развитие ряда течений". При этом он называет работы В.А. Городцова, М.И. Ростовцева, М.П. Кондакова (Клейн Л.С., 1993). Фактически в том же ключе

рассматривает этот вопрос и А.А. Формозов (1995, с. 16). Он подчеркивает стремление "новой плеяды русских ученых" (Б.В. Фармаковского, М.И. Ростовцева, Ф.К. Волкова, А.А. Миллера и др.) преодолеть разрыв между русской и западноевропейской археологией и в этой области. Из специалистов по первобытной археологии здесь названы С.И. Руденко, Г.А. Бонч-Осмоловский, П.П. Ефименко. Особо отмечены статьи последнего о каменном веке, исследовательская методика и терминология которых уже полностью соответствовали европейским стандартам того времени.

Говоря о методологических начинаниях русской археологии, нельзя не отметить достаточно последовательный ее историзм. Он имел глубокие корни (Уваров А.С., 1978, с. 33) и охватывал как первобытный, так и античный (классические труды М.И. Ростовцева и Б.В. Фармаковского) и средневековый (Спицын А.А., 1899) ее периоды. Все эти разделы рассматривались последовательно в пределах единой науки. Это отражено уже сплошной экспозицией Московского исторического музея "От палеолита до ближайших к нам веков" в отличие от многих западноевропейских стран, где "исследования первобытности, античности и средневековья были полностью оторваны как друг от друга, так и от истории" (Формозов А.А., 1961, с. 86, 87). Именно историзм русской археологии привлек к плодотворному сотрудничеству с ней таких крупных отечественных историков, как С.А. Жебелев, В.П. Бузескул, Д.И. Багалей, П.Н. Милюков, Ю.В. Готье, М.К. Любавский, С.К. Богоявленский и др. Он же явился решающим импульсом для развития одного из самых существенных методологических принципов нашей археологии после 1917 г. – вплоть до современности – ее неразрывной связи с историей и все более активного включения в разработку ключевых общеисторических проблем.

Таким образом, сложение в дореволюционной России прочных археологических традиций не вызывает сомнений. Оно и представляется мне первым фактором, обусловившим сравнительно быстрое возрождение и развитие археологии в нашей стране в последующий период. Преемственность этого развития не была прервана, "цепь времен" не распалась.

Второй фактор – кадровый: наличие в стране значительного числа профессионалов-археологов, проникнутых чувством глубокой ответственности перед своей наукой и своим народом. Характерно, что в тяжелейшие, последовавшие за революцией, годы эмиграция археологов была сравнительно немногочисленной. Конечно, потери были и достаточно тяжкие. Уехали председатель Археологической комиссии граф А.А. Бобринский и председатель Московского археологического общества графиня П.С. Уварова. Может быть, эмиграция их была и неизбежной, но заслуги их перед нашей наукой и преданность ей безусловны. В разные годы покинули страну корифеи русской археологии Н.П. Кондаков и М.И. Ростовцев. Уехали Э.Ф. Штерн, В.В. Саханев, В.Я. Толмачев и др. (Формозов А.А., 1995, с. 30). Для многих из них, прежде всего для молодежи, отъезд означал конец научной деятельности.

Но большинство остались. Среди них – главные фигуры двух складывавшихся научных школ – в Петрограде А.А. Спицын, А.А. Миллер, Б.В. Фармаковский, П.П. Ефименко (переехавший несколько позднее из Москвы), в Москве – В.А. Городцов, Д.Н. Анучин, Ю.В. Готье, Н.И. Новосадский. Они, и достаточно многочисленные их коллеги, и явились носителями и хранителями традиций русской археологии, стремившимися в экстремальных условиях социальных потрясений и разрухи сохранить и саму отечественную археологию. Археологи составляли при этом существенную группу той старой интеллигенции, которая считала своим долгом вопреки всему "сберечь традиции и сокровища русской культуры, оградить их от уничтожения, сохранить музеи, библиотеки, университеты, способствовать просвещению народа, по-прежнему сеять разумное, доброе, вечное" (Формозов А.А., 1995, с. 31).

Таков второй из рассматриваемых факторов. Существо третьего, как мне представляется, заключается в следующем. Активность и инициативы этих кругов нашли

отклик и определенную поддержку со стороны властных структур нового государства, поскольку они соответствовали провозглашенному тогда лозунгу "Науку и культуру в массы!". Во всяком случае в первые же послереволюционные годы начали открывать новые университеты, резко возросла сеть музеев, краеведческих обществ, возобновилась издательская деятельность последних. Особо надо подчеркнуть, что в программы ряда университетов, как центральных, так и вновь созданных, был включен курс археологии, тогда как раньше соответствующие опыты были предприняты сравнительно поздно и касались лишь Санкт-Петербургского университета (А.А. Спицын), Московского и Санкт-Петербургского археологических институтов (В.А. Городцов и Н.И. Веселовский), причем программы двух последних институтов были рассчитаны прежде всего на подготовку архивистов. На грани же 1920-х гг. положение резко изменилось. Г.С. Лебедев справедливо называет это время "золотым веком археологического образования" (Лебедев Г.С., 1992, с. 427). К позитивным изменениям рассматриваемого периода должно быть отнесено и устранение существовавших в дореволюционной России ограничений, касавшихся проблематики антропогенеза и соответственно исследований палеолита и начальных ступеней человеческого развития. В целом была подготовлена почва как для восприятия традиций русской археологии, так и для их развития и обогащения. В дальнейшем сочетание этих традиций с резко возросшими объемами работ, появлением новых задач и новых направлений в науке, освоением новых методов и новых методологических установок привело к созданию необходимого "запаса прочности", позволившего археологической науке сохраниться самой и сохранить исследовательский арсенал и основной путь своего развития в лихолетье последующего периода конца 1920-х – начала 1930-х гг.

На грани же 1920-х гг. шло возрождение археологической деятельности в стране и совершенно естественно встал вопрос о воссоздании руководящих ее структур. И началось оно (что столь же естественно) в рамках бывшей Императорской археологической комиссии, еще в 1918 г. преобразованной в Российскую государственную археологическую комиссию (Фармаковский Б.В., 1921), которая в свою очередь в апреле 1919 г. была преобразована в Российскую Академию истории материальной культуры. Акции эти были полностью связаны с отмеченными выше факторами. Л.С. Клейн с должными основаниями подчеркивает, что у колыбели новой институции стояла группа ученых, "...вознамерившихся спасти Археологическую комиссию и археологию как науку" (Клейн Л.С., 1993, с. 17). А.А. Формозов особо выделяет роль Б.В. Фармаковского, предложившего еще в 1918 г. создать на базе Императорской археологической комиссии Академию археологии и искусствознания (Формозов А.А., 1995, с. 34). Определенные реорганизационные меры принимались и в Москве, где Московское археологическое общество формально сохранялось, а председателем его был избран Д.Н. Анучин. Но, не имея никакой поддержки властей, функционировать самостоятельно оно не могло. И здесь была та же проблема, что и в Петрограде: создание официально декретированной высшей археологической институции. Идея последней, как отмечалось выше, была обусловлена прочной традицией отечественной науки и инициировалась крупнейшими ее представителями, а отнюдь не одним Н.Я. Марром, как можно было бы заключить из слов С.А. Жебелева (1935, с. 172 сл.). Согласились с ней и правительственные органы РСФСР. При этом отделом науки Народного Комиссариата просвещения было предложено свое наименование – Академия материальной культуры, "чтобы звучало поближе к марксистским вкусам (аллюзии к материализму, примату производства)" – заключает по этому поводу Л.С. Клейн (1993, с. 17). При утверждении декрета В.И. Ленин ввел в указанное наименование еще одно слово – "истории". Так была конституирована "Российская академия истории материальной культуры" (РАИМК) (Платонова Н.И., 1989). В 1926 г., обретя всесоюзный масштаб, она стала именоваться не "Российской", а "Государственной" (ГАИМК).

С одной стороны, такое название тенденциозно сужало область исследовательской деятельности археологов: хорошо известно, что информативность добываемых ими

материалов распространяется и на духовную жизнь древних обществ. С другой, задачи, поставленные перед новым учреждением, были чрезвычайно широки и многообразны. В этом плане оно заметно отличалось не только от предшествующих российских институций, но и от всех зарубежных археологических структур. Г.В. Длужневская (1991, с. 31) с исчерпывающей полнотой перечисляет их: теоретическая разработка вопросов, относящихся к области этнологии, археологии и истории искусства; производство археологических раскопок и сбор предметов древности, искусства и старины, в равной мере разработка основ и обеспечение их охраны; разработки по ремонту и реставрации монументальных памятников: всемерное "способствование распространению в стране знаний, относящихся к памятникам древности, искусства и старины, и правильного понимания их культурной ценности и значения". Естественно, решение этих задач требовало привлечения представителей ряда специальностей: историков, архитекторов, искусствоведов, филологов, лингвистов, востоковедов, этнографов, географов. И весьма характерно, что все они концентрировались вокруг основного, археологического ядра. Академию возглавили лингвист Н.Я. Марр, историк-классик С.А. Жебелев, крупнейший востоковед В.В. Бартольд. И все они издавна были связаны с археологией. Н.Я. Марр сам вел раскопки, С.А. Жебелев написал первый в стране учебник археологии, В.В. Бартольд неоднократно привлекал археологические материалы, коррелируя показания с данными основных для него нарративных источников. Непременным секретарем Академии был один из ее инициаторов, профессиональный археолог Б.В. Фармаковский, в упомянутое ядро ее входили такие выдающиеся деятели нашей науки как А.А. Спицын, А.А. Миллер, позже П.П. Ефименко и Г.А. Бонч-Осмоловский, М.И. Артамонов, А.А. Иессен и др.

Формально в состав Академии вошли и московские ученые – Д.Н. Анучин, В.А. Городцов, Ю.В. Готье, И.Э. Грабарь, позже Б.С. Жуков, Б.А. Куфтин, Д.Н. Эдинг, но фактически в 1923 г. в Москве возник самостоятельный археологический центр – Институт археологии и искусствознания при МГУ, вошедший далее в Ассоциацию научно-исследовательских институтов общественных наук факультета общественных наук Университета. Через два года Ассоциация была выделена из состава МГУ и получила статус самостоятельной Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН). В истории формирования нашего института она сыграла достаточно существенную роль. Но основным центром оставалась, безусловно, ГАИМК, дислоцированная в Ленинграде. Подлинное вхождение в нее Московского отделения (МОГАИМК) произошло лишь в начале 1930-х гг.

История ГАИМК в первое его десятилетие достаточно динамична. Вырабатывалась и в процессе выработки менялась и совершенствовалась структура Академии. Не буду останавливаться на деталях этого процесса и отошлю читателя к неоднократно цитировавшимся уже работам Н.И. Платоновой (1989) и Г.В. Длужневской (1991). Подчеркну лишь, что в состав Академии с момента ее учреждения входил Институт археологической технологии, возглавляемый А.Е. Ферсманом при ученом секретаре М.В. Фармаковском. Этот институт положил начало новому направлению в археологии, резко повысив ее методический арсенал и информативность источников. Особо отмечу также чрезвычайную оперативность деятельности Академии. Уже в 1919 г. она проводит ряд мероприятий по обследованию, реставрации и охране памятников древнерусской архитектуры и искусства. А с начала 1920-х гг. организуются уже фундаментальные экспедиции, охватившие значительные территории – от центральной России до Нижнего Поволжья, Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии, – и целый ряд хронологических периодов от палеолита до позднего средневековья (Длужневская Г.В., 1991, с. 35; Шелов Д.Б., 1991, с. 20). А.А. Формозов, характеризуя эти экспедиции, значительная результативность которых выявилась уже к середине 1920-х гг., особо подчеркивает два момента. Первый – подлинный расцвет исследований палеолита (Г.А. Бонч-Осмоловский). Второй – специальное внимание к национальным окраинам (раскопки А.А. Миллера на Кавказе, А.Ю. Якубовского в

Средней Азии). Особо должны быть отмечены начавшиеся уже в 1920 г. раскопки С.А. Теплоухова в Минусинской котловине. Их материалы легли в основу его знаменитой периодизации "металлических культур" Южной Сибири с III тыс. до н.э. до средневековья.

В первой после 1917 г. зарубежной археологической экспедиции в Монголию участвовал в 1924 г. Г.И. Боровка. Возобновили раскопочную деятельность и московские археологи, прежде всего сотрудники возглавлявшейся В.А. Городцовым секции археологии РАНИОН (А.В. Арциховский, А.Я. Брюсов, С.В. Киселев, Б.Н. Граков). Их экспедициями был исследован – еще в ограниченном масштабе – ряд регионов Центральной России, Среднего и Нижнего Поволжья и Приуралья, Южной Сибири. В различных частях этого значительного ареала исследовали памятники неолита, бронзового и железного веков – вплоть до славянских курганов и древнерусских городов.

Помимо ГАИМК и РАНИОН, но в тесной связи с ними, в развитии полевых исследований и археологии в целом участвовал и ряд прочих учреждений. В обеих столицах сложились значительные центры палеоэтнологического направления науки. В Москве таким центром стал Институт и музей антропологии МГУ. В создании его основную роль сыграли Д.Н. Анучин, Б.С. Жуков, Б.А. Куфтин. В Петрограде не менее значительный центр, включавший таких крупнейших ученых, как С.И. Руденко, Г.А. Бонч-Осмоловский, А.А. Миллер, С.А. Теплоухов, М.П. Грязнов, базировался на географический факультет ЛГУ и этнографическое отделение Русского музея. Последний, в частности, инициировал исследования С.И. Руденко на Алтае, начатые уже в 1923 г. и в 1929 г. приведшие к открытию знаменитых Пазырыкских курганов.

При многократно подчеркивавшейся преемственности с археологией дореволюционного периода 1920-е гг. отмечены и достаточно существенными инновациями. Они затронули фактически все аспекты археологической деятельности от целенаправленной подготовки профессиональных археологов и появления блестящей плеяды ученых нового поколения, обеспечившей развитие науки в последующие периоды, до расширения спектра полевых исследований, появления новых научных направлений, новых методов и методологических поисков. По словам В.А. Шнирельмана, это "позволяет говорить об истинном цветении археологической палитры той эпохи" (Шнирельман В.А., 1998, с. 217).

В этот процесс закономерно включалось и освоение новых методологических установок, в том числе и основ исторического материализма, с которыми связывалась дальнейшая историзация археологии и все более активное включение ее в разработку ключевых проблем развития человеческого общества.

Усиление воздействий концепций исторического материализма (учитывая общую идеологическую ситуацию в стране) естественно. Но в идеологический прессинг они еще не превратились, хотя предпосылки его стали уже проявляться во второй половине 1920-х гг. В этом плане характерна работа созданной в середине 1920-х гг. в РАНИОН социологической секции (в дальнейшем секция теории и методологии), руководимой В.М. Фриче. Сотрудники секции – А.В. Арциховский, А.Я. Брюсов, С.В. Киселев, А.П. Смирнов, получившие высокую профессиональную подготовку в МГУ у В.А. Городцова и Ю.В. Готье, вначале плодотворно работали над определением социологического содержания ряда археологических феноменов. Но к концу 1920-х гг. они выработали т.н. "метод восхождения", согласно которому основной и по сути дела единственной правомерной задачей, более того – принципом археологического исследования является "восстановление по памятникам материальной культуры общественно-экономических формаций" (Арциховский А.В., 1929а, с. 137). Путь выполнения этой задачи они видели в исследовательском восхождении от восстановления по археологическому материалу системы производительных сил к производственным отношениям, культуре, идеологии и далее – к общественно-экономическим формациям (Арциховский А.В., 1929а, с. 138).

Позитивные стороны "метода" – определение путей использования археологического материала для исследования палеоэкономики, общественного строя, общих

закономерностей развития древних обществ и пр. подчеркивались рядом авторов (Массон В.М., 1980, с. 19; Генинг В.Ф., 1982а, с. 106–108; Пряхин А.Д., 1986, с. 109–116). Не отрицая этого, должен в то же время подчеркнуть, что авторы "Метода восхождения" не избежали его абсолютизации и резкого противопоставления прочим методам и направлениям археологических исследований. К сожалению, это способствовало декретированию определенной идеологической направленности как обязательной и единственно допустимой, отрицанию "старой школы" (Арциховский А.В., 1929 б, с. 322), а тем самым началу идеологизации и политизации археологии. И нельзя не видеть связь прокламированного "Методом" начала методологической дискуссии с резкими "оргмерами": упразднении РАНИОН, отстранении высококвалифицированных кадров, таких как В.А. Городцов, Ю.В. Готье, А.А. Захаров и др., негативными изменениями учебных программ в МГУ, формальном социологизировании экспозиции в Российском историческом музее.

Итак, "первый звонок" был из Москвы. Но в ГАИМК'е "преобразования" рубежа 1920-х и 1930-х гг. приняли еще более резкий характер. В Академии было создано методологическое бюро в связи с общей перестройкой ее организационной структуры, выдвижением "новых задач" советской археологии, требованием "бескомпромиссной борьбы" с установками буржуазной науки и тотального противопоставления им установок советской науки во всем – от философской концепции и методологии до конкретных исследовательских методов. Происходят коренные кадровые изменения. В ГАИМК переводятся некоторые сотрудники Коммунистической академии. Академики С.А. Жебелев и В.В. Бартольд освобождаются от должностей вице-президентов. Их сменяют Ф.В. Кипарисов и С.Н. Быковский. Оба, не будучи профессионалами-археологами, были специалистами по внедрению марксистской (в их понимании) идеологии и проведению "классовой политики" в науке. Своего рода манифестом "преобразований" явилась книга В.И. Равдоникаса "За марксистскую историю материальной культуры", призывавшая "к капитальной перестройке с марксистской классовой точки зрения всего нашего наследства во всем его объеме. Только таким марксистско-ленинским путем советские археологи овладеют настоящим, закаленным на огне классовой критики, безошибочно действующим, уверенно ведущим к цели материалистическим методом" (Равдоникас В.И., 1930, с. 10). Этот метод абсолютизируется и противопоставляется всем прочим путям развития и методам археологии.

К сожалению, подобные установки доминировали и в ходе теоретических дискуссий конца 1920-х – начала 1930-х гг.

Нет смысла рассматривать здесь подробно ход последних. Им посвящена уже значительная литература с отнюдь не единообразными их оценками. Ряд специалистов связывали с ними создание принципиально новой марксистской археологии и наиболее творческий ее период (Генинг В.Ф., 1982а; Массон В.М., 1980). Другие подчеркивали негативные и – более того – разрушительные стороны дискуссий, в значительной мере предопределившие политизацию и идеологизацию нашей науки, декретирование тотального автохтонизма и "стадиального подхода" (лишь дискредитировавшее последний) при декретированном же отрицании миграций, разгром палеоэтнологии, наконец, кадровые чистки, приведшие к отстранению, репрессированию и даже гибели (А.А. Миллер, Г.И. Боровка, С.А. Теплоухов, Б.С. Жуков) многочисленных специалистов (Формозов А.А., 1993; 1995; Мерперт Н.Я., 1995).

Несомненно были в ходе дискуссий и достаточно существенные позитивные моменты: особое внимание к социально-экономическим проблемам, разработка феномена стадиальности в разумных ее пределах, определение путей взаимодействия археологии с другими науками и использования их методов, совершенствование собственной методики, значительное усиление внимания к поселенческим материалам и пр. Но они перекрывались идеологическим шабашем, заглушались заявлениями, что "... для тех, кто марксистски мыслить не может, должны быть применены методы воздействия более сильные, чем разъяснения и убеждения" (Быковский С.Н., 1931,

с. 20). И наряду с воплощением одних выработанных дискуссиями положений потребовалось – в большей мере – преодоление других. Здесь-то и сыграл свою роль созданный в предшествующий период и упомянутый выше "запас прочности" российской археологии. Он обусловил сравнительно быстрое возвращение ее на путь нормального развития, активных полевых исследований и скрупулезному анализу источников после 1934 г., когда дискуссии заглохли в значительной мере в связи с декретированным восстановлением в правах гражданской истории.

Соответствующее постановление ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР 1934 г. по словам А.А. Формозова "ни в малейшей степени не касалось археологии, но сыграло в ее судьбах немалую роль... Теоретизирование оказалось не в чести. Вновь говорилось об уважении к фактам. Все это в ГАИМК надо было принять во внимание и претворить в жизнь" (Формозов А.А., 1995, с. 58, 59). В определенной мере изменение ситуации рефлексировало на археологию (само это наименование науки перестало быть одиозным), обусловив и всплеск раскопочной деятельности и заметные изменения в направленности и плодотворности исследований. Ниже я предельно кратко остановлюсь на этих изменениях. Но предварительно отмечу, что и первая половина 1930-х гг. в истории нашего Института отнюдь не ограничивалась затронутыми выше дискуссиями. Наряду с ними, и даже вопреки им, нормальные исследования продолжались. Велись раскопки и разведки, хотя и в замедлившемся темпе (Прягин А.Д., 1986, с. 148). Ежегодно пополнялся источниковый фонд по всем основным археологическим периодам. Ряд работ имел принципиальное значение. Таковы важнейшие раскопки палеолитических памятников Кавказа С.Н. Замятниным, открытие сибирских палеолита и неолита Г.П. Сосновским, исследование палеолитических жилищ Костенок П.П. Ефименко. Памятники бронзового и железного веков активно изучались сотрудниками института от Поднепровья до Кавказа, Поволжья, Южной Сибири (Б.Н. Граков, О.А. Кривцова-Гракова, П.П. Ефименко, А.А. Миллер, П.Н. Третьяков, С.В. Киселев, М.П. Грязнов и др.). Продолжались исследования Ольвии (Б.В. Фармаковский). Начались раскопки Новгорода (А.В. Арциховский). Было положено начало спасательным работам на новостройках. В ГАИМК'е создана Комиссия по истории скотоводства (В.В. Гольмстен, М.И. Артамонов, М.П. Грязнов). Продолжались исследования по археологической технологии (М.В. Фармаковский, М.В. Воеводский). С.А. Семеновым были заложены основы трасологического анализа древних (прежде всего каменных и костяных) орудий.

Все это обусловило и подготовило значительный подъем в деятельности Института, да и всей советской археологии в середине и второй половине 1930-х гг. Создается ряд новых экспедиций, среди них такие значительные, как Хорезмская (С.П. Толстов), Фанагорийская (В.Д. Блаватский), две Северокавказских (М.И. Артамонов и Е.И. Крупнов), Кармир-Блурская (Б.Б. Пиотровский). Оленеостровская (В.И. Равдоникас), Б.Н. Граков в Каменке близ Никополя кладет начало раскопкам скифских городищ, А.П. Смирнов копает города Волжской Булгарии. Особое внимание уделяется раскопкам древнерусских городов. Продолжаются работы в Новгороде (А.В. Арциховский), возобновляются в Киеве (М.К. Каргер), начинаются во Вщиже (Б.А. Рыбаков), Старой Ладоге (В.И. Равдоникас) и др.

Не менее показателен для этих лет всплеск аналитической и издательской деятельности Института. Среди работ, изданных только в 1934–1935 гг., выделяются по сей день не потерявшие своего значения монографические исследования П.П. Ефименко, А.А. Иессена, Т.С. Пассек, А.П. Круглова и Г.В. Подгаецкого. Продолжение работ по археологической технологии сочетается с опытами применения в археологии методов естественных наук – математики (А.В. Арциховский), вариационной статистики (М.П. Грязнов) и др.

Среди исследовательских направлений этого периода доминировало изучение социально-экономической проблематики. В этом ключе был выполнен ряд интересных разработок для самых различных периодов, начиная с палеолита. Начались исследования и этногенетического направления. Но продолжал господствовать "ста-

диальный подход" к развитию всех обществ во все времена. Реабилитация миграций началась лишь в самом конце 1930-х гг.

Особо должно быть отмечено также связанное с Постановлением 1934 г. восстановление археологического образования и учреждение в 1938 г. специальных кафедр археологии в Московском и Ленинградском университетах. Несколько отступая назад, подчеркну, что московские археологи после ликвидации РАНИОН были переведены в Академию искусствознания, а с 1932 г. объединены в Московское отделение ГАИМК (МОГАИМК), ставшее и формально и фактически частью Академии. В последней же в середине и второй половине 1930-х гг. наступили серьезные не только научные, но и административные изменения.

В 1934 г. скончался Н.Я. Марр. Несколько лет ГАИМК возглавлялась людьми случайными. А в 1937 г. она была преобразована в Институт истории материальной культуры и влита в состав Академии наук СССР, что явилось, безусловно, акцией весьма позитивной. По словам А.А. Формозова: "С митингово-комиссарским стилем ГАИМК было покончено. Профессиональный, подлинно научный стиль работы постепенно входил в свои права" (Формозов А.А., 1995, с. 67). Четко определилась и профессиональная специфика Института: отныне он состоял из одних археологов. Тематический разброс его сократился, целенаправленность возросла. Первым (и не слишком удачным) директором Института был акад. И.А. Орбели. В 1939 г. его сменил М.И. Артамонов, выдающийся ученый и организатор науки, сумевший за короткий срок внести ряд позитивных изменений в деятельность Института. Это коснулось и структуры последнего, и оздоровления методологических установок, включая отношение к миграциям и специфике развития конкретных обществ. Значительно усилилось внимание к этногенетическому направлению исследований, которое М.И. Артамонов стремился распространить на историю всех народов, населявших нашу страну (Шнирельман В.А., 1998, с. 221). Им же инициировано создание двух основных периодических серий археологических публикаций: "Материалов и исследований по археологии СССР" и "Кратких сообщений ИИМК АН СССР" (обе ныне, к сожалению, не издаются). И одно из главных достижений этого периода – подготовка ряда оригинальных и глубоко информативных обобщающих работ, с предельной оперативностью синтезировавших и исторически осмысливавших результаты исследований всех предшествовавших периодов. Это "Всемирная история" (т. 1), к сожалению, не изданная, "История СССР" в двух томах (выпущенная в виде макета) и также двухтомная "История культуры древней Руси", изданная уже после войны. Блестящий авторский коллектив последней (М.И. Артамонов, Н.Н. Воронин, А.В. Арциховский, М.К. Каргер, Б.А. Рыбаков, П.Н. Третьяков) сумел дать "такую широкую картину развития определенных сторон русской культуры, какую мы не найдем в более ранних изданиях" (Формозов А.А., 1995, с. 70).

Есть все основания считать, что в этот период Институт был на крутом подъеме (Платонова Н.И., 1991, с. 46–48), прерванном началом Великой Отечественной войны.

Выше я уже отмечал посвященную военному периоду статью Н.И. Платоновой, исчерпывающую по полноте охвата событий, безукоризненную по их представлению и интерпретации. Мне остается здесь лишь перечислить основные ее положения. Это прежде всего мученичество и героизм ленинградских археологов, в невыносимых условиях блокады сделавших все мыслимое и немыслимое для сохранения науки, коллекций, архива, коллектива, самой жизни Института – вплоть до защит диссертаций, дискуссий, укрепления структуры и даже публикации актуальной патриотической брошюры "Оборона древнерусских городов" (М.А. Тиханова, Д.С. Лихачев). И это при непрестанных тяжелых потерях: погибают на фронте Н.А. Прокошев, Н.Г. Чернягин, А.П. Круглов, умирают в блокированном городе С.А. Жебелев, А.Н. Зограф, В.В. Гольмстен, Г.П. Сосновский, В.Л. Богаевский, Б.Е. Деген-Ковалевский, Г.В. Подгаецкий, Р.В. Шмидт и др., ранен в бою Н.Н. Воронин. А далее – раздробленная эвакуация (группами – Казань – Елабуга – Ташкент), разобщенность и безначалие, фактическое отсутствие рабочих возможностей и все же работа. Задания

оборонного характера. Экспедиция особого назначения в Волжском левобережье, обследование источников стратегического сырья в Туркмении и там же – собственно археологические работы (В.Ф. Гайдукевич).

В Московском отделении погибли в боях П.А. Дмитриев, М.В. Талицкий, ушли на фронт В.Д. Блаватский, Е.И. Крупнов, Д.А. Крайнов, А.П. Смирнов. Последний по возвращении в 1942 г. работал в уже названной экспедиции особого назначения к югу от Камы вместе с ленинградцами П.П. Ефименко и С.Н. Бибиковым. В 1942 г. С.В. Киселев обследовал памятники Подмосковья. В 1944 г. А.В. Арциховский копал курганы Вятичей у с. Орехова близ Царицына, а Б.И. Граков предпринял первую после начала войны дальнюю экспедицию для обследования скифских Царских курганов и Каменского городища на Днепре (в экспедиции участвовали А.И. Мелюкова, И.В. Яценко, Н.О. Онайко и автор этих строк).

Между тем, происходят значительные административные изменения. В июле 1944 г. дирекция Института переводится в Москву. Директором его назначается акад. Б.Д. Греков (хотя официально М.И. Артамонов освобождается от своего поста в январе 1945 г.). Утверждается положение о двух равноправных отделениях – Московском и Ленинградском со своими учеными советами, отделами, группами, лабораториями (и здесь центр ИИМК был окончательно утвержден в Москве 9.01.1945 г. с упразднением МОИИМК). Выработка структуры Института продолжалась до 1950-х гг. Но возрождение полномерной его деятельности началось уже в конце войны и сразу же после ее окончания приняло весьма значительные темпы. Весной 1945 г. на базе ИИМК было проведено в Москве Всесоюзное археологическое совещание, наметившее перспективы развития советской археологии и формы координации между центральными и республиканскими ее учреждениями. В том же году В.Д. Блаватский приступил к широким раскопкам Пантикапея, Б.Б. Пиотровский – Кармир-Блура, М.К. Каргер – Киева, В.И. Равдоникас – Старой Ладоги и т.д. Началось восстановление и расширение сети экспедиций. За первые же два-три послевоенных года она охватила почти все области Российской Федерации, Украины, Казахстана, республик Средней Азии, в меньшей мере Белоруссию и Молдавию (Шелов Д.Б., 1991, с. 17). По словам Н.И. Платоновой, после многотрудной реэвакуации ленинградского коллектива "всего полгода существования... в родных стенах дали на практике такой эффект, который, похоже, удивил самих сотрудников... Люди, стосковавшиеся во время войны по настоящей работе, отдались ей всей душой, наверстывая упущенное небывалыми темпами" (Платонова Н.И., 1991, с. 73). Эти слова в полной мере распространяются на оба коллектива Института. И в дальнейшем развитие их при многих перипетиях, трудностях и противоречиях носило в основном поступательный характер. Очень кратко остановлюсь на основных тенденциях этого развития, опустив общие характеристики (структурные изменения, числа и наименования публикаций, награды и пр.), достаточно освещенные уже в литературе (Шелов Д.Б., с. 1991 и др.).

Конец 1940-х – начало 1950-х гг. отмечены и в экспедиционных и в кабинетных исследованиях института реализацией и расширением довоенных начинаний. Были завершены и увидели свет созданные перед войной и частично названные уже выше обобщающие труды и крупные монографии ("Очерки истории СССР", "История культуры древней Руси", книги Б.Б. Пиотровского (вышла еще во время войны), Б.А. Рыбакова, С.В. Киселева, Т.С. Пассек, В.Ф. Гайдукевича, М.Е. Фосс и др.). В 1946 г. академика Б.Д. Грекова сменил на посту директора Института историк-медиевист А.Д. Удальцов. Фактическим же его руководителем был С.В. Киселев (в ту пору заместитель директора). Его активная деятельность касалась всех сторон жизни института – от его кадров и структуры до резко активизировавшейся издательской деятельности и организации ежегодных конференций, посвященных итогам полевых исследований. Последние собирали археологов со всего Союза и фактически возрождали традицию дореволюционных археологических съездов. С.В. Киселев же создал и возглавил первую после 1920-х гг. (т.е. после раскопок Ноин-Улы П.К. Коз-

ловым и Г.И. Боровкой) зарубежную экспедицию русских археологов, проведшую широкие исследования памятников Монголии, прежде всего столицы Чингис-хана – города Каракорума.

В конце 1940-х гг. в связи с печальной памяти сессией ВАСХНИЛ были попытки возобновления теоретических дискуссий среди археологов (В.И. Равдоникас). К счастью, поддержки они не получили. Что же касается известной лингвистической дискуссии 1950 г., то ее последствия для археологии и Института были в основном позитивны.

Начало 1950-х гг. было ознаменовано созданием спасательных экспедиций в зонах гигантских новостроек – Куйбышевской (А.П. Смирнов), Волго-Донской (М.И. Артамонов), Сталинградской (К.Ф. Смирнов, Н.Я. Мерперт), Братской (М.П. Грязнов) и др. Эти экспедиции явились прямым продолжением традиции новостроечных работ, развившейся в ГАИМК'е еще в 1930-х гг. Их создание обусловило исследование десятков тысяч памятников, подлежавших затоплению или разрушению в ходе строительных работ. С ними же связано создание в дальнейшем в Институте Отдела охранных раскопок. Были проведены беспрецедентные по размаху полевые работы, получены гигантские материалы. Но в известной мере эти работы потеснили прочие, в том числе теоретико-методологические направления деятельности Института.

Впрочем, продолжали весьма плодотворно работать и плановые экспедиции Института, охватывавшие все исторические периоды и огромные территории России, Украины, Кавказа, Сибири, Средней Азии. Среди крупнейших их достижений следует особо выделить находку в 1951 г. в Новгороде первых грамот на бересте – нового важнейшего вида исторических источников, резко обогатившего возможности изучения ряда сторон русской истории и столь же резко изменившие представления об уровне древнерусской культуры. Ныне таких грамот в Новгороде свыше 900. Найдены они и в других городах, включая и Москву.

В 1956 г. директором Института стал акад. Б.А. Рыбаков, остававшийся на этом посту 32 года. Период его руководства ознаменован рядом интересных начинаний, общим расширением Института и спектра его исследований, созданием новых перспективных его подразделений. Особо следует отметить переименование Института, который в 1957 г. получил нынешнее свое название Института археологии, по справедливому замечанию Д.Б. Шелова "более соответствующее содержанию научной тематики и месту, занимаемому Институтом в системе учреждений Отделения истории Академии наук" (Шелов Д.Б., 1991, с. 20). В 1957 г. начал издаваться первый в истории Института квартальный журнал "Советская археология", сменивший спорадически публиковавшиеся сборники того же наименования.

Безусловно позитивный характер носило расширение исследовательского спектра Института, создание новых значительных направлений с внесением соответствующих изменений в его структуру. Прежде всего здесь должно быть отмечено учреждение и в Москве и в Ленинграде специальных лабораторий: в первой – лаборатории естественно-научных методов, во втором – лаборатории исторической технологии. Последняя в новых формах продолжила традицию, заложенную А.Е. Ферсманом, М.В. Фармаковским, А.А. Иессеном и др., но прерванную в середине 1930-х гг. Ее возрождение связано с именами С.И. Руденко и С.А. Семенова, а основные группы – с радиоуглеродным датированием, химическим и спектральным анализом и, более того, с экспериментальными методами изучения первобытной техники. Особую роль играют здесь выработанные С.А. Семеновым приемы трасологического анализа, обусловившие многочисленные реконструкции древних производственных процессов.

В Москве в предшествующие периоды велись отдельные, хотя и весьма результативные работы М.В. Воеводского по технологии производства керамики и заслуживающие особого внимания остеологические исследования крупнейшего палеозоолога В.И. Цалкина. Последние вылились в ряд блестящих работ по истории животноводства.

Создание в 1959 г. лаборатории естественно-научных методов явилось значитель-

нейшим явлением в деятельности Института. Первый ее руководитель Б.А. Колчин инициировал создание исследовательских групп дендрохронологии, спектрального анализа древнейших металлов, металлографии железа, археомагнитного датирования, петрографии. Возглавивший лабораторию после его кончины Е.Н. Черных выделил в качестве основных направлений историю древней металлургии и горного дела, охватывающую как цветные, так и черные металлы (здесь созданы гигантские базы данных с результатами химического анализа медных и бронзовых изделий Евразии от VII–VI до I тыс. до н.э. и металлографического исследования железных изделий со II тыс. до н.э. до позднего средневековья); дендрохронологию – датировку на базе биологических методов, охватывающую территориально всю северную половину Восточной Европы; экологию (включая палинологию, палеоботанику, палеозоологию, палеогеографию).

С расширением исследовательского спектра Института связано и создание отдела теории и методики в московской его части. Важность этой проблематики не требует комментариев. Вначале руководитель отдела Ю.Н. Захарук придерживался формализаторского подхода к ней. Сменивший его В.И. Гуляев значительно расширил и в то же время конкретизировал проблематику, обогатив ее историко-географическим направлением, обсуждением роли археологии в разработке общеисторических проблем (происхождение земледелия и скотоводства, генезис городов, поселенческая археология), общих вопросов экологии, методических приемов исследований и пр.

В Ленинграде был создан сектор славяно-финской археологии (А.Н. Кирпичников), что обусловило активизацию исследований в этой области, включая вопросы финского этногенеза и соотношения финских групп со славянским населением, сыгравшего столь значительную роль в истории обширных территорий нашей страны.

Дальнейшее плодотворное развитие получило этногенетическое направление, которое для этого периода стало доминирующим наряду с сохранившим свое значение социально-экономическим направлением. Корни этногенетических процессов выявляются уже для глубочайшей древности (А.А. Формозов). Наряду с традиционной темой славянского этногенеза (М.И. Артамонов, Б.А. Рыбаков, Ю.В. Кухаренко, И.И. Ляпушкин, В.В. Кропоткин, Э.А. Сымонович и прежде всего В.В. Седов) разрабатываются проблемы этногенеза балтов (В.В. Седов), финнов (А.П. Смирнов), угров (В.Н. Чернецов), народов Кавказа (Е.Н. Крупнов) и Средней Азии (В.М. Массон).

Все большее место в проблематике Института занимает искусство различных периодов истории нашей страны. И хронологический и тематический охват здесь огромен. Впервые открытая на нашей территории палеолитическая живопись (О.Н. Бадер). Палеолитическая же пластика (З.А. Абрамова). Скальные рисунки и гравюры (А.А. Формозов, М.А. Дэвлет). Первые сводные работы по первобытному искусству страны (А.А. Формозов). Искусство Урарту (Б.Б. Пиотровский). Замечательные фрески и скульптура средневековой Средней Азии (А.Ю. Якубовский, А.М. Беленицкий). Наконец многообразные памятники великого искусства Древней Руси (Н.Н. Воронин, Г.К. Вагнер, В.П. Даркевич, Т.В. Николаева, Т.И. Макарова и др.).

Список новых или заметно активизировавшихся научных направлений в деятельности Института в конце 1950-х – 1970-х гг. может быть значительно пополнен. Я еще затрону его несколько ниже. Но до этого подчеркну и значительные сдвиги в направлениях, традиционных для отечественной археологии. Поскольку как несомненные достижения, так и определенные недостатки и лакуны в их развитии неоднократно отмечались уже в предшествующих работах (Шелов Д.Б., 1991; Формозов А.А., 1995 и мн.др.), я ограничусь здесь лишь краткими заметками позитивного характера. Палеолитическая проблематика в Институте была в указанный период заметно обогащена работами В.П. Любина, Г.Н. Григорьева, Н.Д. Праслова, Х.А. Амирханова, О.Н. Бадера и др.), прежде всего для Кавказа, Подонья, Центральной России; мезолит и неолит активно изучали как в северных (А.Я. Брюсов, Н.Н. Гурина) и центральных (Д.А. Крайнов, Л.В. Кольцов и др.) областях России, так

и в Средней Азии; энеолит и бронзовый век – по всей степной полосе от западных границ до Южной Сибири (М.П. Грязнов, С.В. Киселев, Н.Я. Мерперт, К.Ф. Смирнов, В.П. Шилов, М.Ф. Косарев и др.), особенно плодотворно на Северном Кавказе (Р.М. Мунчаев, В.И. Марковин), Закавказье (А.А. Иессен, К.Х. Кушнарева) и Средней Азии (В.М. Массон, И.Н. Хлопин, В.И. Сарианиди). Заметно расширилась традиционная скифо-сарматская проблематика, охватив Поднестровье (А.И. Мелюкова), Поднепровье (Б.Н. Граков, В.Г. Петренко), Крым (Н.Н. Погребова, П.Н. Шульц, О.Д. Дашевская), Подонье (П.Д. Либеров, А.И. Пузикова), Поволжье и Приуралье (К.Ф. Смирнов, М.Г. Машкова), Южную Сибирь (С.И. Руденко, М.П. Грязнов, А.М. Мандельштам, Н.А. Боковенко). Активно изучали и ранний железный век Северного Кавказа (Е.И. Крупнов, В.И. Козенкова, В.И. Марковин). Наряду с продолжением широких и методически образцовых исследований древнегреческих городов Северного Причерноморья (В.Д. Блаватский, В.Ф. Гайдукевич, М.М. Кобылина, И.Т. Кругликова, Д.Б. Шелов, Н.И. Сокольский, Е.М. Алексеева, И.Б. Брашинский, А.Н. Щеглов и др.), столь же регулярному изучению подвергалась и сельская территория этого времени (А.А. Масленников, Н.А. Онайко и др.). В особое направление выделены масштабные исследования местных культур эллинистической и постэллинистической эпох в Средней Азии (Г.А. Кошеленко). Новые материалы позволили поставить вопрос и о характере перехода от поздней античности к раннему средневековью. Что касается последнего, то сложнейшие этнические и культурные его проблемы плодотворно разрабатывали и для Европейской части страны, и для Сибири, и для Средней Азии (П.Н. Третьяков, И.И. Ляпушкин, Б.А. Рыбаков, С.А. Плетнева, П.А. Раппопорт, А.П. Смирнов, С.В. Киселев, А.М. Беленицкий и др.). То же следует сказать и о зрелом средневековье. Естественно особое внимание к дальнейшим исследованиям древнерусских городов, среди которых по принципиально новым открытиям и общему историческому значению продолжают безусловно лидировать раскопки Великого Новгорода (А.В. Арциховский, Б.А. Колчин, В.Л. Янин). Наряду с этим впервые разрабатывали проблемы малых городов Руси (А.В. Куза), княжеских замков (Б.А. Рыбаков), сельских поселений (В.В. Седов и др.).

Возвращаясь к новым направлениям деятельности Института, инициированным в рассматриваемый период, отмечу учреждение целой серии зарубежных экспедиций: Египетской (Б.Б. Пиотровский), Болгарской (Н.Я. Мерперт), Албанской (В.Д. Блаватский), Венгерской (С.А. Плетнева, В.С. Титов), Иракской (Р.М. Мунчаев), Афганской (И.Т. Кругликова, В.И. Сарианиди), Йеменской (Х.А. Амирханов), Монгольской (В.В. Волков), – вплоть до Шпицбергена (В.Ф. Старков). Сотрудники Института участвуют в раскопках и в Латинской Америке (В.А. Башилов, В.И. Гуляев). Российские археологи активно включаются в разработку таких проблем общеисторического характера как происхождение производящего хозяйства, начало урбанизационного процесса, сложение древнейших цивилизаций (В.М. Массон, Р.М. Мунчаев, В.А. Башилов, В.И. Гуляев, В.С. Титов, Н.Я. Мерперт и пр.). Раскопки и исследования этого направления получили широкое международное признание.

В рассматриваемый период было учреждено издание грандиозного "Свода археологических источников СССР", рассчитанного на систематизацию и введение в научный оборот всех материалов, добытых в результате раскопок отечественных археологов на территории страны. Свыше 80 выпусков "Свода" уже увидели свет. Многие из них весьма полезны и полностью отвечают своему назначению. Но другие резко различаются по общей направленности, характеру материала, подходу к нему. Это дало повод А.А. Формозову говорить об их несопоставимости друг с другом и разношерстности (Формозов А.А., 1995, с. 92).

Вторая инициированная Б.А. Рыбаковым серия – 20-томная "Археология СССР" – носит синтетический итоговый характер, охватывая все периоды развития человеческого общества на указанной территории – от палеолита до позднего средневековья. Польза вышедших до сих пор 16 томов этой беспрецедентной серии (при

отдельных структурных различиях и – в ряде случаев – отсутствии должной соотнесенности между ними) несомненна.

Я не останавливаюсь на недочетах в работе Института, проявившихся в кратко охарактеризованный период. Все изложенное убеждает, что позитивные моменты их значительно перевешивают. И в дальнейший – очень нелегкий период 1980-х – 1990-х гг. "запас прочности" головного археологического учреждения страны, сохранявшийся и возраставший на рассмотренных этапах, сыграл свою роль.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Арциховский А.В., 1929а. Новые методы в археологии // Историк-марксист. Т. 14.

Арциховский А.В., 1929б. Новые методы в археологии // Вестн. Ком. академии. № 35–36.

Арциховский А.В., 1995. Археология // Очерки по истории исторической науки в СССР. М.

Борисковский П.И., 1980. Первые 30 лет Института археологии АН СССР // КСИА. Вып. 163.

Быковский С.Н., 1931. Какие цели преследуются некоторыми археологическими исследованиями? // Сообщения ГАИМК. № 4–5.

Быковский С.Н., 1932а. О предмете истории материальной культуры // СГАИМК. № 1–2.

Быковский С.Н., 1932б. Археология и политика // СГАИМК. № 7–8.

Быковский С.Н., 1933. Карл Маркс и археология // ПИМК. № 3–4.

Генинг В.Ф., 1982а. Из истории советской археологии 20-х гг. (Новое археологическое направление) // Теория и методы археологических исследований. Киев.

Генинг В.Ф., 1982б. Очерки по истории советской археологии. Киев.

Генинг В.Ф., 1983. Объект и предмет науки в археологии. Киев.

Глушков И.Г., 1983. Теоретическая мысль в советской археологии во второй половине 20-х – начале 30-х гг. // Этнокультурные процессы. Томск.

Длужневская Г.В., 1991. Деятельность РАИМК–ГАИМК: 1919–1937 гг. // Археология и социальный прогресс. Вып. 1. М.

Жебелев С.А., 1935. Рождение ГАИМК. Из воспоминаний о Н.Я. Марре // ПИДО. № 3–4.

Клейн Л.С., 1993. Феномен советской археологии. Л.

Кричевский Е.Ю., 1935. Памяти А.В. Шмидта // СЭ. № 3.

Лебедев Г.С., 1992. История русской археологии. СПб.

Массон В.М., 1980. У истоков теоретической мысли советской археологии // КСИА. Вып. 163.

Мерперт Н.Я., 1995. Введение. "Антология советской археологии". Т. I. М.

Монгайт А.Л., 1963. Возникновение и первые шаги советской археологии // История СССР. № 4.

Пескарева К.М., 1980. К истории создания Российской Академии истории материальной культуры // КСИА. Вып. 163.

Платонова Н.И., 1989. РАИМК – этапы становления. 1918–1919 // СА. № 4.

Платонова Н.И., 1991. Институт истории материальной культуры в годы Великой Отечественной войны // Археология и социальный прогресс. Вып. 1. М.

Пряхин А.Д., 1986. История советской археологии (1917 – сер. 30-х гг.). Воронеж.

Равдоникас В.И., 1930. За марксистскую историю материальной культуры // Изв. ГАИМК. Т. 7. Вып. 3–4.

Рыбаков В.И., 1968. Советская археология за 50 лет // ВИ. № 1.

Спицин А.А., 1899. Расселение древнерусских племен по археологическим данным // ЖМНП. № 3.

Тиханова М.А., 1980. Из прошлого Института археологии АН СССР (РАИМК – ИИМК) // КСИА. Вып. 163.

Уваров А.С., 1878. Что должна обнимать программа для преподавания русской археологии // Труды III АС. Т. I. М.

Фармаковский Б.В., 1921. К истории учреждения Российской Академии истории материальной культуры. Пг.

Формозов А.А., 1961. Очерки по истории русской археологии. М.

Формозов А.А., 1974. Археология в Академии наук // СА. № 2.
Формозов А.А., 1986. Страницы истории русской археологии. М.
Формозов А.А., 1993. Археология и идеология (1920–30 годы) // ВФ. № 2.
Формозов А.А., 1994. К периодизации истории советской археологии // РА. № 4.
Формозов А.А., 1995. Русские археологи до и после революции. М.
Худяков М.Г., 1933. Дореволюционная русская археология на службе эксплуататорских классов. Л.
Шелов Д.Б., 1991. 70 лет Институту археологии // Археология и социальный прогресс. Вып. 1. М.
Шнирельман В.А., 1998. Наследие советской археологии // РА. № 2.

Институт археологии РАН,
Москва

N.Y. MERPERT

FROM THE HISTORY OF THE INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
(the 80th anniversary of its foundation)

S u m m a r y

The article presents major development stages of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences as the main archaeological institution of the Soviet Union from 1918 to the turn the 1970s–1980s.

Л.А. БЕЛЯЕВ, В.И. ГУЛЯЕВ

ЖУРНАЛ "РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ": ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Юбилей нашего Института дает повод еще раз напомнить, что недавний 1997 г. был отмечен для археологов весьма знаменательной датой: сорокалетием журнала "Российская археология" (в 1957–1992 гг. выходившим под названием "Советская археология"). Ниже речь пойдет лишь о последних 7–8 годах, когда накапливался опыт работы в тех новых условиях, в которых оказались страна и вся наука ("академическая", "вузовская" и "прикладная") после распада СССР и резкого сокращения финансирования исследований из государственного бюджета. В эти годы журнал продолжал, как и прежде, оставаться для Института археологии РАН основным периодическим изданием, стремящимся полно отражать его научную жизнь, но теперь на него легла дополнительная задача: сохранить присущий старому "толстому" журналу академический стиль, одновременно трансформируясь в сторону большей оперативности, открытости для дискуссий, а главное – в сторону превращения издания в узел контактов, центр аккумуляции и обмена информацией с коллегами из Европы и Азии.

Нельзя сказать, что проблема археологического журнала для России нова. Даже наоборот. Она существует здесь столько, сколько сама археология. Попыток создать центральное периодическое издание известно много, причем почти все можно назвать по-своему весьма удачными. Но вот насколько они были именно *журналами* – большой вопрос. Великолепные и хорошо знакомые каждому специалисту периодические издания Русского Археологического общества, Императорской Археологической комиссии, других обществ и государственных организаций (прежде всего губернских Архивных комиссий), начатые во второй половине XIX и в начале XX в., продолжали издаваться до революции 1917 г. В какой-то степени их традиция была передана постреволюционной эпохе в таких формах, как Известия ГАИМК, труды музеев, а позже – "Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях ИИМК/ИА АН СССР" и сборник "Советская археология" (прямой предшественник нашего журнала). Первым журналом направления, близкого к археологии, можно назвать и "Вестник древней истории", выходящий с 1937 г. Специализированный же археологический журнал в СССР в 1930–1950-х годах так и не был создан.

В 1957 г., в самом начале карьеры Бориса Александровича Рыбакова на посту директора Института археологии, удалось превратить ежегодный сборник "Советская археология" в периодическое ежеквартальное издание. С момента создания оно было в значительной степени также детищем Артемия Владимировича Арциховского, который руководил журналом вплоть до своей смерти (1978 г.). Именно благодаря ему как руководителю кафедры археологии, а затем и декану Исторического факультета МГУ с самого начала были установлены и поддерживались устойчивые связи с вузовской наукой. Один из немногих в XX столетии археологов-энциклопедистов, А.В. Арциковский как никто иной был способен направлять развитие многопрофильного органа, охватывавшего всю древнюю историю человечества – от глубинных процессов антропогенеза до позднего средневековья.

В журнале были опубликованы материалы практически по всем существенным археологическим работам в СССР; его объем и качество можно было смело сопо-

© Л.А. Беляев, В.И. Гуляев, 1999 г.

ставить с наиболее крупными фундаментальными периодическими изданиями по гуманитарным дисциплинам, в том числе и с зарубежными (даже сейчас "Российская археология" – один из самых объемных и информативных академических журналов). В 1950–1970-х годах единственный в СССР "толстый" квартальник по археологии имел также приемлемое полиграфическое оформление, при необходимости используя мелованную бумагу для черно-белых и цветных репродукций.

Распад СССР существенно нарушил единство информационной и научной системы бывших союзных республик. Внутри России ослаб контроль бюрократии "центра" за ситуацией в регионах, но зато возросло давление местной (в ряде случаев национальной) бюрократии; все ярче выражаются центробежные тенденции. В течение 1980–1990-х годов резко обозначилась необходимость в системе информативных и оперативно реагирующих на идущие в науке процессы журналов. Для археологов в этом есть как положительная, так и отрицательная стороны. Известная свобода действий при опоре на собственные силы и ресурсы способствует укреплению и развитию независимых археологических групп, а в ряде случаев – быстрому нарастанию местных археологических изданий. Но радужная на первый взгляд картина поблекнет, если вглядеться в нее пристальнее. Изоляция (или самоизоляция), потеря контактов с коллегами из других российских регионов и связей с Санкт-Петербургом и Москвой влияют самым отрицательным образом на общее положение археологии. Хотя местные центры стали издавать итоги исследований разнообразнее и чаще, это касается далеко не всех областей России. Кроме того, качество этих публикаций, выпускаемых при крайней экономии средств, их малые тиражи и, главное, невозможность быстрого и надежного распространения продукции (или хотя бы информации о ней) затрудняют включение публикаций в оборот, делают их воздействие на развитие науки в стране ограниченным. В этом – одна из причин "информационного голода", отсутствие представления о том, что реально произошло в исследуемой области в последние 5–7 лет.

Очевидно, что в этих условиях должна неизмеримо возрасти роль "Российской археологии", единственного на сегодняшний день профессионального археологического журнала общегосударственного масштаба. Он вполне способен служить информационным каналом и центром общения не только для российских, но и зарубежных археологов. Весьма важно, что речь идет именно о "старом" издании, достаточно известном читателю и сохранившем, несмотря на трудности, прежнюю периодичность выпуска. Его тираж (около 1400 экз.) для настоящего момента может считаться достаточным, причем распределение его вполне отвечает задачам поддержания "научного общения": треть тиража получает "дальнее зарубежье", новые независимые республики забирают сравнительно малую часть (поскольку в некоторых из них введены ограничения на выписку "чужих" изданий), более половины остается в России (напомним, что до четверти всех материалов, публикуемых в журнале, принадлежит авторам из стран СНГ).

Дело идет медленно и трудно, но все-таки в прошедшие годы мы не стояли на месте. Прежде всего о содержании. Мы не отважились на создание номеров, посвященных только одной теме (да вряд ли это и разумно), но постарались придать некоторым выпускам тематическую окраску, публикуя подобранные блоки работ по крупным археологическим эпохам или проблемам. Так, был выпущен специальный номер к VI Международному конгрессу славянской археологии в Новгороде с блоком материалов по славяно-русской тематике (РА. № 3. 1996). В последний номер журнала за 1997 г. включена подборка материалов по археологии каменного века (в связи с международным симпозиумом по гравету в г. Зарайске). Четвертый номер за 1998 г. содержит блок статей и публикаций по скифо-сарматской археологии, а первый номер 1999 г. имеет явную "бронзовую" окраску (серия материалов по проблемам изучения эпохи бронзы в нашей стране). При этом содержание номеров подбиралось таким образом, чтобы они не утрачивали и "общеархеологических" черт, не стали бы бесполезны для археологов, занимающихся "непрофильными" для данного номера

темами. Поэтому указанные выпуски не могут быть названы узко тематическими, поскольку содержат по несколько небольших специальных подборок (например, по "христианской археологии" в № 2 за 1998 г. и др.). Некоторые специальные разделы, вводившиеся как юбилейные (например, "К 850-летию основания Москвы"), оказались перспективными, их можно превратить в специальные рубрики для одного из номеров каждого года. Представляется весьма полезным и удачным появление в журнале такой рубрики, как "История науки".

Определенный прогресс в работе по усилению "тематической" направленности журнала объясняется тем, что это почти целиком зависит от редколлегии. По отношению к усилению информативно-справочного направления картина складывается уже иная; требуются большие организационные усилия, результат которых зависит больше от местных "контрагентов". Поэтому потребность в общих обзорах по археологии соседних республик в период 1990-х годов удалось удовлетворить лишь частично, дав материал по Белоруссии, Казахстану и Литве, а также по региональной археологии России (о работе ИАЭ СО РАН в Новосибирске). Первый шаг сделан и к становлению давно задуманной рубрики "Археологические фонды музеев" (публикация материалов Исторического музея г. Новороссийска). Планируются, но еще не сформированы новые рубрики – "Археология в вузах России" и "Актуальные проблемы сохранения археологического наследия России" (в последний войдут законодательные акты: указы, постановления государственных органов, связанные с археологией; программы по сохранению и изучению археологического наследия страны; вопросы организации полевых исследований и другие организационные темы).

Постепенно увеличивается объем раздела критики и библиографии (в среднем за последние два года на каждый номер приходится не менее 5–6 рецензий), однако мы считаем, что этого совершенно недостаточно, журнал может и должен публиковать гораздо больше библиографических обзоров, современной историографии и т.п. (Нам очень хотелось бы получить обзоры исследований в двух крупнейших "археологических" республиках СНГ – Украине и Узбекистане, а для России – по общей ситуации в археологии Урала, Поволжья, Северного Кавказа и других крупных регионов.)

Думаем, что нет смысла говорить о последней "семилетке" еще подробнее, ее результаты у читателя перед глазами. Лучше скажем несколько слов о реальных проблемах журнала, о том, почему дело идет именно так, как оно идет. Оправданий найдем много – взять хотя бы слабость традиции, сравнительную молодость наших археологических журналов в сравнении с европейскими (лондонская "Archaeology, or Miscellaneous Tracts...", например, насчитывает уже не одно столетие издания и зародилась, как многие другие "периодики", в XVIII в.). Но такие оговорки мало кого утешают. Можно говорить и о бедности, но, во-первых, надоело; во-вторых, это понятие всегда относительное ("не в деньгах счастье", а в праве ими распоряжаться). И вот тут мы подходим к действительно важным проблемам.

Достаточно взглянуть на систему, сложившуюся в издании археологических журналов на Западе, чтобы увидеть принципиально иные модели. Крупнейшие организации, например Археологический институт Америки (Бостон), ведут публикацию периодических изданий по крайней мере на двух уровнях. Основу "базового" толстого "квартальника" (American Journal of Archaeology – AJA) образуют материалы исследований прошедшего года (по регионам работ), обычно поданные весьма подробно. К ним добавляют одну – три "серьезные" статьи, объемистый критико-рецензионный отдел, библиографию. Это журнал солидный и тяжеловесный (в прямом смысле слова тоже), со сравнительно небольшим тиражом, "дотационный".

Второй уровень – популярный журнал "Archaeology". Стилем изложения и оформлением он импонирует самому широкому кругу читателей, но полезен и специалистам. Информация всех видов (о находках и открытиях; о новых проектах и новых музеях; о прошедших съездах и новых законах и т.п.) собирается сюда со всех концов света и подается крайне оперативно, что не может не быть полезным. В журнал можно обратиться с возражением или вопросом, на который будет дан незамедлительный

ответ (часть которых публикуется, для чего отведены специальные страницы). В журнале с самого его начала (1948 г.) существует масса полезных способов представлять фундаментальные исследования в доступном для ученых смежных специальностей виде.

Большинство журналов предпочитает тематическое формирование номеров, где всегда имеется "ведущая" тема, отраженная в специальном блоке статей (при свободном включении дополнительных материалов). Некоторые из таких "титульных" выпусков (например, номер "Archaeology", посвященный исламской археологии) оказывались подчас мощным толчком для развития нового направления. О полиграфическом уровне таких журналов упоминать излишне; качество и оригинальность иллюстраций часто заставляют профессоров университетов (в принципе не страдающих на Западе от отсутствия демонстрационного материала) переснимать их для диапозитивов. Общедоступные археологические журналы, особенно американские, всегда полны (если не переполнены) свежими "рекламами" (книг, поездок по археологическим памятникам, проспектов участия в экспедициях и т.п.). Оперативность информирования обеспечивает не только сравнительная частота выпуска (шесть номеров в год), но и прямой заказ на подготовку самой свежей и интересной хроники, а также готовность редакции принять "хронику" в самый последний момент, буквально на стадии запуска макета в "машину". Чрезвычайно существенная деталь организации западных журналов – полный контроль главного редактора на всех стадиях работы над номером – от решения его "темы", подбора материалов, литературной обработки и научного редактирования до создания полного компьютерного макета. Фактически небольшая группа редакторов и экспертов полностью изготавливает номер, оставляя на долю "типографского заказа" только размножение.

Мы далеки от мысли идеализировать описываемые журналы. Тот же "Archaeology" за последние годы все больше внимания уделяет "политическим" темам в археологии, а необходимость "популяризации", общедоступности в изложении не может не накладывать отпечатка некоторой "вульгарности", упрощение часто выливается в известное искажение. Не все здесь, впрочем, вина журнала. Это просто та цена, которую американская археология платит за широчайшую осведомленность всей англоговорящей части планеты в вопросах современной археологии (тираж недавно перешагнул за отметку 250.000), за широкую поддержку (в том числе финансовую) и высокий престиж, которым археология пользуется на Западе.

Популярный общеархеологический журнал в США не один. Недавно появившийся во Флориде реферативно-обзорный "Athena Review" стремится не уступать ему в широте охвата, информативности, простоте подачи материала (а в перспективе даже в качестве печати, что для археологии вопрос важный), но соревнуется в научной фундированности и глубине. Аналоги таких "двухуровневых" периодических систем есть практически во всех странах Европы, и не только там. Давно установилась традиция издания более или менее популярных, но специализированных археологических журналов типа немецкого "Antike Welt", некоторые из них зародились и у наших соседей в Прибалтике (например, "Восточный путь", Таллин, Эстония).

К сожалению, ничего подобного в России нет. Наиболее удачная из известных нам попыток создать популярный журнал ("Троя") была ориентирована слишком узко на детскую и юношескую аудиторию и журнал просуществовал недолго. В последние годы вышло несколько первых номеров изданий местного характера или специальных направлений (например, по исторической археологии Санкт-Петербурга и археологии Татарстана). Но в основном мы по-прежнему стараемся опираться в работе исключительно на "базовые", фундаментально академические периодические издания, вынужденно "стоя на одной ноге" и подчас отражая итоги конференции через год-другой после ее окончания; через пару лет сообщаем о сенсационных находках, а рецензию на книгу публикуем с отрывом в два-три года от ее выхода.

Российские издания упорно стремятся быть примерно тем, чем был прежний сборник "Советская археология", т.е. фундаментальной научной серией, предполагающей

столь же "фундаментальный" стиль в публикациях, статьях и даже дискуссиях. Не отказывающейся (и даже подчас стремящейся) публиковать полноразмерные "корпусы" материалов; дающей место чуть ли не целым полевым отчетам и диссертациям (разделенным на отдельные объекты и главы). Одновременно важнейшим разделам, настоящему "журналистскому хлебу": критике и библиографии, новейшим открытиям, хронике происходящего (не только "свершившегося", но и планируемого, т.е. информации о проектах, конференциях, экспедициях, ожидаемых из печати книгах и сборниках) – отводится явно второстепенное место. (Впрочем, как же и думать о "будущем" – ведь не потребуешь программу конференции за год-другой до ее открытия, да и книги сейчас издают, пожалуй, быстрее журналов.)

В результате возникает реальная угроза превращения журнала в периодическое издание, малоподвижное и "всеядное", куда самотеком идет материал, по каким-то причинам не нашедший места в тематических сборниках и монографиях. Оно не в состоянии ни охватить достаточно широкую аудиторию специалистов, ни снабдить работающих в "глубинке" (а то и в соседних больших городах) оперативной информацией, которая помогла бы планировать их исследовательскую деятельность. О коллегах – смежниках, тем более о любителях (которые во многих странах составляют существенную часть подписчиков), уже и речи не идет. В недавнем прошлом такой подход был оправдан и понятен. Центральный журнал для любой отрасли науки был тогда одним из немногих "окон", через которые можно было "выдавать информацию", публикации же книг и сборников были сравнительно редкими и еще более медлительными. Конечно, и сегодня для многих авторов "Российская археология" остается наилучшей возможностью сравнительно оперативно высказаться в печати, но все-таки сейчас положение несколько изменилось, и журнал иногда дублирует быстрее выходящие коллективные и авторские сборники (в результате публикация одной и той же работы в двух или более изданиях становится обычным явлением).

Конечно, путь создания второй "точки опоры", периодического популярного издания с большим тиражом, представляется заманчивым, но пока он для нас закрыт. Прежде всего, необходим значительный круг авторов, умеющих объективно и увлекательно писать об археологии для широкой публики, не поступаясь при этом научным уровнем (такой круг, насколько можно судить, пока не сложился). Его мог бы заменить небольшой штат профессиональных "ученых-журналистов", но для их подготовки нужен известный опыт ведения подобного издания, который можно накопить лишь в ходе полного, многоуровнего формирования журнала вплоть до готового макета при распоряжении также выделяемыми средствами (как в большинстве аналогичных журналов за рубежом). Далеко не последним условием является наличие заинтересованной аудитории (в ее сложении от издателя зависит далеко не все).

Пока же редсовет и редколлегия не полностью самостоятельны в практических вопросах. Между решением и его воплощением стоит "процесс производства", зависящий исключительно от издательства, на который редколлегия не влияет, не может его ускорить или видоизменить (интересы же редколлегии и издательства совсем не обязательно совпадают). От получения самого "горячего" материала до его публикации проходит достаточно времени, чтобы он успел "остыть". Иными словами, оперативность и полиграфическое качество находятся практически за пределами сферы влияния редколлегии (или, правильнее сказать, все зависевшее от нас на этом направлении мы уже предприняли, и время на работу с поступающими материалами в самой редакции стараемся свести к возможному минимуму). Мы не можем в обозримом будущем рассчитывать на улучшение работы журнала "экстенсивным" путем (например, за счет увеличения числа номеров до шести); на расширение его объема; печать на более качественной бумаге, в современном оформлении, хотя бы с немногими цветными иллюстрациями. Существует и дополнительный тормоз любых перемен – неопределенность положения академических журналов, разговоры об их закрытии или такой трансформации, какая будет похлеще прекращения издания.

Поэтому главными направлениями, которые мы пытаемся развить в "Российской археологии", сегодня остаются увеличение информационной нагрузки журнала по всем областям; возможное повышение "быстроты реакции"; расширение диапазона дискуссий по фундаментальным проблемам; большая целенаправленность при формировании отдельных "тематических" номеров; повышенное внимание к тому, что привлекает дополнительных читателей и авторов (уникальность и своеобразие материалов). В том, насколько удастся добиться прогресса, очень многое зависит от наших читателей и корреспондентов.

Институт археологии РАН,
Москва

L.A. BELYAEV, V.I. GULYAEV

"RUSSIAN ARCHAEOLOGY": PROBLEMS AND OUTLOOKS

Summary

The paper summarizes forty year development of the first truly archaeological journal (it was founded in 1957), "Soviet Archaeology" (starting with 1992 "Russian Acrhaeology"). Attention is focused on the tasks that the collective of the journal has been working on over the recent years: there is a greater focus on the selection of topics for the journal issues, materials selected for the publication become more up-to-date, the informational and even "reference" load of the journal as the central periodic publication has become increasingly higher. The analysis of difficulties that academic journals in general and "Russian Archaeology", in particular, are facing is conducted by making comparisons with the conditions of archaeological publications in the West, in neighboring countries of Europe and Asia, in the subjects of the Russian Federation.

Х.А. АМИРХАНОВ

ИССЛЕДОВАНИЯ ОТДЕЛА АРХЕОЛОГИИ КАМЕННОГО ВЕКА ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ РАН: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ

До 1990-х годов нашего века проблематика каменного века в московской части Института археологии РАН оставалась как бы растворенной в более общем – доисторическом или первобытном направлении археологических исследований. Причиной этому была не недооценка данного раздела нашей науки, а особенности развития и связанная с ними специфика научно-организационной структуры института с разделенностью его на два отделения – московское и ленинградское.

К моменту реорганизации в 1944 г. Института истории материальной культуры в Институте археологии уже существовала авторитетная ленинградская школа исследователей каменного века. Главным образом по этой причине подразделение института, призванное обеспечивать исследования по каменному веку, было отнесено к Ленинградскому отделению ИА РАН. Такое положение, может быть оправданное для 1950-х годов, сохранялось на протяжении нескольких десятилетий и даже тогда, когда по многим другим направлениям археологии обозначился вполне объяснимый параллелизм развития основных разделов археологической науки в московской и ленинградской частях Института.

Между тем, география, масштабы и проблематика исследований расширялись. К концу 1970-х гг. количество только палеолитических памятников, ставших известными на территории страны достигло 1000 и уже появились специальные отделы изучения каменного века почти во всех сколько-нибудь крупных археологических центрах страны. На этом фоне вполне назревшей представлялась организация такого отдела и в Москве.

Имелись и более существенные основания для того, чтобы в московском институте поднять организационно исследования по каменному веку до уровня других направлений археологии. В Московских научных учреждениях и непосредственно в институте в советскую эпоху работали исследователи, внесшие фундаментальный вклад в первобытную археологию. Работы В.А. Городцова, М.В. Воеводского, А.Я. Брюсова, М.М. Герасимова, М.Е. Фосс оказали огромное влияние на становление послевоенного поколения российских исследователей археологии каменного века. Много сделала и делает для поддержания и развития лучших традиций отечественного палеолитоведения М.Д. Гвоздовер. Обширной была география полевых работ названных исследователей и их коллег. Она включала Русскую равнину, Кавказ, Крым, Урал. Значительными открытиями и крупными обобщающими исследованиями отмечены работы А.А. Формозова, О.Н. Бадера, Д.А. Крайнова. Многие из вновь выявленных памятников, включая Капову пещеру, стоянки: Сунгирь, Староселье, Каменномостская пещера, неолитические стоянки Верхней Волги на десятилетия стали ключевыми для изучения палеолита и неолита России.

Отмеченные выше и не перечисленные здесь другие достижения были, однако, больше результатом инициативности, энтузиазма и таланта отдельных исследователей, чем воплощением научно-организационных планов института. С такой же долей случайности складывалась и тематика исследований каменного века зарубежья, хоть нельзя не отметить несомненный успех работы в этом направлении В.С. Титова и Н.О. Бадера. Достаточно эпизодическими были связи специалистов каменного века,

© Х.А. Амирханов, 1999 г.

работающих в Институте археологии, с коллегами из Московского университета и Исторического музея. Не существовало сложившегося научного сотрудничества со специалистами смежных дисциплин из других академических институтов. Невостребованным до конца оставался опыт ведущих специалистов для подготовки новых кадров археологов. Само пополнение числа исследователей, занятых проблематикой каменного века, если и происходило, то в значительной мере стихийно. Неизбежным следствием организационной неоформленности этого направления исследований были неопределенность приоритетов и отсутствие специального перспективного планирования. В результате к 1990-м годам в Институте археологии оставалось два-три человека, числившихся в Отделе неолита и бронзы и Отделе охранных раскопок и продолжавших заниматься палеолитом.

Относительно благополучным на этом фоне выглядело положение с исследованиями по мезолиту и неолиту, благодаря, прежде всего, активной и плодотворной работе Л.В. Кольцова, С.В. Ошибкиной, Г.Н. Матюшина. Но и здесь потенциал казался не реализованным до конца, во многом из-за рассредоточенности специалистов по мезолиту и неолиту по разным отделам Института.

Из отмеченного выше ясно, что уже давно назревшими были предпосылки для создания в Институте археологии специального отдела, который бы объединил в себе всех исследователей каменного века. Реализация их совпала с разделением московской и ленинградской частей на два отдельных института. Стала очевидной необходимость для института, претендовавшего не без оснований на протяжении нескольких десятилетий на роль головного археологического учреждения страны, структурного подразделения, ответственного за исследования в области каменного века.

Таким образом, возник самый молодой в составе нынешнего Института археологии РАН отдел. Он был создан в 1992 г. сначала как Сектор палеолита и мезолита, а в 1994 г. преобразован в Отдел археологии каменного века. Научная деятельность отдела была с самого начала подчинена конкретным целям: организации систематических исследований в области археологии каменного века, придания импульса развитию в Институте археологии РАН данного научного направления, соединения усилий специалистов по каменному веку, работающих в институте для реализации перспективных научных проектов и программ, создания профессиональной среды и определенной психологической атмосферы, которые способствовали бы объединению в интересах науки вокруг отдела коллег из других научных учреждений Москвы. Более конкретные задачи заключались в определении как общей географии, так и приоритетных объектов полевых изысканий, а также выработке конкретных направлений исследований – достаточно масштабных и соответствующих требованиям нынешнего состояния науки и при этом соразмерных силам и возможностям имеющейся в институте группы специалистов. То, что организация отдела пришлась на время не самое благоприятное для науки из-за проходящих в стране кардинальных преобразований, не могло не отразиться на существенной корректировке первоначальных планов. К сожалению, осталась неосуществленной идея заложить в саму структуру нового подразделения выраженную многодисциплинарную, палеоэкологическую направленность, включив в его состав специалистов в областях литологии, геоморфологии, палинологии, археозоологии и т.д. Лимитированность штатного состава сотрудников явилась основной причиной и того, что отдел оказался ограничен в возможностях в обеспечении его специалистами по всем разделам палеолита.

Основная тематика научных разработок, сложившаяся к настоящему времени в отделе, может быть объединена в два крупных направления: "Человек и природная среда в верхнем палеолите Русской равнины" и "Первоначальное освоение и начальные этапы культуры Северной Европы". Реализация первого направления в 1995–1997 годах осуществлялась в рамках проекта "Восточный граветт" на Русской равнине, в котором была занята большая группа сотрудников отдела (Х.А. Амирханов, М.В. Александрова, Е.В. Булочникова, В.Я. Сергин, К.Н. Гаврилов, А.Б. Се-

лезнев, А.В. Трусов). Выполнение второго обеспечивается индивидуальными разработками Л.В. Кольцова, С.В. Ошибкиной, М.Г. Жилина, Е.В. Леоновой. Не меньшую значимость имеют и другие темы, стоящие несколько в стороне от названных выше двух основных направлений. К ним можно отнести разработки, касающиеся палеоантропологического изучения скелетных остатков из Мезмайской мустьерской стоянки на Северном Кавказе (Г.П. Романова), теоретических аспектов палеолитического культурного слоя (М.В. Александрова), каменного века Аравийского полуострова (Х.А. Амирханов) и неолита лесной полосы Восточной Европы (М.П. Зимина).

Выбор темы "восточный граветт" в качестве основного научного проекта для части сотрудников отдела, занимающихся палеолитом, определялся не только значимостью этой проблемы для европейского палеолитоведения, но и желанием сплотить исследователей, получивших научную подготовку в разных научных школах и имеющих разный профессиональный и жизненный опыт в единый коллектив. Последнее представлялось важным особенно на стадии формирования нового научного подразделения.

Не будет преувеличением сказать, что работа над проектом "Восточный граветт на Русской равнине" явилась заметным событием в научной жизни не только самих участников проекта, но и довольно широкого круга российских палеолитоведов. В дополнение к первоначальному составу участников к реализации проекта уже в ходе работы фактически присоединились новые. Так, активное участие в полевых и лабораторных работах, связанных с выполнением программы проекта принимали сотрудники таких научных учреждений, как Институт истории материальной культуры (М.В. Аникович, Л.М. Тарасов, Е.Ю. Гиря), Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Г.Е. Хлопачев), Курчатовского городского музея (А.А. Чубур).

В ходе работы над данным проектом заметно активизировались полевые исследования верхнепалеолитических памятников, имеющих особую важность для верхнего палеолита на территории России. Возобновились прерванные ранее раскопки таких стоянок, как Зарайская, Хотылевская, Авдеевская. Эти раскопки не просто увеличивают коллекции находок, но доставляют факты, имеющие принципиальное значение для существенной переоценки некоторых элементов общей концепции развития верхнего палеолита Русской равнины.

Удалось заинтересовать данным направлением исследований, привлечь к нему непосредственно или поддержать начинания молодых и только вступающих в науку специалистов. Среди них можно назвать Е.В. Булочникову, А.Б. Селезнева, А.Н. Лисицына, А.А. Чубура, Г.А. Хлопачева, С.Ю. Льва.

Совместная работа способствовала созданию необходимой атмосферы для активного обсуждения проблем, над которыми работали участники проекта, обеспечению возможности широкого обмена информацией и идеями.

Исследования участников проекта очерчивают большой круг проблем, как общих, так и более конкретных. К общим относятся проблемы хронологии культурного явления, определяемого, как "восточный граветт" или костенковско-виллендорфская общность, типология и технология индустрий этой общности, культурная идентификация стоянок и общая культурная география памятников рассматриваемого единства. Решению этих проблем способствует рассмотрение вопросов общей методики раскопок верхнепалеолитических памятников с "костно-земляными" сооружениями, более детализованного стратиграфического (в т.ч. микростратиграфического) и планиграфического анализа. Этому же служат приведение в соответствие с современным уровнем науки типологических и технологических разработок применительно к конкретным индустриям и, наконец, просто введение в научный оборот материалов, накапливавшихся десятилетиями.

Несмотря на долгую историю исследований, нерешенной остается проблема продолжительности бытования "восточного граветта" на территории Русской равнины и характера культурного группирования памятников этой общности в более

тесные единства уровня археологических культур. Важные, как представляется, данные для решения этой проблемы предоставляют, проводившиеся в рамках проекта раскопки Зарайской и Хотылевской стоянок. Структурный анализ антропогенных остатков культурного слоя Хотылево 2 позволил К.Н. Гаврилову поставить вопрос о неединовременности элементов поселения, вскрытых на этом памятнике. Основанием для такого суждения служит невозможность свести все выявленные объекты к одному единственному планиграфическому уровню, а также их стратиграфическая разнесенность, обнаруживаемая при более пристальном чем раньше внимании к микростратиграфии различных участков стоянки. При этом возникает вариант хронологического соотнесения одного из уровней археологических объектов с временем функционирования стоянки Пушкари 1 и, тем самым, общая датировка культурных отложений памятника увеличивается на несколько тысячелетий. Эти многообещающие работы еще далеки от завершения и будут продолжены с более активным привлечением к работам специалистов различных геологических дисциплин. Если указанные и другие связанные с ними предварительные заключения оправдаются, то можно будет говорить о проявлении на стоянке Хотылево 2 тенденции, проявившейся уже на Зарайской стоянке, о чем пойдет речь ниже.

Если говорить о Зарайской стоянке, то принципиальные коррективы хронологии "восточного граветта" Русской равнины обосновываются здесь на основе результатов литолого-стратиграфического, археолого-стратиграфического и радиоуглеродного анализов. Раскопками последних трех лет удалось установить, что культурные отложения Зарайской стоянки не являются результатом непрерывного и относительно кратковременного процесса накопления. Временной диапазон их образования укладывается в рамки приблизительно 23–17 тыс. лет назад. Разрезы и планиграфические данные демонстрируют культурную стратификацию разновременных уровней обитания, накладывающихся друг на друга непосредственно. Раскопки памятника далеки от завершения, но уже при современном уровне исследований можно говорить о наличии здесь, по меньшей мере, двух культурных слоев. Причем, один из них (верхний) приурочен к погребенной почве, сформировавшейся, судя по радиоуглеродным датировкам, после максимума валдайского оледенения.

При недифференцированном рассмотрении разброс значений радиоуглеродных дат Зарайской стоянки находится в промежутке примерно от 23 000 до 15 500 лет назад. Однако конкретный анализ, учитывающий планиграфические и стратиграфические отличия участков и объектов стоянки, откуда отбирались образцы для датирования, обрисовывает следующую картину: а) наиболее поздние даты соотносятся со слоем указанной выше погребенной почвы; б) наиболее ранние даты связаны со стратиграфически ранними объектами, заключенными под слоем погребенной почвы; в) средние между двумя названными значения дат приходятся на образцы, отбиравшиеся без дифференциации литологических горизонтов или, происходящие из верхов слоя, подстилающего погребенную почву (красноватая супесь).

Приведенные факты не подтверждают (а, скорее всего, опровергают) утвердившееся в конце семидесятых годов положение о том, что памятники костенковско-виллендорфской культурной общности в Восточной Европе не могут относиться ко времени позднее начала максимальной стадии валдайского оледенения и, что эта культурная традиция представляет собой для Русской равнины достаточно кратковременный эпизод ("граветтийский эпизод") в развитии верхнего палеолита. Из этого делают, в частности, заключение о том, что и костенковско-авдеевскую археологическую культуру (к которой явно тяготеет Зарайская стоянка) следует изначально рассматривать, как весьма кратковременное явление, в котором невозможно усмотреть развитие и, тем более, выделить стадии этого развития.

Причины разного видения этой проблемы состоят, как кажется, в разном восприятии процессов формировании культурных отложений, различиях в определении понятия "культурный слой" и особенностях методических подходов к объяснению вскрываемой раскопками совокупности объектов. Частично это объясняется

и тем, что в российском палеолитоведении укоренилась, идущая во многом от П.П. Ефименко, традиция, которую можно назвать палеоэтнологическим подходом не только к интерпретациям, но и самим раскопкам памятников с жилыми остатками. Разумеется, речь не идет о неуместности применения данного метода вообще. Дело только в том, что изначальная и преимущественная нацеленность на подобные реконструкции уже на стадии самих раскопок не может не сказаться на направленности и конкретных приемах полевых исследований. Выразительным примером подобного подхода к пониманию культурного слоя служит, например, выделение в раскопанной части слоя 7 стоянки Молодово 5, относящейся к "восточному граветту", 52 "кострищ". Они никак не разнесены по уровням обитания – такая проблема даже не ставится. При этом полностью отсутствует и аргументация в пользу их одновременности. По каким критериям в таком случае выделяется культурный слой, если понимать под ним предметы и объекты, функционировавшие непрерывно и составлявшие структурную целостность? Ведь приуроченность различных объектов к единой литологической толще не является основанием, достаточным для определения данной совокупности культурных остатков в качестве одного культурного слоя.

Приведенный пример с Молодово 5, несмотря на свою крайность, является фактом достаточно характерным для рассматриваемой тенденции. В более общем виде этот аспект, определяемый как "идеология" раскопок и "приоритеты археологического исследования", подробно исследован в рамках проекта. Обратившись специально к данной проблеме, М.В. Александрова относит Зарайскую стоянку, Костенки 1 (слой 1), Авдеево и Молодово 7 (слой 7) в число памятников, однослойность которых или, во всяком случае, одновременность заключенных в их культурных слоях объектов, можно подвергнуть сомнению.

Достаточно конкретные и важные для общей проблематики "восточного граветта" результаты предоставляет сравнительный технологический анализ индустрий Хотылево 2 и Зарайской стоянки. Для второго из указанных памятников этот анализ осуществлен с использованием модифицированной методики исследования, предполагающей выделение и описание технологических контекстов и технологических связей (Е.Ю. Гиря). В отношении же материалов Хотылево 2 применялся более традиционный способ анализа (А.Б. Селезнев). Результаты этой работы приводят к доказательным обобщениям, согласно которым технология расщепления верхнего слоя Зарайской стоянки признается аналогичной технологии Костенок 1 (слой 1) и Авдеево. Если учесть то, что данный стратиграфический уровень Зарайской стоянки датируется временем примерно на 4 тысячелетия моложе Костенок, Авдеево, а также низов самой Зарайской стоянки, то приходится констатировать сохранение основных технологических характеристик костенковско-авдеевской культуры на гораздо большем протяжении времени, чем это представлялось. С наступлением максимума валдайского оледенения в бассейне Оки не происходит трансформации "восточно-граветтской" культурной традиции в эпиграветт, как это имеет место почти во всех областях граветтского ареала южной части Европы.

Технологический анализ в согласии с другими методами исследования показывает, помимо прочего и то, что группа памятников, объединяемая понятием "восточный граветт Русской равнины" не образует сходства уровня археологической культуры. С этой точки зрения показательно сравнение продуктов расщепления стоянки Гагарино, относимой к костенковско-авдеевской культуре и Зарайской стоянки, принадлежность которой названной культуре некоторыми исследователями ставится под серьезное сомнение. Детальное рассмотрение материалов этих памятников с точки зрения техники расщепления демонстрирует тесную близость Зарайской стоянки к костенковско-авдеевской культуре, тогда как Гагарино обнаруживает большее сходство с Хотылево 2.

Отсутствие полного единообразия и параллелизм культурных традиций в развитии граветтоидных индустрий в среднюю пору верхнего палеолита Русской равнины показывают также изучение остатков жилищ (В.Я. Сергин) и многомерный статис-

тический анализ ведущих составляющих каменных индустрий (Х.А. Амирханов). При детальном анализе жилищно-хозяйственные комплексы идентичны только в Костенках 1 (слой 1) и Авдеево; Гагарино и Хотылево 2 не тождественны и другу-другу, и Костенкам – Авдеево (В.Я. Сергин). Несколько более общее рассмотрение этих же материалов позволяет установить большую близость Гагарино и Хотылево 2 друг другу, чем каждого из них по отдельности к Костенкам – Авдеево. Зарайская стоянка по этому виду источников имеет выраженное тяготение к Костенкам – Авдеево.

Центральной для рассматриваемой тематики является проблема собственно археологического определения понятия "восточный граветт" и выяснения структуры этого культурного явления. В последние годы обозначилась тенденция определять "восточный граветт" как сочетание таких каменных изделий, как ножи костенковского типа, листовидные острия "павловского типа", пластинки с притупленным краем с симметрично оформленными краями, наконечники с боковой выемкой костенковского типа (Г.П. Григорьев). Однако при таком взгляде на проблему, которого придерживается и участница нашего проекта Е.В. Булочникова, "восточный граветт" оказывается тождественным костенковско-виллендорфской культурной общности. И, наконец, "восточный граветт" в культурном отношении полностью отрывается от граветта Западной Европы, что, к слову говоря, лишает смысла само исходное понятие. Проблема структуры для немногочисленных сторонников этой точки зрения решается через использования понятия "влияние". Утверждается, что на Русской равнине есть памятники двух типов – собственно "восточного граветта" и испытавших в различной степени влияние первых. Эта концепция имеет, однако, существенный методический изъян. Он состоит в невозможности определить и измерить археологическими средствами механику и степень "влияний", а также четкую характеристику и масштаб трансформаций, проходящих в подвергшейся "влиянию" индустрии. Построения, лишенные такой определенности, не могут рассматриваться иначе, чем гипотеза.

Второй, более традиционный подход, основывается на восприятии граветтоидных индустрий, как общеевропейского явления, имеющего в различных регионах существенные локальные особенности своего проявления. При этом "восточный граветт" не отождествляется с граветтом Западной Европы, но и не рассматривается как явление изолированное в культурном отношении от второго. Отсутствие идентичности этих двух культурных традиций подчеркивается самим определением памятников "восточного граветта" как граветтоидных, т.е. отразивших в себе общие, надкультурные характеристики граветта (высокая специализация пластинчатого раскалывания, широкое применение пластинок и микропластинок, использование крутой (до вертикальной) краевой ретуши, представленность приема ретушного усечения концов заготовок и, вообще, разнообразие приемов подработки концов пластин и пластинок, наличие острий, оформленных техникой крутой краевой ретуши).

Опыт кластерного анализа ведущих форм каменных изделий 14 граветтоидных индустрий Русской равнины (Х.А. Амирханов) дает достаточно примечательную картину культурного группирования памятников. В качестве показательных для многомерного статистического анализа избраны три базовые морфологические группы с учетом их внутригруппового разнообразия (наконечники с боковой выемкой, листовидные наконечники и черешковые наконечники) и две базовые технологические группы (параметры пластины, представленность подработки конца в "костенковской технике").

Результатом рассмотрения является дендрограмма, структурирующая памятники по пяти иерархическим уровням сходства. В наиболее общем виде отмечается расхождение выборки на две линии. Одна из них включает Зарайск, Авдеево, Костенки 1 (слой 1), Костенки 11 (слой 2), Молодово 5 (слой 7) и Молодово 5 (слой 10). Вторая состоит из Хотылево 2, Гагарино, Костенки 8 (слой 2), Пушкари 1, Борщево 1, Костенки 21 (слой 3). Несколько особняком, примыкая в целом ко второй группе, стоят Костенки 4 (слой 1) и Костенки 8 (слой 1). Если говорить о наиболее вырази-

тельных памятниках выборки, то указанное расхождение на две линии проявляется, в целом, и при традиционном подходе к анализу отдельных элементов стоянок: жилищ, кремневого инвентаря, костяных изделий. Существенным в результатах кластерного анализа является выявляемая структура иерархии и характер группирования родственных памятников на самом низком уровне близости, сопоставимом с понятием археологическая культура. Что касается последнего момента, то обнаруживаемая нетождественность материалов слоев 7 и 10 Молодово 5, а также Зарайска и Костенок – Авдеево требует еще осмысления. Интерпретации же самого общего характера подводят к заключению о существовании в массиве граветтоидных памятников Русской равнины некоей культурной непрерывности, отдельные элементы которой имеют черты своеобразия, определяемые хронологическим и пространственным факторами.

Учитывая выдающуюся научную значимость "восточнограветтских" памятников Русской равнины, Комиссия по верхнему палеолиту Международного союза преисторических и протоисторических наук (Комиссия № 8) на протяжении пяти последних лет выступала с инициативой проведения в России международной конференции, посвященной проблемам восточного граветта. С другой стороны, и российские исследователи уже давно испытывали потребность в непосредственном общении с зарубежными коллегами, занимающимися общими проблемами верхнего палеолита Центральной и Восточной Европы и особенно раскопками памятников, близких в культурном отношении к стоянкам средней поры верхнего палеолита Русской равнины.

Идея совмещения окончания проекта "Восточный граветт" на Русской равнине" с проведением международной конференции получила поддержку Института археологии, Отделения истории РАН и РГНФ. Соорганизаторами конференции выступили Комиссия № 8 Международного союза преисторических и протоисторических наук, а также Администрация Московской области и Администрация Зарайского района Московской области.

В конференции, прошедшей в 1997 г. приняли участие 60 исследователей, представлявших академические научные учреждения, ведущие и периферийные высшие учебные заведения и музеи как России так и зарубежных стран. Наряду с авторитетными учеными старшего поколения активное участие в работе принимали начинающие и молодые специалисты, в том числе и аспиранты. География участников была весьма обширной как применительно к России, так и в отношении зарубежья. Зарубежные докладчики приехали из Франции, Испании, Бельгии, Польши, Румынии, Венгрии, Албании, Израиля, США, Украины и Молдавии.

Тематика докладов, как и предполагалось изначально, охватывала четыре основных направления исследований: общие проблемы граветта и граветтоидных индустрий; региональные особенности развития граветта в Западной, Центральной и Восточной Европе; типология и технология граветтоидных индустрий; проблемы палеогеографии "восточного граветта". Такая тематическая разбивка сочеталась с группированием докладов по основным памятникам "восточного граветта" Русской равнины, исследованием которых в настоящее время заняты сотрудники Отдела археологии каменного века Института археологии РАН – Зарайская стоянка, Хотылево 2 и отчасти Авдеево. Силами сотрудников нашего отдела, Музея антропологии МГУ и Зарайского городского историко-художественного музея были организованы приуроченные к коллоквиуму специальные выставки материалов из новых и старых раскопок в зарайском городском музее, Музее антропологии МГУ и Институте археологии РАН. Участники коллоквиума имели возможность ознакомиться непосредственно с ходом и основными результатами раскопок Зарайской стоянки, с характером ее культурных отложений, геологических разрезов и вскрытых к настоящему времени древних объектов поселения.

Одним из наиболее важных итогов конференции можно считать сам факт, что она прошла на территории России, где имеются выдающиеся по своей научной значимости

памятники "восточного граветта". Исследователи различных стран получили возможность ознакомиться с конкретными материалами, обменяться информацией и подвести совместно некоторые итоги исследований по данной проблематике за последние десятилетия. В ходе докладов, обсуждений и кулуарных встреч было признано необходимым стремиться к унификации общих понятий и терминов, используемых западными исследователями и археологами Восточной Европы, выработке по возможности единой номенклатуры археологических объектов и явлений. Отмечалось некоторое отставание во введении в широкий научный оборот коллекций и других материалов, происходящих из раскопок памятников "восточного граветта" Русской равнины. В непринужденном общении вырабатывались планы будущих совместных проектов и полевых работ на конкретных памятниках исследовательских групп ученых разных стран. В дополнение к уже изданным тезисам докладов все обширные материалы проведенного коллоквиума при финансовой поддержке РГНФ и Института "Открытое общество" вышли в свет в виде сборника статей уже 1998 г.

Научные интересы и занятия сотрудников отдела – палеолитоведов, разумеется, не ограничиваются только охарактеризованной выше проблематикой. Параллельно с проектом по восточному граветту разрабатывались и разрабатываются вопросы теории палеолитического культурного слоя (М.В. Александрова), истории древнейшего заселения и освоения территории Среднего Поднепровья (К.Н. Гаврилов), планировки и структуры гонцовского поселения (В.Я. Сергин), технологии обработки кремня на стоянке Сунгирь (А.Б. Селезнев), палеолита бассейна Оки (А.В. Трусов), палеолита Юго-Западной Азии и Кавказа (Х.А. Амирханов).

Помимо разработок палеолитической направленности, как уже отмечалось, в отделе проводятся исследования по широкому спектру мезолитической тематики. Представление о них дают несколько крупных работ. Л.В. Кольцовым завершена тема "Мезолит Северной Европы. Культурные и экономические аспекты". Здесь анализируются формы, способы и средства взаимовлияний, трансформаций и адаптации культур Северной Европы в эпоху мезолита. Судьбы мезолитических культур изучаемого региона рассматриваются через призму особенностей хозяйственных занятий и смены климатических условий, динамики и взаимодействия традиционных элементов культуры и инноваций.

Систематизация материалов своих многолетних полевых работ осуществлена С.В. Ошибкиной в работе "Мезолитическая культура веретье (поселения)". Детальным изучением охвачены ставшие уже широко известными памятники: Веретье 1, Сухое, Нижнее Веретье. Большой интерес представляет восстановление планировки поселений культуры веретье. Достаточно уделяется внимания и вещественным остаткам, представленным изделиями из камня, кости и дерева. По выразительности, разнообразию и обилию орудий и поделок из органического материала стоянки Веретье до сих пор остаются уникальными для мезолита на территории России.

Костяным изделиям мезолита посвящены исследования М.Г. Жилина. На основе материала, происходящего из более чем 30 памятников, рассмотрены проблемы типологии, технологии и функций костяных предметов в мезолите лесной зоны Восточной Европы. Сравнительный анализ данных по ряду более или менее синхронных мезолитических культур (бутовская, веретье, кунда) свидетельствует о достаточно выраженной культурной диагностичности костяных предметов. С другой стороны, методически интересным является то, что обогащение комплексов костяным инвентарем, даже в большом масштабе, не меняет сколько-нибудь заметно культурных идентификаций, сделанных прежде на основе только одного источника в виде кремневых изделий.

Основная задача научной темы, выполняемой Г.П. Романовой, заключалась в видовом определении костных остатков из мустьерского слоя Мезмайской пещерной стоянки. Рассмотрение морфологических особенностей изучаемого материала и сравнительный анализ по комплексу количественных признаков позволили установить принадлежность скелета из детского погребения к неандертальскому типу. Это

исследование и его заключения приобретают большое значение, во-первых, потому, что данная палеоантропологическая находка, относящаяся к мустьерскому времени, является уникальной по своей полноте на всей современной территории России и, во-вторых, полученные выводы делают возможным установить взаимосвязь конкретной археологической культуры Северного Кавказа с определенным палеоантропологическим типом населения. До сих пор по данному вопросу не приходилось говорить с такой степенью доказательности. Имевшиеся ранее для Закавказья и Северного Кавказа разрозненные палеоантропологические данные интерпретировались очень осторожно в качестве свидетельств того, что творцом мустьерской культуры Кавказа мог быть если не Homo sapiens традиционной антропологической классификации, то форма с очень выраженными сапиентными признаками. Теперь же, по крайней мере, применительно к губской мустьерской культуре можно говорить с достаточной долей вероятности о ее связи с неандертальским человеком. В связи с этим встает новая археологическая, а скорее общеисторическая проблема, связанная с выяснением того, является ли устанавливаемый факт свидетельством коренного различия хода культурно-исторического развития в мустьерскую эпоху на север и на юг от Главного Кавказского хребта или же это различие является кажущимся из-за ограниченности источников, в особенности по Закавказью.

Результаты проводимых отделом исследований получают регулярное освещение в научной печати. Помимо десятков статей и публикаций сотрудниками отдела за короткое время его существования в качестве отдельного подразделения опубликовано две монографии. В 1999 г. ожидается выход в свет еще двух книг, посвященных мезолиту и неолиту Русской равнины, а также сборника статей по верхнему палеолиту Центральной и Восточной Европы. В последнем принимают участие многие зарубежные коллеги из европейских археологических центров и США.

В отделе проходило завершение подготовки к изданию тома "Неолит Северной Евразии", осуществляемого институтом капитального издания "Археология". Большая организаторская и редакторская работа в связи с этим осуществлена С.В. Ошибкиной. Издание этой работы подводит определенный итог исследованиям неолита на территории бывшего СССР на протяжении многих десятилетий. Аналогичная работа еще до выделения нашего отдела в отдельное подразделение института была выполнена Л.В. Кольцовым применительно к мезолиту СССР.

Автором одной из вышедших монографий – "Веретье 1" является С.В. Ошибкина. В книге обобщены результаты изучения мезолитического поселения, в культурном слое которого в виду особо благоприятных условий залегания сохранилось много предметов из кости, рога и дерева. Раскопана большая площадь поселения – около 1500 м^2. Это позволило проследить остатки жилых сооружений, хозяйственных помещений, ям и других хозяйственно-бытовых объектов. Археологические данные дополняются результатами спорово-пыльцевого, фаунистического и радиокарбонового анализов.

Вторая книга – "Неолит и постнеолит Хадрамаута и Махры" принадлежит Х.А. Амирханову. В ней обобщаются материалы более 40 открытых и исследованных автором памятников неолита и постнеолита двух историко-культурных регионов Южной Аравии. Помимо археологического анализа находок, рассматриваются проблемы развития и периодизации неолита и постнеолита исследуемой территории, природного окружения, взаимодействия неолитической культуры Южной Аравии с синхронными культурами Северной Африки и Ближнего Востока, сохранения некоторых традиций материальной культуры в историческое время, а также вопросы этноархеологического изучения бедуинских стойбищ.

Намеченная к выходу монография Л.В. Кольцова и М.Г. Жилина посвящена мезолитическим культурам Волго-Окского междуречья, а книга М.П. Зиминой – обобщению материалов раскопок Кончанского неолитического могильника.

Осуществляемые в отделе научные разработки во многом базируются на полевых исследованиях. К настоящему времени в целом определилась география раскопок,

проводимых сотрудниками отдела. Она очерчивает преимущественно территорию Русской равнины в пределах бассейнов Волги, Оки и Десны. Три палеолитические (Зарайская, Хотылевская, Окская) и одна мезолитическая (Верхневолжская) экспедиции проводят работы в Московской, Ивановской, Ярославской, Нижегородской, Брянской, Рязанской, Тверской областях. Ввиду ограниченности средств на проведение экспедиций и немногочисленности состава сотрудников отдела приоритет при раскопках отдается памятникам, имеющим принципиальное значение для решения наиболее актуальных проблем каменного века центра Русской равнины.

За время существования отдела в нем прошли и продолжают проходить аспирантскую подготовку 11 человек. Пятеро из них защитили кандидатские диссертации, двое закончили свои работы и представили их к защите.

Большинство сотрудников отдела выполняют разнообразную экспертную деятельность в качестве оппонентов, консультантов музеев, редакторов различных изданий, рецензентов и т.д. В отделе проходят апробацию работы иногородних авторов, представляемые на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

В научно-организационной работе большое значение отводится связям отдела с родственными учреждениями и отдельными исследователями из научных институтов Москвы, Санкт-Петербурга и других городов. Стала уже обычной практика обсуждения на заседаниях отдела сообщений и докладов приглашенных ораторов. Этому придается значение еще и потому, что не все работающие в Институте специалисты по каменному веку состоят организационно в Отделе археологии каменного века. Несколько исследователей мезолита и неолита продолжают числиться в Отделе охранных раскопок ввиду производственной необходимости, обусловленной спецификой этого отдела. В области каменного века сосредоточены полностью или частично интересы и нескольких сотрудников Отдела теории и методики. Единство научной тематики и тесное сотрудничество всех исследователей каменного века, работающих в стенах института, со временем, видимо, приобретет соответствующее организационное оформление.

Институт археологии РАН,
Москва

Kh.A. AMIRKHANOV

ACTIVITY OF THE STONE DEPORTAMENT OF THE INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES: CURRENT STATUS AND PROBLEMS

S u m m a r y

The paper presents a brief review of landmarks in the development of the scientific area of investigations related to the Stone Age studies performed in the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. It analyzes the current status of the studies, reviews research prospects and problems related to the organizational issues that would help improve the future work. It presents detailed results of specific research, expedition and publishing activity of the scholars that work in the Department of the Stone Age Archaeology of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences within the general context of studies related to the Stone Age in the European part of the Russian Federation.

З.А. АБРАМОВА

ВЕРХНИЙ ПАЛЕОЛИТ ВОСТОЧНО-ЕВРОПЕЙСКОЙ РАВНИНЫ. ИТОГИ И ПРОБЛЕМЫ

Одним из основных направлений российской археологической науки является изучение древнейшей, палеолитической эпохи в истории человечества и в ее рамках – верхнего палеолита, периода становления человека современного типа[1]. Спорадические исследования палеолитических памятников начались с открытия стоянок: в России – Военный госпиталь в 1871 г. и на Украине – Гонцы в 1873 г. В 1915 г. появилась первая сводка по палеолиту, выполненная А.А. Спицыным. Исключительное значение для развития науки имела созданная на базе Императорской археологической комиссии (ИАК) в 1919 г. по декрету Совнаркома за подписью В.И. Ленина Российская Академия истории материальной культуры (РАИМК), впоследствии получившая статус Государственной (ГАИМК). Но если деятельность ИАК почти не касалась первобытной археологии, то Сектор архаической формации ГАИМК начинает разрабатывать тему "Охота и ее значение как руководящей формы производства средне- и верхнепалеолитического общества".

В 1920–1930-е годы в Петрограде-Ленинграде складывается школа изучения палеолита, связанная с именами П.П. Ефименко, который по праву считается ее основателем, Г.А. Бонч-Осмоловского, С.Н. Замятнина, П.И. Борисковского, Г.П. Сосновского, А.П. Окладникова, А.Н. Рогачева и др. Естественно, ленинградскую школу нельзя рассматривать в отрыве от других научных центров. Большой вклад в изучение палеолитической эпохи внесли представители развивающейся параллельно московской школы во главе с В.А. Городцовым и украинской школы палеолитоведения, созданной П.П. Ефименко в первые годы после Великой Отечественной войны.

Остановимся лишь на рассмотрении проблем палеолита, развиваемых в наши дни в стенах преемника ГАИМК – Института истории материальной культуры (ИИМК) РАН и основанных в большей или меньшей степени на идеях П.П. Ефименко и его учеников. Несколько слов о научном становлении этого выдающегося исследователя. Петр Петрович Ефименко (1884–1969) закончил естественное отделение Петербургского университета под руководством Ф.К. Волкова (Хв. Вовка), ученого с европейским кругозором, передавшего своим студентам всесторонние знания в области антропологии, первобытной археологии и этнографии. В 1909 г. Ф.К. Волков поручил П.П. Ефименко провести раскопки Мезина – одного из самых замечательных верхнепалеолитических поселений Восточной Европы. После окончания университета П.П. Ефименко получает заграничную командировку и в течение двух лет знакомится с археологическими и этнографическими коллекциями в странах Европы, Северной Африки, Ближнего Востока, посещает Индию, Японию, Китай. Особенно большое значение имело участие в раскопках палеолитических стоянок и пещер Франции и Швейцарии. Такая широкая подготовка помогла развить блестящие способности молодого ученого.

---

[1] Дефиниция "верхний" представляется более предпочтительной, чем "поздний" палеолит. Она полностью соответствует французскому "superieur" и английскому "upper". Введенное в науку обозначение "поздний" для всего подразделения от 40 до 12 тыс. лет назад вносит значительную путаницу, поскольку относится к заключительной фазе верхнего палеолита ("tardif" и "late" соответственно).

© З.А. Абрамова, 1999 г.

В 1923 г. П.П. Ефименко начинает свои многолетние работы в с. Костенки на Дону, продолженные П.И. Борисковским, А.Н. Рогачевым, Н.Д. Прасловым и позволившие выработать методические основы раскопок, фиксации и интерпретации материала. Это надолго превратило Костенки в полевую школу, без прохождения которой археологу было бы трудно считать себя освоившим навыки изучения культурного слоя в памятниках, залегающих в лессовых отложениях. Одним из выдающихся фундаментальных достижений российской археологической науки стало открытие и изучение жилищ на палеолитических поселениях Восточно-Европейской равнины.

Впервые идея существования жилищ в верхнем палеолите возникла у П.П. Ефименко во время раскопок в 1923 г. стоянки Костенки 3, когда он отметил утолщение культурного слоя, резко очерченное в плане. Эта мысль нашла подтверждение в открытии С.Н. Замятниным в 1927 г. на стоянке Гагарино остатков бесспорно округлого жилища[2]. Более того, на основании отчетов о раскопках некоторых западноевропейских палеолитических стоянок П.П. Ефименко установил наличие на них остатков жилых сооружений, не осознанных авторами отчетов. Исследуя мощный жилой комплекс в Костенках 1, П.П. Ефименко в 1931 г. сформулировал необходимость изучения палеолитических жилищ и поселений как возможность глубокого проникновения в социальную жизнь древних охотников, представляемых ранее в виде мелких бродячих групп, подавленных суровой окружающей средой (Ефименко П.П., 1931).

Последующие открытия и широкое исследование памятников, сохранивших следы жилищ различного рода, в значительной мере обеспечили превращение палеолитоведения в раздел исторической науки. Как справедливо замечено в последнем обобщающем труде по верхнему палеолиту Восточной Европы, созданному в Отделе палеолита Института истории материальной культуры: "...проблема палеолитических жилищ и поселений из частной историко-культурной темы, касающейся важной стороны жизни людей в условиях ледникового периода, выросла во всеобъемлющую проблему первобытной археологии как исторической науки" (Рогачев А.Н., Аникович М.В., 1984, с. 189).

Именно ученикам П.П. Ефименко П.И. Борисковскому и А.Н. Рогачеву принадлежит углубленная разработка этой проблемы. В частности, А.Н. Рогачевым сформулированы сами понятия и предложена типология палеолитических жилищ, которая опирается на реально существующие археологические источники (Борисковский П.И., 1956, 1958; Рогачев А.Н., 1962а; 1964; 1970; Рогачев А.Н., Аникович М.В., 1984). Среди выделенных А.Н. Рогачевым пяти типов жилищ заслуживают особого внимания наиболее показательные сооружения аносовско-мезинского типа, названные по двум известным стоянкам Аносовка 2 (Костенки 11, слой Ia) и Мезин: сравнительно небольшие (диаметром 4–6 м), округлые, наземные или слегка углубленные, с выразительной обкладкой цоколя из крупных костей мамонта. Они наиболее полно изучены, наиболее достоверны и широко известны также в Костенках 2 на Дону и в Межириче, Добраничевке, Супоневе в Среднем Поднепровье. К ним допустимо отнести и мощные скопления ("груды") костей мамонта из старых раскопок Киево-Кирилловской стоянки и Гонцов.

Раскопки жилищ аносовско-мезинского типа продолжаются и в наши дни на стоянке Юдиново, остававшейся менее известной, несмотря на то что исследовавший ее в 1947 г. К.М. Поликарпович подчеркнул приоритет открытия: "Аналогичных сооружений на других стоянках верхнего палеолита раньше встречено не было" (Поликарпович К.М., 1957, с. 10). Материалы раскопок увидели свет благодаря усилиям А.Н. Рогачева лишь после смерти К.М. Поликарповича (Поликарпович К.М., 1968)[3].

---

[2] Позднее гагаринское жилище было доследовано Л.М. Тарасовым, обнаружившим ряд интересных деталей (Тарасов Л.М., 1979).

[3] Второе жилище, раскопанное К.М. Поликарповичем и В.Д. Будько, опубликовано лишь предварительно. В разрозненных и часто противоречивых статьях В.Д. Будько имеются упоминания о наличии еще одного жилища.

Остатки еще двух находящихся рядом сооружений из костей мамонта открыты на нетронутом участке во время работ экспедиции ИИМК РАН, начатых в 1980 г. Примечательно, что колхоз "Победа" Погарского р-на Брянской обл., на землях которого расположен памятник, построил над развалинами жилищ кирпичное здание, позволяющее сохранять их в виде музейной экспозиции, продолжать расчистку и закреплять кости консервирующими составами, разработанными сотрудником Эрмитажа Е.П. Мельниковой (Абрамова З.А., 1995).

При изучении жилых сооружений существенным является вопрос об их одновременности, о намеренной или хаотичной в связи с этим планировке поселения. Если в Мезине жилища располагались по одной линии вдоль берега, то в Межириче, Добраничевке, Юдинове они стояли достаточно беспорядочно на большем или меньшем расстоянии друг от друга. Даже если допустить, что жилища не строились одновременно, а возникали по мере необходимости, то, согласно характеру материальной культуры, они принадлежали одной и той же группе людей, связанных родственными отношениями и одинаковыми традициями. В любом случае сооружение жилищ аносовско-мезинского типа с цоколем из крупных костей мамонта и еще более сложных жилых комплексов костенковско-авдеевского типа, очевидно, более древних, требовало значительных затрат труда. Естественно, поселения, состоявшие из таких жилищ, не могли быть сезонными. Именно на основании раскопок Костенок 1 П.П. Ефименко впервые связал долговременные жилища с оседлым образом жизни. В настоящее время это положение, принятое большинством специалистов, оспаривается в первую очередь в трудах О. Соффер, но не может считаться опровергнутым (Абрамова З.А., Григорьева Г.В., 1997).

По-прежнему заслуживают внимания идеи П.П. Ефименко о связи оседлости и роли женщины в социальной структуре общества, обоснованной им по находкам в жилищах костенковско-авдеевской культуры женских статуэток с выразительными признаками материнства. До работ П.П. Ефименко не было речи о существовании родового строя в палеолите и тем более о его матрилинейном характере. Проблема эта не нашла окончательного решения, споры о матриархате в палеолите затихли, и очевидно, что собственно археологические материалы не могут дать ответа на этот вопрос. Как достаточно резко, но в целом справедливо отметил А.А. Синицын, "если еще недавно социологическая направленность советской школы широко декларировалась отечественными исследователями, то в настоящее время даже принципиальные положения этого направления практически выведены за рамки интересов археологов. Такое положение явилось естественной реакцией на голословность социологических построений предшествующего этапа развития науки, неразработанность их методических основ и спорность практически всех конкретных социологических реконструкций" (Синицын А.А., 1992, с. 6).

И действительно, выводы о социальной жизни общества в эпоху существования жилищ аносовско-мезинского типа при отсутствии реалистических женских статуэток более чем скромны. Можно признать лишь, что ячейкой общества была семья, состоящая из представителей трех поколений. На пригодной для обитания внутренней площади постройки, равной 10–20 м^2, могло разместиться не только для ночлега, но и для повседневной жизни 6–10 чел., включая стариков и детей. Считать, что поселение принадлежало одной семье, которая то ли сезонно, то ли через несколько лет возвращалась на избранное место и строила здесь новое жилье, кажется невероятным. В условиях адаптации к суровой окружающей среде перигляциальной зоны семьи должны были объединяться. Нам не дано узнать, по каким причинам происходило объединение – по родственным или экономическим, или по тем и другим, но вся жизнь этого общества строилась на коллективных началах.

Основа экономики – охота на мамонта, в какой бы форме она ни происходила, требовала коллективности и в самой охоте, и в свежевании туши и ее расчленении, и в транспортировке добычи на место поселения. Так решалась главная задача человека по выживанию – обеспечение пищей и на каждый день, и впрок в ямах-храни-

лищах, окружавших жилища. Вместе с тем на многих стоянках той поры кости травоядных животных собраны в столь незначительных количествах, что не могли быть основой пропитания. Далее, другое необходимое условие выживания, особенно в холодном климате, – домостроительство – совершалось прежде всего за счет черепов, бивней, длинных костей конечностей и других крупных костей мамонта, очень тяжелых в свежем состоянии (о других строительных материалах можно говорить лишь умозрительно – они до нас не дошли, но заготовка жердей, шкур и пр. также требовала значительных усилий, как и вкапывание костей в твердый грунт). Изучение жилых конструкций, намеренной продуманной укладки костей для создания устойчивого цоколя шириной до 1 м показывают, что постройка требовала неимоверной затраты труда, непосильной для одной семьи с одним-тремя взрослыми мужчинами.

Там, где поблизости не было источников кремня, как в Юдинове, его надо было добыть и принести в подготовленном виде из других мест, возможно, достаточно отдаленных. Предположение, что таким источником сырья для Юдинова был временный летний лагерь типа Чулатово II, расположенного в 80 км южнее, требует петрографического и высокоточного химического анализа кремня из этих двух местонахождений. Другой важный вид сырья – бивень мамонта, широко использованный в Юдинове, мог обрабатываться только в свежем виде. Несомненно, существовало и половозрастное разделение труда, выражавшееся также в заботах повседневной жизни, куда входят занятия, оставившие материальные свидетельства: выкапывание ям, раскалывание костей для топлива, выделка и кройка шкур, шитье одежды. Наряду с охотой не могло не существовать и собирательство, не оставившее никаких следов, хотя к этому промыслу можно отнести и собирательство в окрестностях стоянки уже лишенных плоти пригодных костей мамонта и сброшенных рогов северного оленя.

В группе людей, бесспорно, выделялись особо одаренные личности, создававшие подлинные шедевры первобытного искусства. Примечательно и открытие в Юдинове специализированного производства мелких бус-нашивок из тонких пластинок бивня мамонта. Такие бусы-нашивки, как и шкуры песца, кости которого в огромном количестве встречены на стоянке, могли быть продуктами обмена, как и полученные взамен просверленные раковины причерноморского происхождения[4].

Можно полагать, что дошедшие до нас остатки поселений принадлежали самодостаточным группам, обеспечивающим живущих вместе людей всем необходимым. Количество семей зависело помимо прочих условий и от окружающей среды: истощение ресурсов эксплуатируемой площади приводило к перемещению коллектива на новые места, но эти передвижки не могли быть сезонными или ежегодными: слишком велик был труд, затрачиваемый на более или менее долгое обоснование, слишком тяжел был груз, который следовало бы перемещать без всяких подручных средств, кроме предполагаемой "волокуши", и слишком притягательны были места, где мамонты водились в изобилии.

Важным направлением в палеолитоведении является создание типологических систем, позволяющих производить сравнительный анализ материальной культуры памятников и на его основе выделять локальные черты и особенности, археологические культуры, устанавливать культурно-исторические или этнокультурные области, ограниченные территориально и хронологически, а также более широкие зоны и провинции. Истоки этого направления связаны с именем В.А. Городцова, специально занимавшегося типологическими этюдами в области кремневого инвентаря. Для поздней поры палеолитической эпохи В.А. Городцов выделил, главным образом по произведениям искусства, три территориальные культуры: западноевропейскую – мадленскую; несколько отстающую от нее в развитии среднеевропейскую и еще недоста-

[4] Представляется маловероятной предполагаемая некоторыми авторами организация экспедиций за сотни километров для поиска этих хрупких и не самых насущно необходимых в повседневной жизни, но, очевидно, ценимых предметов.

точно тогда исследованную восточноевропейскую. Им был поставлен вопрос об этнографических и этнологических особенностях культур отдельных регионов, их взаимоотношениях, связях, влияниях друг на друга (Городцов В.А., 1923, с. 278).

Сходные мысли высказывал и П.П. Ефименко, считавший неправильным рассматривать Европу как область однотипной культуры в разные эпохи существования палеолита: «...отдельные районы Европы, не занятые ледником, образуют несколько особых "провинций" с им лишь свойственными путями культурных исканий и своим темпом культурной эволюции» (Ефименко П.П., 1928, с. 45). Отметим, что уже тогда П.П. Ефименко пользовался понятием "археологическая культура". Дальнейшее развитие этих идей на более широком фоне и на более обширных материалах представлено в трудах С.Н. Замятнина и А.Н. Рогачева.

С.Н. Замятнин особо подчеркивал, что локальные различия в культуре палеолита – явление исторического порядка, а не изначально данное. Они слагаются постепенно и не остаются неизменными. Объем, характер и значение этих различий не одинаковы в отдельные эпохи. В верхнем палеолите отчетливо выделяются три большие области: средиземноморско-африканская, европейская приледниковая и сибирско-китайская. Уделяя первостепенное внимание европейской приледниковой области как наиболее полно изученной, С.Н. Замятнин отметил, что в разных ее частях можно проследить в хронологической последовательности развитие верхнепалеолитической культуры на местном материале и таким образом выявить постепенное сложение локального своеобразия отдельных областей, изучить динамику этого процесса (Замятнин С.Н., 1951, с. 131).

Многолетние раскопки в Костенковско-Борщевском р-не, изучение совместно с геологами геоморфологического и стратиграфического положения культурных слоев, особенно в многослойных памятниках, позволили А.Н. Рогачеву создать принципиально новую концепцию развития культуры в эпоху верхнего палеолита. Если до этих работ П.П. Ефименко и П.И. Борисковский размещали памятники в рамках единой шкалы, где происходила последовательная смена этапов или стадий развития культуры палеолита, то А.Н. Рогачев обосновал схему из четырех хронологических групп памятников, внутри которых главным образом на основании кремневого инвентаря им были выделены различные археологические культуры, отражающие этнографические и этнические особенности (Рогачев А.Н., 1957). В отличие от многослойных памятников Поднестровья, где на юго-западной окраине Восточно-Европейской равнины единая среднеднестровская культура развивалась автохтонно от позднего мустье до позднего мадлена, в Костенковско-Борщевском р-не установлен неавтохтонный характер сменяющих друг друга и сосуществующих культур, что может быть связано с центральным положением Костенок на Русской равнине (Рогачев А.Н., 1962б). Таким образом, ядром концепции А.Н. Рогачева является понятие "археологическая культура". Его отличие от такого широкого понятия, как "культура" четко сформулировано Г.П. Григорьевым, давшим обзор выделенных к тому времени на территории СССР археологических культур (Григорьев Г.П., 1970).

В настоящий момент эта проблема может рассматриваться по четырем направлениям типологических разработок: жилища, кремневый инвентарь, костяной инвентарь, произведения искусства. О типологии жилищ упомянуто выше. Как мы видели, наиболее выразительные и достоверные сооружения аносовско-мезинского типа существенно отличаются от малых полуподземных жилищ, входящих в состав крупных жилых комплексов Костенок 1 – Авдеева. Различна и планировка этих двух групп поселений, которые относятся к разным, как увидим ниже, хронологическим этапам. Территориально основные поселения аносовско-мезинской группы расположены в бассейне Десны – Днепра в меридиональном направлении от самого северного памятника Супонево до самого южного Межирич на протяжении приблизительно 420 км. Две донские стоянки Костенки 2 и Костенки 11 (слой Ia) находятся на широте Мезина к востоку примерно на таком же расстоянии без каких-либо про-

межуточных пунктов. Жилища тут и там построены из одного строительного материала с применением единых архитектурных приемов, что свидетельствует об этнографическом однообразии. Естественно поставить вопрос, являются ли донские памятники однокультурными днепровскими и могут ли они входить в единую этнокультурную область (культурно-этнографическое единство).

Рассматривая другие компоненты культуры, в особенности кремневый инвентарь, следует заметить, что этот самый массовый материал наиболее широко используется для различного рода построений, касающихся культурной принадлежности памятников и их хронологической позиции. Вместе с тем, несмотря на усиленное внимание к типологии кремня, до сих пор для верхнего палеолита Восточной Европы нет единой общепринятой системы. И в этой области отечественной археологии основоположником считается П.П. Ефименко (Григорьев Г.П., 1992, с. 12). Достаточно вспомнить его работы о кремневом инвентаре Мезина (1912) и Костенок 1 (1915). Опираясь на дефиниции П.П. Ефименко и используя системы французских авторов, все советские и постсоветские исследователи описывали кремневый инвентарь согласно собственным вкусам и пристрастиям. Перенос на отечественный палеолит четко разработанной типологии верхнего палеолита Франции, созданной Д. де Сонвиль-Борд и Ж. Перро, не увенчался успехом, своеобразные формы часто подгонялись под французские типы лишь по внешнему весьма приблизительному сходству. В обычной практике типологические разработки создаются лишь для отдельных памятников или для одной группы орудий.

Большой интерес представляет детальное изучение И.Г. Шовкоплясом (1956) кремневого инвентаря Мезина, приведшее его к выделению особой среднеднепровской этнокультурной области, иногда называемой им мезинской культурой с более широким значением, чем археологическая культура. Недавнее изучение материалов позволило предложить несколько иное решение вопроса. В рамках этой признанной, кажется, всеми этнокультурной области, ограниченной и территориально, и хронологически, можно выделить ряд родственных археологических культур, одна из которых включает стоянки Юдиново, Чулатово II, Тимоновку I и II, Бугорок, другая – Мезин, Супонево, третья – Межирич, Добраничевку и, возможно, Гонцы, положение которой еще требует уточнения (Абрамова З.А., Григорьева Г.В., 1997; Абрамова З.А. и др., 1997).

Существование ограниченной одним речным бассейном этнокультурной области находит косвенное подтверждение в кремневом инвентаре сходных по жилищам стоянок Костенки 2 и Костенки 11 (слой Ia). Основное и очень существенное различие состоит в той преобладающей роли, которую играют в донских памятниках разнообразные долотовидные орудия, представленные в Среднем Поднепровье более или менее четко только в Мезине. Если на Днепре резцы – преимущественно боковые ретушные – являются наиболее выраженной и многочисленной группой орудий, то в Костенках 2 резцы отличаются разнородностью, аморфностью, почти одинаковой представительностью срединных, угловых и ретушных, наличием многофасеточных. Кремневый инвентарь слоя Ia Костенок 11 менее известен, но ученик А.Н. Рогачева В.В. Попов (1989), не колеблясь, считает его родственным инвентарю из стоянок Костенки 2, 3 и 19, принадлежащих к замятнинской археологической культуре.

Сходство между мезинской и замятнинской археологическими культурами не может быть установлено и по другим компонентам. Изучение Г.В. Григорьевой костяного инвентаря показало, что характерными чертами указанных днепро-деснинских памятников являются: широкое развитие обработки кости, рога и особенно бивня; многообразие орудий охоты и труда, а также украшений; достигший высокого совершенства геометрический орнамент (см.: Абрамова З.А., Григорьева Г.В., 1997; Абрамова З.А. и др., 1997). В Костенках 2 и Костенках 11 (слой Ia) костяной инвентарь представлен очень слабо, обработка бивня полностью отсутствует, в отличие от предшествующей по времени костенковско-авдеевской культуры. Интересно, что ни на одном памятнике в Костенковско-Борщевском р-не не отмечены молотки из

рога северного оленя, столь характерные для Среднего Поднепровья и встреченные в молодовских памятниках Днестра.

Как упоминалось, выделение В.А. Городцовым трех европейских верхнепалеолитических культур в мадленское время опиралось именно на произведения искусства (Городцов В.А., 1923, с. 277 и далее). С.Н. Замятнин также считал, что для установления местных различий особенно показательны памятники искусства: если для более ранней поры верхнего палеолита характерны женские статуэтки, обнаруживающие, по его мнению, поразительное сходство по всей области их европейского распространения, то во вторую половину эпохи произведения искусства позволяют говорить о двух больших провинциях: западной и восточной, причем отмечаются и более дробные различия локального порядка. Заслуживает особого внимания положение о все более нарастающем процессе сложения местного своеобразия, заметно усиливающемся к концу верхнего палеолита (Замятнин С.Н., 1951, с. 128, 130, 131). На основании изучения "дробных различий" на Дону и Десне было высказано предположение об этническом характере их особенностей (Абрамова З.А., 1960).

Анализ древнейшего художественного творчества является еще одним приоритетным направлением нашей науки. Пожалуй, можно сказать, что ни один специалист по палеолиту не избежал искушения в той или иной мере обратиться к произведениям искусства. Не удивительно: на необъятных равнинах Восточной Европы, главным образом на Среднем Дону и в бассейне Среднего Днепра, в культурных слоях лессовых стоянок сохранилось множество поразительных по мастерству и художественному воплощению предметов, преимущественно мелкой пластики из бивня и мягкого камня, а также орнаментальной резьбы.

Особое внимание привлекают серии так называемых реалистических женских статуэток, характерных для костенковско-авдеевской культуры, серии фигурок животных, главным образом мамонта, и серии различных предметов, украшенных тонким резным декором, часто геометрического характера. Было замечено, что для донских памятников характерны скульптурные, в единичных случаях гравированные изображения женщин и животных, а деснинские стоянки объединяет орнамент, иногда усложненный вплоть до меандра. Статуэтки Мезина существенно отличаются от реалистических женских изображений, их форма и декор позволяют предполагать, что они воплощают сложные представления, сочетая в себе как признаки мужского и женского начала, так и образы женщины и птицы. На днепро-деснинских стоянках не выявлены изображения животных, зато широкое развитие получили изображения рыб, раковин, воды.

Исходя из всей совокупности сходств-различий, где следует учитывать и хронологические рамки, можно признать правоту И.Г. Шовкопляса, выделившего особую этнокультурную область в бассейне Десны – Днепра. На настоящем этапе знаний трудно найти объяснение соотношению с этой областью двух донских стоянок с аналогичными жилищами из костей мамонта, но различающихся по всем другим параметрам. Если Костенки 2 и слой Ia Костенок 11 могли принадлежать не только к одной культуре, но и к одному поселению, располагаясь на разных бортах одного лога (Рогачев А.Н., 1970), то на других памятниках той же замятнинской археологической культуры – Костенках 3 и Костенках 19 – подобных жилищ не найдено, хотя это, конечно, не аргумент, что их не существовало. Попутно следует заметить, что на стоянках замятнинской культуры произведения искусства крайне немногочисленны и невыразительны по сравнению с ярким искусством в костенковско-авдеевских памятниках, но не исключено, что это может объясняться и различными хронологическими позициями этих культур.

Проблема установления хронологии и периодизации продолжает оставаться одной из важнейших для верхнего палеолита. Приступая к ее разработке, П.П. Ефименко мог говорить лишь об относительном возрасте памятников, опираясь на условия залегания культурных слоев. Уже в 1915 г. он отметил, что "в вопросе о возрасте стоянки геология, как и доисторическая археология, являются равно авторитетными,

взаимно друг друга дополняющими дисциплинами" (Ефименко П.П., 1915, с. 15). В работе 1928 г. дана первая хронологическая схема палеолита СССР, основанная в значительной степени на изучении памятников Костенковско-Борщевского р-на (Ефименко П.П., 1928). Руководствуясь идеей существования общих закономерностей развития на обширных территориях, П.П. Ефименко на первых порах был вынужден применять к памятникам Восточной Европы выработанную во Франции хронологическую шкалу. Накопление материалов, в первую очередь из Костенок-Борщева, показало невозможность приложения французской хронологии к нашей стране. Обобщив доступные данные П.П. Ефименко выделил семь хронологических ступеней в развитии верхнего палеолита Русской равнины: раннетельманскую, позднетельманскую, костенковскую, мезинскую, кирилловскую, гонцовскую и борщевско-журавскую (Ефименко П.П., 1953). Вопрос об общих закономерностях для палеолита Русской равнины решался таким образом, что развитие проходило через следующие один за другим этапы, в установлении которых определенную роль играли и остатки материальной культуры, в первую очередь кремневый инвентарь[5].

Один из учеников П.П. Ефименко – П.И. Борисковский – продолжал и развивал эту идею, другой – А.Н. Рогачев – на основании по сути тех же материалов, но под другим углом зрения, отдавая предпочтение стратиграфическому положению стоянок, показал сосуществование в Костенковско-Борщевском р-не памятников, отнесенных П.П. Ефименко и П.И. Борисковским к различным ступеням. Тенденция конкретно-исторического изучения материала получила широкое признание, но встретила и неприятие. Так, по мнению А.П. Черныша, этот путь привел к тому, что "общепринятая хронологическая шкала для позднего палеолита Европейской части СССР фактически перестала существовать, а выделение культур превратилось в своеобразную моду" (Черныш А.П., 1992, с. 23). Здесь произошло смешение понятий "хронология" и "периодизация". Схема П.П. Ефименко не основана на хронологии, она была чисто периодизационной. А.Н. Рогачев никогда не отрицал, а напротив, подчеркивал значение хронологии, считая эту проблему важнейшей в археологии палеолита: "определение возраста той или иной стоянки заключается в первую очередь в ее увязке с определенным этапом развития природной среды как арены исторической деятельности людей" (Рогачев А.Н., Аникович М.В., 1984, с. 165). Однако и А.П. Черныш имел все основания приписывать хронологии первостепенное значение. Многолетние комплексные исследования в Поднестровье, проведенные им совместно с И.К. Ивановой, выдающимся геологом-четвертичником, в особенности на классической стратиграфии поселения Молодова 5, стали основой корреляции для палеолитических стоянок юго-запада Восточной Европы.

На современном этапе исследований происходит все более широкое внедрение методов естественных наук. В установлении хронологии ведущую роль начинают играть радиоуглеродное датирование и другие способы определения абсолютного возраста памятников. В целом для верхнепалеолитических стоянок Европейской России учтены 142 даты в диапазоне от 38 000 до 12 000 лет. Отмечаются два максимума радиоуглеродных дат, приходящихся на интервалы около 15 000 и 25 000 лет, и минимум датировок в интервале 20 000–16 000 лет, что позволяет говорить "по крайней мере о двух группах радиоуглеродных дат для памятников верхнего палеолита, приходящихся на интервалы около 15 000–16 000 и 23 000–26 000 лет" (Дергачев В.А. и др., 1996, с. 16). Для ряда опорных памятников получены целые серии дат[6]. Особое место в

---

[5] Как отметил А.А. Синицын, позже П.П. Ефименко отказался от стадиальной модели развития палеолитической культуры. Тем самым были лишены фактического основания и попытки увязки социологической схемы Моргана – Энгельса со ступенями археологической периодизации, но это уже другой вопрос, широко рассмотренный А.А. Синицыным (1992).

[6] Итоги радиоуглеродного датирования отражены в очень ценном труде, созданном сотрудниками Отдела палеолита ИИМК РАН А.А. Синицыным, Н.Д. Прасловым, Н.Ф. Лисицыным совместно со специалистами радиоуглеродных лабораторий Ю.С. Свеженцевым (ИИМК РАН) и Л.Д. Сулержицким (ГИН) (Синицын А.А., Праслов Н.Д., 1997).

проблеме хронологии занимает неоднократно упоминавшийся выше Костенковско-Борщевский р-н в силу не только своего географического положения в центре Русской равнины, но и насыщенности верхнепалеолитическими стоянками: на протяжении 10 км правого берега Дона сосредоточено 26 пунктов, из которых 10 – многослойные, и, таким образом, учитывая все культурные слои, здесь представлено свыше 50 палеолитических памятников. Работами А.Н. Рогачева, П.И. Борисковского, Н.Д. Праслова, совместными с геологами М.Н. Грищенко, Г.И. Лазуковым, А.А. Величко, была создана хроностратиграфическая схема геологических отложений района. Стоянки были разделены сначала на четыре, затем на три хронологические группы (Праслов Н.Д., Рогачев А.Н., 1982).

Радиоуглеродный возраст первой – древнейшей – хронологической группы, связанной с нижней частью гумусированной толщи, включающей культурные слои из девяти памятников, из которых шесть имеют радиоуглеродные датировки, намечается в пределах периода 36–32 тыс. лет назад. Внутри периода каждая из датировок рассматривается только как возможная. В настоящее время эта группа является наиболее древним проявлением верхнепалеолитической культуры в Восточной Европе (Синицын А.А., Праслов Н.Д., 1997, с. 27).

Ко второй – средней – группе относятся 14 памятников, залегающих в верхней гумусированной толще и имеющих неравноценную исследованность. Хронологические рамки стоянок и вмещающих их отложений по комплексу естественнонаучных данных определяются интервалом 32–27 тыс. лет назад. Здесь наряду с некоторыми заведомо омоложенными датами, полученными во время первых разработок методов датирования в отечественных лабораториях, имеются и новейшие явно омоложенные датировки, часть которых резко отделяется там, где есть серийные определения. В других случаях возможного объяснения не найдено (Синицын А.А., Праслов Н.Д., 1997, с. 28).

В позднюю хронологическую группу попадают 25 стоянок, связанных с отложениями покровных суглинков, образующих делювиальный шлейф II и I надпойменных террас Дона и балок. Исследованы эти стоянки неравномерно и, как отмечают авторы, разброс радиоуглеродных датировок значительно превышает допустимые пределы. В целом хронологические рамки определяются интервалом 27–20 тыс. лет назад, причем "даты, выходящие за эти границы, сохранены в своде как иллюстрация возможных ошибок метода" (Синицын А.А., Праслов Н.Д., 1997, с. 29).

Только для верхнего слоя Костенек 1 представлено 42 датировки, полученные в двух российских и двух зарубежных лабораториях, причем еще четыре даты в 17–14 тыс. лет назад исключены из рассмотрения как заведомо молодые, хотя ряд датировок в диапазоне 20–18 тыс. лет назад "несомненно омоложенные", сохраняются как принадлежащие главной серии в 24,5–20 тыс. лет назад. Четкая планиграфическая привязка 35 образцов позволяет авторам прийти к заключению об одновременном функционировании всех объектов второго жилого комплекса Костенок 1, для которого с исчерпывающим учетом естественнонаучных данных определяется как предпочтительный возраст в 24–22 тыс. лет назад (Синицын А.А., Праслов Н.Д., 1997, с. 31). Естественно, поселение могло существовать не в течение более двух тысячелетий, а лишь в какой-то отрезок времени внутри этого периода. Авторы совершенно правы, утверждая, что современное состояние абсолютного датирования непригодно для хронологического членения на этапы времени жизни одного поселения.

Видимо, по этой причине проблема разделения стоянок третьей хронологической группы решается с помощью археологических данных, как это делает М.В. Аникович, вычленяя три подгруппы. Но ни в той, ни в другой работе не рассматривается вопрос об атрибуции памятников Костенковско-Борщевского р-на, кроме Борщево 2, имеющего радиоуглеродные даты моложе 20 тыс. лет. Остановимся лишь на двух примерах. Многослойное поселение Костенки 11 исключается из рассмотрения "из-за сильных расхождений" в датах (Синицын А.А., Праслов Н.Д., 1997, с. 31). Но если для

культурных слоев II и III можно считать даты в 21 и 22 тыс. лет соответственно пригодными для определения верхних границ временного интервала, то шесть дат (от 12000 + 100 до 19900 + 350) для слоя Ia (с остатками жилища аносовско-мезинского типа) действительно обнаруживают большой разброс, в целом же они моложе временных границ третьей хронологической группы. "Не поддается объяснению" в той же работе дата в 37000 + 900 лет для Костенок 2 – это так, но имеются и другие даты, обнаруживающие еще больший разброс (от 11000 + 200 до 23800 + 150), чем у предыдущего памятника. Трудно считать последнюю дату верхней границей временно́го интервала, поскольку эти памятники однокультурны. Кроме того, для Костенок 2 определены даты в 17300 + 160 и 16190 + 150 лет, что соответствует средним датам слоя Ia Костенок 11. Костенки 3 и Костенки 19, принадлежащие к той же замятнинской археологической культуре, имеют датировки, предшествующие рубежу в 20 тыс. лет. Косвенным свидетельством приемлемости этого возраста может служить и наличие в нижележащем слое II Костенок 11 мергелевых фигурок, сближающих этот памятник с костенковско-авдеевской культурой. Исходя из этих данных представляется преждевременным заключение, что "верхний предел III хронологической группы, определяемый на уровне 21–20 тыс. лет – уровне начала поздневалдайского оледенения является верхней границей существования палеолитических поселений в Костенках" (Синицын А.А., Праслов Н.Д., 1997, с. 32, 33).

В другом более территориально широком средоточии верхнепалеолитических памятников – бассейне Среднего Днепра – отсутствуют памятники, сопоставимые с двумя ранними хронологическими группами в Костенковско-Борщевском р-не. Здесь почти нет многослойных стоянок, и поэтому большое значение имеют комплексные исследования, успешно проводимые под руководством А.А. Величко (Величко А.А. и др., 1977; 1997).

Нет разногласий, что Хотылево 2 и Бердыж относятся к костенковско-авдеевской культуре и вписываются в те же хронологические рамки. Пушкари I и Радомышль, возможно, не являются столь древними, как считалось ранее, и находятся на рубеже верхней границы III хронологической группы Костенковско-Борщевского р-на, а основные верхнепалеолитические памятники Среднего Поднепровья выходят за ее пределы. В периодизационной схеме они должны занимать хронологические рамки от 20 тыс. до 12 тыс. лет назад. Здесь, так же, как и с молодыми датировками в Костенках, разброс единичных радиоуглеродных датировок охватывает 6–7 тыс лет и более. Так, на стоянке Межирич 8 дат из 14 располагаются в пределах от 11700 + 800 до 14700 + 500 лет, 5 – в пределах от 17855 + 950 до 19280 + 600 и одна – 15245 + 1080 лет – занимает промежуточное положение, но, учитывая большую поправку, может быть присоединена скорее к первой группе, тем более, что все древние даты получены в одной лаборатории. Эти обстоятельства позволяют рассматривать поздние даты как наиболее достоверные (Синицын А.А., Праслов Н.Д., 1997, с. 37). Из упоминаемых "серьезных доводов" в пользу более древнего возраста стоянки авторы этой работы приводят лишь сходство жилищ Межирича и слоя Ia Костенок 11, но вряд ли этот довод убедителен.

Далее, на стоянке Юдиново из 16 радиоуглеродных дат, полученных в шести различных лабораториях – трех российских и трех зарубежных, лишь две – 17800 + 810, ЛЕ-3301 и 18630 + 320, ЛЕ-3302 – выпадают из серии. "Без них распределение имеет четко выраженный унимодальный характер с максимальной концентрацией значений в интервалах 13,8–14,6 тыс. лет. Радиоуглеродный возраст стоянки определяется этим интервалом как наиболее достоверный, наиболее вероятный на настоящий момент" (Синицын А.А., Праслов Н.Д., 1997, с. 37). Если принять во внимание, что именно жилища Межирича и Юдинова обнаруживают наибольшее сходство с остатками сооружения из Костенок 11 (Межирич – по наличию такой яркой конструктивной детали, как ряды из вложенных одна в другую нижних челюстей мамонта, Юдиново – по размерам и устройству цоколей), то было бы логичнее отнести Костенки 11 к тому же времени, что и Межирич и Юдиново, а не наоборот.

Нет никаких оснований удревнять и другие памятники Среднего Поднепровья с жилищами аносовско-мезинского типа. На Дону по всем показателям замятнинская археологическая культура моложе костенковско-авдеевской, что может свидетельствовать о наличии здесь населения после XX тыс. до н.э. Если говорить о периодизации всего верхнего палеолита Русской равнины, то можно надеяться на восстановление четырехчастной схемы.

Вместе с тем нельзя безоглядно доверять и радиоуглеродным датам. Часто при наличии единственной датировки она принимается без оговорок, если соответствует представлениям автора. Большую уверенность внушает несколько близких дат, проверяемых другими данными, но труднее всего, как мы видели, объяснить значительный разброс дат, приводящий к различным субъективным интерпретациям. Постепенное возрастание количества радиоуглеродных датировок и точности их значений, несомненно, приведет в будущем к надежным статистическим критериям.

Мы остановились только на некоторой части проблем, касающихся главным образом, верхнего палеолита центра Восточной Европы, разрабатываемых в рамках Отдела палеолита ИИМК – наследника Сектора архаической формации ГАИМК. За рамками рассмотрения остались работы А.П. Окладникова, З.А. Абрамовой, С.Н. Астахова, С.А. Васильева, Н.Ф. Лисицына в Сибири; А.П. Окладникова, П.И. Борисковского, В.П. Любина, Л.Б. Вишняцкого, Н.К. Анисюткина в Средней Азии; В.П. Любина, И.И. Коробкова, Е.А. Векиловой, Д.А. Чистякова, Л.В. Головановой, С.А. Кулакова, Е.В. Беляевой на Кавказе; С.Н. Бибикова, Е.А. Векиловой, Л.М. Тарасова в Крыму; П.И. Борисковского, Н.Д. Праслова, Г.В. Григорьевой, Н.К. Анисюткина в южных и юго-западных регионах Восточно-Европейской равнины, внесшие значительный вклад в изучение древнейшей истории человечества.

СПИСОК ЛИТЕРАУРЫ

Абрамова З.А., 1960. Роль и значение палеолитического искусства в выявлении местных особенностей верхнепалеолитической культуры Восточной Европы // СА. № 3.

Абрамова З.А., 1995. Верхнепалеолитическое поселение Юдиново. Вып. 1. СПб.

Абрамова З.А., Григорьева Г.В., 1997. Верхнепалеолитическое поселение Юдиново. Вып. 3. СПб.

Абрамова З.А., Григорьева Г.В., Кристенсен М., 1997. Верхнепалеолитическое поселение Юдиново. Вып. 2. СПб.

Борисковский П.И., 1956. Палеолитические жилища на территории СССР и этнографические параллели к ним. М.

Борисковский П.И., 1958. Изучение палеолитических жилищ в Советском Союзе // СА. № 1.

Величко А.А., Грехова Л.В., Грибченко Ю.Н., Куренкова Е.И., 1997. Первобытный человек в экстремальных условиях среды. Стоянка Елисеевичи. М.

Величко А.А., Грехова Л.В., Губонина З.П., 1977. Среда обитания первобытного человека. М.

Городцов В.А., 1923. Археология. Т. I. Каменный период. М.; Пг.

Григорьев Г.П., 1970. Верхний палеолит // Каменный век на территории СССР. М.

Григорьев Г.П., 1992. П.П. Ефименко и С.Н. Замятнин // КСИА. Вып. 206.

Дергачев В.А., Зайцева Г.И., Тимофеев В.И., Семенцов А.А., Лебедева Л.М., 1996. Изменение природных процессов и радиоуглеродная хронология археологических памятников // Археология и радиоуглерод. Вып. 1. СПб.

Ефименко П.П., 1912. Каменные орудия палеолитической стоянки в с. Мезин Черниговской губ. // Ежегодник Русского Антропологического Общества при Санкт-Петербургском Университете. Т. IV. СПб.

Ефименко П.П., 1915. Костенковская палеолитическая экспедиция // Ежегодник Русского Антропологического Общества при Санкт-Петербургском Университете. Т. V. СПб.

Ефименко П.П., 1928. Некоторые итоги изучения палеолита СССР // Человек. № 1.

Ефименко П.П., 1931. Значение женщины в ориньякскую эпоху // ГАИМК. Т. 11. Вып. 3–4.

Ефименко П.П., 1953. Первобытное общество. Киев.
Замятнин С.Н., 1951. О возникновении локальных различий в культуре палеолитического человека // Происхождение человека и древнейшее расселение человечества. Тр. Института этнографии. Новая серия. Т. 16.
Поликарпович К.М., 1957. Археологические исследования в БССР в 1945–1953 гг. // Материалы по археологии БССР. Т. 1. Минск.
Поликарпович К.М., 1968. Палеолит Верхнего Поднепровья. Минск.
Попов В.В., 1989. Развитие позднепалеолитической культуры Восточной Европы по материалам многослойной стоянки Костенки 11. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.
Праслов Н.Д., Рогачев АН (ред.) 1982. Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону. 1879–1979. Л.
Рогачев А.Н., 1957. Многослойные стоянки Костенковско-Борщевского района на Дону и проблема развития культуры в эпоху верхнего палеолита на Русской равнине // МИА № 59. Палеолит и неолит. Т. 3.
Рогачев А.Н., 1962а. Об аносовско-мезинском типе палеолитических жилищ на Русской равнине // КСИА. Вып. 92.
Рогачев А.Н., 1962б. Основные итоги и задачи изучения палеолита Русской равнины // КСИА. Вып. 92.
Рогачев А.Н., 1964. Палеолитические жилища и поселения в Восточной Европе // VII междунар. конгр. антропологических и этнографических наук. М.
Рогачев А.Н., 1970. Палеолитические жилища и поселения // Каменный век на территории СССР. М.
Рогачев А.Н., Аникович М.В., 1984. Поздний палеолит Русской равнины и Крыма // Археология СССР. Палеолит СССР. М.
Синицын А.А., 1992. П.П. Ефименко и современная проблематика изучения палеолита // КСИА. Вып. 206.
Синицын А.А., Праслов Н.Д. (ред.), 1997. Радиоуглеродная хронология палеолита Восточной Европы и Северной Азии. Проблемы и перспективы. СПб.
Тарасов Л.М., 1979. Гагаринская стоянка и ее место в палеолите Европы. М.
Черныш А.П., 1992. П.П. Ефименко и проблема хронологии палеолита // КСИА. Вып. 206.
Шовкопляс И.Г., 1956. Мезинская стоянка. Киев.

Институт истории материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург

Z.A. ABRAMOVA

THE UPPER PALEOLITHIC OF THE EASTERN EUROPEAN PLAIN IN THE STUDIES PERFORMED BY THE PALEOLITHIC AGE DEPARTMENT OF THE INSTITUTE OF ARTIFACTS STUDIES OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

Summary

The author outlines the development of concepts concerning two major centers of the Upper Paleolithic in the Eastern European plain: the Kostenki-Borshchevo district in the Don River and a wider territory in the Middle Dnieper basin. Archaeological studies that began in the 1920s–1930s resulted in the creation of the Leningrad school related to the names of P.P. Yefimenko (its founder), G.A. Bonch-Osmolovsky, S.N. Zamyatnin, P.I. Boriskovsky, G.P. Sosnovsky, A.P. Okladnikov, A.N. Rogachev. Problems that they identified are still in the focus of invesigations conducted by the Department of the Paleolithic in the Institute of Artifact Culture History of the Russian Academy of Sciences with the use of major achievements of the Moscow, Ukrainian, Moldova and other Paleolithic schools. The discovery and the study of dwellings on Paleolithic settlements in Eastern Europe that, to a great extent, helped turn the study of the Paleolithic into a branch of the historic science became one of the fundamental problems of Russian archaeology. Nowadays the study is focusing on two types of dwellings

and settlements: huge dwelling complexes in Kostenki 1 – Avdeevo and relatively small roundish houses of the Anosovo-Mezinsk type made of large mammoth bones. Issues of the simultaneity of dwellings, the duration of their existence and the related organization of settlements are being reviewed. The creation of typological systems, that would allow us to analyze artifacts of the sites and, on the basis of the analysis performed, identify local traits and distinctive features, archaeological cultures, establish cultural and historical or ethnocultural areas is an important task of investigations. This analysis is conducted in four major areas: dwellings, flint goods, bone goods, objects of art. The establishment of chronology and periodization remains one of the most important problems of the Upper Paleolithic. A wide implementation of natural scientific methods of research, radiocarbon dating will allow us to solve many questions due to the fact that more absolute dates that are more accurate, especially, series dates will be gathered.

В.М. МАССОН, Л.Б. КИРЧО

ИЗУЧЕНИЕ КУЛЬТУРНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ РАННЕЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИХ ОБЩЕСТВ

(по материалам новых раскопок на Алтын-депе и Илгынлы-депе)

Начатый в 1955 г. Ленинградским отделением Института археологии совместно с Южно-Туркменистанской археологической экспедицией АН Туркменской ССР цикл исследований раннеземледельческих памятников на юге Туркменистана привел по существу к открытию целой эпохи в истории центральноазиатского региона в доахеменидские времена. Эти работы активно проводили В.М. Массон, В.И. Сарианиди и И.Н. Хлопин. На определенном этапе был начат новый цикл этих исследований, связанный с изучением памятников бронзового века, что также привело к важным результатам – открытию местной цивилизации Алтын-депе древневосточного облика, занимавшей периферийное положение в обширной зоне между Месопотамией и древнеиндской цивилизацией Хараппы (Массон В.М., 1967). С завершением этого цикла исследований особое внимание было обращено на генезис данного культурного комплекса, что потребовало специальной организации полевых работ.

На Алтын-депе был заложен большой стратиграфический раскоп, в котором последовательно были пройдены культурные слои поры развитой бронзы (Намазга V) и произведены масштабные раскопки строительных горизонтов эпохи ранней бронзы (Кирчо Л.Б., 1986; Kirčho L.B., 1988). Здесь была открыта обводная стена, существовавшая в течение нескольких строительных горизонтов. Особенно важным стало обнаружение в слоях 8–10 горизонтов оттисков печатей – нового вида артефактов, появившихся в эту пору (Кирчо Л.Б., 1990).

Вместе с тем было ясно, что, например, слои энеолитического периода становится все труднее изучать в широких масштабах в связи с большой глубиной основного стратиграфического раскопа. В связи с этим были начаты масштабные раскопки поселения Илгынлы-депе, расположенного в 7 км от Алтын-депе и бывшего важным центром энеолитического времени (Массон В.М., 1989; Masson V.M., 1992; Masson V.M. et al., 1994). Было установлено, что его самые поздние напластования относятся к начальным этапам поры позднего энеолита, когда здесь была распространена керамика с полихромной росписью геоксюрского типа. Именно в это время Илгынлы-депе полностью забрасывается, а население, судя по всему, концентрируется на Алтын-депе, где юго-западная часть памятника начинает обживаться как раз в это время.

Наряду с утилитарными вопросами генезиса цивилизации Алтын-депе в ходе работ на Илгынлы-депе были сделаны немаловажные открытия, с новых сторон характеризующие культуру местных общин энеолитической эпохи. Весьма высокими оказались стандарты культуры поры среднего энеолита, которые ранее были изучены лишь на небольших поселениях и бедная расписная посуда так называемого ялангачского типа не давала должной картины их общего развития. Раскопки на Илгынлы-депе показали, что именно в эпоху среднего энеолита (первая половина и середина IV тыс. до н.э.) здесь получила широкое развитие металлургия меди, к числу продукции которой относились и проушные топоры, отлитые по специальным моделям. Выявилась целая школа каменной скульптуры (Masson V.M., Korobkova G.F., 1989). Было установлено, что сложился стандартный тип парадных строений, скорее

© В.М. Массон, Л.Б. Кирчо, 1999 г.

всего выполнявших общественные функции, интерьер которых нередко украшала стенная роспись (Березкин Ю.Е., 1989; Березкин Ю.Е., Соловьева Н.Ф., 1998).

Обширный материал, полученный при раскопках этих объектов "доалтыновской" эпохи, позволяет обоснованно рассматривать ряд вопросов древней истории местных общин от социологии до истории экономики, чему благоприятствует подробное изучение остеологических коллекций (Каспаров А.К., 1989; Kasparov A.K., 1994) и орудий труда (Korobkova G.F., Sharovskaya T.A., 1994). Вместе с тем массовый характер полученных материалов позволяет достаточно обоснованно рассматривать и вопросы культурной трансформации.

Работы на стратиграфическом раскопе 5 на Алтын-депе и работы на Илгынлы-депе позволяют ставить эти вопросы на более обширных материалах, включая существенные аспекты развития и преемственности конкретных домостроений. При таком подходе достаточно масштабно вырисовываются многочисленные аспекты культурной преемственности. Для Алтын-депе этот вопрос был специально рассмотрен на примере связей комплексов развитой бронзы Намазга V и ранней бронзы Намазга IV (Kircho L.B., 1992). Теперь появилась возможность на материалах Алтын-депе более подробно остановиться на вопросах культурной трансформации в пору позднего энеолита и ранней бронзы.

На стратиграфическом раскопе 5 в северо-восточной части Алтын-депе изучены напластования 12 строительных периодов. Судя по данным керамических комплексов, четыре строительных периода (горизонты 12–9) относятся к эпохе позднего энеолита, пять (горизонты 8–4) – к эпохе ранней бронзы, а горизонты 3–1 – к эпохе средней бронзы. Фактически прослежено развитие участка поселения на протяжении примерно тысячелетия (с конца IV – до конца III тыс. до н.э.).

На двух участках Алтын-депе впервые для позднего энеолита выявлены части ограждавших край поселения стен толщиной 1,1–1,4 м. Обводная стена горизонта 12 на раскопе 5 на последнем этапе ее существования была снаружи укреплена квадратными в плане контрфорсами (0,5 × 0,5 м) и массивной забутовкой из сырцовых кирпичей, облицовывавших склон холма, так что внешняя поверхность всего сооружения к периоду 11 представляла собой пологий пандус с уклоном 26–28°.

Основной структурной единицей застройки Алтын-депе периода позднего энеолита были двухкомнатные дома площадью ~20–25 м^2, состоявшие из входного помещения и жилой комнаты, иногда с небольшими подсобными отсеками. В строительных горизонтах 11 и 10 раскопа 5 найдены двухкомнатные дома, видимо, культового назначения. Дома эти (домашние святилища?) выделяются размерами (общая площадь 35 и 43 м^2), правильностью планировки и специальными приемами постройки и отделки. Под тщательно оштукатуренные стены и полы подведены специальные фундаменты из сырцового кирпича, так что уровень пола у стен на 15–22 см выше, чем в середине помещения, образуя нечто вроде скамьи-суфы. В центре основного помещения находился очаг на круглом сырцовом основании с бортиком по краю.

Особый интерес представляют следы разрушения, или, вернее, специального захоронения, домов-святилищ. Заполнение помещений дома-святилища периода 11 указывает на целенаправленный последовательный ряд действий. На верхнем полу прослежен тонкий слой золы, благодаря чему полы и нижняя часть стен имели темно-серый, почти черный цвет. Слой золы перекрыт плотным слоем почти чистой глины толщиной 2–5 см. В этих нижних слоях заполнения, но не непосредственно на полу были найдены целые столовые сосуды, сероглиняный горшок и три раздавленных кухонных котла. Выше прослежен слой золы с прослойками угля и обломками обугленной древесины, обожженных кирпичей, керамики, терракоты, камнями и костями животных. Поверх слоя золы помещения были забутованы сырцовым кирпичом. В доме-святилище горизонта 10 на полах и особенно около стен прослежен слой сгоревшего хвороста толщиной 5–12 см, причем процесс горения происходил в самих комнатах, так как стены в нижней части закопчены и обожжены. Аналогично обожжение стен в одном из углов, но на уровне зольной засыпки выявлено и в

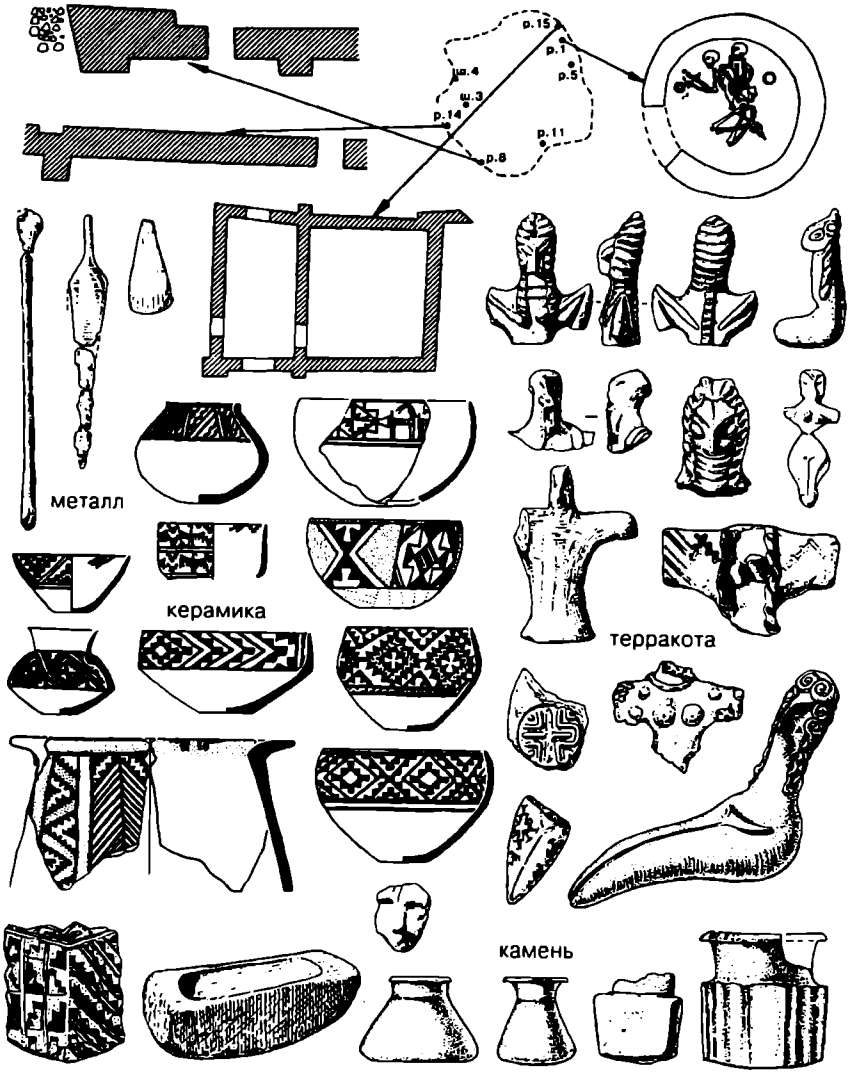


Рис. 1. Алтын-депе. Комплекс эпохи позднего энеолита

святилище горизонта 11. Таким образом, дома с круглыми очагами подвергались специальному (ритуальному?) захоронению с применением огня. Аналогичные признаки были зафиксированы в святилище на поселении Геоксюр 1 (Сарианиди В.И., 1965, с. 13).

В хозяйственном дворе горизонта 9 найдено сырцовое основание зернохранилища (5,8 × 2,7 м; Kirčho L.B., 1988, fig. 2). Именно с этим участком двора связаны практически все находки обломков глиняных булл с оттисками печатей и веревок. Видимо, опечатанные сосуды и мешки с зерном вскрывали рядом с зернохранилищем[1].

Комплекс находок типичен для заполнения культурных слоев позднеэнеолитических раннеземледельческих поселений.

Материалы строительного горизонта 12 можно синхронизировать с комплексом верхнего горизонта поселения Чонг-депе: обломки венчиков столовых сосудов с характерной полихромной и монохромной росписью геоксюрского стиля (включая изображения козлов) составляют ~25%. В то же время ~20% венчиков украшены монохромной геометрической фризовой росписью из крупных ступенчатых мотивов, а еще 15% – простыми орнаментами в виде одной–трех горизонтальных полос по вен-

[1] В нескольких случаях можно реконструировать форму и размер венчика сосуда, покрытого тканью и обвязанного по основанию горловины веревкой, на которую был прилеплен комок глины с оттисками печатей.

Рис. 2. Алтын-депе. Комплекс раннего этапа эпохи ранней бронзы

чику, продолжающих еще среднеэнеолитические традиции. Обломки крупных сосудов с примесью песка в тесте и двуцветной росписью представлены всего 2 экз. Весьма характерны для позднегеоксюрского комплекса значительная группа (9,5%) красноангобированных нерасписных сосудов с примесью мельчайшего песка в тесте – небольшие столовые миски с резко загнутым внутрь прямым бортиком, а также устойчивое наличие более ранней красноангобированной нерасписной керамики с примесью песка и гипса в тесте (6,2%) и отдельных фрагментов светлоангобированных сосудов с "потекшим" красным ангобом.

В строительном горизонте 11 сосуды с монохромной геометрической росписью преобладают (48%), геоксюрская керамика составляет ~10% и появляется керамика типа НМЗ III с примесью мелкорубленой растительности или песка и характерным орнаментом. Небольшой группой представлена и серая керамика. Представляется, что этот горизонт можно синхронизировать с комплексом Кара 1А.

В периоде 10 среди расписной керамики преобладают сосуды с начинающей измельчаться геометрической росписью (59%), устойчивой серией (3%) представлены фрагменты керамики типа Намазга III (в том числе и с подражаниями этому стилю орнаментации) и сосуды с примесью песка в тесте и двуцветной росписью (4,5%). Доля керамики с орнаментацией позднегеоксюрского типа падает до 4%, и позже такая керамика встречается уже только как случайная примесь. Среди нерасписной кера-

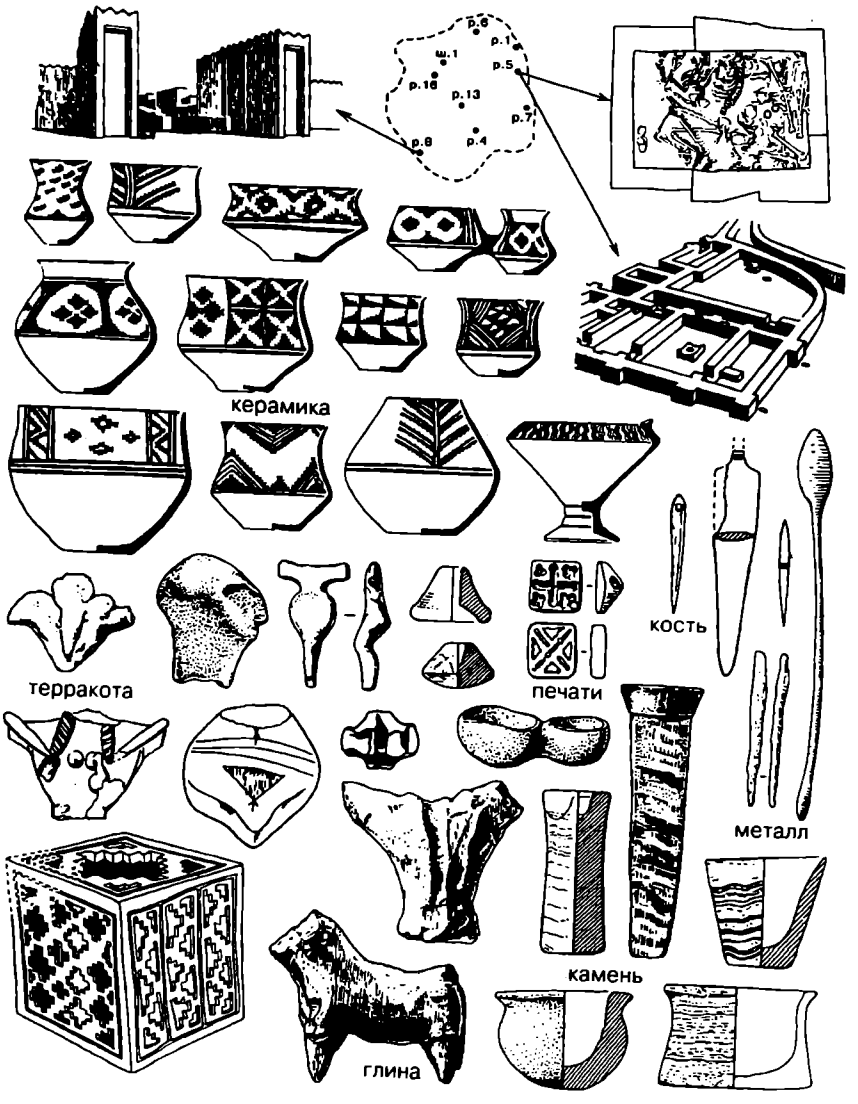


Рис. 3. Алтын-депе. Комплекс позднего этапа эпохи ранней бронзы

мики преобладают обломки столовых нерасписных сосудов из теста практически без видимых примесей (7%) и хозяйственных кухонных и тарных сосудов (по 8%).

Кроме того, в энеолитических слоях найдены разнообразные терракотовые изделия – пряслица, изображения людей (в основном сидящие женские статуэтки и фигурки животных), обломки резных коробочек-реликвариев и косметических сосудов из гипса (рис. 1).

В строительном периоде 8, относимом нами уже к эпохе ранней бронзы, произошла кардинальная перепланировка исследуемого участка поселения. На северо-восточном краю холма была построена обводная стена толщиной ~2 м, которая сохранилась на высоту >2,5 м (рис. 2). Стена была возведена правильной кладкой на специально подготовленной площадке. Со стороны поселения через каждые 1,6–2,2 м одновременно и вперевязку с кладкой стены были сооружены квадратные в плане контрфорсы. Обводная стена, являясь архитектурной доминантой этой части поселения, определила направление осей планировки строений периодов 8 и 7 и возвышалась, видимо, еще и в периоде 6. Только строения горизонта 5 уже перекрывают ее остатки. В конце эпохи ранней бронзы возводится парадно оформленный южный въезд на поселение (рис. 3).

Развитие комплекса периода ранней бронзы обусловлено в первую очередь технико-технологическими факторами – начало его определяется появлением станковых

вращающихся инструментов (гончарный круг и токарная обработка камня), а конец связан с прорывом в области теплотехники (двухъярусные гончарные горны, металлургия бронзы, высокотемпературный обжиг камня для изготовления бус и других предметов).

Гончарная керамика появляется фактически еще в горизонте 9, однако устойчивую группу (>20%) образует только в комплексах горизонта 8. Первоначально это важнейшее техническое изобретение еще практически никак не сказывается на основных формах и орнаментации сосудов. Но уже в периоде 7 с подправкой и полностью на круге изготовлено свыше 80% сосудов, в периоде 6 – 90%. В периодах 5 и 4 практически уже вся керамика изготовлена на круге.

Керамика первого этапа ранней бронзы (горизонты 8–7) продолжает и развивает основные черты керамики позднего энеолита (комплекс Алтын 10–9), в свою очередь трансформирующего геоксюрский стиль. Основные формы сосудов (чаши, миски, горшки) и даже их варианты в комплексах горизонтов 8–7 находят прямые прототипы в позднеэнеолитических материалах. В орнаментации идет процесс потери конкретными мотивами и их сочетаниями смысловой нагрузки и усиливается декоративная функция. Важной чертой комплекса является индивидуальная вариабельность сосудов.

Затем в связи с изменением техники формовки появляется ряд новых вариантов форм (чаши-кубки, кубки), начинают меняться пропорции сосудов. Орнаментация продолжает ранние традиции в деградирующем, "ухудшенном" варианте. Количество расписной керамики падает до 30% в горизонтах 6 и 5. На финальном этапе начинает сказываться становление новой технологии обжига и ремесленной организации труда. Начинается процесс стандартизации нескольких основных форм и размеров сосудов. Резко снижается вариабельность комплекса. Стандартизация затрагивает и орнаментацию – большинство сосудов расписано мотивами четырех наиболее распространенных типов.

Культурную специфику комплексов ранней бронзы Алтын-депе во многом определяют шесть категорий предметов и одна категория находок, не имеющих производственного и повседневного бытового назначения. Это печати и их оттиски, антропоморфные статуэтки, реликварии, светильники, косметические каменные сосуды и металлические стержни.

Печати-амулеты представлены двумя типами: печати-штампы с ушком на тыльной стороне и печати-пуговицы с дырочками для подвешивания. Печати эти квадратной или круглой формы и изотовлены из меди, камня, кости и терракоты (рис. 4, *1–15*). Все они имеют на лицевой стороне крестовидный орнамент разной степени сложности с включением зигзагов, ступенчатых треугольников, пирамид, треугольников и солярных знаков. Орнамент нанесен на каменные печати сверлением, на терракотовые и костяные – вырезанием, на металлические – штамповкой (?) и литьем. То, что это именно печати – предметы, которыми неоднократно наносили отпечатки-знаки, доказывается найденными в слоях горизонтов 10–8 комками глины с оттисками (рис. 4, *16–23*). Наиболее ранние печати-пуговицы Алтын-депе продолжают традиции резных позднеэнеолитических печатей-амулетов Кара-депе и Геоксюр 1.

Антропоморфные фигурки эпохи ранней бронзы изготовлены из камня, глины и терракоты и представлены изображениями шести типов.

Статуэтки первого типа – массивные, с прямоугольным плечами, отрезками рук, опущенных вниз, имеют налепные изображения грудей. Головки статуэток украшены сложными прическами из трех кос. Возможно, что к этому же типу относятся обломки массивных бедер с прямыми, разделенными глубокой чертой ногами и плоским основанием. Такие фигурки имеют аналогии на Кара-депе и Хапуз-депе. К первому типу относится и обломок торса женской фигурки уникальной иконографии. Изображаемая богиня имела прическу в виде длинных ниспадающих вдоль грудей до талии прядей-кос, окрашенных черной краской. На плечах нанесены чередующиеся косые красные и черные полосы и изображение знака-треугольника, выполненного

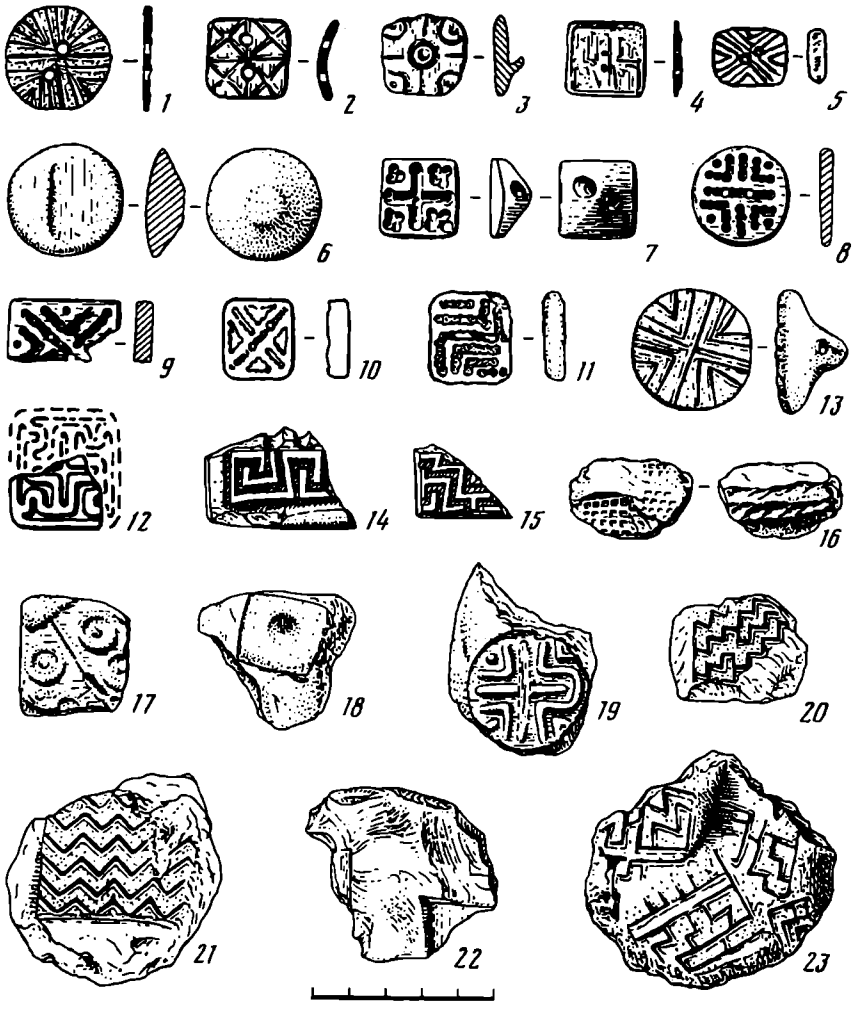


Рис. 4. Алтын-депе. Печати (*1–15*) и оттиски печатей (*16–23*) эпохи позднего энеолита и ранней бронзы: *1, 2* – кость; *3, 4* – медь; *5–12* – камень; *13–15* – терракота; *16–23* – обгоревшая глина

двусторонне-зубчатыми черными линиями. Сама статуэтка окрашена в желтый цвет. Вся раскраска нанесена после обжига.

Второй тип – изящные фигурки без рук и грудей, с согнутыми в коленях ногами, концы которых иногда загнуты вперед (ступни?). Лобок передан черной краской или треугольником с наколами. Такие статуэтки полностью продолжают позднеэнеолитические традиции. Возможно, к этому же типу относятся изящные головки со сложной прической из локонов и треугольной короной.

Статуэтки третьего типа – небольшие сидящие антропоморфные фигурки с чуть намеченным лицом, без признаков пола, из мрамора или терракотовые. Возможно, эти фигурки – вариант статуэток второго типа.

Кроме сидящих, представлены стоящие фигурки трех типов. Четвертый тип – стоящие статуэтки на цилиндрическом основании с подквадратными плечами и опущенными вниз руками. Судя по налепной двупрядной бороде, это изображения мужчин, имеющие прямые аналогии в материалах Кара-депе.

Антропоморфные фигурки пятого типа имеют слабонамеченную голову-выступ, расставленные в стороны руки и раздвинутые ноги. Судя по аналогичным торсам с Намазга-депе, это также изображения мужчин.

Шестой тип – наиболее многочисленные антропоморфные фигурки-фишки – статуэтки на коническом или цилиндрическом основании, с расставленными или согнутыми по-разному руками и слабонамеченной защипом головой или вообще без

головы. Фигурки часто имеют на торсе следы наколов или прочерченные знаки – крест на основании, треугольник (ожерелье?). Такие изображения, как и статуэтки пятого типа, обычно интерпретируются как фигурки разового пользования.

Специфическими среди терракотовых изделий являются коробочки-реликварии – параллелепипеды с крестообразным отверстием в верхней крышке – прорезным орнаментом, окрашенным красной, черной или белой краской. В слоях периода 8 представлен ранее неизвестный вариант таких коробочек. Реликварий на небольших кубических ножках имеет на двух противоположных боковых гранях помимо резного декора две сквозные прорези: одну – в верхней части, широкую и неглубокую, и вторую, вертикальную – более узкую и глубокую. Судя по всему, реликварии – это небольшие парадно украшенные емкости, которые служили вместилищем для ценных культовых предметов (возможно, статуэток) и, видимо, являлись моделями парадно украшенных жилищ. Тогда вышеописанные прорези – это изображения ниши или окна и входа-двери. Такие ниши и входы найдены в жилищах эпохи средней бронзы Алтын-депе.

Подцилиндрические или вытянутые, подквадратные в сечении светильники из камня и терракоты появляются в эпоху ранней бронзы и явно связаны с комплексом представлений о темном загробном мире. Уникален светильник из темно-красного камня, украшенный кружковым, нанесенным станковым сверлением орнаментом и инкрустированный кусочками бирюзы.

Косметические сосуды позднего энеолита и начала ранней бронзы – наиболее архаичные по материалу (гипс), ручной технике изготовления и обработке поверхности (вертикальные или горизонтальные желобки). В период ранней бронзы для изготовления косметических сосудов начинают применять более твердый мраморовидный известняк, хорошо обрабатываемый только при появлении механического вращающегося инструмента.

Вместе с металлическими косметическими стержнями с утолщением на конце и разнообразными навершиями (лопаточкой, в виде ступенчатого ромба, копьевидным и т.д.) каменные сосуды и светильники являются непременными атрибутами погребального инвентаря богатых женских захоронений эпохи ранней бронзы.

Типологический анализ показывает, что все основные культурные компоненты комплекса начала ранней бронзы – типы жилищ и погребений, формы и орнаментация сосудов, антропоморфные статуэтки, металлические и каменные изделия, терракотовые поделки – находят близкие аналогии в позднеэнеолитических комплексах типа Геоксюр 1 и Кара 1. Культурной инновацией являются только светильники.

В течение всего периода ранней бронзы происходит постепенная трансформация исходного позднеэнеолитического комплекса, обусловленная как технико-технологическим развитием, так и изменением культурных норм и стереотипов. Яркой иллюстрацией этого процесса может служить женская терракотовая фигурка, орнаментированная краской. Треугольный знак на плечах статуэтки, с одной стороны, идентичен одному из наиболее распространенных мотивов росписи керамики Кара 1А, а с другой – является прямым генетическим предшественником процарапанных знаков на плечах статуэток развитой бронзы, получивших наименование "треугольник с ресничками". Полностью аналогичны прическам статуэток эпохи развитой бронзы и косы-пряди, ниспадающие до талии. Скорее всего и наша статуэтка, и фигурки эпохи средней бронзы передают образ одного и того же женского божества, но в совершенно разной манере, обусловленной полной сменой культурных моделей и эталонов. Т.е. в эпоху ранней бронзы в Южной Туркмении шел двуединый процесс развития традиций позднеэнеолитического пласта и зарождения (видимо, подчас скачкообразного) более поздних культурных элементов.

Таким образом, работы на раскопе 5 Алтын-депе предоставили данные, позволяющие на конкретных материалах рассматривать проблему культурной трансформации позднеэнеолитического комплекса, перерастающего в комплекс поры ранней

бронзы. Проблема культурной трансформации и преемственности в пределах собственно энеолитических комплексов в этом отношении может быть рассмотрена с учетом материалов, полученных при раскопках Илгынлы-депе.

Проведенные работы позволяют заключить, что этот памятник возник в эпоху раннего энеолита, или Намазга I по южнотуркменистанской периодизации, и достиг наибольших размеров в пору Намазга II, когда в восточном ареале анауской культуры была распространена сравнительно примитивная расписная керамика типа Ялангач (Массон В.М., 1982). Судя по результатам работ на раскопе 2 южной окраины Илгынлы-депе, эта часть поселения была освоена именно в пору позднего Ялангача и поселок таким образом достиг максимальных размеров в 14 га. Вырисовывается и картина постепенного запустения памятника, причем наиболее поздний материал характеризует ранние этапы бытования комплекса геоксюрского типа.

Важным результатом работ на Илгынлы-депе было выявление богатых материалов эпохи среднего энеолита – времени бытования расписной посуды позднеялангачского типа. Ранее эти материалы были представлены небольшими и сравнительно бедными памятниками геоксюрского оазиса (Хлопин И.Н., 1969). Илгынлы-депе, напротив, как крупный центр характеризуется сравнительно высоким уровнем благосостояния и дал интересные образцы художественной культуры.

С точки зрения культурного районирования памятник относится к восточному ареалу, где на основе расписной керамики типа Намазга I в эпоху среднего энеолита развивается локальный культурный вариант, наиболее выразительным компонентом которого является керамика ялангачского типа (Массон В.М., 1982). Для нее характерны сосуды с простой росписью в виде параллельных линий вдоль венчика. Эта сравнительно неяркая посуда резко контрастирует с расписной керамикой западного ареала, где доминируют дробные геометрические орнаменты, выполненные к тому же в две краски.

Застройка Илгынлы-депе ялангачского времени достаточно характерна для раннеземледельческих поселений. Плотные группы сырцовых строений разделяли узкие улочки шириной в 1–1,4 м. Образуемые уличной сеткой многокомнатные массивы, судя по всему, разделялись на планировочно обособленные блоки из двух-трех комнат, одна из которых с отопительным очагом на полу может рассматриваться как жилая.

Неизменным компонентом застройки поселения были парадные помещения, имеющие глиняные скамьи, окрашенные в красный цвет. Их явная необычность и свидетельства определенных культовых церемоний как во время функционирования, так и после запустения позволяют условно именовать их святилищами (Березкин Ю.Е., 1989; полную сводку см.: Березкин Ю.Е., Соловьева Н.Ф., 1998). Детали планировки и оформление интерьера несколько варьируют на разных участках памятника, но в целом налицо и некоторые общие черты. Так, эти подквадратные в плане помещения имеют, как правило, вдоль стены, противоположной входу, два узких помещения, порой полуподвального характера, использовавшиеся как подсобные хранилища.

Внутри поперек комнаты шла глиняная скамья, окрашенная в красный цвет и явно имитирующая деревянный образец. Об этом свидетельствует изображение по углам ножек, пространство между которыми окрашено в черный цвет, имитируя затененную часть подскамеечного пространства. Обычно в помещении устраивался дисковидный очаг-алтарь с обожженным центральным отверстием и невысоким бортиком по краю. В одном случае внутри строения был устроен глиняный столик на 12 ножках. Пол, как правило, окрашивали в черный цвет, причем окраску обычно неоднократно подновляли. В черный цвет окрашивали и нижнюю часть стен, которые выше уже имели белую штукатурку. Среди каменных орудий, найденных на Илгынлы-депе, довольно многочисленны мастерки для заглаживания отштукатуренных стен, в том числе и уже окрашенных в черный цвет.

Целая вертикальная свита таких строений особого назначения была вскрыта на раскопе 3, благодаря тщательным раскопкам Н.Ф. Соловьевой. Строения самого

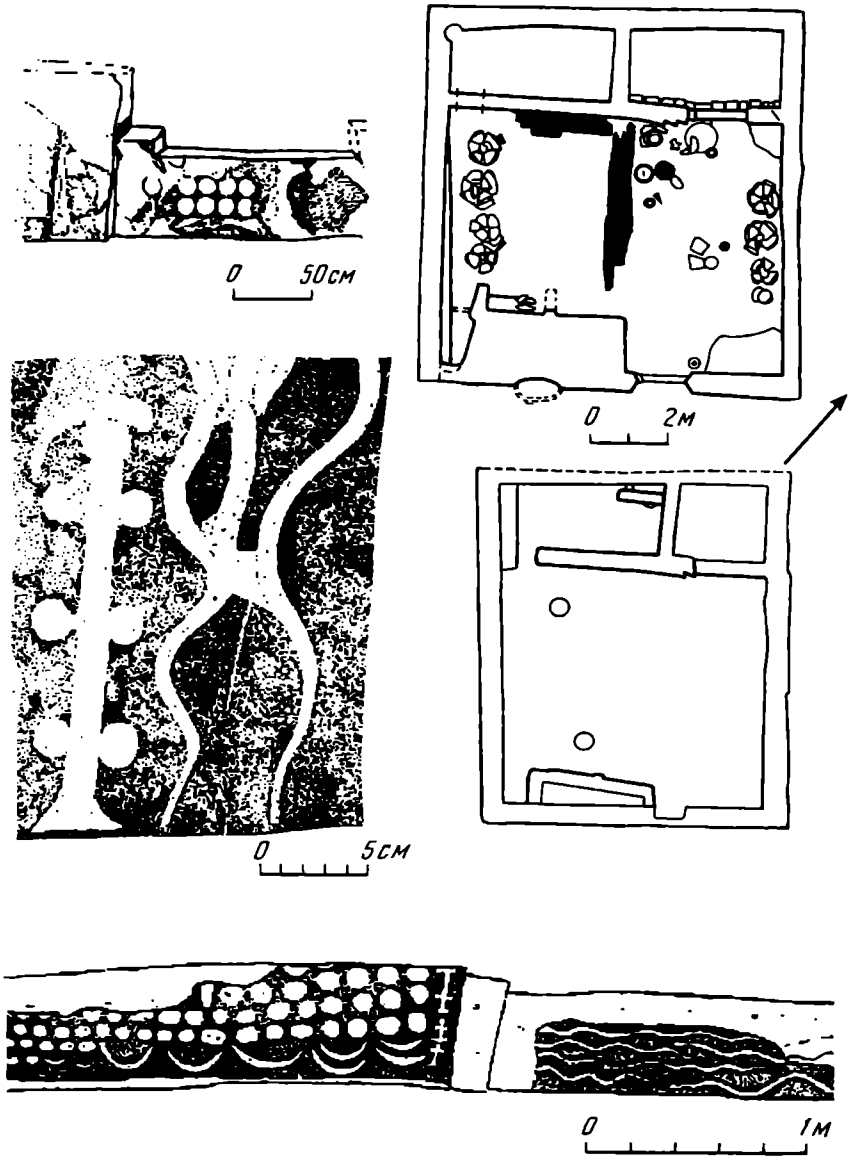


Рис. 5. Илгынлы-депе. План и образец росписи святилищ раскопа 3. Верх – горизонт III, низ – горизонт VI

верхнего слоя сильно разрушены, и практически сохранилась лишь одна тщательно оштукатуренная стена, пол строения обмазан зеленоватой глиной.

Находки каменных мастерков со следами черной краски позволяют предполагать, что здесь располагалось престижное строение с соответствующим оформлением интерьера. Во всяком случае такое строение было вскрыто во втором строительном горизонте, который был частично нарушен мусорной ямой достаточно крупных размеров с керамикой геоксюрского типа. Помещение это имело площадь ~47 м^2, вдоль стены, противоположной входу, располагались две узкие комнатки, а внутри имелись круглый очаг-алтарь и глиняная скамья, окрашенная в красный цвет. С некоторыми вариациями эти особенности повторялись в строениях, вскрытых в слоях III–VI. Выяснилось, что на этом участке Илгынлы-депе традиционно воздвигается дом особого назначения, имевший перед собой парадный двор. Некоторые изменения отражали и степень сохранности строения, и временну́ю эволюцию. В строении горизонта IV была обнаружена обгоревшая деревянная скамья со следами красной краски. Видимо, позднее такие предметы мебели стали заменять на глиняные. Появились и свидетельства стремления более парадно оформить стены интерьера при

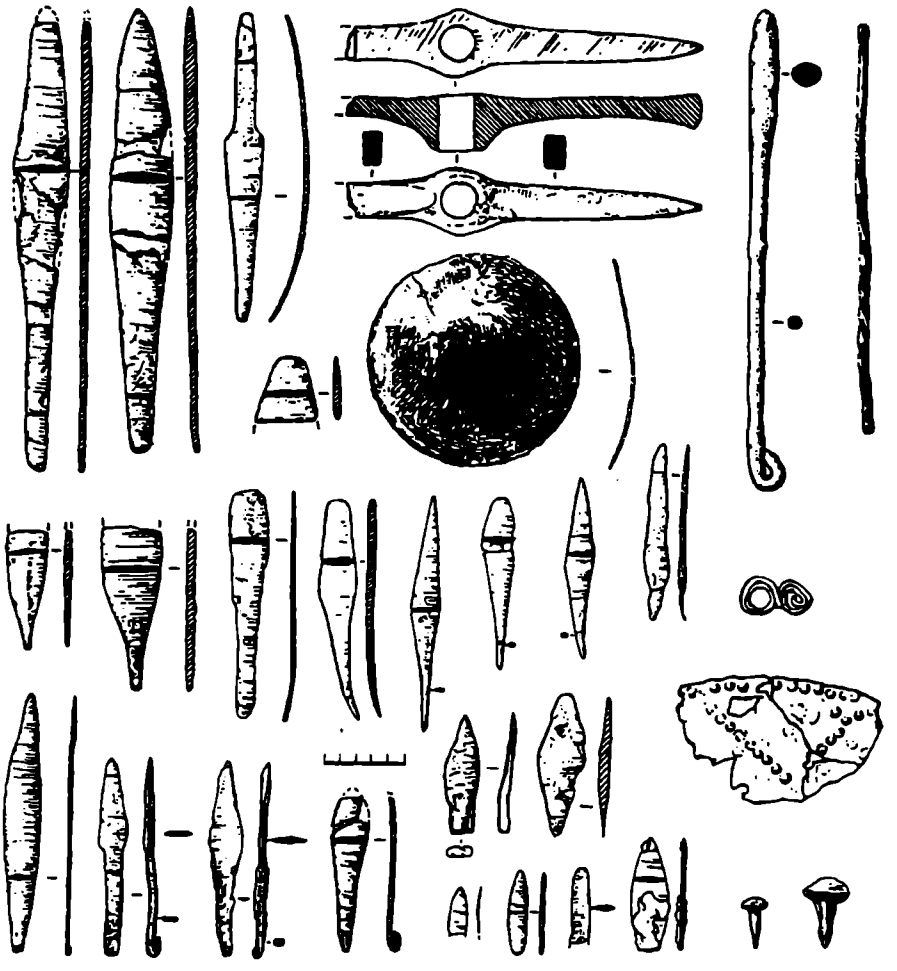


Рис. 6. Илгынлы-депе. Медные изделия

помощи росписи (рис. 5). На одном из фрагментов изображены ползущие змеи. Популярным было украшение стены овалами, лишенными окраски и ярко выделявшимися на общем черном фоне. В парадном помещении слоя 6 роспись стен неоднократно возобновлялась и на одном из живописных слоев сохранилась довольно сложная композиция. В ней четко отождествляются ползущие змеи, схематическое изображение дерева и стоящий около него фантастический персонаж.

Благодаря работам на стратиграфическом раскопе 3 и по наблюдениям на других участках, достаточно определенно выступает ритуал оставления святилища в связи с возведением на его руинах нового, образующего уже следующий строительный горизонт. При этом в святилище преднамеренно оставляли различные предметы, в том числе медные изделия. В одном случае это был даже проушной топор (рис. 6). Обычно среди объектов находится верхняя часть терракотовой женской статуэтки. Детали интерьера намеренно разрушались и также складывались на полу. В числе таких объектов была и массивная глиняная голова быка. Скамьи тщательно закладывались кусками штукатурки со стен. Пол также засыпался глиной с пеплом и выстилался кусками штукатурки. Важным компонентом ритуала было возведение костра, который в слое 4 опалил деревянную скамью. Зола и угли от сгоревшего хвороста отмечены и в ряде строений этого типа на других раскопах. Над этим ритуально погребенным зданием возводилось новое, как правило (во всяком случае в пределах раскопа 3), повторяющее планировку своего предшественника.

Достаточно разносторонне выступает в ходе раскопок и материальная культура Илгынлы-депе ялангачского времени (рис. 7). Ее характерной чертой было изготовление своего рода каменной скульптуры. Обычно это были идольчики подтре-

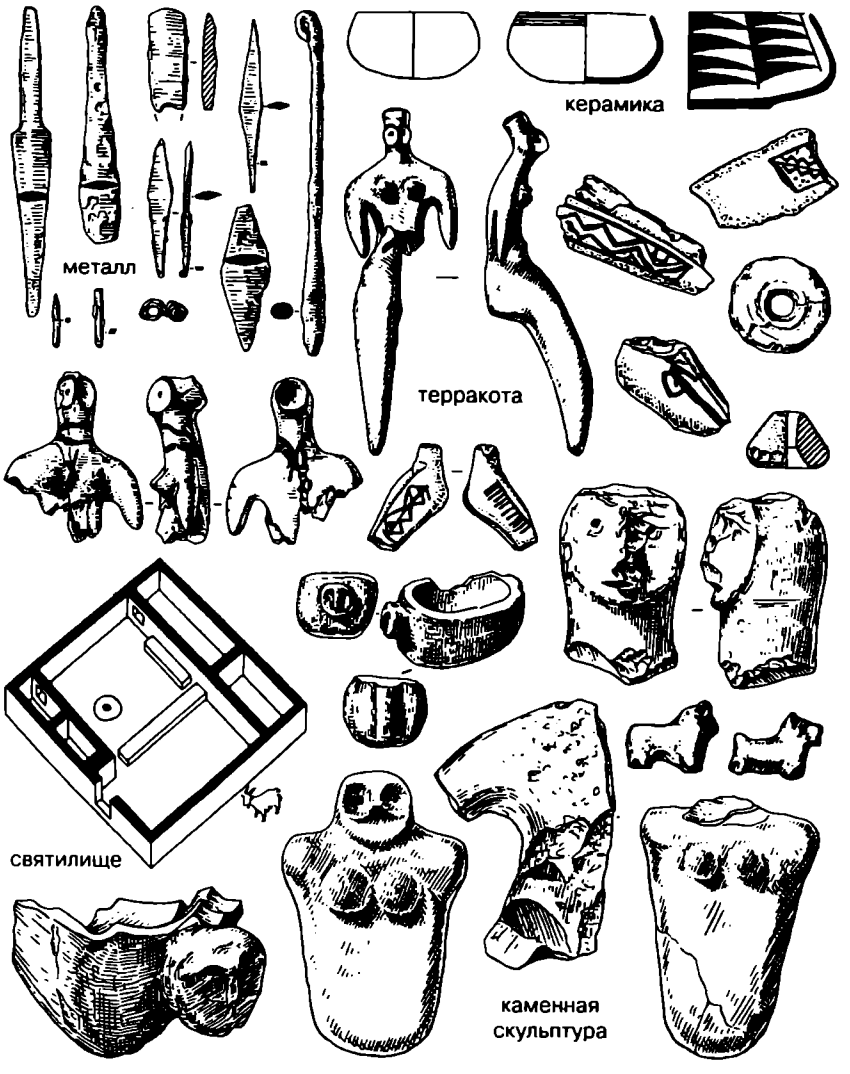


Рис. 7. Илгынлы-депе. Комплекс позднеялангачского времени

угольной формы со схематически переданными бугорками грудей и намеченным общими чертами лицом. В одном случае в рот такой фигурки был вставлен кусок охры, возможно, передающий реальный обычай подкрашивания губ древними обитательницами поселения. Судя по отдельным находкам, воспроизводились и фигуры более пластичного облика с покатыми плечами и опущенными вниз руками. Имеется фрагмент подпрямоугольного сосуда, у которого в передней части выточена человеческая голова, а на противоположном конце – длинный коровий хвост. Перед нами – явно синкретический образ человеко-быка, известный по месопотамской художественной традиции. Среди каменных изделий выявлена и группа орудий, с помощью которых производилось изготовление этих каменных скульптур.

Разнообразна и богата коллекция терракотовых статуэток (рис. 8). Традиционными являются схематические антропоморфные фигурки, обычно на плоском основании, видимо, разового использования. Специфику художественной культуры отражают более детализированные терракотовые статуэтки, в большинстве своем воспроизводящие женский персонаж. Это обычно достаточно стройная сидящая женщина. Покатые плечи переходят в короткие отрезки рук. Сравнительно редко изображение рук отсутствует и статуэтка имеет своеобразные плечи-груди. Иногда нижняя часть массивна и уплощена. Характерными особенностями фигурок являются высокая шея, чуть откинутая назад головка, венчаемая тяжелой шапочкой – головным убором. Глаза переданы углубленными овальными отверстиями так же, как и рот, что придает

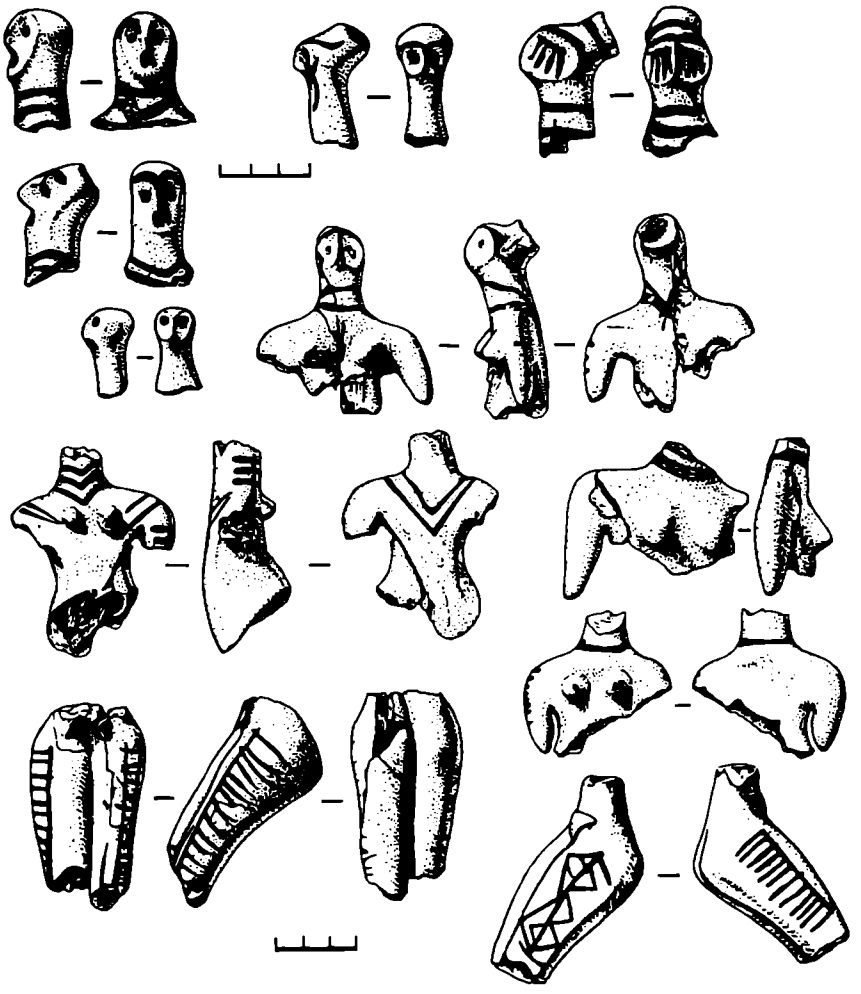


Рис. 8. Илгынлы-депе. Терракотовые статуэтки позднеялангачского времени

фигурке характер поющего персонажа. Различные детали наносились краской. На лице краской подчеркивались глаза, крутые брови, иногда – основание шапочки. На шее горизонтальными линиями передаются украшения – нитки бус или "бархотки". Порой на спину спускается двойная коса. Характерны сделанные мазками короткие насечки на плечах как спереди фигурки, так и на ее обратной стороне. В нижней части краской изображались треугольник в основании живота и различные фигуры, парно наносимые на бедра. Здесь сравнительно редко бывают фигуры козлов, более распространены ряды контурных треугольников и своего рода гребенки, возможно, в истоках изображавшие птиц с распахнутыми крыльями. Следует особо подчеркнуть такие характерные детали этой ялангачской скульптуры, как нанесение краской дополнительных деталей и овальные глаза.

Обширная керамическая коллекция включает несколько достаточно характерных групп. Среди расписной керамики могут быть выделены три категории. Первую образуют полусферические чаши и горшковидные сосуды, орнаментированные параллельными линиями (обычно четырьмя), идущими вдоль венчика. Иногда их связывают поперечные черточки или треугольники. Как уже было отмечено на материалах геоксюрского оазиса, более ранняя керамика имеет линии, сравнительно далеко расположенные друг от друга, тогда как позднее отмечается их сближение (Хлопин И.Н., 1969). Следует также отметить относительно редкие сосуды банкообразной формы с геометрической росписью, в основном силуэтными треугольниками, образующими вертикальные композиции. Третью группу образуют массивные корчаги, расписанные широкими шевронами или вертикально идущими зубчатыми линиями. Среди нерасписной керамики значительный процент составляет

тонкостенная посуда с примесью песка в тесте и красноватой залощенной поверхностью, покрытой черными пятнами. Имеется и сравнительно редкая тонкая серая посуда.

Именно такой, по внешнему виду художественно обедненный, комплекс стимулировал стремление видеть в сменяющей его полихромной керамике с росписью эффектными крестами и полукрестами привнесенную инновацию.

Детальные раскопки, проводившиеся на Илгынлы-депе, показывают определенную линию постепенного развития. Прежде всего, это явная планировочная преемственность. На раскопе 3, где так называемые святилища последовательно возводились одно над другим, эта традиция отнюдь не прервалась с появлением расписной керамики геоксюрского типа. Более того, парадное строение слоя II, обладающее всеми характерными признаками ялангачской традиции, продолжало функционировать и в геоксюрское время – в обмазке дисковидного алтаря-очага есть несколько черепков с геоксюрской полихромией. Остатки верхних строений на раскопе 4 также показывают, что в пору раннего Геоксюра сохраняется традиция возведения подобных парадных строений. Сохраняется и обычай ритуального предания огню оставляемого святилища, что было отмечено в типичном раннегеоксюрском комплексе на самом Геоксюре уже В.И. Сарианиди (1962; 1965). Как можно было видеть, традиция сооружения строений особого назначения с овальным очагом-алтарем, скамейкообразной приступочкой и ритуальным преданием огню сохраняется и в позднеэнеолитических горизонтах на стратиграфическом раскопе Алтын-депе.

Явственные черты различия ялангачской и геоксюрской терракотовой скульптуры хорошо известны. Утверждается новый статуарный тип женской фигуры с подпрямоугольными плечами, и детали наносятся теперь не краской, а налепами, будь то косы, глаза или косые полосы на плечах. Однако все это происходит не сразу и не внезапно. В материалах слоя 2 раскопа 3, характеризующих уже пору ранней геоксюрской полихромии, появляются фигурки, у которых покатые плечи эволюционируют в подпрямоугольные. Овальные глазные впадины раннего времени заменяются удлиненными. Переход к новому типу как бы подготавливается исподволь.

Массовый анализ всего керамического комплекса, а не одной расписной посуды показывает, что определенная преемственность, к тому же немалая, наблюдается и в этой сфере материальной культуры. Сохраняется группа краснолощеной посуды с черными пятнами. По-прежнему бытуют чаши с росписью параллельными линиями вдоль венчика, не говоря уже о корчагах с косыми шевронами, которые просто могли сохраняться в быту с более ранних времен. Что является безусловно новым, так это парадная посуда с полихромной росписью с фигурами сложных крестов, полукрестов и пильчатых линий. Частично новая орнаментация внедряется и в традиционные формы – известны баночные, по форме чисто ялангачские сосуды с росписью крестами геоксюрского стиля. На самом раннем этапе распространения посуды с полихромной росписью, как, например, в горизонте 2 раскопа 3, налицо и как бы первые опыты введения второй красной краски, которая в условиях поисков соответствующего температурного режима дает потеки и как бы чешуйчатый рисунок.

Все это позволяет заключить, что по многим, причем достаточно важным параметрам материальной культуры налицо преемственность и черты эволюционного развития. Это касается, например, оформления мебелью парадных строений. На ранних этапах это были деревянные скамьи. Затем их сменяют глиняные сооружения, традиционно окрашенные в красный цвет, но имитирующие при помощи черной краски свободное пространство между боковыми ножками. Затем на эти детали перестают обращать внимание и просто возводятся сплошные глиняные сидения. Вскоре исчезает из интерьера красная краска, а затем, видимо, деградируют и сами скамьи, заменяясь простыми приступочками.

Однако наличие такого мощного пласта преемственности и, судя по всему, сохранение основного массива населения с его устоявшимися культурными традициями, отнюдь не свидетельство упрощенно понимаемого автохтонизма. Принципиально новы-

ми являются не только парадная посуда с полихромной росписью и новый тип терракоты, имеющие определенные переклички с месопотамскими традициями, если брать всю коллекцию в целом (Массон В.М., 1964, с. 425). Новыми группами артефактов являются печати, о широком применении которых свидетельствуют и многочисленные оттиски, и сосуды, выточенные из белого камня. Скорее всего это свидетельства стимулированной трансформации, использование стандартов, давно уже известных в обширной древневосточной ойкумене. Известно, что печати появились еще в раннеземледельческом Чатал-хуюке, а ряд черт наиболее художественных терракот Южного Туркменистана эпохи позднего энеолита как бы воскрешает убейдские традиции. Знаменитый геоксюрский крест также может быть возведен к очень давней месопотамо-эламской традиции (Массон В.М., 1964, с. 432). В целом геометрический рисунок геоксюрского стиля может перекликаться с неизвестной нам плетеной продукцией местных племен, но конвергентное сложение сюжета "козлы у источника", которому следует заполнение геоксюрского креста, маловероятно. Мощный сдвиг художественно-орнаментальных традиций, который начала посуда геоксюрского стиля сначала на востоке ареала анауской культуры, а потом и на западе, определил всю последующую эволюцию расписной керамики. Подобное развитие орнаментов, постепенно измельчающихся и приобретающих как бы ковровый стиль, хорошо показывает расписная керамика Алтын-депе. Она выявлена в слоях, начиная с горизонта 12, где это измельчение уже началось и представлено расписной керамикой типа Чонга. Конкретный механизм и локализованные источники культурных инноваций в материальной культуре раннеземледельческих общин Южного Туркменистана пока неизвестны. В конце IV – начале III тыс. до н.э. установлено продвижение протоэламских общин на территорию Иранского плато, создающих там поселки и фактории от Година до Сиалка IV и Яхья-тепе (Lamberg-Karlovsky C.C., 1996, 200 sqq.). Но справедливости ради надо сказать, что наблюдаемые в Южном Туркменистане культурные новации не имеют ничего общего с протоэламскими комплексами по всем показателям. Как известно, протоэламская глиптика была основана уже на цилиндрах, тогда как в Туркменистане распространяется сравнительно архаический вид печаток раннеземледельческой эпохи. Показательно и сохранение высокого культурного своеобразия всего южнотуркменистанского очага, основанного скорее всего на давних глубинных традициях, незаурядный характер которых выявили, в частности, и раскопки Илгынлы-депе. Создатели керамики геоксюрского стиля проникают вместе со своей посудой в Иранский Сеистан на Шахри-Сохте (Biscione R., 1973), а также достигают верховьев Зерафшана. В этом отношении весьма показателен ранний комплекс Саразма, где наряду с парадной полихромной керамикой налицо и посуда с одноцветной росписью типа Кара 2. Эту картину, кстати, можно было наблюдать и на Геоксюре. Святилища Саразма имеют точно такие же круглые очаги-алтари, как и парадные строения ялангачского времени на Илгынлы-депе. Только роспись стен сменила древние ялангачские сюжеты на броскую геоксюрскую полихромию (Исаков А.И., 1991, рис. 63). Новые раскопки на Алтын-депе и Илгынлы-депе на конкретных материалах демонстрируют определяющее значение спонтанной трансформации местной культуры, что отнюдь не исключает стимулирующих воздействий со стороны более западных культурных ареалов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Березкин Ю.Е., 1989. Энеолитические святилища Илгынлы-депе // ИАН ТССР. СОН. № 6.

Березкин Ю.Е., Соловьева Н.Ф., 1998. Парадные помещения Илгынлы-депе // Археологические вести. № 5. СПб.

Исаков А.И., 1991. Сараźм (Раскопки 1977–1993 гг.). Душанбе.

Каспаров А.К., 1989. Млекопитающие энеолитического поселения Илгынлы-депе // ИАН ТССР. СОН. № 6.

Кирчо Л.Б., 1986. Культурная эволюция в эпоху формирования раннегородской цивилизации (по материалам раскопок Алтын-депе) // Древние цивилизации Востока. Ташкент.
Кирчо Л.Б., 1990. Древнейшие печати и их оттиски из Алтын-депе // СА. № 3.
Массон В.М., 1964. Средняя Азия и Древний Восток. М.; Л.
Массон В.М., 1967. Протогородская цивилизация юга Средней Азии // СА. № 3.
Массон В.М., 1982. Энеолит Средней Азии // Энеолит СССР. Ч. 1. М.
Массон В.М., 1989. Илгынлы-депе – новый памятник энеолитической культуры // ИАН ТССР. СОН. № 6.
Сариниди В.И., 1962. Культовые здания поселений анауской культуры // СА. № 1.
Сариниди В.И., 1965. Памятники позднего энеолита Юго-Восточной Туркмении. Энеолит южных областей Средней Азии. Ч. IV // САИ. Вып. Б3–8.
Хлопин И.Н., 1969. Памятники развитого энеолита Юго-Восточной Туркмении. Энеолит южных областей Средней Азии. Ч. III // САИ. Вып. Б3–8.
Biscione R., 1973. Dynamics of an early South Asian urbanisation: the first period of Shahri-Sokhta and its connections with Southern Turkmenia // South Asian Archaeology. London.
Kasparov A.K., 1994. Patterns in caprine exploitation at Ilgynly-Depe, Turkmenistan // NADARCA.
Kirčho L.B., 1988. The Beginning of the Early Bronze Age in South Turkmenia on the Basis of Altyn-depe Materials // East & West. № 38 (1–4).
Kirčho L.B., 1992. The Local Roots of Namazga V Culture // South Asian Archaeology 1989. Monographs in World Archaeology. № 14. Madison.
Korobkova G.F., Sharovskaya T.A., 1994. Stone tools from Ilgynly-depe (Turkmenistan): the evidence from use-wear analysis // NADARCA.
Lamberg-Karlovsky C.C., 1996. Beyond the Tigris and Euphrates. Bronze Age Civilisations. Ierusalem.
Masson V.M., 1992. Ilgynly-depe – a New Center of Early Farming Culture in South Turkmenia // South Asian Archaeology 1989. Monographs in World Archaeology. № 14. Medison.
Masson V.M., Berezkin Yu.E., Soloviyova N.F., 1994. Excavation of houses and sanctuaries from Ilgynly-depe, Turkmenistan // NADARCA.
Masson V.M., Korobkova G.F., 1989. Eneolithic stone sculpture in South Turkmenia // Antiquity. V. 63. № 238.

Институт истории материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург

V.M. MASSON, L.B. KIRCHO

THE STUDY OF CULTURAL TRANSFORMATIONS OF EARLY AGRICULTURAL SOCIETIES

(using materials of new excavations at Altyn-depe and Ilgynly-depe)

S u m m a r y

The paper is dedicated to the issue of the transformation of the Early Agricultural Anau culture in Southern Turkmenia during the Middle and Late Eneolithic Age and the Early Bronze Age (the 4th – the 3d millennia BC). As a result of targeted field investigations of settlements Altyn-depe and Ilgynly-depe in the 1980s – 1990s and the analysis of enormous amount of materials obtained, major cultural components of the Middle (fig. 7) and Late Eneolithic Age complexes (fig. 1) and two major stages of the Early Bronze Age development (fig. 2 and 3) have been identified.

The issue of the cultural transformation of the Late Eneolithic comlex that was gradually converted into the Early Bronze Age complex has been analyzed using the artifacts from Altyn-depe.

The investigation of Ilgynly-depe has shown that it is during the Middle Eneolithic Age (the first half and the middle of the 4th millennium BC) that copper metallurgy (fig. 6) was widely spread. A whole school of stone sculpture (fig. 7) has been identified. It has been established that a standard type of majestic buildings that must have fulfilled public functions developed here. Their interior was often decorated with wall paintings (fig. 5).

Е.Г. ДЭВЛЕТ

О НЕКОТОРЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ В ИССЛЕДОВАНИИ НАСКАЛЬНЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ

На исходе века представляется целесообразным рассмотреть некоторые аспекты изучения наскального искусства в нашей стране с точки зрения общих тенденций, наблюдающихся в последнее время, и найти место отечественных исследований в контексте развития этого научного направления за рубежом.

Последние десятилетия отмечены дискуссиями о методах анализа, применением новых естественнонаучных методов датирования непосредственно самих наскальных изображений – как росписей, так и петроглифов, осознанием их хрупкости, стремлением оградить памятники от разрушения, вредного воздействия естественной среды и вандализма.

Каково же общее число местонахождений наскального искусства, известных в настоящее время? Единственная попытка подобного подсчета была предпринята еще в 1984 г. Э. Анати. По его данным, общее число сохранившихся изображений составляет около 50 млн., расположенных в 780 зонах (зона определялась по географическим признакам: долина, горная система, плато и др.). Основных зон, по Э. Анати, 144, в них насчитывается около 10 тыс. изображений. Эти зоны распределены следующим образом: 38 расположены в 14 азиатских странах, 34 – на Американском континенте в 14 странах, 31 зона – в Африке на территории 23 стран, 29 насчитывается в 17 европейских странах, в 9 странах Океании находится 12 зон. К сожалению, аналогичный подсчет российских местонахождений, насколько мне известно, завершен не был. С тех пор в мире открыто много новых памятников и, по свидетельству президента Международного комитета по наскальному искусству при ИКОМОС Ж. Клотта, количество выделенных зон увеличилось с 780 до 1000 (Clottes J., 1997, p. 3, 4). Расширение фонда наскальных изображений проводилось и усилиями отечественных исследователей. Новая группа петроглифов открыта на берегу Онежского озера (Пойкалайнен В., 1997, с. 87–90; Poikalainen V., Ernits E., 1998). В 1980 г. были обнаружены палеолитические росписи в Игнатьевской пещере на Урале (Петрин В.Т., 1992), серия новых памятников открыта на Алтае (Молодин В.И., Черемисин Д.В., 1997; Kubarev D., Jacobson E., 1996). Повторные исследования памятников Верхней Лены значительно увеличили общее число изображений (Мельникова Л.В., 1993). Много новых местонахождений выявлено в Якутии (Кочмар Н.Н., 1994). В 1982 г. возобновились работы в Каповой пещере (Шульган-Таш), где в настоящее время насчитывается более 50 рисунков, исследован культурный слой на площади 68 м^2 (Щелинский В.Е., 1997, с. 29–38). Начиная с 1970-х годов и в особенности в последнее десятилетие наряду с поиском новых местонахождений, более углубленным изучением уже известных памятников и целых регионов все большее значение приобретает проблема сохранения найденного.

Памятники наскального искусства условно делят на пещерные (в том числе гроты и навесы) и на местонахождения, расположенные под открытым небом, которые в нашей стране количественно преобладают. От Урала до южной оконечности Иберийского п-ова насчитывается около 300 пещер с древними изображениями, что не является значительной цифрой, если принять во внимание расстояние в 4000 км и хроноло-

© Е.Г. Дэвлет, 1999 г.

гический диапазон в 25 тысячелетий. Европейские глубокие пещеры и гроты засушливых регионов Австралии, Африки, Америки и Индии преимущественно являются гарантами сохранности росписей.

Изучение пигментов, которые использовались для нанесения наскальных изображений, началось сравнительно недавно. Долгое время исследователи ограничивались описанием красного пигмента как охры (вне зависимости от оттенков, будь то желтый, красный или вишневый) и черного как угля; гипотетический характер носили и предположения о составе красок: пигменте, наполнителях и связующих. Исследования последних лет показали, что спектр материалов, использовавшихся для нанесения росписей, достаточно широк. Среди дающих оттенки красного и желтого присутствуют глины, оксиды железа, в том числе прошедшие термическую обработку, изменяющую цвет исходного сырья. Применялись минеральные наполнители. Черный цвет достигался в результате использования как угля, так и диоксида марганца. Консистенция красочных материалов различна – от сухих "мелков", до сложных составов, дающих краски различной вязкости. По всей видимости, применением связующего отмечены лишь отдельные региональные традиции. Изучение состава древнейших красителей оказалось важным не только для уточнения вопросов, связанных с техникой выполнения росписей, но и позволило более объективно судить о последовательности их создания, соотношении отдельных частей и групп изображений на крупных местонахождениях. Более того, состав краски может дать ключ к определению возраста росписей (Clottes J. et al., 1990, p. 21–26; Lorblanchet M. et al, 1990, p. 4–20; Праслов Н.Д., 1997, с. 81–84; Ляхницкий Ю.С. и др., 1997, с. 121).

Среди естественнонаучных методов датирования, применяющихся в последнее время, следует в первую очередь назвать AMS C-14, позволяющий значительно снижать размер анализируемого образца и отбирать его непосредственно с поверхности изображения. Метод датирования петроглифов по соотношению катионов используется в сочетании с AMS C-14 и заключается в определении соотношения в пустынном загаре, сформировавшимся на поверхности петроглифов и соседних участках камня, катионов калия и кальция к катионам титана (Dorn R.I. et al., 1986; Nobbs M., Dorn R., 1988, p. 108–146; Dorn R.I., 1992, p. 10–14; Watchman A., 1992, p. 8–10; Watchman A., Lessard D., 1992, p. 14–15). Полный обзор и критика методов и достоверности датирования наскальных изображений, как и анализ красок, является предметом специального исследования (Dewdney S., 1970, p. 7–31; Вайсброд Р.Л., 1993; Bednarik R.G., 1993, p. 5, 6).

Разработка новых методик, как и новые открытия, позволили вновь обратиться к вопросу о том, могут ли сохраниться образцы палеолитического искусства на скалах под открытым небом? В 1980-х годах появилась серия публикаций, касающихся вероятности палеолитического возраста ряда пиренейских изображений, расположенных вне пещер. При этом для некоторых исследователей доказательством возможности сохранения петроглифов (но не росписей) под открытым небом стало привлечение территориально близких аналогий (Bahn P., 1985, p. 530, 531; 1998; Bahn P., Vertut J., 1988, p. 110–113). Напомню, что датировка некоторых отечественных изображений подвергается сомнению во многом из-за отдаленности аналогий. Открытие петроглифов в долине Фош Коа в Португалии, расположенных на валунах под открытым небом, и анализ их методами естественных наук поставили на повестку дня все актуальные вопросы последних лет: о соотношении результатов точных методов датирования с выводами, сделанными на основании стилистических сопоставлений, о вероятности сохранения палеолитических петроглифов под открытым небом, об охране памятников (Bednarik R.G., 1995, p. 86–103; Watchman A., 1995, p. 104–108; 1996, p. 21–30).

Среди ряда сторонников новых методов датирования наблюдается тенденция к отрицанию достоверности стилистического анализа и омоложению изображений, которые прежде относили к плейстоцену. В то же время во многом именно их усилиями фонд наиболее ранних изображений не только не уменьшается, но и значительно расширяется за счет интеграции новых памятников, датированных в том

числе и естественнонаучными методами. К ним относятся изображения, выявленные в Австралии (40 тыс. и даже более 58 тыс. лет), в Африке (Намибия, 28–26 тыс. лет), в Индии (25 тыс. лет), в Северной Америке (плато Колорадо, 11 тыс. лет) и Южной Америке (традиция Норесте, 12 тыс. лет и традиция Серидо, до 17 тыс. лет), причем многие, в том числе и самые древние петроглифы Австралии, расположены под открытым небом (Nobbs M., Dorn R., 1988, p. 108–146; Watchman A., Lessard D., 1992, p. 14, 15; Bednarik R.G., 1993, p. 5, 6; Schobinger J., 1995, p. 134, 135; Steinbring J., 1995, p. 133, 134).

Предлагаемые новые методы датирования все еще требуют апробации результатов, поскольку нельзя слепо доверять сенсационным сообщениям. Отечественным исследователям эти дорогостоящие методы пока не доступны, но возможность их использования в будущем уже теперь предъявляет жесткие требования к анализируемому материалу, а следовательно, и к методике современных полевых работ. Это касается подготовки поверхности к копированию и/или фотофиксации, выбора материалов, консервационных и охранных мероприятий и др. Рекомендуется максимально избегать соприкосновения с поверхностью, не использовать материалы и соединения, которые могут оказать воздействие на отложения на поверхности наскальных изображений, и вообще предпочитать контактным методам работы бесконтактные. Отмечалось, что даже одноразовое снятие копии-протирки может изменить состав отложений на поверхности с изображениями (Дэвлет Е.Г., 1993). Безусловно, необходимо принимать во внимание отрицательные последствия контактных методов копирования (отливки, микаленты и др.), однако подобные способы фиксации широко практикуются отечественными исследователями и по сей день, поскольку контактные копии бывают довольно точны и имеют высокие экспозиционные качества. Освоение новых бесконтактных методов требует не только принципиально нового дорогостоящего оборудования, но, по-видимому, иной подготовки и нового исследовательского менталитета. С сожалением приходится констатировать, что многие методы, от которых уже давно необходимо было бы отказаться, все еще практикуются (например, подводка изображений перед их фиксацией). При открытии новых памятников, еще не затронутых или затронутых минимально внешним антропогенным воздействием, следует учитывать возможность их изучения в будущем методами естественных наук. Для этого целесообразно хотя бы часть скальной поверхности с изображениями оставлять незатронутой, отмечая этот участок в документации.

Копии, фотоматериалы и другая документация, безусловно, являются источником информации и, более того, требуют стандартизации и заботливого сохранения. Эту цель ставят перед собой специализированные архивы, и многие исследователи считают, что целесообразна организация всемирного специализированного архива, аккумулирующего информацию о памятниках наскального искусства (Clottes J., 1997, p. 27)[1].

Методы копирования и анализа, а следовательно, и формулировка концепций сохранения памятников наскального искусства, находились, как правило, в зависимости от общего направления гуманитарных и естественнонаучных исследований. Так, 1970-е годы отмечены увлечением новыми материалами для копирования изображений (заливка различными пластиками и др.). В эти годы основной идеей консервационных проектов стал поиск прозрачного покрытия, способного оградить поверхность от прямого воздействия атмосферных явлений. Обострение интереса к экологическим проблемам в наши дни нашло отражение и в методах управления памятниками наскального искусства: наблюдаются тенденция к предпочтению косвенных мер защиты, стремление свести к минимуму вмешательство в материал памятника, восстановить те природные условия, в которых он сохранялся на протяжении веков и тысячелетий. Реализация первых крупных проектов по консервации и музеефикации памятников

[1] Эффективность подобного пути накопления и сохранения материалов показали архивы при Центре наскального искусства проф. Э. Анати на севере Италии в Капо ди Понте и архив наскального искусства при Институте консервации Гетти в Калифорнии, США.

наскального искусства за рубежом дает отечественным исследователям возможность учитывать долговременный эффект мероприятий, направленных на решение различных конкретных задач с привлечением разных методик, и не прибегать к заведомо непригодным.

На сегодняшний день в список мирового культурного наследия, составленный ЮНЕСКО, включено лишь 10 районов наскального искусства, поскольку для этого требуется проведение заинтересованными странами масштабных охранных мероприятий. До сих пор в список ЮНЕСКО не попал ни один из районов Северной Америки и Азии, не говоря уже об отечественных местонахождениях.

Отношение к музеефицикации памятников наскального искусства у мирового научного сообщества в настоящее время двоякое. С одной стороны, осознание ценности этой части культурного наследия может прийти только после длительного и масштабного знакомства с ним, которое не может состояться без музеефикационных и популяризационных программ. Международным сообществом исследователей признается, что повышение интереса к наскальному искусству, широкое знакомство с этим видом человеческой деятельности, интеграция зачастую забытых образов в современную культуру должны дать положительные результаты для сохранения памятников. С другой стороны, туристическое посещение не только наносит вред памятникам, но и иногда является главной угрозой их сохранности. Это противоречие требует особого внимания со стороны лиц, занимающихся охраной памятников, а проблема управления памятниками наскального искусства должна решаться комплексно, с привлечением специалистов различных научных направлений. Возможно, что в рамках отдельных регионов целесообразно оценить состояние и перспективы сохранности каждого памятника, в соответствии с которым и строить программу контроля над их использованием. Из числа наиболее доступных, посещаемых, расположенных близ трасс и населенных пунктов памятников можно было бы определить те, которые пригодны для музеефикации и организованного посещения. К остальным местонахождениям внимание привлекать не следует. В ряде стран информация о расположении памятников наскального искусства находится только в распоряжении органов охраны памятников, не указывается в публикациях и туристических картах. Название местонахождениям дается не по ближайшему населенному пункту или другому географическому ориентиру, а по иной системе.

Чтобы проиллюстрировать имеющееся в современной научной литературе двоякое отношение к консервации и музеефикации памятников, обратимся к проекту, реализованному в Канаде на памятнике Петерборо, Онтарио. Местонахождение, открытое в 1924 г., привлекло внимание общественности в 1954 г. Вскоре оно было обнесено цепью-ограждением, которое все же охватило не всю его территорию. В 1972 г. памятник был включен в провинциальный парк петроглифов и, наконец, в 1984 г. над ним было возведено здание, которое расценивалось как удачное решение проблем сохранения скальной поверхности, контроля за посещением, пропаганды наскального искусства и даже цивилизованного оформления культового места коренного населения (Wainwright I., 1985). Хотя подобная точка зрения существует до сих пор (Ford B., 1997, p. 53–55), все же ряд исследователей полностью отрицает не только долговременный положительный эффект, но и саму необходимость возведения подобного сооружения (Bahn P. et al., 1995, p. 29–41; 1997, p. 55–58). Ставя под сомнение выбор такой меры, как перекрытие с помощью инженерного сооружения, в качестве аналога неоправданно приводится павильон над "Бесовыми Следками" в Карелии. Скопление петроглифов, насчитывающее около 470 фигур и знаков, известных под названием "Бесовы Следки", располагалось в северной части о-ва Шойрукшин, близко к середине русла р. Выг. В конце 1950-х–1960-е годы сооружение Выгостровской ГЭС практически обрекло памятник на гибель, поскольку строящаяся плотина должна была пройти непосредственно по нему. Только усилиями Ю.А. Савватеева и других археологов проект удалось подкорректировать и спасти северную группу петроглифов; южную, к сожалению, перекрыла плотина. В домике-павильоне заключен

участок скалы с петроглифами размером 12,5 × 7,8 м (Савватеев Ю.А., 1983, с. 114). Павильон "Бесовы Следки", являясь филиалом Карельского краеведческого музея, регулярно не функционирует и порой не уберегает памятник от вандалов, но тем не менее он, безусловно, был той единственной адекватной мерой, которая обеспечила физическую сохранность поверхности с изображениями.

Одной из вынужденных мер сохранения некоторых в полном смысле этого слова "обломков" изобразительной деятельности являются вывоз и хранение блоков камня в качестве музейных экспонатов. Я имею в виду в первую очередь вывоз в 1927 г. с третьего мыса Пери-Носа Онежского озера небольшого фрагмента, к тому времени в силу естественных причин уже частично отделившегося от основного массива, в Карельский государственный краеведческий музей г. Петрозаводска. В 1935 г. в Государственный Эрмитаж была доставлена так называемая "крыша" – огромная гранитная плита с петроглифами. При проведении взрывных работ для ее отделения была уничтожена уникальная сцена деторождения (Савватеев Ю.А., 1983, с. 49, 50). Западноевропейские музеи тоже пополняли коллекции подобным способом. Например, в Музее естественной истории в Базеле представлены вывезенные фрагменты гравировок из Тассилин-Аджер (Африка). Если этот почин начинался в нашей стране и за рубежом во многом с целью пополнения музейных коллекций, то с течением времени эта мера стала вынужденной. Сибирские музеи в Кемерово, Горно-Алтайске, Минусинске, Кызыле, Иркутске и др. хранят фрагменты скал с изображениями, доставленных из зон затопления строящихся гидроэлектростанций. Как отмечал В.Д. Кубарев "...петроглифы – не станковые произведения. Спиленные и свезенные в музей, эти осколки когда-то существовавшего культурно-экологического комплекса навсегда замолкают. Ключи к разгадке их утрачиваются" (Кубарев В.Д., 1993, с. 65–69). Исследователем подчеркивается чрезвычайно важная мысль, что памятники наскального искусства составляют часть природно-исторических комплексов и, будучи исключены из контекста, они утрачивают значительную часть содержащейся в них информации.

В настоящее время в нашей стране, несмотря на ограниченность средств, все же осуществляются отдельные консервационные проекты. Подобные работы проводятся на Урале, в Кемеровской и Иркутской областях. Опыт зарубежных стран показал, что важнейшую роль в таких работах играет не только собственно реализация консервационных проектов, но и публикация всех связанных с их проведением исследований, экспериментов, особое внимание уделяется мониторингу.

Известно, что многие западноевропейские пещеры давно закрыты для массового посещения, и воочию ознакомиться с древними изображениями имеют возможность лишь немногие. Таков результат длительного туристического использования, наносящего непоправимый вред памятникам. На повестке дня стоит регулирование массового посещения всемирно известной Каповой пещеры (Шульган-Таш). Образованный распоряжением Совета Министров Башкирии в 1971 г. государственный заповедник Шульган-Таш, к сожалению, не обеспечил необходимого контроля за посещением, несмотря на установку заграждения и создание штата охраны (Щелинский В.Е., 1993, с. 57–61). С 1994 г. предпринимается попытка упорядочить посещение Шульган-Таш. По второму ярусу пещеры открывается экскурсионный платный маршрут, что поставило перед дирекцией заповедника проблему регулирования туристического потока и установки предельно допустимых норм посещения. Имеются проекты ворот, которые должны полностью предотвратить неорганизованное посещение, планируется прокладка металлических мостков и смотровых площадок (Ляхницкий Ю.С., 1997, с. 121–124). Сначала здесь применялся норматив, принятый для регулирования посещения западноевропейских музеефицированных пещер. В 1995 г. были произведены расчеты изменения температуры, влажности, содержания углекислого газа (Лоскутов А.В., Лоскутова И.А., 1997, с. 111–115). В 1996–1997 гг. изучалось развитие микроорганизмов в зависимости от экскурсионной нагрузки (Лоскутова И.А., Фирсов Н.Н., 1997, с. 115–119). В 1995 г. была проведена экспертная оценка состояния сохранности

изображений. Основным фактором повреждений было признано переувлажнение, поэтому были проведены экспериментальные работы по укреплению поверхности с помощью гидрофобных покрытий на основе кремнийорганических соединений и полиэтиленового воска. Ученые предполагают опробовать несколько вариантов обработок и выявить наиболее эффективный (Ляхницкий Ю.С. и др., 1997, с. 119, 120). Однако в публикации излишне категорично заявлено об успехе подобного подхода. Следует не упускать из вида то обстоятельство, что в мире наблюдается тенденция к предпочтению косвенных методов защиты (водоотводы, защитные козырьки и др.) мерам прямого воздействия, особенно в том случае, если их долговременный эффект может внушать опасения (Беднарик Р., Дэвлет Е.Г., 1993, с. 7–24).

Из отечественных проектов только один можно назвать музеефикацией памятника наскального искусства под открытым небом в его естественной среде. Это музей-заповедник "Томская писаница", созданный по инициативе А.И. и Г.С. Мартыновых и открытый для посетителей в 1989 г. (Историко-культурный и природный музей-заповедник "Томская писаница", 1995). Он состоит из 12 экспозиционных зон, включающих древнее святилище Томская писаница; Музей наскального искусства Азии; археодром – реконструкции древних жилищ и погребений; шорский архитектурно-этнографический комплекс "улус Кезек": жилые и хозяйственные постройки, хозяйственный инвентарь и предметы традиционного быта; кладбище, орехово-промысловый стан, поляну шамана; музей естественной истории: геология, минералогия, палеонтология; комплекс "русская поляна": мифология, эпос, календари и др. (Мартынова Г.С., 1997, с. 115–117). Музей наскального искусства Азии является первым в нашей стране специализированным музеем такого профиля. Нельзя не отметить размах всего комплекса под открытым небом. По признанию многочисленных специалистов-музееведов и петроглифистов из дальнего зарубежья, побывавших здесь в августе 1998 г., это один из лучших, если не лучший, музей подобного профиля в мире. Собственно памятник наскального искусства является одной из зон показа – его кульминацией. Подходы к петроглифам оформлены аннотациями, снабжены лестницами, беседками, имеются мостки с перилами, обеспечивающими безопасность посетителей. Собственно скалы с изображениями, посещавшиеся на протяжении столетий, находятся в худшем состоянии, нежели инженерные сооружения и требуют консервационного и реставрационного вмешательства.

В настоящее время в международных профессиональных изданиях предлагается дать сформировавшемуся научному направлению особое наименование, которое выделило бы его в самостоятельную дисциплину, поставило бы особняком относительно археологии, искусствоведения, этнографии, философии и пр. Речь идет не только об исследовании наскального искусства, но и об изучении всех ранних форм изобразительной деятельности, включая изображения, выполненные не только на скалах, но и на других поверхностях, а также небольшие предметы – как древние, так и относящиеся к недавнему прошлому[2].

---

[2] Подобная тенденция к объединению объясняется сходством задач исследования и методов анализа: например, вариант трасологического анализа с равным успехом применяется к портативным предметам и к гравировкам на скалах (D'Errico F., 1991, p. 83–89). Термин О. Одак *пиктопетроглифология* подчеркивает, что предметом изучения являются и петроглифы и росписи, которые часто англоязычные исследователи называют пиктограммами (Odak O., 1991, p. 3–12). Индийский исследователь Г. Кумар предложил термины "*purakala*", по значению примерно равное словосочетанию "доисторическое искусство", т.е. не охватывающее современные изображения на скалах, а также "*purakala vigian*", где второе слово на санскрите обозначает "наука" (Kumar G., Odak O., 1993 a, p. 11, 12; 1993b, p. 13, 14). Из аналогичных странных терминов можно назвать *эпипентологию*, в которой "пент" происходит от глагола "пента" (рисовать и др.) народности хопи юто-ацтекской языковой семьи (Malotky E., 1993, p. 15–17). Еще одно предложение Г. Кумара – *пефология* (Kumar G., Odak O., 1993b, p. 13, 14). Это производное от усеченной аббревиатуры трех слов "P", (пиктографии, или выполненные краской изображения), еще одна "P", объединяющаяся с первой (петроглифы), "E" (гравированные изображения на всех прочих поверхностях (скорлупа, кость) и "F" (фигуры из кости, камня и др.), "O" (все прочие объекты неутилитарного назначения). Р. Беднарик предложил название *когнитивная эпистемология* (эпистемология соответствует теории познания в отечественной философии), сократив его позднее до *когнитологии*, которое некоторыми исследователями

В нашей стране оформление самостоятельного научного направления засвидетельствовала первая конференция "Актуальные проблемы изучения наскальных изображений в СССР", состоявшаяся в Москве 10–12 апреля 1990 г. В конференции, организованной Институтом археологии АН СССР совместно с Всероссийским обществом охраны памятников, приняли участие более 80 специалистов из 27 городов (Проблемы..., 1990). В докладах отмечалось, что уже давно назрела необходимость в объединении усилий исследователей для обмена опытом, выработки общих подходов к материалу, методики полевых исследований, общей терминологии и т.д. (Дэвлет М.А., 1993, с. 54).

25–27 апреля 1995 г. под эгидой ЮНЕСКО в Париже проходил международный коллоквиум "Петроглифы Центральной Азии: методология изучения наскального искусства", в котором приняла участие значительная группа исследователей из России и стран ближнего зарубежья (Черемисин Д.В., 1996). Проведение подобного мероприятия определялось прежде всего тем, что Центр национальных исследований Франции вел работы на памятниках наскального искусства России и Казахстана совместно со специалистами из этих стран и готовил публикацию "Корпуса петроглифов Центральной Азии". В настоящее время вышло в свет три тома этой серии (Sher J. et al, 1994; Francfort H.-P., Sher J.A. et al, 1995; Kubarev D., Jacobson E., 1996).

В августе того же года в Кемерово состоялась конференция "Наскальное искусство Азии: изучение, сохранение, использование", проводившаяся на базе музея-заповедника "Томская писаница" (Наскальное искусство Азии..., 1995). Многочисленные участники имели возможность побывать на открытии музея "Наскальное искусство Азии", который помимо экспозиции имеет архив, готовый принять на хранение полевую документацию по памятникам наскального искусства.

В ноябре 1997 г. группой сибирских археологов на базе Кемеровского университета была учреждена Сибирская ассоциация исследователей первобытного искусства во главе с Я.А. Шером. В августе 1998 г. в Кемерово проходила "Международная конференция по первобытному искусству", закрепившая создание ассоциации (Международная конференция..., 1998). Спонсором конференции выступили несколько организаций, в том числе ЮНЕСКО. Следует отметить представительность этого форума: около 100 участников приехали из 14 городов России, 3 – из ближнего зарубежья (Эстонии, Узбекистана и Киргизии), 7 представляли страны дальнего зарубежья (Францию, Англию, Голландию, Италию, Австралию, США, ЮАР). Проведение международной конференции по первобытному искусству может служить свидетельством интеграции российских исследователей в мировое научное сообщество и позволяет более четко оценить состояние отечественной науки на фоне общемировых тенденций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Беднарик Р., Дэвлет Е.Г., 1993. Консервация памятников наскального искусства Верхней Лены // Памятники наскального искусства. М.

Вайсброд Р.Л., 1993. Методы датирования наскального искусства // Современные проблемы изучения петроглифов. Кемерово.

Дэвлет Е.Г., 1993. Настоящее и будущее наскальных изображений на Алтае // Altaica. № 3. Новосибирск.

Дэвлет М.А., 1993. О конференции "Актуальные проблемы изучения наскальных изображений" и визите Р. Беднарика в нашу страну // Памятники наскального искусства. М.

Историко-культурный и природный музей-заповедник "Томская писаница", 1995. Кемерово.

было одобрено. Также выдвигался термин "*rupestrian archaeology*" (rupestre – наскальный), авторы которого считают, что таким образом можно продемонстрировать, что данное научное направление использует два подхода: археологический и философский (Fossati A., Jaffe L., Simões de Abreu M. Eds, 1990, p. 3, 24). В отечественных работах все чаще употребляется термин "петроглифоведение", который отражает реальное преобладание памятников с петроглифами над месторождениями росписей в нашей стране (Советова О.С., 1997, с. 93–99).

Кочмар Н.Н., 1994. Писаницы Якутии. Новосибирск.
Кубарев В.Д., 1993. Сохранить историю // Памятники наскального искусства. М.
Лоскутов А.В., Лоскутова И.А., 1997. Экскурсии в пещеру Шульган-Таш (Каповая) – история и современное состояние // Пещерный палеолит Урала. Уфа.
Лоскутова И.А., Фирсов Н.Н., 1997. Плесневые грибы пещеры Шульган-Таш (Каповой) и их связь с экскурсионной нагрузкой // Пещерный палеолит Урала. Уфа.
Ляхницкий Ю.С., 1997. Эскизный проект обустройства ближней части пещеры Шульган-Таш (Каповой) для ее экскурсионного использования // Пещерный палеолит Урала. Уфа.
Ляхницкий Ю.С., Мельникова Е.П., Шигорец С.Б., 1997. Результаты экспертной оценки состояния палеолитической живописи пещеры Шульган-Таш (Каповой) и перспективы реставрационных работ // Пещерный палеолит Урала. Уфа.
Мартынова Г.С., 1997. О концепции музея наскального искусства Азии // Наскальное искусство Азии. Вып. 2. Кемерово.
Международная конференция по первобытному искусству. Тез. докл. под ред. Я.А. Шера, 1998. Кемерово.
Мельникова Л.В. 1993. Новое в изучении Шишкинских писаниц // Памятники наскального искусства. М.
Молодин В.И., Черемисин Д.В., 1997. Петроглифы эпохи бронзы плоскогорья Укок // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск.
Наскальное искусство Азии: Тезисы докладов Международной конференции "Наскальное искусство Азии (изучение, сохранение, использование)". 1995. Кемерово.
Петрин В.Т., 1992. Палеолитическое святилище в Игнатиевской пещере на Южном Урале. Новосибирск.
Пойкалайнен В., 1997. Новооткрытые петроглифы Лебединого носа на берегу Онежского озера // Пещерный палеолит Урала. Уфа.
Праслов Н.Д., 1997. Краски в палеолитическом искусстве // Пещерный палеолит Урала. Уфа.
Проблемы изучения наскальных изображений в СССР, 1990. М.
Савватеев Ю.А., 1983. Наскальные рисунки Карелии. Петрозаводск.
Советова О.С., 1997. Изучение енисейских петроглифов вчера и сегодня // Гуманитарные науки в Сибири. Сер. Археология и этнография. № 3. Новосибирск.
Черемисин Д.В., 1996. Международный коллоквиум "Петроглифы Центральной Азии: методология изучения наскального искусства" // Гуманитарные науки в Сибири. Сер. Археология и этнография. № 3. Новосибирск.
Щелинский В.Е., 1993. Состояние и перспективы сохранения живописи Каповой пещеры // Памятники наскального искусства. М.
Щелинский В.Е., 1997. Палеогеографическая среда и археологический комплекс верхнепалеолитического святилища пещеры Шульган-Таш (Каповой) // Пещерный палеолит Урала. Уфа.
Bahn P., 1985. Ice Age drawings on open rock faces in the Pyrenees // Nature. V. 313.
Bahn P., 1998. Prehistoric Art. Cambridge.
Bahn P., Bednarik R, Steinbring J., 1995. The Peterborough petroglyph site: reflections on massive intervention in rock art // Rock Art Res. V. 12. № 1.
Bahn P., Bednarik R., Steinbring J., 1997. Hear nothing, see nothing, say nothing? // Rock Art Res. V. 14. № 1.
Bahn P., Vertut J., 1988. Images of the Ice Age. London.
Bednarik R.G., 1993. Phisical stratigraphy of Australian rock paintings // Int. Newslet. Rock Art. № 2.
Bednarik R.G., 1995. The age of the Côa valley petroglyphs in Portugal // Rock Art Res. V. 12. № 2.
Clottes J., 1997. L'art rupestre – Rock art. ICOMOS.
Clottes J., Menu M., Walter P., 1990. New light on the Niaux paintings // Rock Art Res. V. 7. № 1.
Dewdney S., 1970. Dating rock art in the Canadian Shield Region. Toronto.
Dorn R.I., 1992. A review of rock art dating of rock engravings // Int. Newslet. Rock Art. № 2.
Dorn R.I., Bamforth D.B, Cahill T.A., Dohrenwend J.C., Turrin B.D., Jull A.J.T., Long A., Macko M.E., Well E.B., Whitley D.S., Zabel T.H., 1986. Cation-ratio and accelerator- radiocarbon dating of rock varnish on archaeological artifacts and ndforms in Mojave Desert, eastern California // Science. V. 223.
D'Errico F., 1991. Microscopic and statistical criteria for the identification of prehistoric systems of notation // Rock Art Res. V. 8. № 2.

Ford B. 1997. Unfair criticism of Peterborough project // Rock Art Res. V. 14. № 1.
Fossati A., Jaffe L., Simões de Abreu M. Eds., 1990. Rupestrian archaeology. Techniques and terminology. A methodological approach: petroglyphs // Ric. Archeol. V. 1. T. I. Val Camonica.
Francfort H.-P., Sher J.A. et al., 1995. Répertoire des pétroglyphes d'Asie Centrale sous la direction de Henri-Paul Francfort et Jakov A. Sher. Fasc. 2: Siberie du Sud 2: Tepsej I–III, Ust'-Tuba I-VI (Russie, Khakassie) par Natalia Blednova, Henri-Paul Francfort, Natalia Legtchilo, Laurent Martin, Dominique Sacchi, Jakov A. Sher, Dimitri Smirnov, François Soleilhavoup, Pierre Vidal. Paris.
Kubarev D., Jacobson E., 1996. Répertoire des pétroglyphes d'Asie Centrale. Fasc. 3: Sibérie du Sud: Kalbak-Tash I (République de l'Altai). Paris.
Kumar G., Odak O., 1993a. Promotion of rock art studies as an indepensent discipline // Purakala. V. 1. № 1–2.
Kumar G., Odak O., 1993b. A new name for rock art discipline: I Pefology or Purakala Vigian // Purakala. V. 1. № 1–2.
Lorblanchet M., Labeau M., Vernet J.L., Fitte P., Valladas H., Cachier H., Arnold M., 1990. Paleolithic pigments in the Quercy, France // Rock Art Res. V. 7. № 1.
Malotky E., 1993. A new name for rock art discipline: II Epipentology // Purakala. V. 1. № 1–2.
Nobbs M., Dorn R., 1988. Age determination for rock varnish formation within petroglyphs: cation-ratio dating of 24 motifs from the Olary region, South Australia // Rock Art Res. V. 5. № 2.
Odak O., 1991. A new name for a new discipline // Rock Art Res. V. 8. № 1.
Poikalainen V., Ernits E., 1998. Rock carvings of Lake Onega. The Vodla region. Tartu.
Schobinger J., 1995. The earliest rock art in the Americas: South America // Rock Art Res. V. 12. № 2.
Sher J. et al., 1994. (Avec la collaboration de Blednova N., Legtchilo N., Smirnov D.) Répertoire des pétroglyphes d'Asie Centrale. Fasc. I: Sibérie du Sud I: Oglakhty I–III (Russie, Khakassie). Paris.
Steinbring J., 1995. The earliest rock art in the Americas: North America // Rock Art Res. V. 12. № 2.
Wainwright I., 1985. Rock art conservation research in Canada // Bollettino del Centre Camuno di Studi Preisitorici. V. XXII. Capo di Ponte.
Watchman A., 1992. Assessment of the cation-ratio dating method // Int. Newslet. Rock Art. № 2.
Watchman A., 1995. Recent petroglyphs, Foz Côa, Portugal // Rock Art Res. V. 12. № 2.
Watchman A., 1996. A review of the theory and assumptions in the AMS dating of Foz Côa petroglyphs, Portugal // Rock Art Res. V. 13. № 1.
Watchman A., Lessard D., 1992. Dating prehistoric rock art by laser: a new method extracting trace organic matters // Int. Newslet. Rock Art. № 2.

Институт археологии РАН,
Москва

E.G. DEVLET

SOME TRENDS IN THE ROCK ART STUDIES

Summary

The author reviews some aspects of the rock art study performed in our country in terms of general world trends of this scientific area development. The author shows that recent decades have been noted for discussions on the methods of analysis, the application of new scientific methods of dating both paintings and petroglyphs which generated particular requirements to the means of copying, there has been a genuine desire to protect various sites against destruction as the sites are fragile, more attention is focused on management methods and long-term consequences of conservation projects. The study of rock art is increasingly more often looked upon as an independent area of scientific work that should be assigned a particular name.

М.Г. МОШКОВА

ИЗУЧЕНИЕ ПРОБЛЕМ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА В ИНСТИТУТЕ АРХЕОЛОГИИ РАН В 1989–1998 гг.

Проблематика раннего железного века в Институте археологии РАН разрабатывается преимущественно Отделом скифо-сарматской археологии, сотрудники которого изучают памятники древнего населения степной и лесостепной Евразии от Средней Европы до Средней Азии и Южной Сибири включительно. Широк не только территориальный, но и хронологический охват исследуемых археологических культур и памятников. Но так как проблемы происхождения культур раннего железного века невозможно решить без глубокого изучения предшествующего хронологического пласта – материалов периода поздней бронзы, последнему посвящены работы некоторых сотрудников отдела (Н.Л. Членова, В.И. Козенкова).

Наиболее активные и результативные исследования проводились в течение последних десятилетий на территории Северного Кавказа. 1990-е годы оказались временем подведения определенных итогов, позволивших аргументированно говорить об этнокультурных процессах, протекавших на этой территории с эпохи поздней бронзы и до раннего средневековья.

Истории местного населения, оставившего яркие памятники кобанской культуры, посвящены исследования В.И. Козенковой. Продолжая начатые публикации всего известного к настоящему времени материала по кобанской культуре, В.И. Козенкова подготовила два выпуска САИ: о погребальном обряде (1989) и материальной культуре (оружие и конское снаряжение) (1995) носителей западного варианта кобанской культуры. Определенный итог изучению этой культуры подведен ею в обобщающей монографии (1996), где представлена концепция автора, в частности, относительно происхождения данной культуры. В.И. Козенкова утверждает автохтонность основного ядра населения, создавшего кобанскую культуру, не отрицая при этом разностороннего влияния или привнесения инноваций со стороны народов Передней Азии, Ближнего Востока и степей Евразии. Такая ситуация, по ее мнению, объяснялась в первую очередь географическим положением "кобанского" населения на Кавказском перешейке. В.И. Козенковой были также уточнены границы локальных вариантов кобанской культуры и представлена динамика исторического развития данного социума, связанная с появлением новаций как внутреннего, так и внешнего порядка на протяжении целого тысячелетия. Особое место в исследованиях В.И. Козенковой уделяется взаимоотношениям с населением Закавказья и кочевниками степей Предкавказья – скифами, а затем сарматами.

Важные и значительные работы по Центральному Предкавказью проводились скифологами В.Г. Петренко и В.Е. Масловым. Одной из наиболее дискуссионных проблем истории скифов периода архаики остается вопрос о времени появления скифов на Северном Кавказе и характере их пребывания там. Являются ли скифские памятники лишь следами их походов через Кавказ в Переднюю Азию или это целый пласт наиболее ранних скифских памятников, свидетельствующих о пребывании скифов в начальный период своей истории на Северном Кавказе? Решать эти проблемы стало возможно лишь с появлением новых археологических материалов с этой территории. Раскопки в Центральном Предкавказье начались во второй половине 1970-х годов на могильнике Красное Знамя и продолжаются по сей день на

© М.Г. Мошкова, 1999 г.

Новозаведенском II могильнике. После раскопок курганов у хут. Красное Знамя, принадлежавших, несомненно, высшей элитной воинской группе, стало ясно, что и погребальный обряд, и весь инвентарь за исключением керамики связан с раннескифским (вторая половина VII – начало VI в. до н.э.) археологическим комплексом. Несмотря на ограбление всех курганов, немногочисленные, но очень яркие и важные материалы – оружие, главным образом наконечники стрел, керамика и импортные изделия – позволили создать серьезные хронологические разработки, удостоверяющие начальную дату исследованных памятников как вторую половину VII в. до н.э. (Петренко В.Г., 1990). Следовательно, степи Центрального Предкавказья во второй половине VII в. до н.э. были заняты скифами и эта территория являлась плацдармом для их походов в Переднюю Азию. Предложенная В.Г. Петренко датировка исследованных ею скифских памятников временем не позднее второй половины VII – начала VI в. до н.э. у большинства скифологов не вызывает сомнений, тем более что аналогичный материал и те же даты дали Келермесские курганы, недавно монографически опубликованные Л.К. Галаниной (1997). Точка зрения Т.М. Кузнецовой, относящей все скифские могильники Центрального Предкавказья ко времени не ранее начала VI в. до н.э., т.е. после возвращения скифов из Передней Азии (585 г. до н.э.), не имеет пока достаточного обоснования. Также малоубедительно ее утверждение о том, что все импортные переднеазиатские вещи второй половины VII в до н.э., обнаруженные в Краснознаменском, Новозаведенских и Келермесском могильниках, являются трофеями скифов, добытыми во время разграбления храма в Аскалоне и привезенными одновременно с возвращением скифов из Передней Азии.

Накопление археологического материала из Краснознаменского и Новозаведенского II могильников, разнообразие и в то же время повторяемость не только целых изделий, но и отдельных специфических деталей поставили перед исследователями новые вопросы, и позволили высказать ряд предположений. Так, появление в раннескифских могилах Центрального Предкавказья большого количества янтарных бус прибалтийского происхождения, совершенно идентичных бусам из лесостепных раннескифских могильников Среднего Приднепровья, а также находки их в памятниках Закавказья (Самтавро) говорят о существовании торгового пути, шедшего через Кавказ еще в эпоху бронзы и возобновившего свое функционирование уже во второй половине VII в. до н.э. О широких торговых связях свидетельствуют также ионийская керамика конца VII в. до н.э. (ойнохоя, чаша) и серо- и красноглиняные сосуды несомненно закавказского производства, найденные в погребениях Новозаведенского могильника. В то же самое время основная часть керамического раннескифского комплекса представлена типичными кобанскими сосудами. Однако появление на этих сосудах орнаментальных композиций с изображением оленей только в скифский период говорит об изготовлении части кобанской керамики специально по заказам кочевников. То же самое можно сказать о некоторых ювелирных изделиях. Иногда они выполнены в разной технике, но с идентичными орнаментальными мотивами. Иногда в разных курганах могильника находятся абсолютно идентично орнаментированные изделия, что также свидетельствует о существовании мастерских, специально работающих на "кочевнический" рынок.

Раскопки двух достаточно близких по многим параметрам могильников поставили также вопросы социального и этнического порядка. Если краснознаменские захоронения, принадлежавшие высшей скифской аристократии, несли черты типичного скифского комплекса с привнесением переднеазиатских влияний, то в Новозаведенском могильнике ощущается больше связей – и в погребальном обряде (достаточно стандартном, что было нехарактерно для краснознаменских курганов), и в хронологических сопоставлениях – с местной кочевой подосновой новочеркасского и даже белозерского характера. Что касается религиозных представлений ранних скифов Центрального Предкавказья, то обнаруженные в могилах элементы культа огня, а также храмово-погребальный комплекс в кург. 1 у хут. Красное Знамя заставляют

думать, что религия их в значительной степени была религией огнепоклонников, адекватной религии иранских племен Переднего Востока, несшей в своей основе существенные элементы зороастризма. Все высказанные соображения нашли место в подготовленной В.Г. Петренко монографической публикации Краснознаменского могильника, которая, очевидно, выйдет в 1999 г. Книга введет в научный оборот уникальный комплекс и даст возможность приступить к дальнейшей интерпретации раннескифских памятников Центрального Предкавказья.

Для понимания скифской культуры и особенно разработки ее хронологии совершенно необходимы типологические исследования отдельных категорий вещей скифского археологического комплекса. Этим проблемам посвятила свои работы Т.М. Кузнецова. Собрав зеркала из скифских погребений VI–III вв. до н.э., она представила их строго выдержанную классификацию (Кузнецова Т.М., 1988). В.Е. Маслов изучал керамический комплекс из курганных и грунтовых погребений Центрального Предкавказья VII–V вв. до н.э. (Маслов В.Е., 1997). Роль этого источника в хронологических построениях и при определении культурогенеза той или иной группы древнего населения трудно переоценить.

Многие годы не прекращаются споры относительно происхождения скифов, их культуры и времени появления этого народа в Северном Причерноморье. Последнее время, после раскопок кургана Аржан, очень активно утверждается гипотеза о центральноазиатском происхождении европейских скифов. Она основана на ранней датировке кургана Аржан IX–VIII вв. до н.э., который соответственно хронологически подстилает культуру скифов Северного Причерноморья. Следовательно, по логике сторонников данной гипотезы, скифы Северного Причерноморья являются народом, пришедшим из Центральной Азии. В 1997 г. вышла книга Н.Л. Членовой, где дана глубокая и тщательная разработка типологии всех категорий инвентаря, представленных в кургане Аржан. Основное внимание было уделено оружию и конской узде. Автор применяет метод "археологических цепочек", располагая их с востока на запад. Самые близкие аналогии предметам вооружения и узды Н.Л. Членова находит среди материалов тагарской культуры. Замыкаются "археологические цепочки" на западном импортном материале и указывают, как считает автор, на VII–VI вв. до н.э., не ранее. Если даже какие-то аналогии, приводимые Н.Л. Членовой, могут вызвать возражения, общая система доказательств датировки предметов из кургана Аржан представлена очень основательно. Теперь сторонники ранней даты этого памятника не могут оставить без внимания высказанное мнение и должны также тщательно разобрать все категории обнаруженного там инвентаря со своих позиций, используя именно археологические методы. Споры о датах, полученных по С-14, стоит предоставить специалистам по этим методам (Зайцева Г.И. и др., 1997).

Вопросам теории и практики погребальной обрядности посвящен ряд работ В.С. Ольховского. Скифские погребения VII–III вв. до н.э. степной зоны Северного Причерноморья от Дуная до Дона (более 1500 комплексов) послужили основой для всестороннего изучения им одного из важнейших видов археологических источников. Выявленные статистически достоверные закономерности позволили В.С. Ольховскому (1991) высказать свои суждения о генезисе и эволюции элементов скифского погребального комплекса, о наличии локальных зон и вариантов скифской степной культуры, о реконструкции практической сферы погребально-поминальной обрядности скифов. Им также разрабатывались вопросы теории обряда, терминологии, содержания и структуры погребальных памятников и обрядности, социологической реконструкции и интерпретации по данным погребальных памятников (Ольховский В.С., 1993; 1995).

Изучение памятников древнего монументального искусства – еще одно направление научной деятельности В.С. Ольховского. Помимо ряда статей им совместно с Г.Л. Евдокимовым (1994) издан сводный комментированный каталог скифских изваяний Причерноморья, Крыма и Северного Кавказа, насчитывающий более 150 изваяний и баз к ним. В.С. Ольховским были изучены территориально-хронологическое

распределение изваяний, их технология, морфология и иконография. До настоящего времени монография В.С. Ольховского и Г.Л. Евдокимова является единственной и наиболее полной сводкой скифских изваяний.

С 1989 г. В.С. Ольховский исследует культовые и погребальные памятники эпохи раннего железного века Арало-Каспийского региона. Руководимый им Устюртский отряд (с 1991 г. работающий в составе Западно-Казахстанской экспедиции Института археологии НАН Республики Казахстан) полностью раскопал святилища сарматского времени Карамунке, Терен и Байте III. Полученные материалы, в особенности открытие на Устюрте ранее неизвестного очага древнего монументального изобразительного искусства, позволили В.С. Ольховскому продолжить изучение культовой практики и монументальной скульптуры кочевников Евразии на широком географическом фоне, что нашло отражение в ряде публикаций.

Еще одно из направлений изучения скифской культуры – скифы в Средней Европе – представлено работами А.И. Мелюковой. Цель ее исследований – дать аргументированную оценку роли скифов-кочевников и их соседей, населявших лесостепь Восточной Европы, в исторических процессах, происходивших в Средней Европе в первой половине I тыс. до н.э.

Проведенный А.И. Мелюковой анализ археологического материала двух компактных групп памятников с элементами скифской культуры – Трансильванской VII–V вв. до н.э. и Векерзукской VI–V вв. до н.э. (Карпатский регион) – позволил ей говорить о разных судьбах оставившего их населения. Появление первой из них, как считает А.И. Мелюкова, связано с приходом в этот район небольшой орды скифов-кочевников во второй половине VII в. до н.э. Однако скифы не вытеснили, как пишут многие западные ученые, местное, в основном фракийское, население, а лишь изменили его культуру, способствуя ее скифизации. Образование Векерзукской группы (культуры, по Я. Хохоровскому) А.И. Мелюкова не связывает напрямую со скифами-кочевниками, а объясняет продвижением во второй половине VI в. до н.э. населения со скифообразной культурой из лесостепи Восточной Европы на запад под давлением кочевников. Скифский компонент в этой культуре объясняется присутствием собственно скифского кочевого населения на территории восточноевропейской лесостепи с VII в. до н.э.

За пределами Карпатского региона, далее на запад, находки скифских вещей, главным образом наконечников стрел VI в. до н.э., А.И. Мелюкова связывает с военными походами кочевников преимущественно в лужицкие земли. Вместе с тем она считает, что есть основания говорить о существовании тесных торговых контактов населения лужицкой культуры с земледельческими племенами Правобережной восточно-европейской лесостепи в VI в. до н.э.

Историей Малой Скифии, ее Крымской территории, бывшей с конца III в. до н.э. центром позднескифского государства, занимается О.Д. Дашевская, ведущая многие годы (включая последнее десятилетие) раскопки городища Беляус и его некрополя. Принципиальное значение в ее полевых работах имело выявление позднескифских строительных остатков, лежащих на греческом слое городища. Очень интересные погребальные сооружения, исследованные на Беляусском некрополе, насчитывают около 200 могил, датируемых II в. до н.э. – I в. н.э. В настоящее время О.Д. Дашевская готовит монографическую публикацию материалов Беляусского могильника – одного из наиболее полно исследованных позднескифских памятников Северо-Западного Крыма.

Давно изучаемыми, но доселе дискуссионными остаются вопросы определения характера лесостепных памятников скифского периода. До последнего времени наиболее распространенной была гипотеза о существовании целого ряда локальных групп скифообразной культуры лесостепи Восточной Европы. К числу их относятся и посейменская, и среднедонская группы, много лет изучаемые А.И. Пузиковой. Ей удалось полностью раскопать одно из самых крупных городищ Курского Посеймья – Переверзево I и многографически опубликовать его (1997). Материалы городища

подтвердили гипотезу о заселении этого района в VI–V вв. до н.э. скифоидными племенами, родственными населению того же времени Левобережного Днепра, Северского Донца и Среднего Дона. Однако материалы городища позволили удревнить время заселения Курского Посеймья до VII–V вв. до н.э.

Вторым направлением работ А.И. Пузиковой является изучение Среднедонских курганных могильников скифского времени, материалы из которых частично ею уже опубликованы. В настоящее время готовится полное издание таких известных могильников Среднего Дона, как Мастюгино, Частые курганы, Русская Тростянка и Дуровка.

С 1989 г. древности Среднего Дона эпохи раннего железа успешно исследует Потуданская экспедиция ИА РАН, руководимая заместителем директора института В.И. Гуляевым. За прошедший период в пределах Воронежской обл. разведками было выявлено пять городищ и четыре весьма перспективных курганных могильника скифского времени. С 1993 г. экспедицией проводятся спасательные раскопки курганной группы у сел. Терновое и Колбино. За пять полевых сезонов удалось раскопать 16 курганов, давших разнообразный материал, характеризующий местную культуру V–IV вв. до н.э. и ее связи с античным миром. Часть добытых материалов, в том числе шедевры греко-скифской торевтики и декоративно-прикладного искусства, уже нашла отражение в печати, вызвав подлинный интерес специалистов – скифологов и антиковедов.

Вопросы хронологии, культурогенеза и взаимосвязей с окружающим миром населения Восточного Приаралья и Присарыкамышья скифского времени, также входят в круг проблем, рассматриваемых отделом и разрабатываемых Л.Т. Яблонским. Сочетание в одном лице профессионального археолога и антрополога обеспечивает комплексный подход ко всем этим проблемам.

Монографические исследования материалов сакских могильников Приаралья (Яблонский Л.Т., 1994; Итина М.А., Яблонский Л.Т., 1997) позволили по-новому взглянуть на некоторые острые проблемы сакской и скифской археологии. В аспекте хронологии было показано, что вопреки сложившемуся в последние годы мнению древнейшие захоронения сакского типа не могут датироваться временем, более ранним, чем самый конец VIII в. до н.э. Это утверждение базируется как на абсолютной, так и на относительной, и притом локально независимой хронологической шкале приаральских памятников эпохи поздней бронзы – раннего железа. В плане этнографическом существенным представляется убедительно доказанный вывод о том, что западная граница сакского мира проходила не по течению Сырдарьи, как думали раньше, а по территории Присарыкамышской дельты Амударьи.

В плане этнографической проблематики с использованием данных краниологии было со всей очевидностью показано, что сакский мир вовсе не был единым или сколько-нибудь однородным ни в культурно-типологическом, ни в генетическом отношениях. Культурная неоднородность и антропологическая гетерогенность саков прослеживаются не только при сравнении соседних регионов сакского мира – Амударьинского и Сырдарьинского, но даже в пределах Присарыкамышского микрорайона. Актуальность исследованных материалов выходит далеко за рамки собственно Среднеазиатско-Казахстанского региона. Полученные результаты во многом проливают свет на проблемы, связанные с хронологией и особенностями формирования культур савроматского и сарматского типов, особенно на территории Волго-Уральских степей.

Во второй половине 1980-х годов в археологической литературе, особенно в работах сибирских археологов, начала распространяться концепция о существовании в степях Евразии I тыс. до н.э. "скифо-сибирского единства", или "общности", или же некоей "цивилизации кочевников". Она нашла как своих сторонников, так и противников. Однако в связи с важностью поднятой проблемы и отсутствием достаточной аргументации ее базиса возникла необходимость обсуждения этой концепции с оценкой источниковедческой и теоретической основ, на которых она построена, уточ-

нением содержательной стороны предложенной терминологии, наконец, выработкой методических подходов для понимания столь сложного явления, как "скифская триада", распространенного во времени и пространстве. Все это явилось основанием для решения Отдела о проведении в апреле 1990 г. рабочего совещания по проблеме скифо-сибирского мира, в котором приняли участие московские исследователи из разных учреждений. Были заслушаны сообщения сотрудников отдела, представлявшие собой взгляд на проблему со стороны четырех крупных составных частей "скифо-сибирского мира" – Центральной Азии и Южной Сибири (Н.Л. Членова), сакских степей (Л.Т. Яблонский), Азиатской Сарматии (М.Г. Мошкова) и скифского Причерноморья (А.И. Мелюкова). Как сама обсуждаемая проблема, так и сообщения сотрудников вызвали оживленную дискуссию. Все выступавшие высказались против существования и употребления терминов "скифо-сибирское единство" или, "общность", а также "цивилизация кочевников" для обозначения совокупности всего многообразия археологических культур скифо-сарматского времени на колоссальных просторах Евразии. Были предложены другие формулировки для названия этого феномена – "Евразийский культурный континуум скифской эпохи" (Д.С. Раевский) и "скифский евразийский мир" (В.П. Алексеев). Однако прошедшие годы показали, что они не прижились и наиболее употребительными остались термины "скифо-сибирский мир" (несмотря на свою некорректность) или "культуры скифо-сибирского круга". Не договорились исследователи и о критериях, наличие которых необходимо для включения археологической культуры в континуум "скифо-сибирского мира". Особенно жаркие споры касались таких культур, как тагарская, ананьинская, саргатская и даже культур лесостепи Северного Причерноморья. Все материалы совещания были опубликованы (Совещание по проблеме..., 1993). Думаю, что настало время вновь вернуться к этой проблематике, уделив особое внимание дефиниции такого понятия, как "кочевая цивилизация" или "цивилизация кочевников", которое все чаще встречается на страницах археологической литературы,

Кочевники и Северный Кавказ – проблемы хронологии, расселения, взаимодействия и смешения населения степей, равнинно-предгорных и горных районов – вся эта тематика является одной из ведущих в работах отдела. О скифском периоде сказано выше. Но все эти проблемы связаны и с сарматским хронологическим пластом и нашли широкое отражение в работах М.П. Абрамовой. Материалы ее собственных раскопок (Нижне-Джулатский, Подкумский могильник) вкупе со всеми известными источниками из памятников Центрального Предкавказья легли в основу монографического исследования о судьбах населения этого района с III в. до н.э. до IV в. н.э. включительно. Анализ погребального обряда и инвентаря всех исследованных памятников позволил М.П. Абрамовой разделить изучаемый регион на две локальные группы: западную и восточную – и показать неидентичность происходивших там этнографических процессов. Согласно предложенной ею концепции, опирающейся, кроме археологического материала, на лингвистические, топонимические и антропологические источники, можно говорить о двух возможных периодах политического господства ираноязычных племен на территории Центрального Предкавказья. Первый приходится на скифское время (конец VII–V вв. до н.э.). Тесные контакты скифов с местным населением предгорной зоны приводили к инфильтрации их на территорию предгорий, где складывалась смешанная группа населения. Наиболее интенсивно эти процессы шли только в западных районах Центрального Предкавказья. Второй период политического господства ираноязычных народов можно связать с появлением на Северном Кавказе аланских племен, носителей позднесарматской культуры, и датировать его начало временем не ранее конца II – первой половины III в. н.э. Эти события сопровождались переселением местного населения вглубь предгорий, а иногда и в начало горной зоны. Как и в скифское время, содержание этногенетических процессов в западных и восточных районах не было равнозначным. На западе появление алан хотя и способствовало иранизации местных племен, но в целом не изменило их этнический состав. Памят-

ники восточных районов (Правобережье среднего Терека), напротив, оставлены смешанной группой населения, в состав которой вошли пришлые аланские племена, часть оседлых, передвинувшихся сюда из западных районов Центрального Предкавказья, и какая-то часть автохтонных. В этом объединении можно допустить ведущую роль алан. Логическим продолжением исследований М.П. Абрамовой явилась ее работа, посвященная дискуссионной проблеме, связанной с путями формирования аланской культуры Северного Кавказа, становление которой, по ее мнению, происходило в III–V вв. н.э.

Последние несколько лет В.Ю. Малашевым интенсивно разрабатывается тематика, связанная с Северо-Кавказской керамикой первых веков нашей эры и раннесредневековой. Классификация, типология, а также технологические характеристики керамики дали возможность В.Ю. Малашеву представить хронологические вехи и относительную шкалу датировок внутри изучаемого им Северо-Кавказского керамического комплекса. Кроме того, он закончил очень интересную работу, предложив дробную периодизацию внутри выделенного еще А.К. Амброзом хронологического горизонта от середины III по IV в. н.э. В основу предложенных периодов была положена обработка морфологических и стилистических признаков таких вещей, как пряжки, наконечники ремней и подвески, в меньшей степени – керамика.

Одним из приоритетных направлений в работах отдела всегда была тематика, связанная с раскопками и анализом древностей Азиатской Сарматии, т.е. территории первоначального расселения "савромато-сарматов". Не одно десятилетие В.В. Дворниченко ведет полевые исследования в Астраханской обл. Им был открыт и частично опубликован такой известный памятник, как могильник Косика. Одно из его погребений, бесспорно, принадлежавшее представителю высшей воинской аристократии и датированное I в. н.э., содержало уникальные изделия древней торевтики. Но наибольшую ценность представляла собой пунсонная надпись, наколотая на плоской закраине глубокой серебряной миски. Публикация этого погребения (Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А., 1993) вызвала интереснейшую дискуссию на страницах ВДИ (1994–1996 гг.). Она проходила как "международный круглый стол" "Сарматы в I в. н.э.: новейшие открытия" и была посвящена многим спорным вопросам истории сарматов первых веков нашей эры. Не менее значительными оказались раскопки могильников у поселков Комсомольский и Хошеутово. В первом были обнаружены древнейшие погребения савроматской эпохи. Они позволили с полной уверенностью датировать наиболее ранние комплексы савроматской культуры временем не позднее чем середина VI в. до н.э. (Дворниченко В.В. и др., 1997). Хошеутовское погребение (вторая четверть V в. до н.э.) содержало не менее 11 уздечных наборов, представленных великолепными изделиями нижневолжского звериного стиля, локальное своеобразие которого бесспорно. Однако, его формирование и развитие находилось под воздействием как скифской культуры Причерноморья, так и культур кочевников скифского времени восточного региона (Дворниченко В.В., Очир-Горяева М.А., 1997).

В начале 1990-х годов Л.Т. Яблонский возобновил полевые работы в Оренбургской обл., которая была одним из основных плацдармов в изучении "савромато-сарматских" памятников Южного Приуралья (в 1950–1970-е годы работы К.Ф. Смирнова, М.Г. Мошковой). Для исследования был взят куст курганных могильников, расположенных вокруг с. Покровка (группы 1–10) на левом берегу Большой Хобды, левого притока Илека. Памятник, несомненно, входит в круг знаменитых Илекских курганов. Очень важно, что с первых лет работы экспедиция носила комплексный характер. В ней участвовали почвоведы, геологи и палеозоологи. Антропологические наблюдения вел сам Л.Т. Яблонский. В работе нескольких полевых сезонов принимали также участие Оренбургский педагогический институт и американские археологи. За все годы раскопок (1991–1997 гг.) было вскрыто более 100 курганов, содержавших около 300 погребений.

Колоссальная археологическая коллекция Покровских курганов дает представ-

ление о всех периодах истории кочевого населения этого региона. Но особенно многочисленны, разнообразны и хронологически компактны (IV–II вв. до н.э.) материалы раннесарматской культуры, насчитывающие около 200 захоронений. Это особенно важно, потому что в настоящее время ведутся бурные дискуссии о хронологии этого периода. Некоторые исследователи (В.Ю. Зуев и др.) настаивают на хиатусе, который якобы охватывает весь III в. до н.э., т.е. его надо вычленить из даты раннесарматской культуры, оставив только IV и II–I вв. до н.э. Поэтому очень тщательный типолого-хронологический анализ погребального обряда и инвентаря раннесарматских погребений Покровских курганов с применением как традиционных археологических, так и статистико-комбинаторных методов позволит разрешить существующие споры, а предложенные решения их будут серьезно аргументированы. Покровские курганы содержали и очень интересные погребения савроматского времени с изделиями в зверином стиле из рога и золота. Также особое место занимают позднесарматские комплексы Покровки, которых насчитывается уже около 20. В Южном Приуралье это всего второй памятник (после Лебедевки в Западном Казахстане), содержащий достаточно многочисленную группу погребений второй половины II – первой половины III в. н.э. В большинстве могильников Южно-Уральского региона позднесарматские погребения встречаются единицами или небольшими группами по пять-шесть могил. Работы Илекской экспедиции отличаются еще и тем, что результаты первых пяти лет раскопок (1991–1995 гг.) уже полностью опубликованы. При этом издание археологического материала во всех четырех выпусках сопровождается статьями почвоведов, геологов и палеозоологов.

До 1992 г. в составе отдела историей населения Зауралья и Западной Сибири скифо-сарматского времени занимался В.А. Могильников. Он вел широкие полевые исследования на территории Верхнего Приобья и Обь-Иртышского междуречья, изучая как могильники, так и поселения. Результаты многолетних раскопок В.А. Могильникова нашли отражение в монографии (1997), где им была сформулирована концепция этнокультурного развития населения этой территории. Период конца VIII – первой половины VI в. до н.э. представлен памятниками большереченской культуры переходного времени от бронзового века к железному. В ареале данной культуры В.А. Могильниковым были выделены три локальных варианта. Своеобразие каждого из них было обусловлено различной долей составляющих компонентов в генезисе большереченской культуры. Середина VI в. до н.э., как считает исследователь, ознаменовалась притоком с запада и юго-запада саков, под влиянием которых сформировалась новая каменская культура. В VI–V вв. до н.э. население каменской культуры попадает в орбиту проникновения небольших групп кочевников Южного Приуралья и Северного Казахстана, а с юга, по-видимому, небольших групп "пазырыкцев". Выводы этногенетического характера были дополнены соображениями исследователя о культурных и торговых связях населения юга Западной Сибири с окружающими народами.

С начала 1990-х годов в отделе начала осуществляться работа (руководитель М.Г. Мошкова, участник В.А. Башилов) по созданию компьютерной базы данных по погребальному обряду курганных древностей Азиатской Сарматии (VI в. до н.э. – IV в. н.э.). База создавалась с целью статистической обработки ее данных с применением всех известных к настоящему времени статистико-комбинаторных методов, применяемых для обработки подобных источников. Было решено обсчитывать данные по каждой отдельной культуре, входящей в состав "савромато-сарматской " культурно-исторической общности, используя единую методику, чтобы в будущем можно было сравнить полученные результаты. По каждой культуре предполагались уточнение относительной хронологии памятников, выяснение локальных особенностей погребального обряда регионов. Последняя задача была связана с разгоревшейся в начале 1980-х годов дискуссией о существовании в савроматское время одной или двух савроматских археологических культур – одной в восточном и другой в западном регионах. Наконец сарматологам хотелось получить объективные критерии

и данные для выяснения сущности перехода одного сарматского археологического комплекса в другой и уловить признаки, связанные с механизмом этого перехода. Иными словами, какой характер носили связи савроматской культуры с раннесарматской, последней – со среднесарматской и т.д.

В осуществлении этого проекта приняли участие археологи Исторического факультета Волгоградского государственного университета, математики Лаборатории информатики Исторического факультета МГУ и историки и археологи из Италии (Рим, Неаполь, Болонья). В настоящее время вышло два выпуска серии, посвященной результатам статистической обработки данных погребального обряда памятников Азиатской Сарматии: "Савроматская эпоха" (1994, просчитано более 500 комплексов) и второй "Раннесарматская культура" (1997; проанализировано более 1200 погребений). Для памятников савроматского времени подтвердилась гипотеза о существовании двух археологических культур. Одна охватывает Южно-Уральский регион, вторая – Нижневолжский регион и междуречье Волги и Дона. Возможно, в дальнейшем район междуречья будет интерпретироваться как особый локальный вариант нижневолжской савроматской культуры. Внутри Уральского региона разделились памятники VI–V и V–IV вв. до н.э. Статистическая обработка материалов раннесарматской культуры узаконила предлагавшееся ранее хронологическое деление всего массива на ранний (IV–III вв. до н.э.) и поздний (III–I вв.до н.э.) периоды. Первые концентрируются в Южном Приуралье, вторые – в Заволжье и междуречье Волги и Дона. Была также подтверждена сформулированная ранее гипотеза о формировании раннесарматской культуры на территории Южного Приуралья и миграции ее носителей в конце IV – начале III в. до н.э. в районы Нижнего Поволжья и междуречья Волги и Дона. Удалось также зафиксировать неидентичность наборов инвентаря в погребениях раннего и позднего периодов. В настоящее время начата статистическая обработка базы данных по среднесарматской культуре. Анализ ее результатов ляжет в основу третьего выпуска издаваемой серии по материалам погребального обряда памятников Азиатской Сарматии.

В тематику отдела включены также проблемы, связанные с изучением черняховской культуры. Более 20 лет Г.Ф. Никитина вела раскопки черняховских могильников в Черновицкой обл. Украины. Результаты их легли в основу ее аналитических исследований. Основным направлением работ Г.Ф. Никитиной в последнее десятилетие являлась выработка методических подходов к анализу археологических материалов для получения данных, ведущих к выводам на историческом уровне. Ею были разработаны следующие методики: упорядочивание материалов как массового, так и индивидуального характера; приемы систематизации материала для разных объектов исследования. Разработка методов изучения и анализа исследуемых материалов привели Г.Ф. Никитину к выводу, что в области группировки материала классификация и типология – процессы, протекающие в противоположных друг другу направлениях. Классификация – движение от общего к частному, типология – от частного к общему. Применение этих процедур позволило выделить типы во всех разновидностях археологических источников (погребальный обряд, инвентарь, керамика).

Разработанные Г.Ф. Никитиной методики были апробированы на материале одного из черняховских могильников, раскопанного у с. Оселивка (Никитина Г.Ф., 1995). Применение этих приемов позволило автору установить время возникновения могильника, продолжительность его функционирования, структуру формирования площади кладбища, природу этнокультурного состава и социальной организации общества, оставившего могильник, наконец, установить направление экономических связей населения данного памятника и многие другие частные особенности изучаемого объекта. Предложенные ею методики и процедуры ждут своего апробирования на материалах других культур. В настоящее время Г.Ф. Никитина на основе разработанных методик продолжает анализ материала из других раскопанных ею черняховских могильников.

Еще одним приоритетным направлением изучения черняховской культуры являются хронологические исследования, многие годы проводимые О.А. Гей. Предлагаемые ею подходы к решению этой проблемы основывались на максимальном использовании корреляционного метода, на разработках ее предшественников и заключались в следующем: изучение наиболее репрезентативных черняховских могильников на основе общей системы хронологических индикаторов (ХИ) и дальнейшего сопоставления полученных фаз развития. При этом выделение хроноиндикаторов базируется, как правило, на уже разработанных и апробированных классификациях. Под ХИ О.А. Гей предлагала понимать не только те вещи, которые могут быть датированы с достаточной точностью или "имеют непосредственный выход на абсолютный счет времени", но и те, которые получают дату в ходе корреляционной обработки материала.

Упомянутые методические приемы были использованы О.А. Гей для изучения наиболее репрезентативных могильников таких культур, как вельбарская, черняховская и цебельдинская. Весь процесс проведенного О.А. Гей исследования нашел отражение в вышедшей в 1997 г. монографии (Гей О.А., Бажан И.А., 1997). По материалам цебельдинских некрополей была разработана непрерывная хронологическая шкала III–VI вв. н.э., к которой удалось привязать периодизации черняховской и вельбарской культур и некоторых крымских памятников. Полученная хронологическая система в целом синхронизируется с системой европейской хронологии Г.Ю. Эггерса – К. Годловского.

Раскопкам памятников древней и раннесредневековой Ферганы и анализу полученных там материалов посвятила многие годы своей работы Г.А. Брыкина. Вскрытые ею могильники (Таш-Рават) и поселения (Кайрагач), датированные первой половиной I тыс. н.э., легли в основу разрабатываемой ею темы – история населения предгорных районов Западной Ферганы. Разносторонний анализ погребального обряда и разнообразного инвентаря, сведения письменных источников позволили дать полное представление о сложившейся в Фергане этого времени культуре, этнической истории живущих на этой территории народов, их верованиях и культурных связях с соседними территориями – Согдом, Чачем, Уструшаной. Расположение Ферганы на пересечении торговых путей, в том числе на одной из северных ветвей Великого Шелкового пути, соединило эту территорию как с далеким Востоком, так и с Византией. Все эти вопросы нашли отражение в работах Г.А. Брыкиной. Эти же годы были временем, когда Г.А. Брыкина вела подготовку к изданию очередного тома "Археологии" "Средняя Азия в эпоху раннего средневековья" (IV–VIII вв. н.э.). Этот том особенно важен и интересен тем, что многие материалы, вошедшие в него, публикуются впервые и наконец станут доступными для археологов и научной общественности.

С 1988 по 1993 г. работу Отдела скифо-сарматской археологии возглавлял В.А. Башилов, научные интересы которого связаны с древней историей Перу. Этой проблематике и было посвящено его монографическое исследование "Неолитическая революция в Центральных Андах". Тема работы связана с анализом палеоэкономических процессов, проходивших на территории Центральных Анд в VIII – начале II тыс. до н.э. Она имеет определенное общеисторическое значение, поскольку позволяет поставить такие проблемы, как всеобщность процесса "неолитической революции" и ее внутренних закономерностей, влияние географической и экологической среды на ее конкретные формы, принципиальная возможность прохождения "неолитической революции" в присваивающей экономике.

В течение прошедших лет сотрудники отдела активно участвовали в международных и региональных конференциях по самой разнообразной тематике. В 1995 г. отдел провел в Москве "Первые чтения памяти К.Ф. Смирнова", получившие отражение в журнале "Российская археология" (РА, 1996, № 3). В отделе выпущены два тома "Археологии СССР". Первый из них – "Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время" (1989, отв. ред. А.И. Мелюкова) – практически полностью написан

сотрудниками отдела. В написании второго – "Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время" (1992, отв. ред. М.Г. Мошкова) – принимали участие Н.Л. Членова и В.А. Могильников. О.А. Гей написано несколько параграфов в томе "Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н.э. – первой половине I тысячелетия н.э." (1993). Кроме того, Отделом в США издан обобщающий труд по археологии кочевых племен Евразии раннего железного века (см. список книг № 20).

За истекшее десятилетие семь членов Отдела защитили докторские диссертации (М.П. Абрамова, В.А. Башилов, В.И. Козенкова, В.А. Могильников, М.Г. Мошкова, Н.Л. Членова, Л.Т. Яблонский) и один – кандидатскую (В.Е. Маслов).

Печатная продукция отдела представлена 34 монографиями и сборниками, список которых дается ниже по годам выхода их в свет.

1. Археология СССР. Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989 / Отв. ред. А.И. Мелюкова.

2. *Козенкова В.И.* Кобанская культура. Западный вариант // САИ. Вып. В2-5. М., 1989.

3. Проблемы скифо-сарматской археологии. М., 1990.

4. *Ольховский В.С.* Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII–III вв. до н.э.). М., 1991.

5. *Кузнецова Т.М.* Этюды по скифской истории. М., 1991.

6. *Дашевская О.Д.* Поздние скифы в Крыму // САИ. Вып. Д1-7. М., 1991.

7. Археология СССР. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время / Отв. редактор М.Г. Мошкова. М., 1992.

8. Скифы (хрестоматия) / Сост. Т.М. Кузнецова. М., 1992.

9. Курганы левобережного Илека. Вып. 1 / Отв. ред. Л.Т. Яблонский. М., 1993.

10. *Абрамова М.П.* Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э. – IV в. н.э.). М., 1993.

11. *Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л.* Скифские изваяния VII–III вв. до н.э. М., 1994.

12. Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. I. Савроматская эпоха / Отв. ред. М.Г. Мошкова. М., 1994.

13. *Членова Н.Л.* Памятники конца эпохи бронзы в Западной Сибири. М., 1994.

14. *Яблонский Л.Т.* Саки Южного Приаралья. М., 1994.

15. Курганы левобережного Илека. Вып. 2 / Отв. ред. Л.Т. Яблонский. М., 1994.

16. Курганы левобережного Илека. Вып. 3 / Отв. ред. Л.Т. Яблонский. М., 1995.

17. *Козенкова В.И.* Оружие, воинское и конское снаряжение племен кобанской культуры (систематизация и хронология, западный вариант) // САИ. Вып. В2-5. М., 1995.

18. *Пузикова А.И.* Скифы Среднего Дона. Альбом. М., 1995.

19. *Никитина Г.Ф.* Анализ археологических источников могильника черняховской культуры у села Оселивка. М., 1995.

20. Nomades of the Eurasian Steppes in the Early Iron Age / Ed. J. Davis-Kimball. Berkeley, 1995.

21. Kurgans on the left bank of the Ilek. Excavations at Pokrovka 1990–1992 / Eds. J. Davis-Kimball, L. Yablonsky. Berkeley, 1995.

22. Памятники Евразии скифо-сарматской эпохи. М., 1995.

23. Statistical Analyses of Bural Customs of the Sauromatian period in Asian Sarmatia (6th-4th centuries BC) / Eds. B. Genito, M. Moshkova. Napoli, 1995.

24. Курганы левобережного Илека. Вып. 4 / Отв. ред. Л.Т. Яблонский. М., 1996.

25. *Никитина Г.Ф.* Могильники черняховской культуры в Северной Буковине и Бессарабии. М., 1996.

26. *Козенкова В.И.* Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке (узловые проблемы развития кобанской культуры). М., 1996.

27. *Абрамова М.П.* Ранние аланы Северного Кавказа III–V вв. н.э. М., 1997.

28. *Итина М.А., Яблонский Л.Т.* Саки Нижней Сырдарьи. М., 1997.

29. *Пузикова А.И.* Памятники скифского времени бассейна р. Тускарь (Посеймье). М., 1997.

30. Памятники предскифского и раннескифского времени на юге Восточной Европы (МИАР. № 1). М., 1997.

31. *Могильников В.А.* Население верхнего Приобья в середине – второй половине I тысячелетия до н.э. М., 1997.

32. Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. II. Раннесарматская культура / Отв. ред. М.Г. Мошкова, М., 1997.

33. *Гей О.А., Бажан И.А.* Хронология эпохи "готских походов" (на территории Восточной Европы и Кавказа). М., 1997.

34. *Членова Н.Л.* Центральная Азия и скифы. I. Дата кургана Аржан и его место в системе культур скифского мира. М., 1997.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Галанина Л.К., 1997. Келермесские курганы. М.

Гей О.Н., Бажан И.А., 1997. Хронология эпохи "готских походов" (на территории Восточной Европы и Кавказа). М.

Дворниченко В.В., Очир-Горяева М.А., 1997. Хошеутовский комплекс уздечных принадлежностей скифского времени на Нижней Волге // Донские древности. Вып. 5. Азов.

Дворниченко В.В., Плахов В.В., Очир-Горяева М.А., 1997. Погребения ранних кочевников из Нижнего Поволжья // РА. № 3.

Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А., 1993. Сарматское погребение скептуха I в. н.э. // ВДИ. № 3.

Зайцева Г.И., Поссерт Й., Алексеев А.Ю., Дергачев В.А., Семенцов А.А., 1997. Радиоуглеродные даты ключевых памятников Европейской Скифии // Радиоуглерод и археология. Вып. 2. СПб.

Итина М.А., Яблонский Л.Т., 1997. Саки Нижней Сырдарьи. М.

Кузнецова Т.М., 1988. Историко-культурные связи Скифии VI–III вв. до н.э. (Зеркала как исторический источник) // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Маслов В.Е., 1997. Керамика Центрального Предкавказья скифской эпохи VII–V вв. до н.э. // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Никитина Г.Ф., 1995. Анализ археологических источников могильника черняховской культуры у села Оселивка. М.

Ольховский В.С., 1991. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII–III вв. до н.э.). М., 1991.

Ольховский В.С., 1993. Погребальная обрядность (содержание и структура) // РА. № 1.

Ольховский В.С., 1995. Погребальная обрядность и социологические реконструкции // РА. № 2.

Петренко В.Г., 1990. К вопросу о хронологии раннескифских курганов Центрального Предкавказья // Проблемы скифо-сарматской археологии. М.

Совещание по проблеме "скифо-сибирского мира", 1993 // КСИА. Вып. 207.

Институт археологии РАН,
Москва

M.G. MOSHKOVA

THE STUDY OF THE EARLY IRON AGE ISSUES IN THE INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES IN 1989–1998

Summary

The paper describes the work conducted by the Scythian and Sarmatian Archaeology department of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Science to study artifacts of the Early Iron Age throughout 1989–1998. It was a period of intensive studies of burial sites and settlements of predominantly Scythian and Sarmatian people from the 7th century BC to the 4th century AD that lived in the Don region, the North Caucasus, the Lower Volga, the South Urals region, and the Aral-Caspian Sea region. Thirty-four monographs and collected papers covering these issues have been published by the scholars of this department.

С.А. ПЛЕТНЕВА

ГРУППА "АРХЕОЛОГИЯ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ"

В 1981 г. был опубликован коллективный труд, посвященный средневековым древностям евразийских степей (Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981). Это был первый том[1] серийного издания "Археологии СССР", инициатором создания которого был директор ИА АН СССР акад. Б.А. Рыбаков.

Несмотря на многочисленные огрехи, обусловленные, в значительной степени невероятно краткими сроками (1975–1977 гг.), данными для написания и сдачи его в издательство, следует признать, что это был первый опыт обобщения громадных материалов, накопившихся в разных регионах и только частично и весьма разрозненно издаваемых в монографиях, а чаще в мелких статейках и заметках.

Все основные участники-авторы тома, создавая отдельные разделы этого труда, готовя к ним очень сложные иллюстративные таблицы, требовавшие серьезной исследовательской работы, буквально шли по целине, нащупывая доступные читателям и в то же время предельно информативные формы представления материала. Следует отметить, что практически редакторы и авторы всех последующих томов полностью приняли приемы, выработанные прошедшими трудный путь созидания "кочевниками".

Таким образом, группа ученых уже в конце 1970-х годов с совершенной очевидностью продемонстрировала не только свою работоспособность и склонность к обобщению, но и способность работать вместе над одной большой проблемой.

Приходится пожалеть, что этот коллектив не смог работать далее над решением больших проблем археологического кочевниковедения. Этому помешала прежде всего административная и даже территориальная их разобщенность: Н.А. Мажитов преподавал в университете в Уфе, а Л.Р. Кызласов – в МГУ, В.А. Могильников и В.Б. Ковалевская были сотрудниками скифо-сарматского отдела, а А.К. Амброз, С.А. Плетнева, И.Л. Кызласов и Г.Е. Афанасьев входили в состав большого отдела славяно-русской археологии ИА АН СССР. Четверо последних представляли собой единую тематическую группу, но в отделе она "тонула" в проблемах, над которыми работало подавляющее большинство сотрудников. Вполне осознавая это, кочевниковеды отдела неоднократно обращались в дирекцию с просьбой о формировании и административном признании отдельной от него группы или сектора. Единственно, что было неофициально разрешено – это сделать небольшую "добавку" в название отдела, который стал называться Отделом славяно-русской и *средневековой* археологии.

Все это не способствовало сплочению коллектива, который бодро начав и успешно закончив большое дело довольно быстро развалился. Конечно, были попытки как-то остановить "процесс распада" организацией и проведением двух советско-венгерских симпозиумов, посвященных археологии Северного Причерноморья и Карпатского бассейна в I тыс. н.э. Один из них, руководимый А.К. Амброзом, был завершен подготовкой и выходом в свет сборника, получившего всеобщее признание, разошедшегося с необычайной быстротой и до сих пор являющегося настольной книгой для специа-

[1] В прилагаемом в каждом из последующих томов списке этой серии он числится под № XVIII.

© С.А. Плетнева, 1999 г.

листов (Древности эпохи великого переселения народов V–VII веков. М., 1982). Немного ранее был опубликован еще один кочевниковедческий сборник (Средневековые древности евразийских степей. М., 1980), в который были включены публикации материалов, еще неизвестных и неизданных, а потому не получивших должного освещения в томе "Археология СССР". Оба сборника не только расширили наши знания в области степной археологии, но, что не менее важно, ввели в ряды кочевниковедов молодых или начинающих специалистов, многие из которых в наши дни занимают достойное место в кочевниковедении.

Наконец, со второй половины 1970-х годов до 1982 г. включительно, согласно договору о сотрудничестве Академий наук трех государств (СССР, Болгарии и Венгрии), начала функционировать общая экспедиция, участники которой работали на раскопках средневековых памятников, расположенных в пределах всех трех стран. Особенно крупные работы проводились на хорошо известном в специальной литературе Маяцком комплексе (крепости, поселении, могильнике). Помимо сотрудников Академий к этой экспедиции примкнул ряд ученых из университетов и институтов нескольких городов (Твери, Воронежа, Харькова, Луганска), а также из крупных музеев (Государственного Эрмитажа, Варны). Спонтанно возникавшие в поле деловые обсуждения (своеобразные симпозиумы) помогали ведущим работы археологам своевременно и верно оценивать значение полученных фактов и материалов.

Казалось бы, жизнеспособность археологического кочевниковедения и признание его в качестве одного из самостоятельных направлений в науке вполне очевидны. Однако самые различные причины, не имевшие ничего общего с научными интересами, занятиями или даже с научными разногласиями (дискуссионность многих проблем и подходов к их решению), мешали объединению сил для совместной работы. Хотя следует упомянуть, что два сборника о результатах работ на Маяцком были подготовлены к изданию силами сотрудников экспедиции (Маяцкое городище, 1984; Маяцкий археологический комплекс, 1990). Далее кочевниковедов уже не сплачивали никакие общие задачи и проблемы. Кочевниковедческая проблематика все более и более растаскивалась по углам. Ее мало признавали и просто не знали коллеги других научных направлений в том числе и самые хронологически близкие специалисты по истории и культуре Древней Руси, хотя именно в Славяно-русском отделе были подготовлены и рекомендованы к защите в течение последних 30 лет более 25 специалистов по средневековой археологии степей и Предкавказья. К сожалению, немногие из них остались в институте, так как в основном все они были "откомандированы" в аспирантуру Института археологии из институтов и музеев разных городов России и после защиты диссертаций возвращались на свою прежнюю работу.

Оставшиеся в институте, как правило, "оседали" в Славяно-русском отделе, несмотря на то что кроме общей хронологии распространенных в Восточной Европе некоторых категорий вещей с тематикой этого отдела их ничего не связывало. Пожалуй, даже к отделенной несколькими столетиями проблематикой скифо-сарматского отдела кочевниковеды-мидиевисты были ближе, поскольку преемственность степных культур раннего железного века и средневековья очевидна, а процессы, протекавшие в степных сообществах, несмотря на хронологический разрыв, идентичны.

Разбросанные по отделам института кочевниковеды за долгое время оторванности отвыкли даже делиться друг с другом своими находками, открытиями и, тем более, догадками и гипотезами. Обычно каждый из нас докладывал на заседании своего отдела выполненную плановую тему и после этого в течение 4–5 лет не интересовал ни отдел, ни близких по тематике коллег. Отдельные оторванные темы, нередко довольно мелкие, не связанные общей проблематикой, не были и не могли быть направлением в науке. Стало очевидным, что какое-то позитивное решение этого вопроса назрело. Необходима была организация хотя бы небольшой административно оформленной группы специалистов, работающих в кочевниковедении.

В апреле 1993 г. за подписью Р.М. Мунчаева появился приказ об образовании при дирекции института группы "Средневековой археологии евразийских степей". Группа

получила существенную самостоятельность: мы сами выбирали основное направление ее работы, утверждали конкретную тематику и выполнение плановых тем. На ее заседаниях могли проходить обсуждение кандидатские и докторские диссертации, и группа имела право рекомендовать их к защите на Ученом совете института. Таким образом, группа получила по существу права крупного институтского подразделения. Оказанное доверие, очевидно, следует объяснить высоким профессиональным уровнем сотрудников группы. В нее включены три доктора наук (И.Л. Кызласов, В.А. Могильников, С.А. Плетнева) и четыре кандидата наук (Е.А. Армарчук, Н.А. Кокорина, В.С. Флеров, В.Е. Флерова).

В состав группы вошли далеко не все сотрудники института, занимающиеся средневековой археологией степей. Некоторые старшие сотрудники не захотели уходить в новое подразделение с "неопределенным будущим". Судьбы более молодых в значительной степени определялись руководителями отделов, желанием последних удержать сотрудников в тематике, близкой к отдельской. Впрочем, эта часть ученых нередко приходит на заседания группы с докладами или просто активно участвует в обсуждении той или иной поднятой докладчиком темы. Сотрудники не только Института, но и других научных учреждений Москвы и, несмотря на финансовые затруднения, других городов (Петербурга, Воронежа, Самары, Астрахани, Севастополя, Улан-Уде и др.) неоднократно были участниками заседаний группы и докладчиками. Надо сказать, что обсуждения докладов, как правило, проходят очень оживленно. За прошедшие годы мы заслушали и обсудили около 150 докладов, из них не менее четверти были сделаны не членами группы. К последним следует отнести и отрецензированные и рекомендованные к защите – одну докторскую (Л.В. Коньковой) и четыре кандидатских (археологов из Молдавии, Крыма, Монголии) – диссертации. Сотрудники группы постоянно дают отзывы на присылаемые в институт диссертации, защищаемые в Ученых советах других научных учреждений. Таковы, в частности, докторские диссертации Х. Биджиева (защита в Баку), И.А. Баранова (защита в Киеве), А.И. Айбабина (защита в ИИМК), Е.П. Казакова (защита в МГУ) и др. Помимо этого отдельные члены группы привлекаются к оппонированию соответственно их специализации, как докторских, так и кандидатских диссертаций (И.Л. Кызласов, В.А. Могильников, В.С. Флеров), к рецензированию и редактированию монографий и сборников, а также активно участвуют в международных конференциях в Абакане, Алма-Ате, Татарстане, Самаре, Крыму, Москве, С.-Петербурге.

Печатная продукция группы весьма представительна: всего было опубликовано более 300 п.л., из них 8 монографий (авторы И.Л. Кызласов, В.А. Могильников, С.А. Плетнева, В.С. Флеров, В.Е. Флерова).

Все эти цифры приведены для того, чтобы можно было с полным основанием говорить о научной состоятельности этого еще совсем "молодого" подразделения института. Представляется, что его организация доказывает плодотворность малых по сравнению с громоздкими отделами образований. Члены группы сработались, хорошо осведомлены о научных планах друг друга, неоднократно и заинтересованно обсуждали их. Нередкие доклады и сообщения по частным вопросам каждого сотрудника группы дают остальным членам этого рабочего коллектива ясное представление о том, как продвигается работа над плановой темой, а высказанные при обсуждении мнения докладчик обычно со вниманием учитывает.

Естественно, что сплочению группы в первую очередь способствует научная направленность коллектива, объединенного одной основной проблемой: "Государства, народы, культуры в евразийских степях эпохи средневековья". Как и всякая большая проблема, она очерчивает фактически только общие границы научной деятельности группы. Это скорее целый блок крупных проблем, охватывающих основные аспекты изучения степных сообществ. Главные из них следующие: 1) археологические культуры этноса и государства; 2) города и поселения; 3) экономика (ремесла, торговля, домашние производства); 4) духовная культура (мировоззрение и религия); 5) хронология средневековых степных древностей.

В рамках этой проблематики сотрудниками группы выполняются конкретные плановые темы.

Так, плановые темы В.А. Могильникова "Истоки средневековых культур Алтая", "Кимакские памятники северо-западных предгорий Алтая" и В.Е. Флеровой "Проблемы археологического изучения степной Хазарии" прямо связаны с решением первой из означенных проблем, которая особенно часто затрагивается не только в темах других членов группы, но и в докладах и выступлениях "гостей". Вторая проблема нашла наиболее полное отражение в опубликованных монографиях и монографических статьях С.А. Плетневой и В.С. Флерова ("Саркел и "шелковый путь", 1996; "Раннесредневековые юртообразные жилища Восточной Европы", 1996 и др.). Из-за обилия получаемых при работе с материалом фактов поселенческая проблематика всегда тесно переплетается с вопросами, формально относящимися ко всем остальным перечисленным выше проблемам – от формирования государственности до хронологии вскрытых объектов и характеризующих культурный слой находок. Домашним производством и ремеслу были посвящены темы В.Е. Флеровой "Костерезные изделия Саркела-Белой Вежи" и Н.А. Кокориной "Керамика эпохи Казанского ханства", в которых авторы на вполне конкретном материале решают вопросы становления ремесла и соотношения его с государственным стабильным устройством.

Несмотря на то, что помимо этих работ экономика исследуемых поселений подробно рассматривается в публикациях С.А. Плетневой, пока эта проблема привлекает ученых нашего подразделения значительно меньше, чем темы, направленные на изучение духовной культуры степных народов. Яркое подтверждение этому – публикация двух монографий: И.Л. Кызласова "Рунические письменности евразийских степей" (М., 1994) и В.Е. Флеровой "Граффити Хазарии" (М., 1997). В.Е. Флерова продолжила и углубила поднятую в книге проблему, закончив в 1997 г. плановую тему "Религиозные символы Хазарии: амулеты и граффити". И.Л. Кызласов еще в 1995 г. окончил большую монографическую работу, посвященную енисейской письменности, которую, к сожалению, до сих пор не удается опубликовать. Надо сказать также, что И.Л. Кызласов все эти годы вне плана активно занимался вопросами духовной культуры, опубликовав в "Российской археологии " и других изданиях ряд очень содержательных статей о широкой грамотности и даже образованности людей в обоих Тюркских каганатах и других тюркоязычных государствах Азии, об их сложных представлениях о мироздании, об идее "всадничества" и связанных с ней религиозных и общественных устоях.

Обрядовая сторона духовной культуры особенно явственно выступает при исследовании погребальных комплексов: курганных и бескурганных погребений и могильников, разбросанных по всей евразийской степи. Все члены группы постоянно сталкиваются с этими материалами в своих экспедициях, в архивных материалах и изданиях. Естественно желание каждого ученого рассмотреть получаемые в раскопках данные всесторонне, при этом нередко наиболее привлекательными для них становятся те своеобразные ритуалы (или их следы), которые удается проследить и осмыслить. Одному из таких ритуалов, а именно обрядовому разрушению скелета (обезвреживанию покойника), уделено самое пристальное внимание в книге В.С. Флерова "Погребальные обряды на севере Хазарского каганата" (Волгоград, 1993) и в его плановой теме "Погребальные обряды I–VIII вв. могильника Клин-Яр". Необычность (с современной точки зрения) обряда настолько выразительна, что до сих пор, несмотря на задолго до работ В.С. Флерова выявленную очевидность его существования в древности и многочисленные известные и поныне пережитки, ритуал отрицается многими археологами. Это обстоятельство вынуждает нас с предельной обстоятельностью описать его и разобраться во всех его реальных проявлениях и возможностях полевой фиксации.

На первый взгляд из проблематики группы несколько "выпадает" чисто историографическая тема Е.А. Армарчук "Огузская проблематика в отечественной историографии". Однако следует помнить, что огузы (гузы) уже давно, чуть ли не пол-

столетия, перестали занимать археологов и историков России. Потому включающемуся в тему исследователю необходимо прежде всего выяснить, что же сделано нашими соотечественниками по этой слаборазрабатываемой тематике. Думается, что подобные историографические обзоры на конкретные темы могут быть полезны всем кочевниковедам, занимающимся древностями I – начала II тыс. н.э.

Проблема хронологии всегда была и продолжает быть для всех археологов мира наиболее насущной, трудоемкой и нередко дискуссионной. Поскольку на хронологии строится большинство наших исторических выводов, она занимает, пожалуй, главенствующее место в исследованиях всех сотрудников группы, являясь одним из связующих звеньев нашей проблематики. Взаимопомощь в работе над датировками оказалась в высшей степени полезной, а по прошествии семи лет тесного сотрудничества каждому из нас представляется просто обязательной. Так называемые вещеведческие доклады пользуются в группе популярностью, поскольку докладчики, как правило, стремятся показать в них материалы и методику своих исследований, доказывая правомерность использования последней. Надо сказать, что в крупных подразделениях делать такие доклады практически невозможно – они рассчитаны на небольшую аудиторию с узким кругом сработавшихся специалистов, хорошо знающих обсуждаемый материал.

Таким образом, тесное переплетение тематики, разрабатываемой членами небольшого коллектива группы, вряд ли может быть подвергнуто сомнению. Специфика проблем, встающих перед кочевниковедами, работающими со средневековыми древностями степей, объединила и крепко спаяла это небольшое новое подразделение института, основу которого составляют сравнительно молодые люди (до 50 лет). Последнее обстоятельство также весьма важно при решении административного вопроса о целесообразности дальнейшего существования группы: минимум десятилетие, в которое это подразделение может при разумно-благоприятном отношении администрации пополниться молодыми специалистами, не превратившись в "клуб пенсионеров" разных рангов.

Выше мы попытались показать работоспособность группы, ее сильный научный потенциал и общность (единство) исследовательских направлений и интересов, а также признание ее роли в изучении степных древностей со стороны значительной части сотрудников института, участвующих в ее работе. О существовании группы, ее активном функционировании и задачах хорошо осведомлены, как говорилось, сотрудники ряда близких научных учреждений Москвы и других городов. Они не обходили нас своим вниманием. Однако весьма затруднительные условия существования науки в целом и ученых, занимающихся наукой, а не добыванием денег для себя, не позволяют группе поддерживать регулярные широкие связи с археологами России, работающими над решением тех же проблем, которые стоят и перед членами группы. Следует сказать, что ученые из других городов зачастую находятся в значительно более "выгодном" положении относительно предмета изучения, чем москвичи, так как прежде всего максимально приближены к нему территориально. Выехать в поле для спасения и исследования любого памятника ученому, живущему в одном из современных степных городов, много легче и "дешевле", чем москвичам. Поэтому в наши дни приоритет полевых исследований, безусловно, принадлежит "степнякам", т.е. жителям южных и восточных регионов страны. Именно они получают новые археологические источники, нередко сильно меняющие прежние представления о культурах, об отдельных памятниках, датировках и пр. Все это способствует организации на местах крепких рабочих коллективов, наиболее сильные из которых становятся объединяющими центрами археологических работ больших областей России. По своей разносторонней направленности они нередко в какой-то степени напоминают некоторые отделы института, поскольку включают археологов разных отраслей и разных хронологических периодов. Археологов-мидиевистов в них обычно немного, а в ряде областей нет совсем.

Представляется очевидным, что малое количество специалистов этого профиля на

местах, а также в ИИМК и нашем институте в некоторой степени могло бы быть восполнено созданием организации, объединяющей кочевниковедов-мидиевистов России. Ясно, что небольшая группа кочевниковедов института, не имеющая никаких **финансовых** возможностей для проведения каких бы то ни было общероссийских мероприятий, не в состоянии "возглавить" такое объединение, но может, видимо, стать инициатором его формирования. Не исключено, что такая организация из нескольких десятков ученых России и Украины с большим успехом, чем это удавалось им до сих пор, заинтересует своими знаниями, открытиями и трудами администрацию научных учреждений, областных и краевых чиновников, государственные научные фонды и даже каких-либо руководителей коммерческих частных структур.

Реально деятельность такой организации может развиваться в трех направлениях: 1) **совместные экспедиции** по исследованию наиболее ярких, дискуссионных или разрушающихся памятников: 2) **проведение конференций** в разных регионах страны как по основным проблемам, встающим перед кочевниковедами, так и по результатам ежегодных экспедиций; 3) **подготовка к изданию** результатов совместных исследований (сборников, монографий, научно-популярных книжек и даже отдельных статей).

Некоторые действия в пределах этих направлений эпизодически проводятся наиболее деятельными представителями "кочевниковедов" как в России, так и в Крыму, и Киеве. Обычно это конференции (иногда названные международными, так как в них участвуют два-три приезжих ученых из соседних государств) сопровождаются последующей публикацией сборников тезисов. Однако отсутствие общих выработанных программы работ и направления исследований не позволяет развернуть это начинающееся движение к объединению в организацию, способную к целенаправленным действиям на всей территории Восточной Европы и Сибири. Таким образом, объединение кочевниковедов-мидиевистов с выбранным на общем съезде достаточно энергичным руководством и с непременным уставом представляется нам весьма перспективным.

Что касается группы нашего института, то она, конечно, полностью вольется в предлагаемое будущее объединение. Пока же нашей задачей было и остается возможно более тесное сотрудничество с коллегами Москвы и С.-Петербурга, Казани, Уфы, Воронежа, Харькова, Ростова, Симферополя, Краснодара, Махачкалы, Омска, Абакана, Барнаула, Улан-Уде и других городов. Чем крепче будут контакты, тем больше вероятности приобретет высказанная нами надежда на формирование сильной, связанной едиными научными интересами и устремлениями организации кочевниковедов. Существенно, что она, несомненно, укрепит и оживит многие, заглохшие было связи института с регионами России, новое развитие могут получить и международные контакты института.

В заключение хотелось бы напомнить, что в современной политической ситуации, когда тяга народов России к истокам своей национальной культуры и своей истории очень сильна и будет увеличиваться в дальнейшем, проблематика нашей небольшой группы приобретает политически актуальное значение, поскольку направлена на разработку важнейших вопросов, выдвигаемых обществом в наше беспокойное время. Объективно написанные страницы сравнительно близкой по времени истории (не более 1500 лет) необходимы всем большим и малым народам нашей великой и разноликой страны.

Институт археологии РАН,
Москва

S.A. PLETNEVA

THE GROUP "ARCHAEOLOGY OF EURASIAN STEPPES DURING THE MIDDLE AGES"

Summary

In 1981 collected papers dedicated to the Medieval artifacts of the Eurasian steppes were published within a series of books "Archaeology of the USSR". After that scholars involved in the studies of nomads conducted several international symposia, organized an international expedition, collected papers dedicated to the topics of the symposia and the expedition were published. It became clear that is was necessary to set up a separate administrative group of researchers that would specialize in the studies of nomads in the Institute of Archaeology. In 1993 such a group was created and it included seven specialists that were engaged in the study of the same common problem: "States, Peoples and Cultures of Eurasian Steppes throughout the Middle Ages. Fundamental Archaeological Sources". In spite of the obvious successful activity of this group over these six years, difficult conditions in which Russian science exists at the moment do not allow this group to conduct large-scale field research, to encourage scholars from other cities and countries to develop this issue further, to regularly publish results of the studies. In this connection, it seems necessary to unite Middle Ages and nomadic peoples researchers at a higher level in a sort of association that would include not only archaeologists of the Institute of Archaeology, but also researchers from across Russia, the CIS countries and foreign countries. It is clear problems related to the study of nomadic peoples are acquiring a particular political significance as they are aimed at studying major questions that are put forward by society. All peoples of our huge country need pages of history that would be written objectively.

Г.Е. АФАНАСЬЕВ, М.Р. ЗОТЬКО, Д.С. КОРОБОВ

ПЕРВЫЕ ШАГИ "КОСМИЧЕСКОЙ АРХЕОЛОГИИ" В РОССИИ

(к дешифровке Маяцкого селища)

В 1993 г. в Париже по инициативе ЮНЕСКО состоялась международная научная конференция, посвященная проблемам использования космических снимков в археологии в рамках изучения и сохранения общечеловеческого культурного наследства. Она продемонстрировала широкие возможности для археологов и представителей смежных дисциплин, которые открывает применение современных аэрокосмических методов дистанционного зондирования земли. Поднятые в Париже вопросы нашли свое дальнейшее развитие на международной конференции в Наре в 1994 г., где были сформулированы основные направления специальной программы ЮНЕСКО под названием "Космическая археология" (Matsumoto Sh., Vinson I., 1996).

Надо сказать, что к этому времени в деле использования аэро- и космофотоснимков в археологии уже был накоплен значительный опыт и в нашей стране, и за рубежом (Толстов С.П. и др., 1962; Шишкин К.В., 1966; Дойель Л., 1979; Цуцкин Е.В. и др., 1982; Gojda M., 1993, p. 875; Bewley R., Braasch O. et al., 1996, p. 745–750 и др.). Как правило, аэрофотоснимки применялись для составления археологических карт и для выявления археологических особенностей памятника путем визуального анализа пятен на грунте или маркирующих признаков растительности. Кроме того, они использовались для исследования динамики процессов разрушения археологических памятников во времени. Однако существенным недостатком визуальной дешифровки снимков была значительная роль субъективного фактора.

С начала 1990-х годов в нашу науку стали входить более объективные и проверяемые методы компьютерной дешифровки аэро- и космофотоснимков (Афанасьев Г.Е., 1993а; 1993б, с. 99–105; Зотько М.Р., 1996, с. 44–56; Forte M., 1993, p. 53–61; McMorrow J., 1995, p. 199–222; Herrmann G., Barratt G., 1996 и др.). Суть современных процедур аэро- или космофотоанализа археологических объектов состоит в компьютерной дешифровке предварительно оцифрованных фотоматериалов (Книжников Ю.Ф., 1997). Для этих целей кроме обычной аэросъемки можно использовать космическую съемку (Фомченко М.М., 1997, с. 46, 47) желательно с высоким или даже со сверхвысоким разрешением на местности до 1,35–0,51 м в панхроматическом режиме (российские сканеры КФА-1000, КВР-1000, КФА-3000), а также спектрозональную съемку с разрешением на местности до 3 м. (Королев Ю.К., Тихонова Н.М, 1998, с. 60–63). Применение цифровых методов обработки изображений в археологии имеет своей целью повышение качества и информативности исходных изображений археологических объектов с помощью специального программного обеспечения. В настоящее время известно более десятка компьютерных программ для обеспечения обработки данных дистанционного зондирования (Баранов Ю.Б. и др., 1997, с. 40–47; Graham L.A., Gallion Ch., 1996, p. 35–43). Конечная цель этой работы достигается двумя видами обработки изображения: реставрацией (т.е. исправлением изображения) и его улучшением. При этом под реставрацией обычно имеются в виду процедуры восстановления и коррекции искаженного изображения, а процедура улучшения изображения состоит из мероприятий, направленных на улучшение визуального восприятия

© Г.Е. Афанасьев, М.Р. Зотько, Д.С. Коробов, 1999 г.

изображения или же преобразования его в форму, более удобную для визуального и машинного анализа.

При изучении аэро- или космоснимков важная роль принадлежит признакам, используемым для дешифровки археологических объектов. Они могут быть прямыми (т.е. постоянно присущими объектам: оптические, геометрические, структурные и текстурные) или косвенными, принадлежащими не самому объекту, а проявляющиеся время от времени: тени, маркирующая археологические объекты растительность, окраска почвы внутри археологических объектов и за их пределами и т.д. (Седых В.Н., 1991). Среди оптических признаков прежде всего учитывается тон и тональный контраст изображения. В геометрических признаках, которые можно связать с археологическими объектами, основную нагрузку несут линейные и площадные размеры, метрические и топологические показатели формы. Структурные и текстурные признаки определяют характер рисунка изображения, протяженность и извилистость линий (Прэтт У., 1982).

Для обработки приемов практического использования методов аэро- и космоанализа в археологии в качестве полигона было выбрано Маяцкое селище, площадь которого представляет собой прямоугольную трапецию со сторонами 960 × × 960 × 600 × 1100 м. Оно входит в состав Маяцкого археологического комплекса (крепость, селище, могильник) салтово-маяцкой культуры и располагается на высоком правом берегу Среднего Дона в месте впадения в него Тихой Сосны. Поселение было основано в середине VIII в. алано-ассо-буртасскими переселенцами с Северного Кавказа как один из государственных укрепленных опорных пунктов Хазарского каганата на границе с набирающим силу Древнерусским государством (Afanas'ev G.E., 1996) и для защиты водного пути по Дону в низовья Волги и далее в Прикаспийские области от набегов древнерусских дружин. Начиная с 1890 г. памятник неоднократно привлекал внимание археологов, историков и краеведов. В начале XX в. он периодически исследовался А.А. Спициным, А.И. Милютиным, М.П. Труновым, Г. Струковым, В.Д. Языковым, А.И. Мартиновичем, С.Е. Зверевым и Н.Е. Макаренко (Винников А.З., Афанасьев Г.Е., 1991, с. 3–9). По существу именно эти работы и создали ту минимальную базу источников, которая была необходима исследователям для определения хронологического и этнокультурного места Маяцкого комплекса в среде других раннесредневековых древностей Восточной Европы.

Археологическое изучение этого памятника возобновилось в 1975 г. С.А. Плетневой. В 1977–1982 гг. широкомасштабные раскопки здесь проводились участниками экспедиции Института археологии АН СССР, Воронежского, Волгоградского и Калининского университетов. Исследования городища осуществлял Г.Е. Афанасьев[1] (в 1975 г. – С.С. Ширинский и И. Эрдели), селища – А.З. Винников, Ф.Х. Арсланова и А.В. Кашкин, могильника – В.С. Флеров и А.В. Кашкин (в 1975 г. – В.К. Михеев). Территорию так называемого гончарного хутора раскапывал К.И. Красильников. В итоге полевых работ был накоплен большой материал. Только на территории селища вскрыто несколько тысяч квадратных метров культурного слоя, обнаружено 50 построек различного назначения (жилые, хозяйственные, культовые), более 30 могильных сооружений, выявлен ряд тризн и жертвенников (Маяцкое городище, 1984; Маяцкий археологический комплекс, 1990).

Частично результаты раскопок на селище уже нашли отражение в ряде опубликованных статей и заметок. Однако все же надо признать тот очевидный факт, что само накопление большого материала пока еще не привело специалистов в области салтовской археологии к открытию каких-то принципиально новых, ранее неизвестных науке исторических явлений или процессов, протекавших в среде алано-ассо-буртасских обитателей этого памятника, их славянских, тюркских или финно-угорских соседей. Исключение составляют, пожалуй, только научные результаты, полу-

[1] Иногда в археологической литературе раскопки на Маяцком городище в 1976–1982 гг. некоторыми авторами ошибочно приписываются С.А. Плетневой.

ченные представителями смежных дисциплин – таких, как фортификационная архитектура, палеозоология, палеоантропология, металлография и т.д. И дело здесь не только в том, что сам процесс изучения материалов Маяцкого комплекса на протяжении последних 15 лет сводился главным образом к публикациям отчетного характера. Это только одна сторона проблемы, отражающая уровень владения методами анализа археологического материала. Истинные причины отсутствия новых научных достижений более глубоки и связаны с полевой методикой. Уже изначально при организации раскопочных работ в 1975 г. ставилась ошибочная задача на вскрытие как можно более широких площадей с целью поиска жилых, хозяйственных или культовых построек. При этом деструктивные способы земляных работ на памятнике (являющемся не только археологическим, но и природным заповедником с реликтовой растительностью) не компенсировались необходимой полнотой применения современных (даже для тех лет) аналитических методик и приемов по изучению как самого культурного слоя, так и стратиграфии, планиграфии, динамики развития и хронологии селища. Вот почему исследовательский процесс, как и во времена первооткрывателей этого памятника в начале века, развивался вширь, когда накапливалась статистика об уже известных фактах и явлениях, но не вглубь, когда при минимально разобранной площади культурного слоя создаются максимальные условия для получения новой обширной научной информации для исторических реконструкций.

Очередной этап изучения памятника начался в 1994 г. Он был связан с научным проектом по разработке и апробированию принципиально новой в археологии исследовательской методики – аэро- и космического зондирования археологических объектов в бассейне Среднего Дона[2]. Задача авторского коллектива состояла в том, чтобы найти такой методический инструмент, который позволял бы без производства крупных земляных работ, без ощутимого нарушения культурного слоя и без уничтожения реликтовой растительности на этом объекте, т.е. методами нондеструктивной археологии, получать надежную и, что не менее важно, объективно проверяемую информацию о местах расположениях жилых, хозяйственных и культовых построек – о реальных границах селища, о планиграфии, стратиграфии и т.д. Таким образом, для нас раскопки на Маяцком селище являлись способом проверки результатов дистанционного зондирования, ранее полученных в лабораторных условиях (Afanas'ev G., 1998, p. 1,2). Полнота приобретенной в процессе полевых работ информации об объектах обеспечивалась самим разнообразием комплекса использованных приемов, процедур и направлений исследования: аэрометодов, археологических, ботанических, палинологических, палеозоологических, радиокарбонного и т.д.

Выбранный для тестирования археологический объект – Маяцкое селище – весьма перспективен для отработки методов аэро-космического зондирования. В пользу этого говорит целый ряд геоморфологических факторов. Это и наличие нескольких четко выраженных ландшафтных комплексов, сочетание возвышенных и равнинных участков рельефа, а также повсеместное господство свободных от древесной растительности пространств. Но, пожалуй, самое главное достоинство Маяцкого полигона состоит в том, что залегающие здесь мягкие меловые породы, в которых и вырубались котлованы сооружений салтово-маяцкой культуры, перекрыты незначительными по мощности гумусными отложениями.

В процессе работы нами были использованы черно-белые аэрофотоснимки масш-

---

[2] Настоящая работа финансировалась фондом "Культурная инициатива" и Российским фондом фундаментальных исследований. Руководитель проекта – Г.Е. Афанасьев, участники – М.Р. Зотько и Д.С. Коробов. В полевых исследованиях принимали участие сотрудники Института археологии А.Г. Атавин, З.Х. Албегова, О.В. Лопан; керамический материал обрабатывался и исследовался О.В. Лопан и А.А. Бобринским; палеозоологические определения материала выполнялись Е.Е. Антипиной, палинологические – Е.А. Спиридоновой, ботанические – сотрудницей Дивногорского музея-заповедника М.В. Чернобыловой, радиоуглеродное датирование – сотрудником Института географии РАН А.Л. Александровским. Оцифровка аэрофотоснимков и космоснимков осуществлялась сотрудником Института космических исследований РАН А.А. Стуловым.

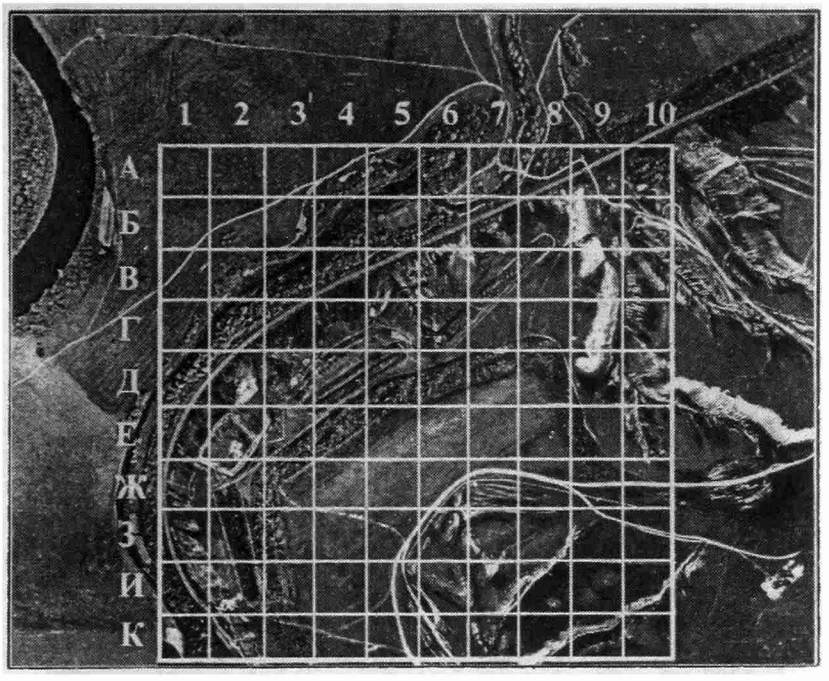


Рис. 1. Исходное изображение Маяцкого комплекса с сеткой

таба 1:12 000, выполненные 17 июня 1992 г. в 10 часов 40 мин (рис. 1). Их дополняла спектрозональная космическая съемка региона. Для удобства на исходное фотоизображение была нанесена масштабно-координатная сетка, соответствующая имеющимся на фотоснимке масштабным фотоотметкам. Таким образом, каждый квадрат на снимке соответствовал на местности квадрату размером 120 × 120 м.

В процессе анализа исходных изображений М.Р. Зотько применял аппаратно-программный комплекс, разработанный российской фирмой "Магис" и состоящий из двух плат фреймграббера MAG 512 (в конструктиве с персональным компьютером), телемонитора и программного пакета "Магисофт". Параллельно дешифровку тех же снимков проводил Г.Е. Афанасьев с использованием первоначально программы "ErMapper 5.2" (разработка Earth Resource Mapping Pty Ltd.), а затем и ее последней версии – "ErMapper 5.5". В обоих случаях процедура обработки фотоснимков состояла из нескольких стадий: ввода в компьютер оцифрованного изображения, а затем его трансформации, последующей фильтрации, формульной обработки и классификации. В целом методическая чистота лабораторной работы, а также объективность полученных при дешифровке выводов обеспечивались двумя независимыми друг от друга исполнителями, компьютерными программами и аппаратным оборудованием.

Важно подчеркнуть, что информационные возможности использованных снимков Маяцкого селища исключительно хороши, так как содержат уже известные антропогенные объекты, покрытые почвой, которые при дешифровке выполняют роль ценнейших эталонов. Так, в годы второй мировой войны здесь проходила линия обороны подразделений венгерских фашистов, которая и сейчас визуально хорошо читается по микрорельефу. Поскольку траншеи, пулеметные гнезда и блиндажи были вырублены в меловом материке (т.е. так же, как и средневековые постройки), а за прошедшие с тех пор годы они затянулись землей, мы получили как бы цветовую шкалу контрольных признаков, которые маркируют аномалии именно антропогенного характера. Она начинается с признаков белого мелового материкового выброса, образованного при рытье сооружений, и заканчивается темным гумусированным заполнением котлованов построек.

В процессе проведенных лабораторных работ авторским коллективом была составлена карта аномальных пятен на территории Маяцкого селища, которые предположительно могли быть связаны своим происхождением с антропогенным влиянием

Рис. 2. Дешифровка квадрата Г-9. *1* – постройка 51

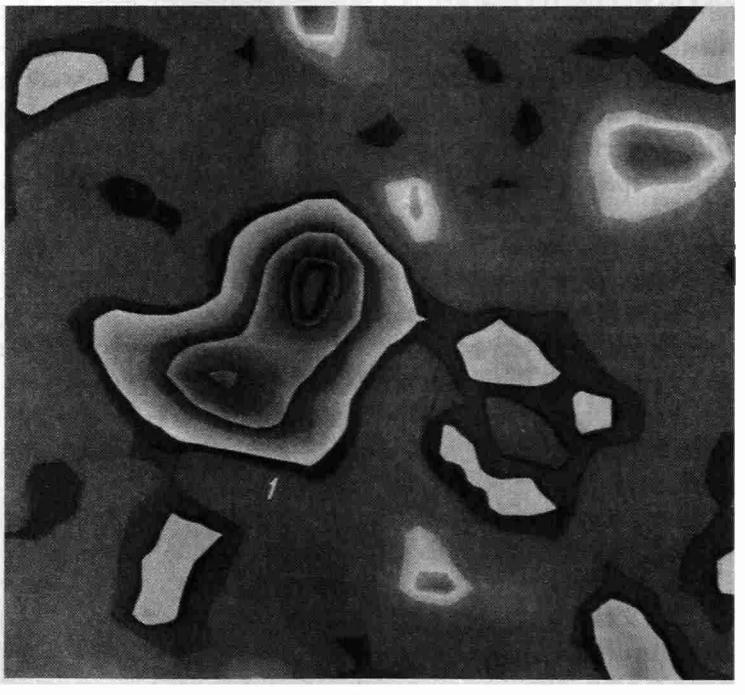


Рис. 3. Дешифровка постройки 51. *1* – постройка 51

на грунт. В случае достоверности этой гипотезы полученную карту аномальных пятен можно было бы рассматривать как схему расположения средневековых жилых, хозяйственных и культовых построек Маяцкого селища. Однако вполне понятно, что достоверность дешифровки могла быть проверена только путем специальных контрольных раскопок на тех участках памятника, где выявлялись аномальные пятна. В качестве тестируемых были выбраны три квадрата: Г-9, Г-7 и Е-5, отражающие как

микроразличия в природных условиях на этом памятнике, так и разные способы хозяйственного использования земель в настоящее время.

Квадрат Г-9

Квадрат Г-9 расположен в крайней восточной части поселения. Большая часть исходного изображения занята светлыми меловыми выходами на склоне и дне оврага. Левая часть фотографии фиксирует присклоновый участок плато. Первоначально оцифрованный черно-белый снимок был преобразован в псевдоцветной с использованием процедуры step. Затем проводилась его трансформация методом level-slice, который, как правило, применяется для создания контурных линий, после чего осуществлялась последовательная фильтрация через два фильтра: ranking median – 3 × 3 и darkest-pixel–5 × 5 – для выявления темных пятен гумусного заполнения построек и через два фильтра: ranking median 3 × 3 и brightest – pixel – 5 × 5 – для выяснения светлых пятен материкового выброса вокруг построек.

В процессе дешифровки (рис. 2) на полученном изображении были выделены три пятна, два из которых гипотетически могут быть связаны с результатами человеческой деятельности, а одно, как уже было известно, является котлованом салтовской постройки № 46, раскопанной и засыпанной К.И. Красильниковым в 1981 г. Для проверки этих наблюдений был разбит раскоп 13 с задачей исследования пятна, которое довольно хорошо читалось при дешифровке, имело подквадратную форму с линейными размерами 4 × 4 м и координаты центра 174/107 (рис. 3).

Покров площади раскопа представлен следующей растительностью: 1) типчаково-поломниковая, общее проективное покрытие (ОПП) 65–70% (Androsace Koso-Poljanski + Festuca valesiaca); 2) астрагаловая, ОПП 90–95% (Astragalus onobrychis); типчаково-ковыльно-астрагаловая, ОПП 90–95% (Astragalus onobrychis + Stipa capillata + Festuca valesiaca); 2б) костров-астрагаловая, ОПП 90–95% (Astragalus onobrychis + Bromapsis inermis); 3) типчаково-качимово-ковыльная, ОПП 65–70% (Stipa capillata + Gypsophyla altissima + Festuca valesiaca); 4) мхово-типчаковая, ОПП 50–60% (Festuca valesiaca + Astromum crispum); 5) типчаково-ковыльно-качимовая, ОПП 75–80% (Gypsophyla altissima + Stipa capillata + Festuca valesiaca). Кроме того, наблюдались вкрапления ковыля Тырса (Stipa capillata) и ластовня мелового (Alexitoxicum cretaceum).

В результате полевых изысканий на этом участке исследована постройка 51 (рис. 4). Ее котлован имел подпрямоугольную форму длиной 4,38 и шириной 3,45 м, площадь ~15 м^2 и был углублен в материковую скалу на 0,48–0,1 м. Пол постройки неровный, без следов подтески. По всем четырем углам котлована располагались полки – меловые площадки, оставленные при вырубке котлована постройки. В северном углу полка имела размеры 1,53 × 0,75 м и возвышалась над полом на 5–8 см. Полка, расположенная в восточном углу, имела размеры 0,81 × 0,75 м, возвышаясь над полом на 12–14 см. Занимающая южный угол полка размерами 0,88 × 0,96 м возвышалась над полом на 20 см. Наконец, в западной части котлована зафиксирована полка размерами 0,70 × 0,60 м, устроенная на 26 см выше уровня пола. В процессе расчистки помещения обнаружено 28 различных углублений, однако только 5 из них можно отнести к столбовым гнездам. Два располагались в центральной части северо-восточной стены, одно – в центральной части юго-восточной стены, два – в центральной части юго-западной стены. В полу центральной части постройки была вырублена яма круглой формы диаметром 0,62–0,64 м и глубиной 15 см. Можно полагать, что это очажная яма, хотя следов древесного угля или золы обнаружено не было.

Керамический материал немногочислен (128 фрагментов), но состоит из всех основных видов сосудов. Выполненная на круге кухонная и тарная керамика с примесью дресвы, крупно- и мелкозернистого песка представлена 10,9% фрагментов. Серые лощеные сосуды с примесью мелкозернистого песка составляет 14,8% фраг-

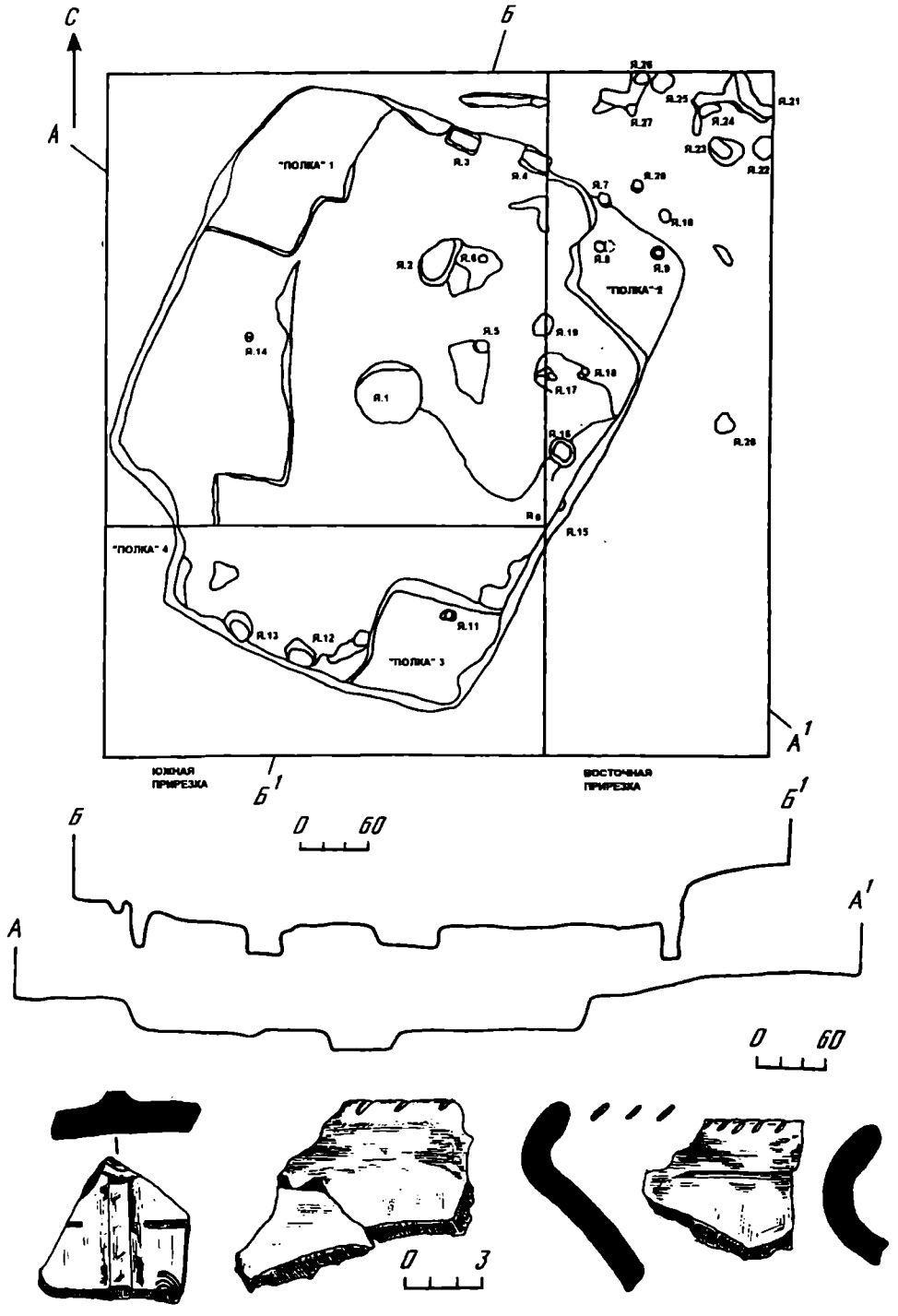


Рис. 4. Постройка 51. План, разрезы, находки керамики

ментов. Наиболее часто встречались обломки лепных сосудов, правленых на круге – 65,6% фрагментов. Часть из них имеет в примеси шамот и дресву, а другие – примесь крупнодробленого железистого шлака. Это обстоятельство позволяет полагать, что данные сосуды поставлялись из мастерских в долине Оскола, где широко бытовала практика добавления металлургического шлака в тесто сосудов (Афанасьев Г.Е., Николаенко А.Г., 1982). Наконец последняя группа – 8,6% – включает фрагменты причерноморских амфор, сделанных из крымской глины.

Остеологический материал из раскопа 13 представлен 47 фрагментами, из которых 5 принадлежат крупному рогатому скоту (Bos taurus), 12 – мелкому рогатому скоту

(Ovis s. Capra), 4 – лошади (Equus caballus), 25 – составляют неопределенные фрагменты млекопитающих (Mammalia), 1 – раковина моллюска.

Вопрос об абсолютном датировании исследованной постройки решался путем применения радиоуглеродного метода датирования. Оно проводилось в Радиоуглеродной лаборатории Института радиохимии Киева сцинтилляционным методом, с использованием бензола в качестве носителя углерода. Даты получены по двум образцам, взятым из гумусированного грунта постройки 51. Первый образец был взят с пола, а второй – из зольного пятна в постройке 51. Для датирования использовались гуминовые кислоты, которые выделялись по общепринятой методике в модификации, разработанной в Лаборатории новейших отложений Географического факультета МГУ. Исследуемые образцы подверглись калибровке по Вашингтонской программе 87 и по Гронингенской программе. В целом для каждого образца результаты калибровки по 10- и 20-летним кривым Вашингтонской программы 87 и Гронингенской программы дали сходные результаты. Наиболее вероятное значение образца № 1 – середина VIII в. (по интервалу – то же), а образца № 2 – конец VII в. (по интервалу – конец VII – начало VIII в.). Таким образом, первый образец определяет время накопления гумуса на полу при функционировании жилища, а второй – дату гибели дерева, использованного для разведения очага.

Квадрат Г-7

Квадрат Г-7 расположен в равнинной восточной части селища на участке плато, который никогда не подвергался распашке. Правый верхний угол и нижнюю часть изображения занимают массивы лесопосадок. На фотографии хорошо выделяются в виде светлых полос современные грунтовые полевые дороги и дренажный ров. После проведения оцифровки исходного черно-белого снимка последний был преобразован в псевдоцветной с использованием процедуры step. Затем проводилась его трансформация методом histogram equalize, который создает кусочно-линейную трансформацию, изменяя значение каждого пикселя так, чтобы все значения встречались с равной вероятностью. Наконец, после этого осуществлялась многократная фильтрация изображения через фильтры ranking darkest-pixel 5 × 5 и lowpass avg3. В результате удалось выявить ряд пятен, которые в той или иной степени можно рассматривать как результат человеческой деятельности (рис. 5). Для проверки результатов дешифровки раскоп 14 разбит в месте локализации пятна с координатами центра 384/158 в системе страниц фреймграббера (рис. 6). По результатам лабораторных работ это пятно имеет близкую к четырехугольнику форму с линейными размерами 3,5 × 2,5 м.

Покров площади раскопа представлен следующей растительностью: 1) разнотравно-осоковая, ОПП 75–80% (Euphrasia pectinata + Varii herbitas); 2) степное разнотравье, ОПП 85–90% (Varii herbitas): ковыль Тырса (Stipa capillata), молочай степной (Euphorbia stepposa), астрагал эспарцетный (Astragalus onobrichis), шалфей проникающих (Salnia nutans), типчак (Festuca valesiaca), володушка серповидная (Bupleurum falcatum), люцерна серповидная (Megicago falcata), дубровник беловойлочный (Teucrium polium), подорожник ланцетовидный (Plantago lanceolata), василек ложнопятнистый (Centaurea pseudomaculosa), астрагал белостебельный (Astragalus albicaulis), колокольчик сибирский (Campanula sibirica), морковник обыкновенный (Silaum silaus), триния многостебельная (Trinia multicaulis).

На местности пятно хорошо просматривалось, выделяясь более густой и темной растительностью. По итогам полевых исследований и дополнительных лабораторных работ, связанных с дешифровкой фотоизображений стратиграфических разрезов раскопа, удалось установить что этот участок селища скрывает остатки двух строительных этапов. К первому относится сооружение постройки 52, а ко второму – устройство на этом месте обжигательной печи для керамических сосудов (рис. 7).

Постройка 52 площадью 12,3 м^2 была почти прямоугольной формы со слегка за-

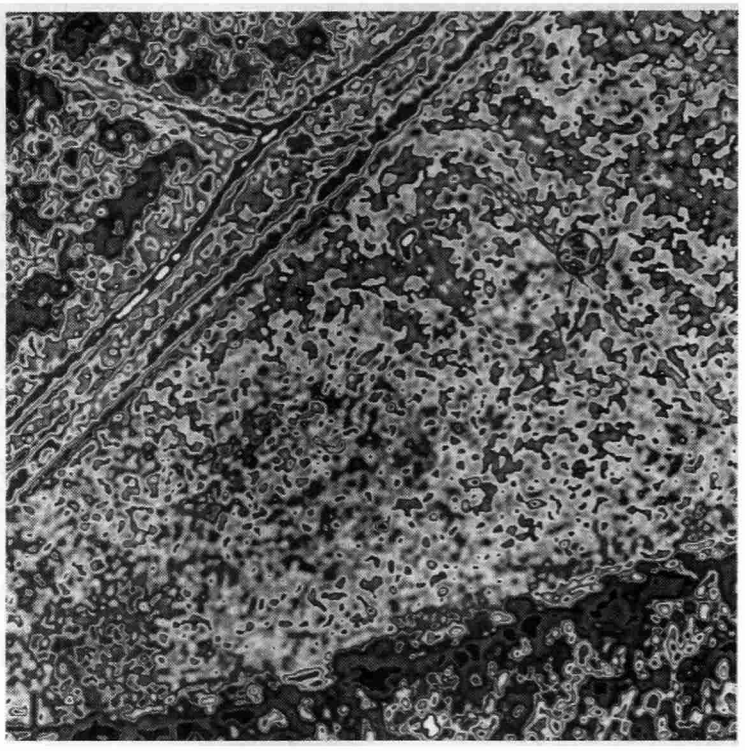


Рис. 5. Дешифровка квадрата Г-7. *1* – постройка 52

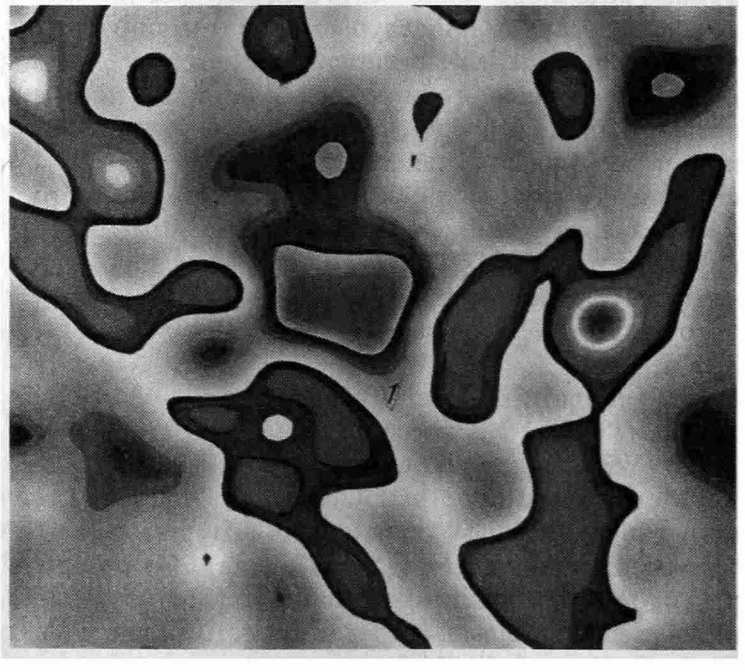


Рис. 6. Дешифровка постройки 52. *1* – постройка 52

кругленными углами. Ее размеры с севера на юг – 3,2 м, с запада на восток – 3,85 м. В южной части котлован сооружения углублен в меловую скалу на 0,75 м, в северной – на 0,49 м. Пол постройки неровный, и для его нивелировки строители применили глиняную обмазку в 2–3 слоя. В срединной части западной и восточной стенок сохранилось по одной гнездовой ямке для столбов, несущих коньковую балку. Отсутствие гнездовых ямок в углах позволяет думать, что стены этого жилища имели

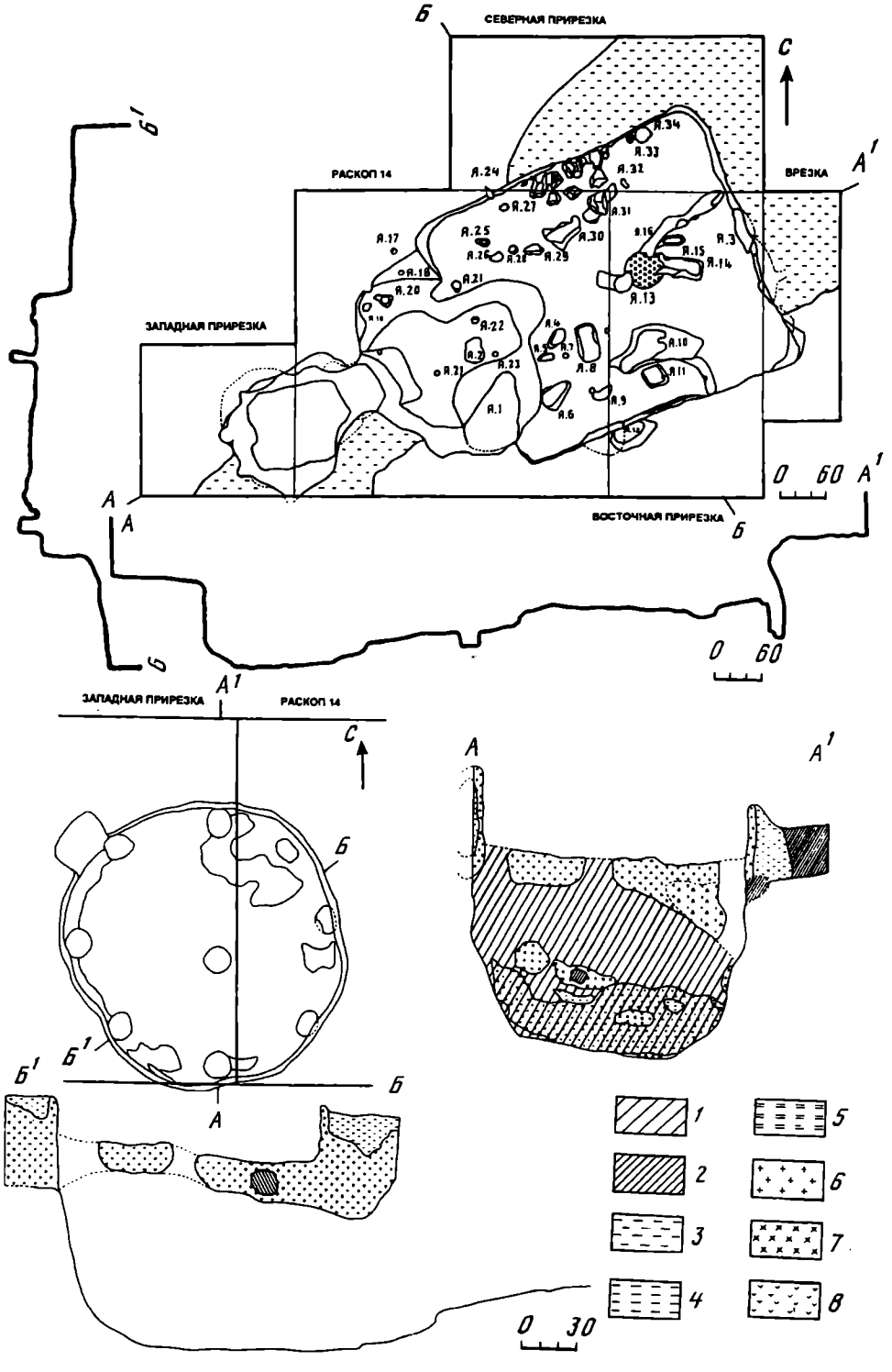


Рис. 7. Постройка 52. План и разрезы постройки и гончарной печи. *1* – светлая супесь; *2* – темная супесь; *3* – меловая заливка; *4* – глиняная заливка; *5* – пятно прокала очага; *6* – обожженная глина; *7* – светло-коричневая супесь; *8* – включения угля

срубную конструкцию. В центральной части постройки находилось тарелкообразное углубление для очага диаметром 50 см со следами прокала оранжевого цвета. У северной стенки отмечен развал печки-каменки, сооруженной из гранитных камней.

В процессе исследования жилища установлено, что западная стена его котлована непосредственно примыкает к гончарной печи, состоящей из трех конструктивных частей: предпечной ямы, топочной и обжигательной камер. Предпечная яма непра-

вильной прямоугольной формы размерами 2,6 × 2,2 м, вырубленная в материковой меловой скале, частично занимала площадь постройки 52 у западной стены. Топочная камера была также устроена в меловом материке и имела грушевидную форму: устье длиной 0,60, шириной 0,66 и высотой 0,75 м плавно переходило в камеру округлой формы с наибольшим диаметром 1,65 м. Потолок топочной камеры толщиной 0,16–0,22 м, служащий одновременно перегородкой с обжигательной камерой, включал девять продухов: один в центре и восемь по окружности. Диаметр продухов 15–18 см. Обжигательная камера округлой формы диаметром 1,45–1,50 м и сохранившейся высотой до 0,5 м имела стенки из плотной глиняной обмазки толщиной ~3 см.

Вопрос о хронологическом взаимоотношении постройки 52 и описанной гончарной печи довольно хорошо решается путем компьютерного анализа фотоснимка стратиграфического разреза раскопа по линии Г–Г[1]. Полученное после обработки изображение наглядно отражает неоднородность и разновременность слоев в заполнении постройки 52. Стало очевидно, что темно-серая гумусированная супесь в верней части профиля, фиксируемая при полевом визуальном осмотре стратиграфического разреза как однородное образование, фактически представляет собой отдельные языки, проникающие в нижележащий слой серо-коричневой супеси и мелового щебня. В целом же, сопоставляя полевые стратиграфические наблюдения и результаты компьютерного анализа фотоизображения разреза раскопа, удалось выявить дополнительную чрезвычайно важную информацию о стратиграфии исследуемого объекта и установить, что сооружение гончарной печи производилось тогда, когда от жилой постройки 52 на поверхности остался затянутый грунтом котлован, в который строители печи выбрасывали меловой щебень. Этот вывод подтверждает и палинологический анализ. Таким образом, впервые в истории археологического изучения Маяцкого селища нам удалось выявить два культурных слоя, относящихся к салтовскому времени. Это наблюдение косвенно позволяет поставить под сомнение выводы Е.В. Якименко, которая полагает, что исследованные на Ольшанском селище сооружения, состоящие из полуземлянки и гончарной печи (аналогичные постройке 52 Маяцкого селища), являются мастерскими (Якименко Е.В., 1994, с. 51–66). Вероятно, есть больше оснований говорить о вторичном использовании обитателями салтовских селищ котлованов заброшенных жилых построек в качестве предгорновых ям обжигательных печей.

Собранная в этом раскопе коллекция керамического материала состоит из 2458 фрагментов, из которых 81,5% принадлежат кухонным и тарным круговым сосудам, 4,2% – кухонным и тарным лепным сосудам, слегка правленым на круге, 12,5% – лощеным сосудам и 1,8% – амфорам. Кухонные и тарные сосуды, выполненные на круге, имели коричневое или красновато-коричневое плохо отмученное тесто с примесью мелко- или крупнозернистого песка в сочетании с меловой крошкой, реже – с примесью шамота или дресвы. Кухонная и тарная лепная керамика сделана из глины желто-коричневого цвета с примесью шамота и дресвы. Лощеные сосуды, представленные фрагментами кувшинов, кружек, двуручных корчаг и горшочков, имеют основной цвет глиняного теста – красновато-, бежево-, серовато-коричневый. В качестве примесей-отощителей в лощеных сосудах использовались очень мелкий песок, меловая крошка, навоз и навозная выжимка. Фрагменты амфор из крымской глины принадлежат к 1-му Причерноморскому типу, по А.Л. Якобсону.

Остеологический материал из раскопа представлен 107 фрагментами, из которых 35 принадлежит крупному рогатому скоту (Bos taurus), 20 – мелкому рогатому скоту (Ovis s. Capra), в том числе 2 – овце (Ovis aries), 4 – свинье (Sus domestica), 14 – лошади (Equus caballus), 2 – собаке (Canis familiaris), 31 – неопределенным костям млекопитающих (Mammalia), 1 – раковине моллюска.

Почвенные отложения в раскопе были исследованы палинологическим методом. Удалось выделить пять комплексов, отражающих изменения климата и растительности за последние 4000 лет. Первый и наиболее древнейший комплекс просле-

живается в интервале глубин 0,5–0,35 м. Состав спорово-пыльцевых спектров свидетельствует об их образовании в голоцене в наиболее сухой интервал времени – 3800–4000 лет тому назад. Второй спорово-пыльцевой комплекс (период формирования нижнего салтовского культурного слоя, время функционирования жилой постройки 52) зафиксирован в интервале 0,35–0,25 м. По сравнению с предыдущим комплексом здесь заметно выше процент участия пыльцы древесных пород (сосна, береза, дуб, липа). Это является свидетельством того, что биоценозы широколиственного леса получили в это время некоторое развитие за счет сокращения степных сообществ. Третий комплекс (период формирования верхнего салтовского культурного слоя, время функционирования гончарной печи) относится к интервалу 0,25–0,1 м. В это время прослеживается тенденция перехода от более засушливых условий внешней среды к более влажным. В результате несколько меняется состав пыльцы древесных пород (дуб, клен, ива), появляется пыльца прибрежноводных растений. А если добавить, что в образцах этого комплекса было много илистых частиц, то можно прийти к выводу, что после прекращения жизни в постройке 52 ее котлован был некоторое время заболочен до тех пор, пока в его стене не была устроена гончарная печь. Четвертый спорово-пыльцевой комплекс выделяется на глубине 0,1–0,05 м и характеризуется увеличением участия осок и пыльцы растений нарушенных местообитаний. Наконец, пятый комплекс, связанный с глубиной 0,05–0,00 м, по существу отражает современную ситуацию. По общему характеру растительный покров этой территории обладает теми же чертами, что и в предыдущее время, хотя по сравнению со вторым этапом (время расцвета жизни на селище) уменьшилось значение байрачных лесов и значительно сократилась роль березы.

Для решения вопроса об абсолютном датировании постройки 52 с ее пола был взят образец гумусированного грунта для радиокарбонного анализа (образец № 3), отражающий время функционирования постройки 52 как жилища. Исследование образца проводилось в Радиоуглеродной лаборатории Киева тем же методом, что и образцов № 1, 2 из постройки 51. Оказалось, что наиболее вероятное значение возраста образца № 3 может быть отнесено к первой половине IX в (по интервалу – конец VIII – начало IX в.).

Квадрат Е-5

Квадрат Е-5 расположен в равнинной центральной части плато. Его площадь подвергалась ранее многолетней распашке, но к моменту исследования была уже хорошо задернована и представляла собой участок восстановленной степи, активно заросшей донником. Северная часть квадрата занята лесополосой. На исходном изображении участки распашки представлены двумя различающимися по контрасту структурами, сильно зашумленными как растительностью (донник), так и поднятой при распашке меловой крошкой. При обработке исходного оцифрованного изображения первоначально проводилось преобразование черно-белого снимка в псевдоцветной с использованием процедуры step, а затем – трансформация методом histogram equalize, после чего осуществлялась многократная фильтрация с помощью Ranking median – 3 × 3 darkest-pixel – 5 × 5 фильтров. В результате дешифровки удалось выявить серию аномальных пятен, которые в той или иной степени могут являться следствием антропогенного влияния на почву или меловой материк (рис. 8). В качестве тестового объекта было решено использовать пятно, хорошо читаемое в виде темной структуры подпрямоугольной формы с координатами центра 415/252 и линейными размерами 4× 6 м (рис. 9).

Полевые исследования позволили выделить три периода строительной деятельности на этом участке (раскоп 18). Первый период связан с сооружением постройки 53 (Коробов Д.С., Зотько М.Р., 1996). Она представляла собой подпрямоугольное жилое сооружение длиной 4,9 и шириной 3,9 м, площадью 19 м^2, углубленное в материковую меловую скалу на 0,6–0,7 м (рис. 10). Стенки мелового котлована почти вертикаль-

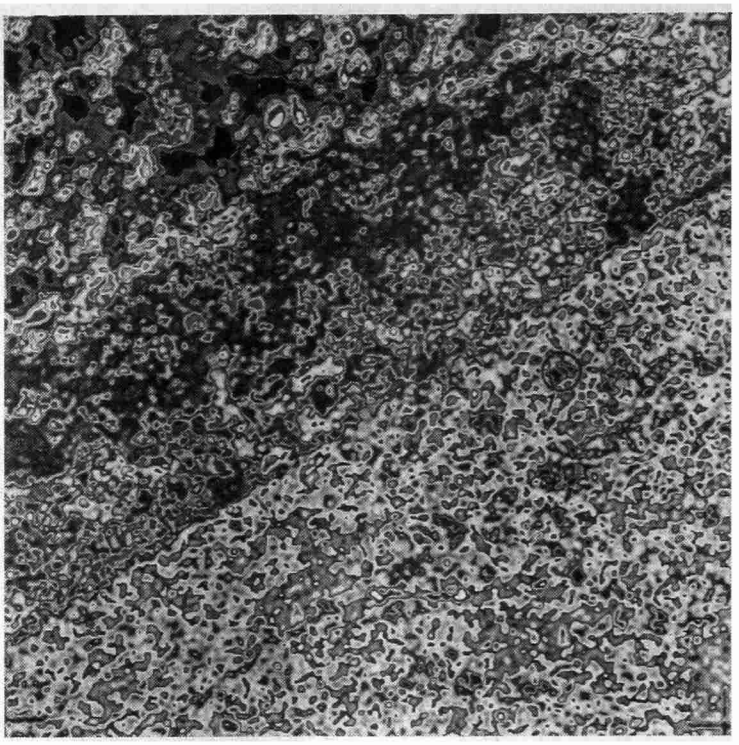


Рис. 8. Дешифровка квадрата Е-6. *1* – постройка 53

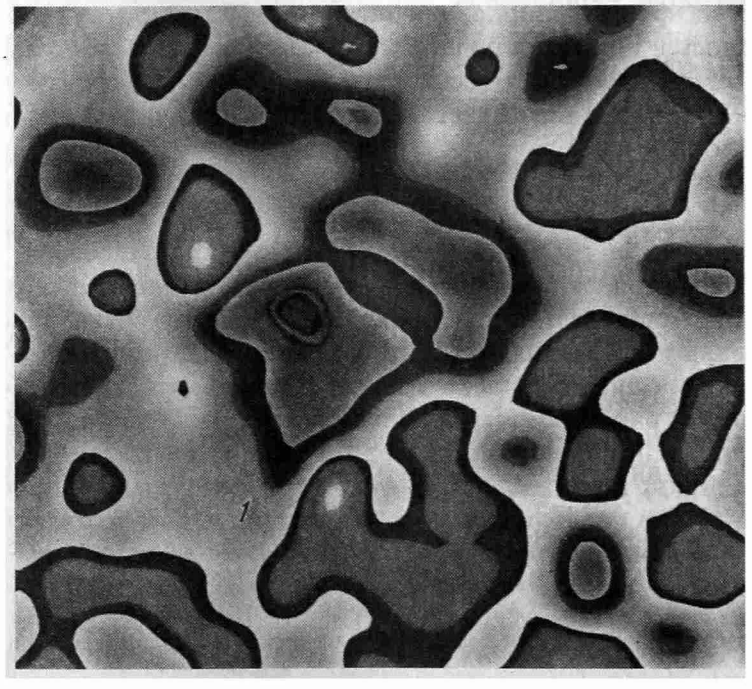


Рис. 9. Дешифровка постройки 53. *1* – постройка 53

ные, со следами от орудий (тесло с шириной рабочей части 5–7 см). Пол постройки ровный, аккуратно подтесанный. По периметру в нем прослеживаются вырубленные ямки для столбовых опор деревянных конструкций стен и крыши. Вдоль северо-западной, северо-восточной и юго-западной стен – по три столбовых гнезда, а вдоль юго-восточной – четыре. Вход в постройку находился в юго-восточной стене, ближе к южному углу. Вероятно, первоначально он имел вид коридора, пол которого наклон-

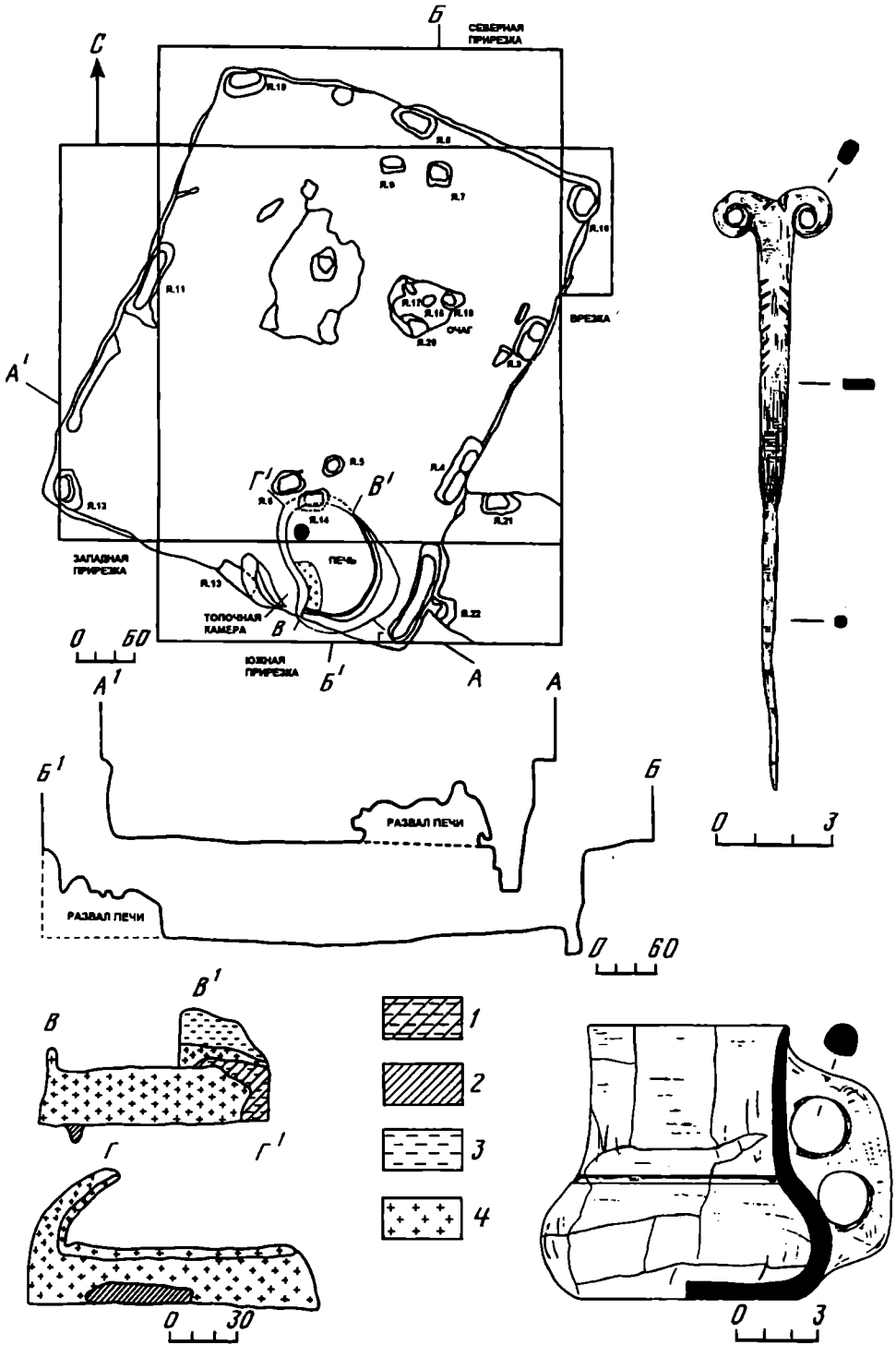


Рис. 10. Постройка 53. План и разрезы постройки и печи, находки из ямы. *1* – светлая супесь с меловыми включениями; *2* – темная супесь; *3* – меловая заливка; *4* – обожженная глина

но спускался в постройку и заканчивался ступенькой высотой 0,32 м. Ширина входного коридора 1,28, прослеженная длина 1,30 м. Непосредственно у дверного проема, с наружной стороны, по бокам входного коридора располагались два гнезда для столбов дверного косяка. Пол постройки был покрыт слоем глиняной обмазки с золой. А в центре, чуть ближе к восточному углу, в полу было вырублено очажное углубление диаметром 55 и глубиной 5 см, заполненное глиняной обмазкой, золистой супесью и угольками.

Второй строительный период связан с устройством глиняной печи у юго-западной стены, близ южного угла. В процессе раскопок первоначально она представляла собой глиняный завал размерами 1,25 × 0,94 м, но после расчистки выяснилось, что это купольная печь для приготовления пищи. Пол печи ровный, диаметром 0,66–1,0 м, стенки выведены в купол, который частично сохранился на высоту 61 см. Пол и стенки печи носили следы красно-коричневого прокала мощностью до 3–4 см. Аргументами в пользу предположения, что печь относится ко второму строительному этапу являются, во-первых, тот факт, что она перекрывала столбовые гнезда 13 и 14 (опорный столб в центре юго-западной стены), а во-вторых, то обстоятельство, что под самой печью лежал слой заполнения постройки с керамическим и остеологическим материалом. Создается впечатление, что печь была устроена в то время, когда жилище уже пришло в запустение. После того, как и жилище, и глиняная печь перестали функционировать, а котлован постройки стал заполняться грунтом, здесь были устроены две мусорные ямы, в одной из которых найдена проколка с волютообразным навершием[3], типологически близкая поволжским булавкам (Багаутдинов Р.С. и др., 1998, с. 101, 102) и славянским волютообразным ножам (Ковалевский В.Н., 1998, с. 9–24). С этими мусорными ямами и связан третий строительный этап.

Керамическая коллекция этого раскопа состоит из 905 фрагментов. Кухонным, или тарным сосудам, сделанным на круге, принадлежит 45,7% фрагментов. Как правило, они имеют коричневый цвет, но довольно часто встречаются обломки горшков черного и серого цветов. В качестве примесей использовался песок, иногда в сочетании с органикой, шамотом, дресвой. Обломки лепных кухонных сосудов составляют 9,1%. Обычно они имеют коричневый цвет, а в качестве примеси к глине применялся шамот, органика и фрагменты бурого железняка. Лощеная керамика представлена 43,3% фрагментов коллекции. Их цвет довольно разнообразен: от желтоватых, красноватых, коричневых до серого и черного. Тесто лощеных сосудов плотное, с примесью мелкозернистого песка и органики (возможно, навоза). И наконец, амфоры составляют 1,9% коллекции. Среди последних отмечен венчик воротничковой ангобированной амфоры тмутараканского типа X–XI вв., но большая часть фрагментов принадлежит амфорам причерноморского I и II типов VIII–IX вв.

Остеологический материал из раскопа 18 представлен 392 фрагментами, из которых 28 принадлежат крупному рогатому скоту (Bos taurus), 188 – мелкому рогатому скоту (Ovis s. Capra), в том числе 103 – овце (Obis aries), 19 – свинье (Sus domestica), 8 – лошади (Equus caballus), 1 – собаке (Canis familiaris), 6 – косуле (Capreolus capreolus), 1 – барсуку (Meles meles), 138 фрагментов принадлежат неопределенным костям млекопитающих (Mammalia), 1 – рыбе (Pisces) и 1 – раковине моллюска.

Время функционирования постройки 53 определялось на основании результатов радиоуглеродного метода датирования, полученных Радиоуглеродной лабораторией Киева. Тестируемый грунт (образец № 4) был взят из заполнения ямы 1 над постройкой 53, т.е. отражал тот период, когда функционирование жилища уже прекратилось, но жизнедеятельность на других участках поселения продолжалась. Наиболее вероятная дата образования ямы в заполнении постройки 53 была определена как конец VIII в. (по интервалу – конец VIII – начало IX в.). Таким образом, есть основание полагать, что строительство постройки 53 относится к середине VIII в.

Изложенное выше приводит нас к следующим выводам:

1. Использование методов компьютерной дешифровки аэрокосмоснимков для реконструкции схемы внутренней застройки Маяцкого селища позволяет получать достоверную, проверяемую предметно-содержательную информацию для последующего археологического анализа и исторической интерпретации. Оно дает возможность решать такие задачи, как геометрическое преобразование снимков по различ-

[3] Данная проколка была ошибочно опубликована Г.И. Матвеевой как находка с селища Ош-Пандо-Нерь (Матвеева Г.И. Могильники ранних болгар на Самарской Луке. Самара, 1997, с. 69–70, рис. 120, 6).

ным законам, изготовление тематических фотопланов и фотокарт, исследовать яркостные и цветовые преобразования, получать количественные характеристики, визуализировать цифровые данные дистанционного зондирования и проводить автоматизированную дешифровку снимков. Результаты нашей работы позволяют говорить о необходимости чрезвычайно критического подхода к любой исторической интерпретации схемы расположения жилищ Маяцкого селища, базирующейся только на визуальной съемке видимых в настоящее время западин от жилищ. Необходим очень осторожный подход и к исторической интерпретации визуальных стратиграфических наблюдений, полученных в процессе раскопок, так как в действительности реальная стратиграфическая картина оказывается гораздо сложнее.

2. Присутствие на площадях тестовых раскопов растений нарушенных местообитаний указывает на техногенное происхождение этого комплекса травянистой растительности. В настоящее время подобные группировки из мохово-подмаренниково-осоковых ассоциаций или ковыльно-проломниково-осоковые сообщества произрастают на некоторых участках селища и, возможно, являются реликтовыми техногенными биогеоценозами. В этом случае их геоботаническое картирование может помочь в обнаружении антропогенных комплексов, возникновение которых связано с различными видами строительной деятельности обитателей Маяцкого селища.

3. Поскольку культурные слои на раскопе 14 приурочены к обеим выделенным погребенным почвам салтовского времени, можно прийти к выводу, что условия внешней среды в период образования нижней погребенной почвы (комплекс 2) были наиболее важные и более прохладные с наибольшим развитием байрачных лесов. Верхняя погребенная почва (комплекс 3) образовалась в наиболее сухой и теплый интервал, а затем наблюдаются увлажнение климата и вновь появление байрачных лесов. Следовательно, в разрезе прослеживается не только перерыв между периодом образования нижней и верхней погребенной почвы, но и определяется, что условия формирования этих почв не оставались неизменными.

4. Полученные абсолютные даты позволяют по-новому взглянуть на динамику развития Маяцкого селища. Можно говорить о том, что уже в середине VIII в. сразу же была заселена практически вся территория между городищем и хутором гончаров. В пользу этого предположения свидетельствует прежде всего дата постройки 51 (образцы 1 и 2), расположенной на северо-восточной окраине селища. Если первый образец четко определяет время гумусированных отложений на полу постройки серединой VIII в., то второй образец из этого же объекта теоретически по времени должен быть немного более молодым, так как был взят из заполнения этой постройки и характеризует период, когда сама постройка была уже заброшена. Однако в действительности он оказался несколько древнее первого и датируется концом VII – началом VIII в. Этот факт находит вполне понятное объяснение, если учесть динамику движения почвенного слоя. После того, как постройка 51 оказалась заброшенной, в оставшийся в меловом материке котлован стал сползать грунт, находившийся ранее по краям котлована, т.е. та почва, которая сформировалась здесь еще до начала строительства постройки 51. Юго-западная граница поселения середины VIII в. намечается постройкой 53. Взятый из ее заполнения образец золистого грунта связан с мусорной ямой, устроенной жителями этого поселения над котлованом постройки 53, после того как она была уже заброшена. А если мусорная яма датируется концом VIII в., то у нас есть все основания отнести лежащий под ней котлован к более раннему времени и датировать это жилище серединой VIII в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Афанасьев Г.Е., 1993а. Перспективы применения методов аэрокосмического зондирования в археологии // КСИА. № 210.

Афанасьев Г.Е., 1993б. Донские аланы. Социальные структуры алано-ассо-буртасского населения бассейна Среднего Дона.

Афанасьев Г.Е., Николаенко А.Г., 1982. О салтовском типе сыродутного горна // СА. № 2.

Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э., 1998. Праболгары на Средней Волге. Самара.

Баранов Ю.Б., Королев Ю.К., Миллер С.А., 1997. Программное обеспечение для обработки данных дистанционного зондирования // Информационный бюллетень ГИС ассоциации. № 4.

Винников А.З., Афанасьев Г.Е., 1991. Культовые комплексы Маяцкого селища. Воронеж.

Дойель Л., 1979. Полет в прошлое. М.

Зотько М.Р., 1996. Компьютерная обработка изображений в археологии // Компьютеры в археологии. М.

Книжников Ю.Ф., 1997. Аэрокосмическое зондирование. М.

Ковалевский В.Н., 1998. Еще раз о ножах с волютообразным навершием // Вопросы истории славян. Сб. науч. тр. Вып. 12. Воронеж.

Коробов Д.С., Зотько М.Р., 1996. Результаты работ на Маяцком селище // АО-1995. М.

Королев Ю.К., Тихонова Н.М., 1998. Данные дистанционного зондирования земли на российском рынке // Информационный бюллетень ГИС ассоциации. № 3.

Маяцкий археологический комплекс, 1990. М.

Маяцкое городище, 1984. М.

Прэтт У., 1982. Цифровая обработка изображений. Т. 1, 2. М.

Седых В.Н., 1991. Аэрокосмический мониторинг лесного покрова. Новосибирск.

Толстов С.П., Андрианов Б.В., Игодин Н.И., 1962. Использование аэрометодов в археологических исследованиях // СА. № 1.

Фомченко М.М., 1997. Решительный поворот в коммерческой деятельности МА "Совинформспутник" в сторону российских потребителей космических снимков высокого разрешения // Информационный бюллетень ГИС ассоциации. № 5.

Цуцкин Е.В., Елина А.И., Елин М.Л., 1982. Использование космических снимков в археологических целях // Памятники каменного и бронзового веков. Элиста.

Шишкин К.В., 1966. Применение аэрофотосъемки для исследования археологических памятников // СА. № 3.

Якименко Е.В., 1994. Исследования Воронежского областного краеведческого музея на Ольшанском археологическом комплексе салтово-маяцкой культуры в 1988–1992 гг. // Тр. Воронежского областного краеведческого музея. Вып. 2. Воронеж. 1996.

Afanas'ev G.E., 1996. The Khazaro-Russian frontier and the political transformation of the southern steppes in the 8–10 centuries A.D. // XIII Int. Congr. of Prehistoric and Protohistoric Sciences. V. 16. Forli.

Afanas'ev G., 1998. The Experience of Application of arial Photo-Analysis at the Middle Don region in Russia // 26th Computer Applications in Archaeology. Barcelona.

Bewley R., Braasch O., Palmer R., 1996. An aerial archaeology training week. 15–22 June. Held near Siofok, Lake Balaton, Hungary // Antiquity. V. 70. № 270. December.

Forte M., 1993. Image processing applications in archaeology: classification sistems of archaeological sites in the landscape. // CAA 92. Computer applications and quantitative methods in archaeology. Oxford.

Gojda M., 1993. Bohemia from the air: seven decades after Grawford // Antiquity. V. 67. № 257. December.

Graham L.A., Gallion Ch., 1996. Image Processing under Windows NT. A Comparativ Review // GIS World. V. 9. № 9. September.

Herrmann G., Barratt G., 1996. Space Archaeology and Cities of Merv // Space Archaeology Newsletter. V. 1. № 1.

Matsumoto Sh., Vinson I., 1996. Introduction to the International Space Archaeology Programme // Space Archaeology. Newsletter. V. 1. № 1.

McMorrow J., 1995. Multispectral remote sensing of archaeological site: NERC airborne thematic mapper images of the Oxford flood plain // Science and site: evaluation and conservation. Bournemouth.

Институт археологии РАН,
Москва

G.E. AFANASYEV, M.P. ZOTKO, D.S. KOROBOV

FIRST STEPS OF "SPACE ARCHAEOLOGY" IN RUSSIA

(Deciphering of the Mayats Settlement)

Summary

The conference that was dedicated to the problems of spacecraft imagery use that was held in Paris in 1993 gave an impetus to the establishment of a special UNESCO program called "Space Archaeology". By that time Russia had already gathered sufficient experience in using objective and testable methods of computer deciphering of aero- and spacecraft imagery (Afanasyev G.E., 1993). This paper deals with a wider use of this method and its testing on site using as an example the analysis of the Saltovo-Mayatsk culture settlement that dates to the second half of the 8th-the first half of the 10th century in the Middle Don basin. As a result of aero- and spacecraft imagery deciphering with the use of computer methods it became possible to obtain reliable and testable information of the Mayatsk settlement planning that was used for further analysis and historical interpretation.

Публикации

А.С. СЫРОВАТКО

ПОСЕЛЕНИЯ ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА ЮГО-ВОСТОЧНОГО ПОДМОСКОВЬЯ

Памятники эпохи раннего железа юго-восточного Подмосковья в настоящее время остаются, пожалуй, наименее изученным микрорегионом дьяковской культуры.

Между тем этот регион занимал важное географическое положение на пути миграций древних народов, а потому мог иметь свою специфику в материальной культуре. Впрочем, мысль об этом уже была высказана (Кренке Н.А., 1987).

В данной статье мы постараемся обобщить имеющиеся материалы о памятниках нижнего течения р. Москвы, среднего течения р. Оки и их притоков, рек Северки, Коломенки, Осетра, Велегушки и др. (рисунок). Для удобства мы будем называть их Коломенской группой памятников.

Впервые памятники Коломенской группы упоминаются в трудах З.Я. Ходаковского и К.Ф. Калайдовича (табл. 1). Ими названы Городня, Городец, Городищи, Ростиславль (Калайдович К.Ф., 1823, с. 48), а также Юшково-Городище (Ходаковский З.Я., 1838, с. 23 и след.). Исследователей, впрочем, скорее привлекал ойконим с корнем "город" и вряд ли все названные ими памятники посещались.

Впервые детально район был обследован М.В. Талицким в 1936 г. (Талицкий М.В., 1941). Им было открыто большинство памятников, а также произведена шурфовка Протопоповского городища, давшая интересные результаты (Талицкий М.В., 1948).

В 1935–1936 гг. Н.П. Милоновым проводились работы на городищах "Городищи" и "Блюдечко" (Коломенский Кремль), впрочем, плохо документированные (Милонов Н.П., 1948).

В 60–70-х годах многие памятники посещались Р.Л. Розенфельдтом и А.А. Юшко с целью надзора за сохранностью, результаты этих работ были отражены в отдельном своде (Розенфельдт Р.Л., Юшко А.А., 1973).

Немало было сделано краеведом М.Г. Савицким, который проводил раскопки городищ Городец, Коробчеево 1, "Блюдечко" и др., а также активно занимался разведками новых памятников (Савицкий М.Г., 1982).

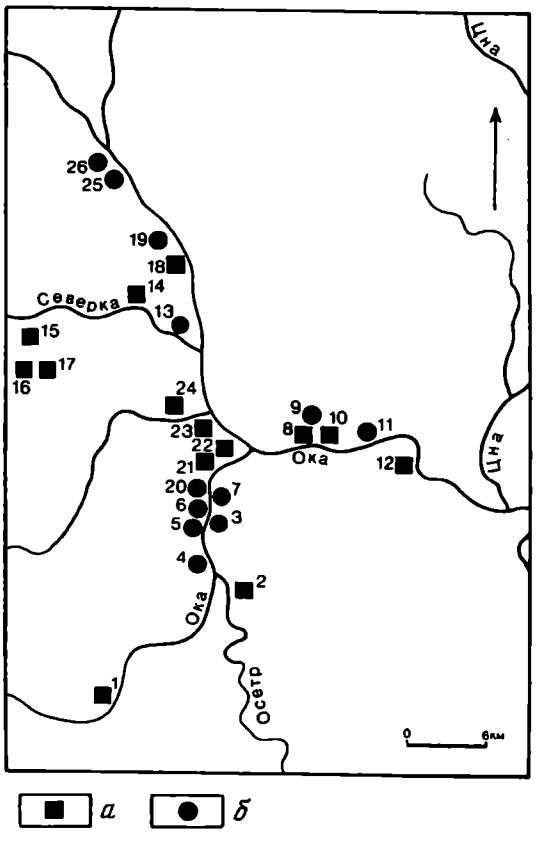
В последние годы шурфовались городища Мячковское (Энговатова А.В., 1990; 1993), Городищи, Протопоповское (Сыроватко А.С., 1997), селища Шурово, Усть-Матырка 1, поселения Городни и др. (Коваль В.Ю., 1993).

В результате многолетних интенсивных работ в г. Коломна стал накапливаться и материал по поселению "Блюдечко", характер которого, впрочем, остается неясным (Мазуров А.Б., 1995).

Результаты работ 1997 года в данной статье учтены лишь частично – автором шурфовалось городище Красно (Городено) и исследовались укрепления Городищ. Сведения о находках и керамике в таблицах отсутствуют (Сыроватко А.С., 1997).

В целом район остается малоизученным – ни на одном памятнике не проводились сколько-нибудь масштабные работы, незначительна и вещевая коллекция, состоящая большей частью из подъемного материала.

© А.С. Сыроватко, 1999 г.



Памятники дьяковской культуры Коломенской группы (*а* – городища; *б* – селища).
Озерский район: *1* – Ростиславль. Луховицкий район; *2* – Городна; *3* – Усть-Матырка 1. **Коломенский район:** *4* – Акатьево; *5* – Колычево *3*; *6* – Колычево *2*; *7* – Шурово; *8* – Коробчеево 1; *9* – Коробчеево, селище; *10* – Коробчеево 2; *11* – Троицкие Озерки; *12* – Городец; *13* – Северское; *14* – Мячково; *15* – Юшково-Городище; *16* – Федосьино 1; *17* – Федосьино 2; *18* – Красно (Городено), городище; *19* – Городено, селище. **г. Коломна:** *20* – Колычево 1; *21* – Протопопово; *22* – Старо-Голутвин монастырь; *23* – "Блюдечко"; *24* – Городищи. **Воскресенский район:** *25* – Константиново; *26* – Маришкино

Топография укрепления. Определить структуру расселения "дьяковцев" в рассматриваемом регионе подобно тому, что было сделано для Дьякова городища (Гунова В.С. и др., 1996), нельзя отчасти из-за отсутствия сведений, отчасти из-за урбанизации окрестностей крупных городищ. К.А. Смирновым была высказана мысль, что для окских поселений было типичным удаление от основного русла реки, связанное с неспокойной обстановкой тех лет (Смирнов К.А., 1991а). Позднее он отказался от этой идеи, заметив, что мелкие притоки, видимо, были более удобны для поселения (Смирнов К.А., 1994, с. 6). Из окских поселений несколько удалены от реки городища Городна, Городец, Шурово, селище Колычево 2 и 3. Прочие находятся непосредственно у воды: Ростиславль, Акатьево, Колычево 1, Протопопово, Старо-Голутвинское, Коробчеево 1 и 2, причем все эти памятники разновременные. Та же картина наблюдается на р. Москве и ее притоках. Таким образом, если отмеченная тенденция удаления поселения от русла крупной реки и присутствует, то она во всяком случае не очевидна.

На выбор места для поселения, вероятно, могла иметь влияние принадлежность той или иной территории к угодьям соседних городищ – известно, например, что на Оке, имеющей на данном участке сложный рельеф берега, очень много удобных для возведения городищ мест, остававшихся не занятыми. Не обнаружено пока следов поселения и в устьях притоков рек Москвы, Велегушки и Мезенки. Вполне вероятно также, что имела значение близость к чистой питьевой воде – вода рек Оки, Москвы, Коломенки, Северки мутная, для питья мало привлекательна. Возле крупных окских

Таблица 1

Памятники Дьяковской культуры коломенской группы

Памятник	Датировка (слои)			Сохранность	Наличие сведений о			Исследователи
	Дьяковские		Славянские		укреплениях	жилищах	вещевом комплексе	
	ранние	поздние						
Городено, городище	+	?	?	Кладбище	–	–	+	Талицкий М.В., Юшко А.А.
Городено, селище	+	+	+	Разрушено	–	–	–	»
Городищи, городище	+	?	+	Удовлетворительно	+	+	+	Ходановский З.Я., Милонов Н.П., Калайдович И.Ф., Сыроватко А.С.
Городец, городище	+	?	+	Кладбище	+	–	+	Калайдович И.Ф., Савицкий М.Г., Розенфельдт Р.Л.
Городна, городище	+	?	?	Удовлетворительно	–	–	–	Калайдович К.Ф., Розенфельдт Р.Л.
Ростиславль, городище	+, ?	+	+	»	–	–	+	Талицкий М.В., Милонов Н.П., Коваль В.Ю.
Акатьево, селище	–	+	+	Застроено	–	–	–	Талицкий М.В., Розенфельдт Р.Л., Юшко А.А.
Колычево, селище 1	–	+	–	Распахано	–	–	–	Талицкий М.В.
Колычево, селище 2	+	?	?	»	–	+	+	»
Колычево, селище 3	–	+	–	Застроено	–	–	–	»
Протопопово, городище	+	+	+	Кладбище	+	+	+	Талицкий М.В., Розенфельдт Р.Л., Сыроватко А.С.
Шурово, селище	–	+	?	Удовлетворительно	–	+	+	Розенфельдт Р.Л., Коваль В.Ю.
Усть-Матырка 1	–	+	?	Разрушено	–	–	+	Коваль В.Ю.,
Северское, селище	–	+	+	Застроено	–	–	–	Юшко А.А., Савицкий М.Г., Сыроватко А.С.

Таблица 1(окончание)

Памятник	Датировка (слои)			Сохранность	Наличие сведений о			Исследователи
	Дьяковские		Славянские		укреплениях	жилищах	вещевом комплексе	
	ранние	поздние						
Старо-Голутвин монастырь, городище	?	?	+	»	–	–	–	Савицкий М.Г., Розенфельдт Р.Л.
Коробчеево 1, городище	+	+	+	Кладбище	+	+	+	Талицкий М.В., Розенфельдт Р.Л., Савицкий М.Г., Сыроватко А.С.
Коробчеево 2	+, ?	+, ?	?	Разрушено	+	–	–	Талицкий М.В.
Коробчеево, селище	+, ?	+	?	»	–	+	+	Талицкий М.В., Савицкий М.Г.
Троицкие озерки, селище	+, ?	?	?	?	–	–	–	»
Блюдечко, городище (?)	+, ?	+	+	Застроено	–	+	+	Милонов В.П., Виноградов К.Я., Савицкий М.Г., Мазуров А.Б.
Юшково-1, городище	–, ?	+	+	Удовлетворительно	–	–	–	Талицкий М.В., Розенфельдт Р.Л., Юшко А.А.
Мячково, городище	+, ?	+	+	Хорошая	+	+	+	Талицкий М.В., Розенфельдт Р.Л., Юшко А.А., Энговатова А.В.
Федосьино, городище 1	?	+	+	?	+	–	–	Саблин М.А., Розенфельдт Р.Л.
Федосьино, городище 2	?	+	+	Застроено	+	–	–	»
Маришкино, селище	–	+	+	Удовлетворительно	–	–	+	Сборы краеведов
Гвоздинский погост, селище	+, ?	+	+	Кладбище	–	–	–	Сборы краеведов, Юшко А.А.
Константиново, селище	–	+	+	Распахано	–	–	–	Юшко А.А.

городищ Коробчеево 1 и Протопоповское известны родники, почитаемые местными жителями за целебные свойства воды. Местная легенда связывает возникновение "святого источника" в с. Протопопово с деятельностью Сергия Радонежского. Эта версия объясняет и тяготение некоторых поселений к мелким ручьям с чистой водой.

Исследования укреплений проводились у четырех городищ Коломенской группы: Городец, Коробчеево 1, Городищи и Протопоповское. Зафиксировано наличие укреплений у городищ Коробчеево 2, Городна, Городено (Талицкий М.В., 1941). Городища Ростиславль, Юшково, "Блюдечко", Федосьинские 1 и 2 являются славянскими с дьяковским слоем (или следами такового), были ли они укреплены в эпоху раннего железа, пока неизвестно, хотя в пользу наличия укреплений говорит их расположение. Характер поселения в Старо-Голутвинском монастыре (устье р. Москвы) неясен (Савицкий М.Г., 1982).

Не имели укреплений почти наверняка селища Городено, Акатьево, Колычево 1–3, Коробчеево, Троицкие Озерки, Маришкино, Гвоздинский Погост, Константиново, Щурово, Северское. Это отчасти подтверждается топографией памятников.

Городецкое городище расположено в пойме реки, занимает небольшой останец высотой около 2 м. Площадка в настоящее время занята кладбищем. М.Г. Савицким был прорезан край площадки в четырех местах, однако следов укреплений найдено не было (Савицкий М.Г., 1986). Возможно, что поселение не имело их вовсе или следы от них, не очень крупных, были уничтожены во время строительства каменной кладбищенской ограды. Городище, видимо, существовало в ранний период дьяковской культуры, когда масштабные укрепления не возводились (Смирнов К.А., 1994, с. 6).

Городище Коробчеево 1 занимает высокий холм на берегу р. Оки у впадения р. Желемы. Здесь картина совершенно иная: с напольной стороны городище защищали два вала со рвом между ними. С северной стороны во внешнем кольце заметен разрыв прохода шириной около 1,5 м. Площадка городища также занята кладбищем, укрепления с восточной стороны частично разрушены во время строительства моста через р. Оку, поэтому установить место входа на площадку не представляется возможным. В насыпи валов, состоящих из плитчатого известняка, не встречено каких-либо конструкций, удерживающих насыпь от расползания, но этого, учитывая плотность породы, и не требовалось. Со стороны реки городищенский холм почти отвесный, с выходом на поверхность известковой платформы и тут вполне было достаточно одной линии укреплений по краю обрыва.

Под внутренним валом был обнаружен культурный слой. По керамике из прослойки древесного тлена под валом сооружение укреплений можно отнести к последним векам до н.э. Поводом для перестройки городища послужил пожар, следы которого заметны под валом и в валу городища; укрепления позднее подновлялись (Савицкий М.Г., 1992).

Укрепления Протопоповского городища имели из-за крутизны склонов только одну линию укреплений по краю площадки. Утверждение Р.Л. Розенфельдта о том, что дорога, огибающая городище, проходит по дну его рва, скорее всего ошибочно (Розенфельдт Р.Л., 1960). На самом деле роль рва играл естественный овраг. Насыпь на склонах городищенского холма изучена шурфами (площадка занята кладбищем), поэтому мы не можем с уверенностью утверждать, была ли она валом или просто расширяющей площадку подсыпкой, хотя склоняемся к первому. Не встречено и следов какой-либо конструкции в насыпи.

Укрепления городища неоднократно ремонтировались, причем в некоторых слоях заметно обилие угля и прокаленной глины, ошлакированной керамики. К сожалению, мы не можем сколько-нибудь надежно определить время сооружения укреплений, опираясь на данные естественнонаучных методов, хотя такая работа ведется. Основываясь на анализе керамики, происходящей из валов Протопоповского и Коробчеево 1 городищ (см. ниже), мы делаем предварительный вывод об одновременном функционировании укреплений этих поселений (Сыроватко А.С., 1996).

Укрепления городищ Городищи, Городено, Коробчеево 2 и Мячково в настоящее

время уничтожены хозяйственной деятельностью. Известно только, что они имели по одному рву и валу с напольной стороны, время сооружения которых пока неизвестно (Талицкий М.В., 1936а; Розенфельдт Р.Л., 1960). Городище Городна имело, видимо, два вала с напольной стороны (Розенфельдт Р.Л., 1970).

Укрепления городища Городищи исследованы автором в 1996–1997 гг. Траншеей исследованы вал и ров, полностью спланированные в результате строительства проходящего рядом с памятником шоссе. На момент написания данной работы полученные материалы еще не обработаны (Сыроватко А.С., 1997).

В целом укрепления городищ Коломенской группы типичны для всей культуры в целом. Заметно только то обстоятельство, что укрепления окских городищ более солидны, чем москворецких в этом же районе, а те – мощнее всех прочих. Возможно, конечно, что это связано с неспокойной обстановкой на крупных реках. М.В. Талицким была высказана мысль о том, что окские поселения древнее других – заселение региона шло от устья р. Москвы (Талицкий М.В., 1936б). Это объясняло бы отчасти большую мощность окских укреплений (кроме Городецкого городища), однако не подтверждается имеющимися у нас данными – городищи Городищи и Городено (Красно), видимо, древнее середины I тыс. до н.э.

Жилища. Наиболее подробно изучены полуземлянка на городище Городищи и наземное жилище "Блюдечка" (Коломенское) (Милонов Н.П., 1948). Другие типы жилищ на памятниках Коломенской группы обнаружены шурфовкой. На Протопоповском городище – два строительных горизонта в землянке и остатки наземного жилища (Талицкий М.В., 1948), очажная яма от легкого жилища типа шалаша на селище Колычево 2 (Талицкий М.В., 1941, табл. IX, *18–21*), остатки древнего тлена от постройки под валом городища Коробчеево 1 (Савицкий М.Г., 1992) и полуземлянки Мячковского городища (Энговатова А.В., 1990).

Хронологически самыми ранними являются остатки жилища Колычево 2 (относящиеся, возможно, даже к финальной бронзе), затем землянки городищ Городищи и Протопопово. Несколько моложе их, вероятно, Мячковские полуземлянки, а жилища "Блюдечка" и Шурово самые поздние. В "позднедьяковский период", видимо, существовали заглубленные в землю жилища на одном из разрушенных ныне селищ в Коробчеево, замеченные в обнажениях берега р. Оки (Талицкий М.В., 1937, с. 64).

В описании землянки Городищ много непонятного (Милонов Н.П., 1948, с. 75). Ясно только, что это было четырехугольное в плане жилище, заглубленное в землю на 0,5 м. Неизвестны ориентировка жилища и местонахождение раскопа. Датирована постройка нами в пределах второй четверти – середины I тыс. до н.э. При датировке мы опирались на находки костяных стрел ранних типов (по К.А. Смирнову, типы 10; 14 – черешковые, тип 1 – втульчатая), грузика (12 г), "рогатых кирпичей" и проч.

Жилище на поселении "Блюдечко", исследованное Н.П. Милоновым, было заглублено в материк всего на 15–20 см и имело, по мнению исследователя, четырехугольную форму с очагом в центре и шалашеобразную крышу, доходившую до земли. Вход обозначен параллельными рядами столбов (Милонов Н.П., 1948, рис. 2). Датировать это жилище не представляется возможным. Н.П. Милонов всячески подчеркивал сосуществование позднедьяковского поселения со славянским, хотя более поздними исследованиями преемственность в заселении древнейшей части Коломны не зафиксирована (см. ниже).

Сведений о типах и устройствах жилищ, приведенных выше, явно недостаточно для каких-либо обобщений. Видимо, поселения коломенской группы аналогичны в целом всей культуре. Однако на разных поселениях сосуществовали различные типы жилищ – землянки мячковского городища, вероятно, доживают до рубежа нашей эры.

Вещевой комплекс. Практически ни одна из находок с городищ коломенской группы не опубликована, за исключением зооморфной фигурки с Протопоповского городища (Сыроватко А.С., 1998) и упоминаемых К.А. Смирновым стрел из Городищ (Смирнов К.А., 1974, с. 31).

Таблица 2

Вещевой комплекс памятников коломенской группы

Категория	Городено	Городищи	Колычево 2	Протопопово	Коробчеево 1, городище	Коробчеево, селище	"Блюдечко"	Мячково
Грузики дьякова типа	1	5			1	1		3
Наконечники, кость		5		2				2
Наконечники, железо		1		1				1
"Рогатые кирпичи"	1	3						
Кремниевые изделия	3	2	2	2				
Проколки, шилья	1	8		3		9		1
Погремушки	1	1?		1				1
Орнаментированные плитки		1?						2
Детали ожерелий		4		1		1	3	
Миниатюрные сосуды	1	4		3				1
Металлические украшения		2						
Изделия из железа		1?			Звено удил			
Литейное производство				Льячка	Тигель			

Таблица 3

Керамика памятников коломенской группы

Памятник	Всего фрагментов	Сетчатая			Гладкостенная всех типов	Неопределенная
		текстильная	штампованная	рогожная		
Городищи	784/100	93/11,8	343/43,7	7/0,8	217/27,6	111/14,1
Протопопово	621/100	103/16,4	148/23,8	2	303/48,6	59/9,6
Коробчеево 1	199/100	80/40,2	24/12	1	56/28	21/10,5
Мячково	373/100	86/23	94/25,2	–	130/34,7	63/17,1

Примечание. В числителе – количество, в знаменателе – процент.

Ни одна категория находок не образует сколько-нибудь значительной серии, к тому же часть из них происходит либо из частных коллекций, либо утрачены.

В табл. 2 представлены основные категории предметов, причем учтены фрагменты и заготовки. Отдельные предметы в нее не попали – например, костяная трубка с кольцевой нарезкой из Протопопово, костяные поделки из раскопок Н.П. Милонова в Городищах и проч.

Наибольшее число предметов происходит из Городищ, получены в результате раскопок Н.П. Милонова и автора (табл. 2). Помимо учтенных в таблице известно также некоторое число обломков керамических и костяных предметов, атрибутация которых затруднительна.

Комплексы городищ Протопопово и Городено (Красно) – в основном подъемный материал, что несколько снижает его ценность.

Материалы Мячковского городища не опубликованы (автор выражает признательность Энговатовой А.В. за возможность ознакомления с материалом). Вещевой комп-

лекс памятника состоит большей частью из обломков керамических изделий и происходит из распаханных участков площадки.

Только комплекс Городищенского городища позволяет приблизительно очертить верхнюю дату бытования поселения. Она определяется ременной накладкой пьяноборского облика, относящейся, по-видимому, к I–III вв. н.э. (Агеев Б.Б., 1992, с. 44, табл. 8, *б*), грузиками "дьякова типа" из сборов К.Я. Виноградова типов 5а, 7 и 1, датируемыми К.А. Смирновым I–III (тип 1) и II–V вв. н.э. (Смирнов К.А., 1971, с. 96). Таким образом, верхняя дата городища, по имеющимся пока данным, соответствует III–V вв. н.э., хотя, возможно, она еще будет пересмотрена.

Керамика. Первые сведения о керамике с коломенских городищ опубликованы М.В. Талицким (Талицкий М.В., 1948). На эту, посмертно вышедшую работу ссылались затем многие исследователи, иллюстрируя свои подчас противоположные выводы (Кренке Н.А., 1987; Смирнов К.А., 1991а). С тех пор коллекция керамики увеличилась (табл. 3).

Нами не учтены в этой таблице комплексы керамики, полученные А.Б. Мазуровым в результате раскопок Коломны ("Блюдечко"), коллекции автора сезона 1997 года (около 1 тыс. фрагментов), материалы селищ Шурово и Городна и раскопки Н.П. Милонова в Городищах и Коломне в 1935–1936 гг.

По нашему мнению, сетчатая керамика должна преобладать (хотя и незначительно) за счет неопределенной и гладких участков "сетчатых" горшков, посчитанных нами как гладкостенные. Керамика Коробчеево 1 происходит из заполнения рва и из насыпи внутреннего вала, насыпанного поверх культурного слоя, поэтому в коллекции вряд ли присутствует древнейшая для этого поселения керамика. Сборы с прочих городищ, за редким исключением, являются либо подъемным материалом, либо взяты из перепаханных участков культурного слоя.

Подсчет и разделение сетчатой керамики на штампованную и текстильную мы проводили по методу К.А. Смирнова, отдавая себе отчет в том, что само наличие такого деления дискуссионно (Чернай И.Л., 1984). Но эта статистика свидетельствует хотя бы о распространенности определенных типов отпечатков ("нитчатых" и "рябчатых"). К.А. Смирнов полагал, что на окских городищах преобладает собственно текстильная керамика (Смирнов К.А., 1991б, с. 18). Приведенные цифры это не подтверждают.

Исключение составляет насыпь вала Протопоповского городища: "нитчатая" керамика преобладает над штампованной примерно в 2 раза. Та же картина наблюдается и в Коробчеево (табл. 3), что дало нам основания сделать выводы о времени бытования укреплений этих городищ. Свидетельствует это и о том, что определенные типы отпечатков бытуют определенное время, хотя для определения их хронологии материала недостаточно.

Обращает на себя внимание и низкий процент орнаментированной посуды. Так, в Городищах известно всего 12 фрагментов, причем учтены насечки и иное оформление края венчика. Та же картина на Протопоповском городище (19 фрагментов).

На многих памятниках встречены в очень небольшом количестве венчики сетчатых сосудов ("ложнотекстильных") с отпечатками на внутренней стороне горла (Протопопово – 2 фрагмента, Городищи – 1 фр. и одно донце с отпечатками с внутренней стороны, Коробчеево 1 – 1 фр., Городнено – 2 фр., Ростиславль – 2 фр., Мячково – 2 фр.).

Чернолаковая профилированная керамика встречена пока только на Протопоповском городище (13 фр., 2%) и "Блюдечке", поэтому мы не склонны пока говорить о какой-то этнической инфильтрации в устье р. Москвы с верхней Оки. М.В. Талицким описан тип профилированных сетчатых сосудов, по его мнению, предшествовавших появлению на Оке чернолощеной керамики (Талицкий М.В., 1948). Н.А. Кренке посчитал его даже специфичным типом керамики коломенского куста (Кренке Н.А., 1987).

Однако подобная керамика встречена на Перехвальском 11 городище в ранних слоях. Этот памятник, хотя и удален от рассматриваемого региона, относится все же к

родственной культуре (Бирюков И.Е., 1993). Да и распространена такая керамика была, вероятно, шире. Помимо Протопоповского городища подобная керамика встречена в Коробчеево, Ростиславле и Городено (подъемный материал).

В целом имеющийся керамический материал нуждается и в накоплении, и в дальнейшем детальном изучении.

В настоящей работе мы не ставим своей целью выделение каких-либо особенностей в материальной культуре Коломенских городищ, эта группа определена пока чисто географически. В нашу задачу входило простое предварительное обобщение материала.

Имеющихся у нас данных недостаточно для разрешения еще двух, весьма важных вопросов. Первый – наличие границы между родственными дьяковской и городецкой культурами. Общепринятой границей на Оке считалось устье р. Москвы, однако Коробчеевские городища и селища, Троицкие Озерки и Городец мы все же относим к дьяковским, опираясь на два признака – наличие грузиков дьякова типа (Коробчеево 1) и отсутствие "рогожной" керамики.

О памятниках вплоть до устья р. Цны (правого притока р. Оки) ничего неизвестно. Культурная принадлежность городища Городна остается неясной, так как раскопки не проводились (Розенфельдт Р.Л., 1970). Мы просто предполагаем, что его материальная культура не должна отличаться от прочих окских поселений, хотя, по некоторым данным, рогожной керамики здесь больше, чем на остальных памятниках данной группы (Розенфельдт Р.Л., 1970). В.Ю. Коваль относит Городню к дьяковской культуре (Коваль В.Ю., 1993).

"Рогожная" керамика обнаружена пока еще только на городищах Ростиславль, Протопоповское и Городищи, причем в очень небольшом количестве. Свидетельствует ли это о каком-то "промежуточном" типе материальной культуры в дьяковско-городецком пограничье, судить рано. Возможно, эта граница выражалась в незаселенности пространства на Оке в районе устья р. Цны (Луховицкий район).

Второй неразрешенный вопрос – культурная принадлежность городищ на поздних этапах и историческая судьба населения в раннем средневековье.

О степени влияния западного населения на данный регион по находкам единичных фрагментов чернолощеной керамики в Протопопове и "Блюдечке" судить нельзя, во-первых, из-за недостатка материала, во-вторых, потому, что на окских памятниках в силу их географического положения такая керамика могла появиться в результате контактов населения с соседями, обмена, торговли и т.п. На других городищах данной группы такой керамики нет. Единственными памятниками, на материалах которых в перспективе можно будет проследить преемственность дославянского и славянского населения, является "Блюдечко" (Коломна), Шурово и, возможно, Коробчеево. Однако дьяковское поселение в Коломне полностью разрушено перекопами и слоя, связанного с находками "сетчатой" керамики, нет. Несколько комплексов лепной гладкостенной керамики происходит из небольших материковых ям, не затронутых перекопами, в одной из таких ям найдены египетские бусины синего пастового стекла, датированные Ю.Л. Щаповой VIII в. н.э. (Мазуров А.Б., 1994, с. 78). Известны также единичные фрагменты керамики и находки, возможно, славянского происхождения, которые могут относиться к VIII–IX вв., однако, опять же в силу особенностей стратиграфии, нет слоя, связанного с этими чрезвычайно немногочисленными находками (Мазуров А.Б., 1996). И уж тем более нигде не встречено перекрывание славянского слоя позднедьяковским, о чем писал Н.П. Милонов (1948, с. 77 и след.). Ничего до сих пор неизвестно и о погребениях славян этого времени (Шурово – ?).

Для самой Коломны достоверной датой основания продолжает оставаться вторая половина XII вв. Кроме того, опять же в силу своего географического положения поселение "Блюдечко" могло существовать еще в то время, когда остальные уже запустели. Культурная принадлежность населения, оставившего поселение Шурово и погребение на нем, остается неясной (Коваль В.Ю., 1993).

Таким образом, вопрос о наличии хронологического разрыва в заселении Москворечья остается открытым.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Агеев Б.Б., 1992. Пьяноборская культура. Уфа.

Бирюков И.Е., 1993. Городище Перехвальское-2 // Археологические памятники Среднего Поочья. Вып. 3. Рязань.

Гунова В.С., Кирьянова Н.А., Кренке Н.А., Низовцев В.А., Спиридонова Е.А., 1996. Земледелие и система землепользования в долине Москвы-реки в железном веке // РА. № 4.

Калайдович К.Ф., 1823. Письма к А.Ф. Малиновскому об археологических исследованиях в Рязанской губернии. М.

Коваль В.Ю., 1993. Отчет об археологических разведках в Озерском и Луховицком районах в 1993 году // Архив ИА РАН.

Кренке Н.А., 1987. Культура населения бассейна Москва-реки в железный век и раннее средневековье. Дис. ... канд. ист. наук. Архив ИА РАН. Р-2. № 2392.

Мазуров А.Б., 1994. Раскопки в Коломне // АО – 1993.

Мазуров А.Б., 1995. Средневековая Коломна в XII–XV вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Мазуров А.Б., 1996. Отчет об охранных раскопках в Коломенском Кремле в 1996 году // Архив ОПИ ИА РАН.

Милонов Н.П., 1948. Историко-археологический очерк Коломны // Историко-археологический сборник. М.

Розенфельдт Р.Л., 1960. Отчет об исследовании состояния археологических памятников в Московской области в 1960 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 2042.

Розенфельдт Р.Л., 1970. Отчет об археологических разведках в Московской области в 1970 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 4321.

Розенфельдт Р.Л., Юшко А.А., 1973. Список археологических памятников Московской области. М.

Савицкий М.Г., 1982. Отчет об обследовании Старо-Голутвина монастыря в 1982 // Фонды ККМ.

Савицкий М.Г., 1986. Отчет о раскопках в селе Старый Городец в 1986 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 11687.

Савицкий М.Г., 1992. Отчет об охранных исследованиях Коробчеевского городища в 1992 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 17097.

Смирнов К.А., 1971. К вопросу о систематизации грузиков "дьякова типа" с Троицкого городища // МИА. № 184.

Смирнов К.А., 1974. Дьяковская культура // Дьяковская культура. М.

Смирнов К.А., 1991а. Периодизация памятников городецкой и дьяковской культур (1 тыс. до н.э. – 1 тыс. н.э.). Дис. ... д-ра ист. наук // Архив ИА РАН. Р-2. № 2489.

Смирнов К.А., 1991б. Два района появления сетчатой керамики // Керамика раннего железного века и средневековья Верхневолжья и соседних территорий. Тверь.

Смирнов К.А., 1994. Эволюция укреплений на верхней Волге в эпоху раннего железа // Проблемы средневековой археологии волжских финнов. Йошкар-Ола.

Сыроватко А.С., 1996. Отчет о раскопках на городищах Протопоповское и Городищи в г. Коломне в 1996 г. // Архив ИА РАН.

Сыроватко А.С., 1997. Отчет о раскопках на городищах Городищи и Красно в 1997 г. // Архив ИА РАН.

Сыроватко А.С., 1998. Зооморфная фигурка с Протопоповского городища // РА. № 2.

Талицкий М.В., 1936а. Полевой дневник // Фонды ККМ. № 386.

Талицкий М.В., 1936б. Древние поселения Коломенского района // Фонды ККМ. № 387.

Талицкий М.В., 1941. Коломенский район // Археологические исследования в РСФСР в 1934–36 гг. Краткие отчеты и сведения. М.; Л.

Талицкий М.В., 1948. Керамика Протопоповского городища // СА. Т. X.

Ходаковский З.Я., 1838. Историческая система Ходаковского // РИС. Т. 1. Кн. 3.

Чернай И.Л., 1984. Выработка текстиля у племен дьяковской культуры // СА. № 4.

Чернай И.Л., 1993. Макро- и микроструктура слепков с фактуры текстильной керамики // Финно-угры России. Йошкар-Ола. Вып. 1.

Энговатова А.В., 1990. Отчет о разведочных раскопках в Московской области и охранных работах в Можайске в 1990 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 15564.
Энговатова А.В., 1993. Отчет о разведочных раскопках в Московской области в 1993 г. // Архив ИА РАН.

Институт археологии РАН,
Москва

A.S. SYROVATKO

EARLY IRON AGE SETTLEMENTS OF THE SOUTH-EAST MOSCOW REGION

Summary

Due to a number of reasons, the South-East Moscow region is the most understudied region of all regions of the Diakovo culture. Settlements located in the middle Oka, the lower Moskva river and their tributaries that are called a Kolomna (the city Kolomna) group of sites are referred to this region. Fortifications of the Kolomna group hilltop sites are analogous to other fortifications of the Diakovo and Gorodets cultures. Fortifications of hilltop sites located along major rivers are more sturdy compared to others, possibly, due to a tense situation developed in them. The data available do not confirm that the Oka settlements are older than hilltop sites of the river Moskva and its tributaries. Dwellings slightly sunk into the soil are more common among dwellings identified, which is likely to be related to specific traditions of the dwelling construction. The paper also analyzes ceramic materials noted for their distinctive traits, these are textile pottery and unornamented molded vessels. Some disputable issues are reviewed as well: the location of the borderline with the Gorodets culture as well as the issue of the settling process continuity in the Early Middle Ages.

С.Ю. САПРЫКИН, Н.Ф. ФЕДОСЕЕВ

КЛЕЙМА СИНОПЫ С ДАТАМИ

Среди синопских клейм клейма с датами занимают особое место – имя магистрата в них заменено на буквенное обозначение года. Но не только отсутствие имени магистрата выделяет эту группу среди клейм Синопы; для нее характерны свой набор имен гончаров, отличающихся от имен керамевсов и астиномов на магистратских клеймах, отсутствие эмблемы, своя палеография – все это позволяет выделить клейма с датами в особую группу.

В настоящее время известно семь штампов синопских клейм с датами (рис. 1). К этой группе причисляли еще несколько клейм. Так, Е.М. Придик привел два клейма, выпадающие из описываемой группы по указанным признакам – в чтении Е.М. Придика присутствует и имя магистрата и дата (Придик Е.М., 1941, с. 173–193). В клейме астинома Пасихара он прочитал дату KAP, что соответствует 121 году:

KAP Βακχίου
'αστυνόμου
Πασιχάρου

С этим чтением согласился Б.Н. Граков, посчитавший к тому же Бакхия магистратом (IosPE III, № 1803–1805; см. также вступительную статью к IosPE III в разделе "Синопа"). На ошибочность такого чтения указал В.И. Цехмистренко (Цехмистренко В.И., 1960, с. 73, рис. 10, *1–2*), справедливо считая правильным видеть здесь союз καί. Необычность постановки союза впереди имени гончара заслуживает отдельного рассмотрения и, возможно, позволит прояснить некоторые вопросы организации клеймения. Таким образом, правильное чтение этого клейма будет следующее:

καί Βακχίου
'αστυνόμου канфар
Πασιχάρου

Дата MAP в клейме того же магистрата Пасихара (ср.: Придик Е.М., 1941, с. 174: NAP-151 год):

'αστυνομοῦντος
Πασιχάρου
τοῦ Φαινίππου канфар
'Απολλωνίου MAP

неприемлема хотя бы потому, что даты KAP-121 г. и MAP-141 г. (и тем более NAP-151 г. Е.М. Придика) не могут соответствовать одному магистрату – астиному Пасихару сыну Файниппа. Новые находки клейм этого же штампа в Нимфее (ГЭ, № 149: Нимфей, 1950, № 126), на Елизаветовском городище (РОМК: Елизаветовское городище, 1988, № XX–33) и на поселении Генеральское Западное (КИАМ: Генеральское Западное, 1985, № 156) позволяют уверенно исправить чтение на MAN, что соответствует отчеству гончара Аполлония сына Мантифея ('Απολλώνιος (–ου) Μαν(τιθέου). С упоминанием отчества этот гончар встречается и на клеймах других

© С.Ю. Сапрыкин, Н.Ф. Федосеев, 1999 г.

Рис. 1. Клейма Синопы с датами:
1 – 109 г. керамевс Дамон; *2* – 109 г. Нумений; *3* – 109 г. керамевс Гераклеон; *4* – 112 г. керамевс Нумений; *5* – 113 г. керамевс Нумений; *6* – 113 г. керамевс Стих; *7* – 122 г. агораном Алексид

магистратов Пифокла и Микрия (Граков Б.Н., 1929, с. 132). Название магистратуры было исправлено также в соответствии с находками новых оттисков:

'αγορανομοῦντος
Πασιχάρου
τοῦ Φαινίππου канфар
'Απολλωνίου (τοῦ) Μαν(τιθέου)

Упоминаемое в IosPE III, № 1–2 и у Е.М. Придика (Придик Е.М., 1941, с. 174) клеймо с датой ВКР-122 г. агоранома Александра на самом деле оказалось клеймом Алексида, однако полной уверенности в синопском происхождении этого клейма нет. Основанием для сомнений служат не только особенности глины, но и сочетание даты в буквенном обозначении и названия агораномной магистратуры. Обращает на себя внимание и более поздняя, чем на других клеймах, дата. Если же это клеймо происходит из мастерских Синопы, что кажется нам все-таки более вероятным, то такое сочетание представляет особый интерес. Это косвенно подтверждает, что в государственной структуре Синопы произошли некоторые изменения, и астиномы, видимо, потеряли контроль за производством амфорной тары, перешедшей, как это уже было ранее (Граков Б.Н., 1929, с. 43), к агораномам. Последнее опять-таки говорит в пользу принадлежности означенного клейма Синопе.

Таким образом, утверждение, что даты в синопских клеймах появляются в период магистратского клеймения, оказалось ошибочным. В противном случае пришлось бы признать, что логика клеймения, где дата обозначалась либо именем магистрата, либо буквенным выражением, нарушена. Все известные клейма в датами ΘР-109 г. ГІР-113 г., ВІР-112 г., ВКР-122 г. охватывают период с 109 по 122 г., т.е. 13 лет. Для всех этих клейм характерны определяющее слово κεραμέως в легенде и в большинстве случаев предлог διά.

Затруднение представляет определение эры, по которой велось летоисчисление в Синопе. В свое время основным аргументом против гипотезы В.И. Цехмистренко о конце астиномного клеймения в 183 г. до Р.Х. было несоответствие количества магистратов временному промежутку, установленному этим исследователем (Брашинский И.Б., 1963, с. 133; Шелов Д.Б., 1975, с. 137). Как он предполагал, захват в 183 г. до Р.Х. Фарнаком I Синопы привел к смене имени магистратов на обозначение даты. Это предположение само по себе логично и как будто бы подтверждается данными археологии (Grace V., 1956, p. 165). Однако И.Б. Брашинский указал на то, что самая ранняя дата по понтийской эре соответствует 188/187 г. до Р.Х., т.е. несколько ранее захвата Синопы (Брашинский И.Б., 1961, с. 302). В.И. Цехмистренко, соглашаясь с существованием этого противоречия, не отказывался от связи захвата Синопы Фарнаком I с окончанием астиномного клеймения и предложил не датировать клейма по понтийской эре, предполагая, что в Синопе существовала собственная, неизвестная пока по источникам, городская эра. Более того, он пошел дальше и считал, что 109 г. в клеймах соответствует 183 г. до Р. Х. (Цехмистренко В.И., 1967, с. 264). Так что начало городской эры в Синопе, по В.И. Цехмистренко, должно относиться к 292 г. до Р. Х. К сожалению, ни обоснования, ни критики этой гипотезы не последовало. Вместе с тем оснований для ее принятия нет – существует другое и более простое объяснение.

Отличие клейм с датами от основной массы клейм заставляет сделать предположение о резкой смене производителей керамической тары, утрате многолетних традиций, в частности, в формировании легенды клейма, существовании определенного периода времени между магистратскими клеймами и клеймами с датами. Военные действия могли оказывать заметное влияние на практику клеймения и немалую роль в этом сыграло то, что керамические мастерские размещались, как правило, за пределами города и первыми принимали на себя удар неприятеля, после чего на какое-то время погибали. Археологические данные свидетельствуют, что клейма с датами следует относить к концу III – началу II в. до Р. Х.[1] Возможно, что изменения в практике синопского керамического клеймения произошли как раз в результате военных действий. Количество известных магистратов по предложенной одним из нас хронологии дают дату конца магистратского клеймения довольно точно – это последнее десятилетие III в. до Р. Х. Из истории Синопы мы знаем, что с 220 по 183 г. до Р. Х. город постоянно испытывал давление владык соседнего Понтийского царства, стремившихся присоединить его к своим владениям. В 220 г. до Р. Х. сначала Митридат III подошел к стенам Синопы и осадил ее, поставив почти на грань голода, и только помощь родосцев спасла ее и помогла снять осаду (Polyb., IV. 56). О новой попытке взять город мы узнаем уже во времена Фарнака I и она, как известно, завершилась успешно. Не исключено, что керамические мастерские и вся сырьевая и производственная база полиса оказались разрушенными в результате враждебных действий царей Понта, не оставивших, очевидно, город в покое и после неудачной войны 220 г. до Р. Х. Следовательно, изменения в структуре клеймения, отказ от датировки по астиномам могли быть связаны с экономическими трудностями города, возникшими из-за агрессивности царей Понта, лишивших его плодородных земель за пределами оборонительных стен (Максимова М.И., 1956, с. 178, 179; Сапрыкин С.Ю., 1996, с. 64–67). А поскольку в Синопе, как показали недавние исследования французских коллег, керамические печи и мастерские находились на хоре города на некотором отдалении от оборонительных стен (Kassab Tezgör D., 1995, p. 177–190), военные

[1] Утверждение, что клейма с датами датируются концом II в. до Р. Х. (Федосеев Н.Ф., 1989, с. 154), основано на досадном недоразумении. Неправильно, видимо, прочитано и клеймо ΘΝΡ'...τρα (Цехмистренко В.И., 1960, с. 76, 77; 1963, с. 11), которое Цехмистренко почему-то датировал по понтийской эре 159 г. п.э.-138 г. до Р. Х., хотя в другом месте он уже утверждал, что клейма с датами относятся к местной городской эре Синопы. Не исключено, что клеймо может быть прочитано как Θ κ(αί)Ρ [διὰ κ]ερα [μέως...]. или ΒΚΡ (см. таблицу).

Клейма с датами

№	Содержание легенды	Дата	Год до Р. Х.	Аналоги
1	Θ καὶ Ρ διὰ Δάμωνος κεραμέως	109	203/202	IOSPE III, № 8732
2	Θ καὶ Ρ διὰ Νουμηνίου Π	109	203/202	IOSPE III, № 8878, 8881
3	Θ καὶ Ρ διὰ' Ηρακλέωνος κεραμέως	109	203/202	IOSPE III, № 8766–8767
4	ΒΙΡ διὰ Νουμηνίου κεραμέως	112	200/199	IOSPE III, № 8875–8877
5	Νουμηνίου κεραμέως ΓΙΡ	113	199/198	IOSPE III, № 8879–8880
6	διά Στίχου κεραμέως ΓΙΡ	113	199/198	IOSPE III, № 8980–8981
7	'Αλεξίδης 'αγορανομοῦντος ΒΚΡ	122	190/189	IOSPE III, № 1–2

действия Митридата III и Фарнака I вполне могли нанести существенный ущерб керамическому производству полиса.

Как будет показано ниже, клейма с датами укладываются в период с 203/202 г. по 190/189 г. до Р. Х. и это не противоречит существующему до сих пор мнению, что клеймение в Синопе закончилось со взятием ее Фарнаком I в 183 г. до Р. Х. Тот факт, что после 183 г. до Р. Х. даты более не встречаются, свидетельствует о новом порядке, введенном Фарнаком I, превратившим Синопу в столицу Понтийского государства. Таким образом, заключительный этап клеймения в Синопе совпал с попытками Понта захватить город: в результате осады Митридатом III создались предпосылки к прекращению датировки клейм по магистратам-астиномам и переходу к датированию по неизвестной пока эре, а после объявления ее столицей царства клеймение там, включая и даты по эре, было отменено вовсе.

Теперь попытаемся установить, какая из эр могла лечь в основу датировки немагистратских клейм Синопы. Выше говорилось, что В.И. Цехмистренко предложил усматривать в них местную синопскую городскую эру, начальный год которой приходился якобы на 292 г. до Р. Х. (Цехмистренко В.И., 1967, с. 264). И.Б. Брашинский был осторожнее в этом вопросе; не указывая прямо, что самая ранняя дата по понтийской эре соответствует 188/187 г. до Р. Х.-109 г. эры в клеймах, он отметил только, что "гончарные клейма с датами известны, начиная с 188 г. до н. э." (Брашинский И.Б., 1961, с. 302), т.е. он лишь подразумевал здесь понтийскую (точнее вифино-понтийскую) эру. Используя это наблюдение И.Б. Брашинского, один из авторов данной статьи предположил, что даты в клеймах должны соответствовать понтийской эре с начальным 297 г. до Р. Х. (Федосеев Н.Ф., 1993а, с. 14) и эта группа клейм датируется соответственно 188–184 гг. до Р. Х. – сразу перед тем как после взятия Синопы Фарнаком I в 183 г. до Р. Х. всякие полисные свободы там прекратились вообще (Федосеев Н. Ф., 1993а, с. 14; 1994, с. 190). Понтийской (Ахеменидской, что совершенно неверно) эрой с начальным 296 г. до н. э. считал даты в клеймах Б. Н. Граков, предполагая, что год ГΡ-113 соответствует 183 г. до Р. Х., а год О καὶ Ρ (что также неверно, поскольку на самом деле правильное чтение этой даты будет Θ καὶ Ρ-109) – 126 г. до Р. Х. На этом основании Б.Н. Граков полагал, что клейма с датами нельзя датировать ранее II в. до Р. Х. (Граков Б. Н., 1929, с. 154, 155; см. также: Придик Е. М., 1941, с. 174).

Однако неясно, какое отношение вообще к Синопе имеет эра царей Понта, поскольку только в 183 г. до Р. Х. этот город стал их владением, а ведь, как признается всеми, клейма с датами появились еще до захвата его Понтийским царством в период его полной самостоятельности. К тому же, если учесть существование клейма с датой ΒΚΡ-122 г., то получается, что и до, и после включения Синопы в состав Понта там считали годы по понтийской эре, что на самом деле вряд ли имело место. Ведь использование в этом полисе эры понтийских царей было реально только с вхождением Синопы в состав Понтийского царства, однако, согласно последней хронологической шкале синопского керамического клеймения, его прекращение следует связывать именно с захватом города царем Фарнаком I (Федосеев Н. Ф., 1993б, с. 91; 1994, с. 188–190). Если даже и допустить возможность клеймения гончарной продукции пос-

ле провозглашения Синопы столицей Понтийского царства в 183 г. до Р. Х., то использование в клеймах вифино-понтийской эры с начальным 297 г. до Р. Х. было в это время невозможно, так как Фарнак I отсчитывал годы по особой царской эре, первый год которой приходился на 336 г. до Р. Х. (Лепер Р.Х., 1912, с. 33; Rostovtzeff M.I., Ormerod H., 1932, p. 218; Olshausen E., 1978, S. 403); эту эру мы назвали "эрой Отанидов-Ахеменидов", потомками которых считали себя понтийские цари и на этом основании начинали счет годов своего правления с воцарения на троне Персии последнего из царей династии Ахеменидов – Дария III Кодоманна (Сапрыкин С.Ю., 1989, с. 36–38; 1996, с. 30–34). Вифино-понтийская эра впервые засвидетельствована в Понте только при Митридате V Эвергете сыне Фарнака I, начавшем царствовать около 150 г. до н. э. спустя достаточно времени после официального прекращения клеймения в Синопе. Мы находим ее в постановлении фратрии городка Абонутейх в честь стратега Алкима, датированном правлением Митридата V Эвергета и 161 г. п.э.-137 г. до н. э. (Лепер Р.Х., 1902, с. 153; Reinach T., 1904, p. 20; 1905, p. 113; Сапрыкин С. Ю., 1992, с. 86), а также на двух редких тетрадрахмах этого царя 120-х гг. до Р. Х. (Robert L., 1978, p. 156–162; Waddington W. et al., 1925, p. 13). Впоследствии на монетах и в надписях царя Митридата VI Евпатора она уже фигурирует повсеместно. Попытки усматривать в этих датах селевкидскую эру (Rostovtzeff M.I., Ormerod H., 1932, p. 217; Magie D., 1950, p. 1087, Note 35; Kleiner G., 1953, S. 80, Anm. 25; Burstein S.M., 1980, p. 7; McGing B., 1986, p. 31; Leschhorn W., 1993, S. 81) в настоящее время признаны несостоятельными (Tracy S.V., 1992, p. 307; Сапрыкин С.Ю., 1990, с. 204–209; 1996, с. 25–27). Также несостоятельны и различные спекуляции относительно начального года эры Фарнака I, по которой датирован его двусторонний договор с Херсонесом Таврическим от 179 г. до Р. Х. (IosPE I^2.402), будь то 312 г. до Р. Х. – первый год селевкидской эры, 281 г. до Р. Х. – принятие первым понтийским царем Митридатом I Ктистом царского титула после освобождения Малой Азии от власти Лисимаха или некая эра, которая будто бы положена в основу хронологии правления понтийских царей в позднем сочинении Георгия Синкелла (Перл Г., 1969, с. 41, 42; Tracy S.V., 1992, p. 307; Сапрыкин С.Ю., 1996, с. 25, 26). Поэтому у нас нет пока никаких оснований отказываться от 336 г. до Р. Х. как начала "царской эры Фарнака I" и от 297 г. до Р. Х. как первого года официальной "вифино-понтийской" (или "боспорской", что не совсем правильно) эры, доказывающих, что в Понтийском царстве использовали всего две эры. Учитывая отчаянное сопротивление граждан Синопы попыткам Митридата III и Фарнака I покорить их город (Polyb. IV.56; Strabo XII.3.11), вряд ли горожане до 183 г. до Р. Х. могли пользоваться эрой царей государства (в данном случае так называемой "эрой Фарнака I"), которое было их врагом на протяжении нескольких десятилетий, т.е., по крайней мере, с 220 по 183 гг. до Р. Х. – как раз тогда, когда в Синопе завершился период астиномного клеймения и появились клейма с датами. С некоторой долей сомнения можно было бы допустить, что понтийская эра появилась на клеймах Синопы в результате захвата ее хоры понтийскими царями между 220–183 гг. до Р. Х., так как гончарные мастерские, находившиеся за пределами городских стен, оказались в руках понтийцев. Но это в принципе невозможно, поскольку в таком случае клейма с датами принадлежали бы уже не Синопе, а Понтийскому царству. Крайне сомнительно, чтобы понтийские цари помечали своей "царской" эрой керамическую продукцию, выпускавшуюся в мастерских синопских керамевсов, находившихся на царских землях Понта в то время, когда сама Синопа им еще не принадлежала. Этому противоречит также контроль за выпуском продукции этими мастерскими со стороны синопских полисных магистратов – агораномов (см. выше), как показывает клеймо агоранома Алексида 122 г. Если бы мастерские находились в руках царей Понта, то они являлись бы уже не полисными, а царскими, и в клеймах упоминались бы не синопские керамевсы и агораномы, что признается всеми, а сами понтийские цари или их наместники – собственники этих эргастериев. На это указывает, в частности, практика керамического клеймения в царских мастерских Боспора и Фракии, а также в соседнем с Синопой пафлагонском городе Амастрии.

Отсюда напрашивается вывод, что использование любой из двух понтийских эр в Синопе до 183 г. до Р. Х. практически было невозможно.

Против гипотезы В.И. Цехмистренко, что в данном случае речь может идти о синопской городской эре с 292 г. до Р. Х., уже высказывались И.Б. Брашинский и один из авторов этой статьи (Брашинский И.Б., 1961, с. 302; Федосеев Н.Ф., 1989, с. 154; 1993а, с. 14). К их возражениям, сделанным на основании наблюдений за относительной и абсолютной хронологией синопских керамических клейм, уместно добавить, что в Синопе засвидетельствованы три разные городские эры: вифино-понтийская, которая встречается на медных монетах города квазиавтономного митридатовского чекана в 75/74 г. до Р.Х.-223 г. п.э., что вполне объяснимо, так как в это время Синопа была столицей Понтийской державы Митридата VI Евпатора, официально пользовавшегося означенной эрой; две другие эры – городская на монетах Нервы и эпохи Северов восходят к 45 и 43/42 гг. до Р. Х. соответственно, когда в Синопе появилась колония италиков, и "лукуллова", берущая отсчет с 70 г. до Р. Х., т.е. освобождения от власти Митридата VI, относятся уже к римской эпохе и никакого отношения к клеймам Синопы автономного периода не имеют (Marek Ch., 1993, S. 26, 27; Leschhorn W., 1993, S. 150 сл.). Поскольку использование вифино-понтийской "царской" эры синопейцами до включения их города в состав Понта мы исключили, а предложенный В.И. Цехмистренко в качестве начального для городской эры 292 г. до Р.Х. ни с одним из известных в истории Синопы событий не связан, можно высказать предположение, что клейма с датами никакого отношения к городской эре Синопы не имеют. В таком случае ничто не препятствует заключить, что клейма продатированы по греко-македонской или селевкидской (вавилонской) эре с начальным 312 г. до Р. Х.

Селевкидская эра имела в основе македонский календарь, приравненный к вавилонскому в 245 г. до Р.Х. Еще при жизни Александра Македонского Селевк I ввел сирийские (вавилонские) месяцы под македонскими наименованиями. В 311 г. до Р.Х. он приступил к отсчету годов сатрапствования в Вавилоне и вавилоняне стали считать годы селевкидской эры именно с 3 апреля 311 г. до Р.Х., что, согласно астрономическим таблицам, звучало как "I год Селевка, который соответствует VII году", где VII год = 7 году Александра IV, начинавшемуся в Вавилоне, в I месяце Нишан, т.е. 3 апреля 311 г. до Р. Х. Однако для греков год начинался осенью 312 г. до Р.Х., поскольку, по таблицам Иеремии, первый год принятия Селевком I царского титула в соответствии с олимпийским годом давал промежуток времени между летом 312 г. и летом 311 г. до Р.Х. Став царем, Селевк стал использовать македонский счет годов, поэтому начало первого года эры было отодвинуто к осени 312 г. до Р.Х., когда начинался царский македонский год. Македонский календарь получил широкое распространение на Востоке: им пользовались в городах Малой Азии, в частности в Пергаме и Сардах. Благодаря этому, селевкидская эра получила распространение практически по всей территории Селевкидской державы и в тех районах, которые попали под контроль или в сферу ее влияния. Это Апамея, Эпифания, Эмеса, Дамаск, Пальмира, Тир, Сирия, Финикия, Ливан, Элимаида, Парфия, города Западной и Центральной Малой Азии (Kubitschek W., 1928, S. 70, 74; Samuel A.E., 1972, p. 245, 246; Leschhorn W., 1993, S. 10, 22–35; Бикерман Е., 1975, с. 66, 67). В 301 г. до Р. Х. после битвы при Ипсе северная часть Малой Азии отошла к Лисимаху, а после 281 г. до Р.Х., как результат его поражения в битве при Корупедионе, здесь усилилось влияние Селевка I, а затем Антиоха I. Это особенно касается эллинских городов в Вифинии и Пафлагонии, куда были посланы селевкидские стратеги (Orth W., 1977, S. 39–43; Grainger J.D., 1990, p. 184, 185). В первой половине III в. до н.э. влияние Селевкидов в Малой Азии было достаточно велико, они распространили власть вплоть до Каппадокии. Тогда же селевкидскую эру стали использовать Аполлония на Сальбаке, Табы, Стратоникея, Фиатира, Сарды; за пределами царства Селевкидов эту эру ввели у себя Камос, Триглии, Пруса, Апамея, Александрия – Троада и другие, поэтому, полагают исследователи, греческие полисы вводили у себя селевкидскую эру еще и потому, что, не входя официально в состав Селевкидского государства, стремились

унифицировать собственный календарь и применять наиболее удобную и популярную у эллинов Переднего Востока эру (Leschhorn W., 1993, S. 35).

К сожалению, у нас нет прямых свидетельств использования селевкидской эры в Синопе, однако косвенные данные говорят в пользу этого. В Синопе, древней колонии Милета, в ходу был ионийский или милетский календарь (Robinson D.M., 1905, p. 309, 310, № 40; Leschhorn W., 1993, S. 150–152), но это нисколько не служило препятствием введению селевкидской царской эры, поскольку, согласно А. Самуэлю, "для местного счета годов каждый год эры начинался в соответствии с календарем, который применялся на данной территории" (Samuel A.E., 1972, p. 245), так что древний милетский календарь вполне мог сосуществовать с селевкидской эрой, наиболее популярной в греческих городах Малой Азии. К тому же греко-македонское влияние в Синопе имело давние традиции, особенно сильные после падения Антигона и перехода северного побережья Малой Азии под власть Лисимаха. С 281 г. до н.э. влияние Селевка I в этих районах стало возрастать, что подтверждается циркулированием там серебряных монет селевкидских царей с середины III в. до Р.Х. (Robinson D., 1906, p. 248, 249; Six J., 1885, p. 43–46). Не исключено даже, что после 281 г. до Р.Х. в Синопе, по примеру других городов Малой Азии, был введен культ Селевка I, победителя Лисимаха, поскольку почти все унаследованные победителем от предшественника греческие полисы получили от него подтверждение автономии и свободы (Seyrig H., 1958, p. 620; Bellinger A.R., 1963, p. 91; Hadley R.A., 1964, p. 87, 88). Любопытно, что в Пергаме при Филетере и Евмене I применялась селевкидская эра, хотя оба служили ранее Лисимаху и были оставлены им фрурархами соответственно в Пергаме и Амастрии, соседнем с Синопой пафлагонском городе; позднее Евмен сменил Филетера на пергамском престоле. Известно также, что после 290 г. до Р.Х. Филетер чеканил в Пергаме лисимаховские монеты с головой Александра Македонского в образе бога Аммона (Cahn H., 1971, S. 20; Leschhorn W., 1993, S. 24). В III в. до Р. Х. и Синопа выпускала монеты посмертной александровской чеканки (Price M.J., 1991, p. 198–202). Это показывает, что в районах, сначала находившихся под властью Лисимаха, а затем попавших под господство и влияние Селевкидов, могла использоваться селевкидская эра. А это означает, что подобная эра могла быть введена в это время и в Синопе, тем более что в конце правления Селевка I в соседней Каппадокии были выпущены его монеты с титулом царя (Newell E., 1941, p. 239; Davesne A., Le Rider G., 1989, p. 92, № 1962–1972), подтверждающие усиление влияния Селевкидов в этом районе после гибели Лисимаха.

Таким образом, есть веские основания полагать, что в Синопе и, возможно, в других городах Пафлагонии и прилегающих областей применялась селевкидская эра, первый начальный год которой приходился на осень 312 г. до Р.Х. Следовательно, клейма, завершавшие более чем полуторавековой период керамического клеймения в Синопе, могли иметь даты по селевкидской эре, и тогда они приходятся на конец III – начало II в. до Р.Х., что полностью совпадает с новой хронологической классификацией астиномных клейм Синопы (Федосеев Н.Ф., 1992, с. 147–162; 1993а, с. 11–15). В таком случае даты в клеймах соответствуют тем годам до Р.Х., которые приведены в сводной таблице.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бикерман Э., 1975. Хронология древнего мира. М.

Брашинский И.Б., 1961. Успехи керамической эпиграфики // СА. № 2.

Брашинский И.Б., 1963. Экономические связи Синопы в IV–II вв. до н.э. // Античный город. М.

Граков Б.Н., 1929. Древне-греческие керамические клейма с именами астиномов. М.

Лепер Р.Х., 1902. Греческая надпись из Инеболи // ИРАИК. Т. VIII.

Лепер Р.Х., 1912. Херсонесские надписи // ИАК. Вып. 45.

Максимова М.И., 1956. Античные города Юго-Восточного Причерноморья. М.; Л.

Перл Г., 1969. Эры Вифинского, Понтийского и Боспорского царств // ВДИ. № 3.

Придик Е.М., 1941. Керамические надписи из раскопок Тиритаки и Мирмекия в 1932–1934 гг. // Археологические памятники Боспора и Херсонеса. МИА. № 4.
Сапрыкин С.Ю., 1989. Происхождение династии Митридатидов // Скифия и Боспор. Археологические материалы и конференции памяти академика М.И. Ростовцева. Тезисы. Новочеркасск.
Сапрыкин С.Ю., 1990. Рецензия на Книгу: McGing B. The Foreign Policy of Mithridates VI Eupator, King of Pontus. Leiden, 1986. // ВДИ. № 2.
Сапрыкин С.Ю., 1992. Структура земельных отношений в Понтийском царстве // Эллинизм: Восток и Запад. М.
Сапрыкин С.Ю., 1996. Понтийское царство. М.
Федосеев Н.Ф., 1989. Итоги и перспективы изучения синопских керамических клейм // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Тезисы докладов, посвященных 90-летию Б.Н. Гракова. Т. I. Запорожье.
Федосеев Н.Ф., 1992. Итоги и перспективы изучения синопских керамических клейм // Греческие амфоры. Саратов.
Федосеев Н.Ф., 1993а. Синопские керамические клейма как источник по политической и экономической истории Понта. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М.
Федосеев Н.Ф., 1993б. Уточненный список магистратов, контролировавших керамическое производство в Синопе // ВДИ. № 2.
Федосеев Н.Ф., 1994. Хронология синопских магистратских клейм // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья Тезисы. Т. II. Запорожье.
Цехмистренко В.И., 1960. Синопские керамические клейма с именами гончарных мастеров // СА. № 3.
Цехмистренко В.И., 1963. Клейма как источник для изучения керамического производства в Синопе в IV–II вв. до н.э. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М.
Цехмистренко В.И., 1967. Из истории изучения синопских керамических клейм // Ученые записки Марийского ГПИ. № 27. Йошкар-Ола.
Шелов Д.Б., 1975. Керамические клейма из Танаиса III–I вв. до н.э. М.
Bellinger A.R., 1963. Essays on the Coinage of Alexander the Great. New York.
Burstein S.M., 1980. The Aftermath of the Peace of Apamea: Rome and the Pontic War // AJAH. V. 5.
Cahn H., 1971. Frühellenistische Münzkunst. Basel.
Davesne A., Le Rider G., 1989. La trésor de Meydancikkale (Cilicie Trachée, 1980). T. I. Paris.
Grace V., 1956. Stamped Wine Jar Fragments. Pnyx // Hesperia. Suppl. X. Princeton.
Grainger J.D., 1990. Seleukos Nikator. Constructing a Hellenistic Kingdom. London; New York.
Hadley R.A., 1964. Deified Kingship and Propaganda. Coinage in the Early Hellenistic Age. Ann Arbor.
Kassab Tezgör D., 1995. Sinop'ta seramik ve anfora atölyelerinin incelenmesi // Kasi Sonuglar Toplartisi. T. XVI. Ankara.
Kleiner G., 1953. Bildnis und Gestalt des Mithridates // JDAI. B. 68.
Kubitschek W., 1928. Gründriss der Antiken Zeitrechnung. München.
Leschhorn W., 1993. Antike Ären. Stuttgart.
Magie D., 1950. Roman Rule in Asia Minor. V. I–II. Princeton.
Marek Chr., 1993. Stadt, Ära und Territorium in Pontus-Bithynia und Nord-Galatia. Tübingen.
McGing B., 1986. The Foreign Policy of Mithridates VI Eupator, King of Pontus. Leiden.
Newell E., 1941. The Coinage of the Western Seleucid Mints. New York.
Olshausen E., 1978. Pontos // RE. Supplbd. XV. Stuttgart.
Orth W., 1977. Königlicher Machtanspruch und Städtische Freiheit. München.
Price M.J., 1991. The Coinage in the Name of Alexander the Great and Philip Arrhidaeus. A British Museum Catalogue. V. I–II Zürich; London.
Reinach T., 1904. Bulletin épigraphique // REG. V. 17. Paris.
Reinach T., 1905. A Stele from Abonuteichos // NC. V. 5. Ser. 4.
Robert L., 1978. Tetradrachmes de Mithridate V Euerget // JdS. Juillet–septembre. Paris.
Robinson D.M., 1905. Greek and Latin Inscriptions from Sinope and Environs // AJA. V. IX. № 3.
Robinson D.M., 1906. Ancient Sinope. Baltimore.
Rostovtzeff M.I., Ormerod H., 1932. Pontus and Its' Neighbours // CAH. V. IX.
Samuel A.E., 1972. Greek and Roman Chronology. Calendars and Years in Classical Antiquity. München.

Seyrig H., 1958. Parion au 3e siecle avant nôtre ère // Centennial Publication of the American Numismatic Society. New York.
Six J., 1885. Sinope // NC. V. 5. Ser. 3.
Tracy S.V., 1992. The Date of IG XI. 1056 and Pharnakes I of Pontos // AM. B. 107.
Waddington W., Babelon E., Reinach T., 1925. Recueil général des monnaies grecques d'Asie Mineure. V. I. Ed. 2. Fasc. 1. Paris.

Институт всеобщей истории РАН, Москва.
Керченский музей-заповедник.

S.Y. SAPRYKIN, N.F. FEDOSEEV

SEAL STAMPS OF SINOPE WITH DATES

Summary

The paper reviews seal stamps of the final chronological group that is related to Sinopa and that have dates. These seal stamps are dated to the following years – 109, 112, 113, 122 – and, in contrast to most Sinopa seal stamps, these have neither the name of astinomos nor the indication of their magistrates. It is only possible to read the names of potters–ceramists and just in one case – the name and the position of the agoranomos. The paper presents arguments against the opinion of those who thought that the age in these seal stamps was local and against those who thought this age to be the Age of Pontus kings. The authors come to the conclusion that the age indicated in these seal stamps is the Seleucia age, 312 being the initial year BC, that is why this group of seal stamps should be dated to 203 – 189 BC; it coincides completely with a recently offered new chronological scale of Sinopa ceramics sealing which begins in the 4th century BC and terminates when Sinopa was captured by the Pontus king Farnaces I in 183 BC.

И.Н. ХРАПУНОВ

О НАСЕЛЕНИИ КРЫМА В ПОЗДНЕРИМСКОЕ ВРЕМЯ

(по материалам могильника Дружное)

Могильник расположен в 20 км к юго-востоку от Симферополя, вблизи с. Дружное. Он находится на склоне горы Шпиль, на высоте 500 м над уровнем моря. Могильник впервые упомянут в статье Г.И. Мосберг (Мосберг Г.И., 1946). В 1984 г. А.И. Айбабин раскопал склеп и подбойную могилу.

На площади свыше 5000 м^2 исследовано 86 погребальных сооружений. Из них 25 склепов, 32 подбойные могилы, 15 грунтовых могил с погребением людей и 14 грунтовых могил с захоронениями коней. Памятник частично уничтожен карьером, сохранившаяся его часть изучена полностью (Храпунов И.Н. и др., 1994; Chrapunov I.N., 1995).

Все склепы однотипны. Каждый из них состоит из входной ямы, дромоса и погребальной камеры (рис. 1, *1*). Входные ямы прямоугольные в плане, размером 2,3–2,8 × 0,65–1,3 м. Они ориентированы с юго-запада на северо-восток. В противоположной дромосу юго-западной стенке входной ямы иногда делались две-три ступеньки. В длинных стенах входных ям в некоторых случаях устраивались подбои-кенотафы, закрытые мощными каменными закладами.

Дромосы выкапывались в северо-восточных стенках входных ям. Они узкие (0,6–0,8 м) и короткие (до 0,4 м) с полукруглым сводом высотой 0,6–0,7 м. Входы в дромосы закрывались крупными каменными плитами, щели между плитами закладывались мелкими камнями.

Полы погребальных камер находились на 0,15–0,3 м ниже полов дромосов, переходы оформлены в виде ступенек. Погребальные камеры подпрямоугольные или трапециевидные в плане, размером 2,5–2,8 × 2,9–4,1 м. Их длинные оси перпендикулярны длинным осям дромосов и входных ям. Потолки обвалились, но есть все основания предполагать, что высота погребальных камер не превышала 1,2–1,3 м. На высоте 0,7–0,8 м от пола в стенках погребальных камер вырубались ниши. Обычно по одной, напротив входа, но иногда и по две-три. В одной из ниш стоял стеклянный стакан.

В неограбленных склепах зафиксировано от трех до десяти костяков (обычно шесть – восемь). Захоронения совершены в вытянутом положении на спине, головами на северо-восток, реже на юго-запад, иными словами, ногами или головами ко входу. Изредка последнего погребенного клали перпендикулярно входу. В одном из склепов захоронения совершались в два яруса. В другом склепе находилось погребение коня, вероятно, расчлененного, а затем сложенного в относительном анатомическом порядке.

Керамические сосуды обычно ставили у стены, противоположной входу, в несколько рядов и ярусов (до 50 в одном склепе). Иногда они находились у входа или рядом с костяками. В них лежали кости животных, рыб, птиц, яичная скорлупа, однажды – грецкий орех.

На костяках или рядом с ними обнаружены многочисленные украшения, детали костюма, орудия труда, предметы вооружения и конской сбруи.

Подбойные могилы ориентированы с юго-запада на северо-восток, состоят из

© И.Н. Храпунов, 1999 г.

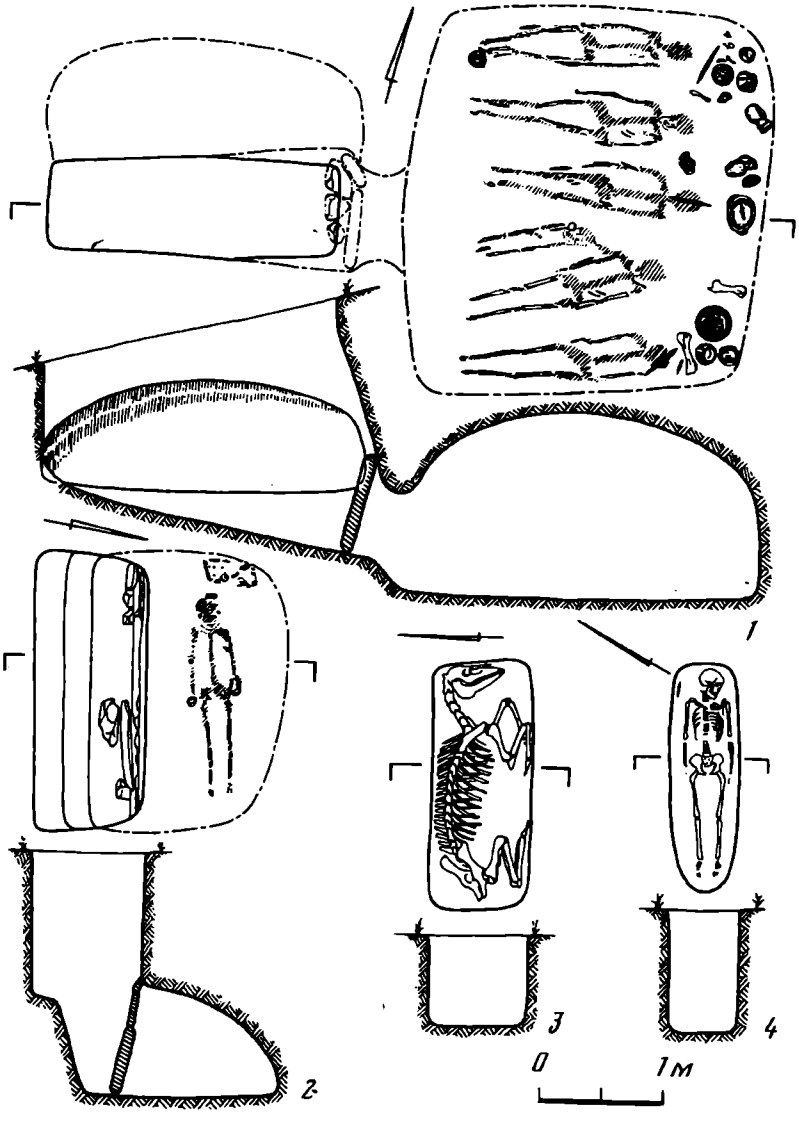


Рис. 1. *1* – склеп № 18; *2* – подбойная могила № 24; *3* – грунтовая могила № 62; *4* – грунтовая могила № 53

прямоугольной в плане входной ямы размером 1,3–2,5 × 0,35–0,8 м и вырубленных в ее длинных стенках одного или двух подбоев (рис. 1, *2*). Вход в подбой закрывался плоскими плитами и бутовыми камнями. Дно подбоя обычно расположено на 0,15–0,3 м ниже дна входной ямы. Изредка в стенках подбоев делались ниши. Чаще всего подбой предназначался для одного погребенного, но зафиксированы случаи многократных (до пяти) и двух-трехъярусных захоронений. Преобладает положение погребенных головой на северо-восток, но отмечены случаи противоположной, юго-западной ориентировки. Порядок размещения и набор инвентаря в целом такие же, как и в склепах.

Грунтовые могилы, предназначенные для погребения людей, подпрямоугольные в плане, ориентированы в большинстве случаев с юго-запада на северо-восток (рис. 1, *4*). Их размеры 1,65–2,3 × 0,5–1,1 м, глубина 0,5–0,8 м. Костяки расположены вытянуто на спине, головой на северо-восток. Инвентарь или отсутствует, или очень беден: один-два лепных сосуда, нож или пряслице.

Грунтовые могилы с захоронениями коней обычно большей глубины – до 1,6 м, хотя встречаются и неглубокие (рис. 1, *3*). Они ориентированы с юго-запада на северо-восток. Животных клали в могилы на левом боку с сильно подогнутыми ногами, головами на северо-восток. Все конские захоронения безынвентарны.

При исследовании могильника найдено несколько тысяч разнообразных изделий. В одной статье опубликовать и проанализировать их невозможно, поэтому мы сосредоточимся только на одной проблеме: возможности интерпретации полученных при раскопках материалов для этнологических реконструкций. Оставляя в стороне такой важный аспект, как хронология памятника, констатируем, что могильник возник в середине III в. н.э. и перестал использоваться во второй половине IV в. н.э.

В поисках этнокультурной принадлежности людей, оставивших могильник, можно выделить четыре группы элементов материальной культуры.

1. Северокавказская, аланская. Среди этой группы признаков в первую очередь должны быть названы склепы описанной выше конструкции. Они не имеют прототипов в Крыму. От предшествующих позднескифских их отделяет хронологический хиатус. Поздние скифы перестали сооружать склепы, по-видимому, в I – начале II в. н.э., хотя и использовали их для повторных захоронений во II–III вв. н.э. (Высотская Т.Н., 1994, с. 138; Сымонович Э.А., 1983, с. 101). Кроме того, они отличаются различными деталями конструкции, причем особенно заметно отсутствие дромоса, соединяющего входную яму и погребальную камеру. Только два позднескифских склепа могут быть сопоставлены с погребальными сооружениями позднеримского времени и конструктивно, и в какой-то мере хронологически. Это самый поздний склеп № 108 Усть-альминского могильника (Высотская Т.Н., 1994, с. 53, 55, рис. 22, *4*), который суммарно датируется II–III вв. н.э. и особенно склеп 1949 г. на некрополе Неаполя скифского с монетой Септимия Севера (Дашевская О.Д., 1951). Заметим, что топографически он занимает в могильнике особое положение, находясь от стен города значительно дальше, чем остальные склепы.

На Северном Кавказе склепы с узкими и короткими дромосами появляются во II в. до н.э. (Керефов Б.М., 1988, с. 103) и затем, трансформируясь, но не утрачивая этой важной конструктивной детали, существуют вплоть до средневековья, становясь неотъемлемым элементом аланской культуры (Кузнецов В.А., 1973, с. 62 сл.). Крымские и кавказские склепы позднеримского времени практически аналогичны, различаясь лишь сводом погребальных камер, которые на Кавказе чаще всего имеют стрельчатую форму (Абрамова М.П., 1975). На других территориях погребальные сооружения подобной конструкции неизвестны. Таким образом, представляется очень вероятным, что традиция сооружать склепы, подобные дружненским, была привнесена в Крым аланами, переселившимися с Северного Кавказа. Кроме Дружного, они обнаружены в синхронных крымских могильниках Перевальное (Пуздровский А.Е., 1994), Нейзац (Высотская Т.Н., Махнева О.А., 1983, с. 73–79), Озерное III (Лобода И.И., 1977), Чернореченский (Бабенчиков В.П., 1963), Инкерманский (Веймарн Е.В., 1963). В конце IV – начале V в. н.э. появляются новые некрополи, например Скалистое, где на протяжении нескольких столетий сохраняется та же традиция (Веймарн Е.В., Айбабин А.И., 1993, с. 198, рис. 2, 6 сл.).

В Дружном найдено несколько сотен лепных сосудов. Среди них особенно многочисленны миски, кружки и кувшины, гораздо меньше горшков (рис. 2, *7, 9*; 3, *4, 7, 8*). Здесь нет возможности подробно проанализировать эту самую многочисленную в могильнике категорию находок. Отметим только следующее. Комплекс лепной керамики из Дружного в целом резко отличается от предшествующей ему в Крыму позднескифской посуды (наиболее полную сводку позднескифской лепной керамики см.: Дашевская О.Д., 1991, с. 15–19, 28–31, табл. 48–52). Немного аналогий найдется и среди сарматской керамики Поволжья, Подонья и Северного Причерноморья. Зато весьма близкий крымскому комплекс лепной посуды обнаруживается в памятниках Северного Кавказа сарматского и средневекового времени. Сходство крымской и северокавказской керамики особенно существенно в свете того факта, что этот признак по существу единственный, отличающий инвентарь сарматских захоронений Северного Кавказа II–IV вв. н.э. от найденного в любой другой области сарматского мира (Виноградов В.Б., 1963, с. 94).

Среди северокавказских памятников можно подобрать многие аналогии сосудам,

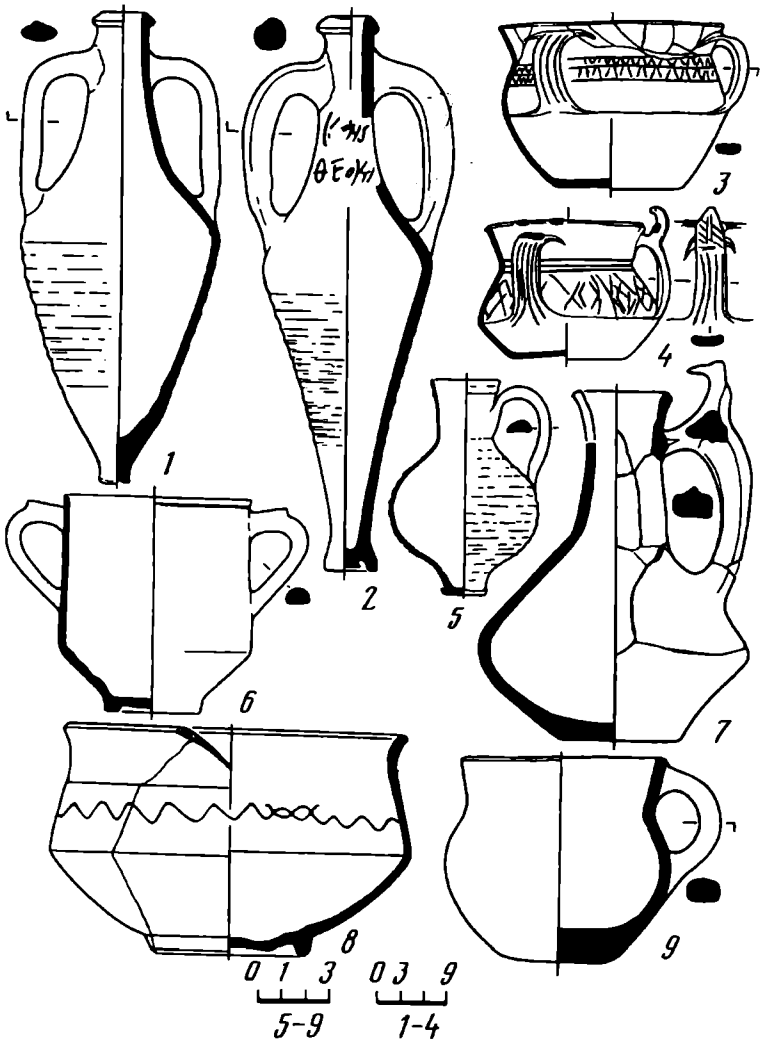


Рис. 2. *1, 2* – амфоры; *3, 4, 7, 9* – лепные сосуды; *5, 6* – краснолаковые сосуды; *8* – гончарная миска

найденным в Дружном. Однако гораздо более показателен набор категорий керамических сосудов. На Северном Кавказе, как и в Дружном, преобладают кувшины, кружки и миски, в то время как у поздних скифов в Крыму и у сармат восточноевропейской степи в керамическом комплексе превалировали горшки и миски. Кружки, например, во множестве встречаются при раскопках северокавказских предгорных поселений (Аржанцева И.А., Деопик Д.В., 1989, с. 84) и могильников (Абрамова М.П., 1993, с. 47–49, 138–142, 158–160) последних веков до н.э. – первых веков н.э., а в средние века становятся на этих территориях у алан самым распространенным типом посуды (Кузнецов В.А., 1962, с. 31, 32, 60, 83, 84, 108–114, рис. 3, 15, 24, 27). До возникновения могильника Дружное в Крыму кружки бытовали (Дашевская О.Д., 1991, с. 16, табл. 11, *5, 6*; 12, *9*; 15, *1*; Храпунов И.Н., 1991, рис. 21, *16*), но их количество в сравнении с другими категориями посуды было очень невелико. В крымских памятниках позднеримского времени среди лепной посуды кружки по количеству занимают второе место после мисок.

Конечно, сходство северокавказских и крымских керамических комплексов позднеримского времени не полное. На Кавказе много ритуальных сосудов и так называемых корчаг, отсутствующих в Крыму, в Дружном найдены двуручные (рис. 3, *9*) и трехручные (рис. 2, *3, 4*) сосуды, не имеющие аналогий за пределами Крыма. На Кавказе в позднеримское время почти вся керамика гончарная, а в Крыму исключительно лепная. Такой признак, как зооморфные ручки, можно назвать общим для

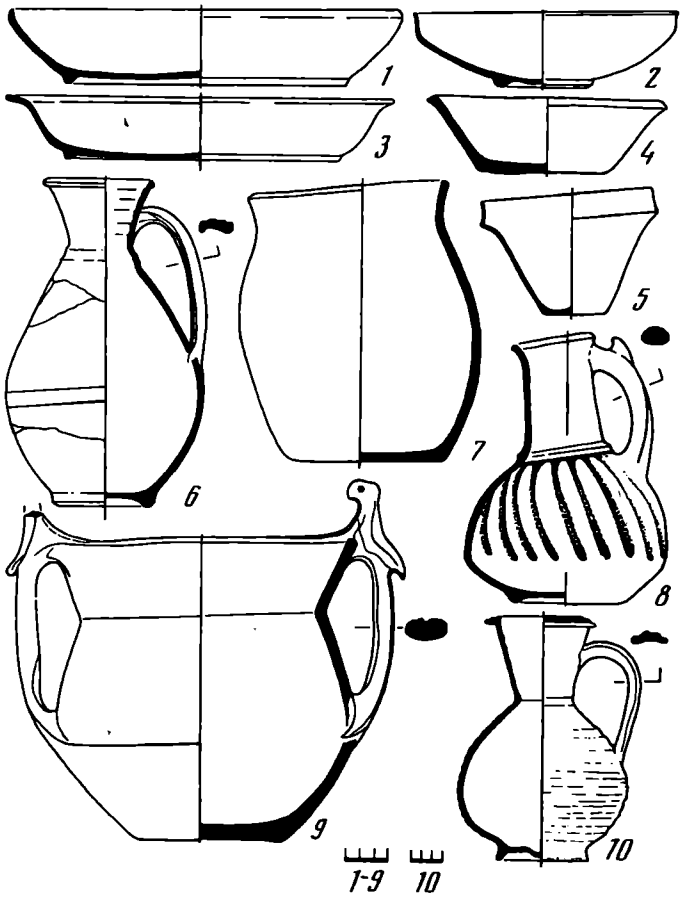


Рис. 3. *1–3, 5, 6, 10* – краснолаковые сосуды; *4, 7, 9* – лепные сосуды

всего сарматского мира, включая и Крым, и Кавказ. Причем в данном случае не имеет значения, под влиянием Закавказья или восточноевропейских степей сложилась на Северном Кавказе традиция производства таких сосудов (Абрамова М.П., 1984).

В целом можно заключить, что керамический комплекс из Дружного, представляя собой продукцию местных мастеров, сложился под заметным северокавказским влиянием.

В крымских позднеримских могильниках керамика очень близка, хотя и не полностью аналогична, дружненской. То же можно сказать и о раннесредневековых некрополях Скалистое (Веймарн Е.В., Айбабин А.И., 1993, рис. 4, *14*; 5, *2, 3* сл.) и Лучистое[1].

Мечи и кинжалы в могильнике Дружное представлены единственным типом – без металлического навершия, с вырезами у пяты клинка (рис. 4, *5*). А.М. Хазанов, отмечая большое количество находок мечей указанного типа на Северном Кавказе, считал их родиной именно этот регион (Хазанов А.М., 1971, с. 24). После публикации сводки сарматского оружия новые находки были сделаны на Кавказе (Анфимов Н.В., 1980, с. 102, 103, рис. 10, *5*; Дмитриев А.В., 1982, с. 82, 90, рис. 5, *46*; 8, *26*) и в крымских могильниках Озерное III (Лобода И.И., 1977, с. 245, 248, рис. 6, *12, 13*; 7, *12*; 8, *4*), Лучистое, Дружное (около 20 экз.). Единичные находки коротких мечей с вырезами у пяты клинка известны в ареале черняховской культуры (Harhoiu R., 1988; Kokowski A., 1993, p. 336, fig. 2i, 8j; Ščukin M.B., 1993, p. 327). Однако в целом для этой культуры они совсем не характерны. То обстоятельство, что почти все мечи данного типа

[1] Благодарю А.И. Айбабина за предоставленную возможность ознакомиться с неопубликованными материалами из этого могильника.

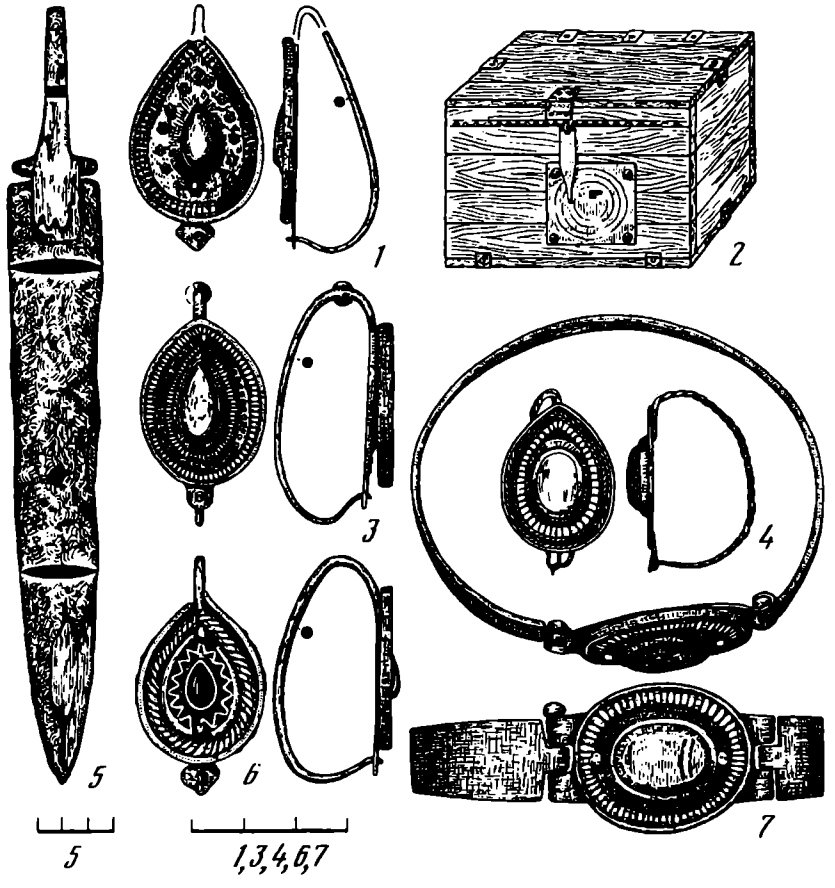


Рис. 4. *1, 3* – серебряные серьги с сердоликовыми вставками; *2* – деревянная шкатулка с бронзовыми накладками (реконструкция С.А. Мульда); *4* – золотая серьга с сердоликовой вставкой; *5* – железный кинжал; *6* – серебряная серьга со стеклянной вставкой; *7* – серебряный браслет с сердоликовой вставкой

найдены в Крыму и на Кавказе, заставляет предполагать либо переселение людей из одного региона в другой, либо тесные контакты между ними. Важно подчеркнуть, что в обоих регионах во всех случаях, когда мечи были обнаружены in situ, они лежали на плечах или головах погребенных воинов.

2. Общесарматская. Одним из наиболее характерных признаков сарматской культуры являются подбойные могибы. В позднесарматское время они распространены на всех территориях, занятых сарматами (Мошкова М.Г., 1989, с. 192), а также в античных государствах Северного Причерноморья (Масленников А.А., 1990, с. 25–27, 88; Зубарь В.М., 1982, с. 17–19), у поздних скифов в Крыму (Богданова Н.А., 1982, с. 32; Сымонович Э.А., 1983, с. 59 сл.; Пуздровский А.Е., 1992) и на Днепре (Гей О.А., 1987, с. 54, 57, 59). Из подбойных могил в значительной степени состоят одновременные дружненскому Инкерманский и Чернореченский некрополи (Веймарн Е.В., 1963, с. 16–29; Бабенчиков В.П., 1963, с. 91–112), иногда они встречаются в черняховских могильниках, особенно в Причерноморье (Никитина Г.В., 1985, с. 49, 50). Во всех случаях наличие подбойных могил рассматривается исследователями как результат сарматского влияния. Пожалуй, единственная территория из заселенных сарматами или испытывавших их сильное влияние, где нет подбойных могил, – это предгорья Северного Кавказа.

Погребения коней известны у всех восточноевропейских ираноязычных народов, в том числе и у сарматов. Конские захоронения открыты на Северном Кавказе (Керефов Б.М., 1988, с. 79) и в синхронных Дружненскому крымских некрополях (Бабенчиков В.П., 1963, с. 121; Пуздровский А.Е., 1994, с. 55). Отличительными особеннос-

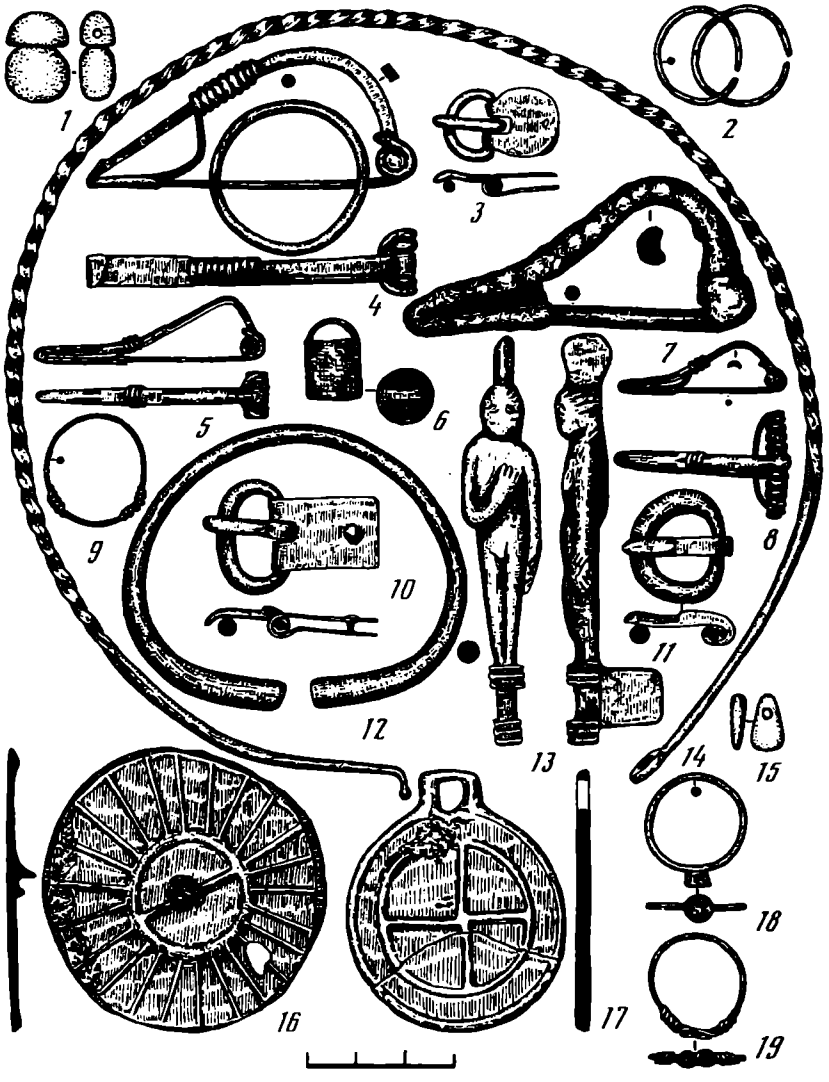


Рис. 5. *1* – восьмеркообразная подвеска; *2* – серьги; *3, 10, 11* – пряжки; *4, 5, 7, 8* – фибулы; *6* – ведеркообразная подвеска; *9, 18, 19* – кольца; *12* – браслет; *13* – ключ; *14* – гривна; *15* – подвеска в виде топорика; *16, 17* – зеркала. *1, 15* – янтарь; *2–5, 8–12, 16–19* – серебро; *6, 7* – железо; *13, 14* – бронза

тями могильника Дружное являются большое количество конских погребений и захоронение животных в склепах.

Двучленные лучковые подвязные фибулы (рис. 5, *4*) часто встречаются на всех территориях, заселенных сарматами (Амброз А.К., 1966, с. 52, 53, табл. 22, *2*). Обычай надевать на фибулы кольца – локальный, крымский. Он появился в позднескифское время и сохранялся в позднеримскую эпоху (иногда вместо колец использовались браслеты, височные кольца или перстни) (Сымонович Э.А., 1983, табл. XXVIII, *3, 6*; Гущина И.И., 1974, с. 41, 53, 54, рис. VI, *19*; VII, *16*; Богданова Н.А., 1976, с. 144, рис. 2, *27*; 4, *32*; 5, *12*; Орлов К.К., 1987, с. 112, 129, рис. 4, 9, 11). Довольно часто в сарматских комплексах встречаются ложновитые гривны, аналогичные найденной в Дружном (рис. 5, *14*) (Безуглов С., Захаров А., 1989, с. 56, рис. 2, *2*). Еще более характерно для сарматов использование зеркал с боковым ушком (рис. 5, *17*) и с петелькой в центре (рис. 5, *16*) (соответственно типы IX и X по А.М. Хазанову) (Хазанов А.М., 1963, с. 65, 67). Аналогии браслетам, кольцам, височным подвескам (рис. 5, *2, 9, 12, 18, 19*) среди сарматских древностей столь многочисленны, что нет смысла пытаться привести их в данной работе.

В некоторых могилах одежда погребенных была расшита бусами. В двух случаях расположение бус в могиле позволяет предполагать наличие покрывала. Украшение одежды большим количеством бус – общепризнанный сарматский обычай, украшенные бусами покрывала обнаружены в погребениях "Золотого кладбища" на Кубани (Гущина И.И., Засецкая И.П., 1994, с. 20).

3. "Готская". Во всяком случае вещи, о которых пойдет речь, появились в Крыму после того, как письменные источники зафиксировали появление готов в Северном Причерноморье. Все они имеют множество аналогий и, по-видимому, происходят из ареала культур, формировавшихся при участии готов. Так, прогнутые подвязные фибулы (рис. 5, *5, 8*) – едва ли не самая распространенная категория застежек, обнаруженных в черняховских погребениях (Амброз А.К., 1966, с. 61; Шаров О.В., 1992, с. 179–184; Bierbrauer V., 1994a, p. 38).

Достаточно часто они встречаются при раскопках пшеворских и восточнопоморанско-мазовецких памятников (Godlowski K., 1970, p. 19, 38, pl. II, *5, 6*; VII, *1, 2*). По обоснованному мнению А.К. Амброза, двучленные "воинские" фибулы, подобные найденным в Дружном (рис. 5, *7*), появились в Северной и Средней Европе, а затем распространились на территорию Украины, главным образом в пределы черняховской культуры (Амброз А.К., 1966, с. 70). Оба типа фибул и до раскопок в Дружном были известны в Крыму благодаря исследованиям других могильников позднеримского времени (Айбабин А.И., 1990, с. 18).

Ведеркообразные подвески (рис. 5, *6*) бытовали в северопричерноморских античных городах во II–I вв. до н.э. На рубеже н.э. они вместе с сарматами попадают на запад и заимствуются германцами. С племенами, входившими в готский союз, они вновь распространяются в Северном Причерноморье в середине III в. н.э. (Бажан И.А., Каргопольцев С.Ю., 1989, с. 169).

В Дружном обнаружен 31 экз. восмерковидных янтарных подвесок (рис. 5, *1*). Находки подвесок этого типа сконцентрированы в Померании, Мазурии, Центральной Германии, Богемии (Tempelmann-Maczyńska M., 1985, S. 84–86, Taf. 18, 471a-n; 70), очень много их в ареале черняховской культуры (см., например: Рафалович И.А., 1986, с. 138 сл., табл. XXI, 5; XLVI, 6, 7 и др.). Е.М. Алексеева, именующая янтарные подвески "грибовидными", перечислила северопричерноморские находки (Алексеева Е.М., 1978, с. 25). Обнаружены они и в однокультурных и синхронных Дружненскому Инкерманском и Чернореченском могильниках (Веймарн Е.В., 1963, с. 20, рис. 2, 3; Бабенчиков В.П., 1963, с. 93, табл. III, *17, 18*).

Четыре янтарные подвески в виде стилизованных топориков (рис. 5, *15*) в Дружном во всех случаях найдены вместе с восьмерковидными подвесками. Они имеют аналогии на территории Померании и Мазурии (Tempelmann-Maczynska M., 1985, S. 72, Taf. 15, 416a-c; 65).

В склепе № 78 между коленными суставами одного из костяков лежали две крупные раковины каури, в одну из которых продето бронзовое проволочное кольцо. Раковины каури нередко встречаются в черняховских могильниках. Здесь отметим находку раковины между ногами погребенной в могиле № 28 Ружичанского могильника (Винокур И.С., 1979, с. 120) и раковину с продетой в нее проволокой из могильника близ Сум (Bierbrauer V., 1994a, S. 86, Fig. 123, g). Раковины каури с продетыми в них проволочными кольцами найдены в сарматских погребениях на территории Венгрии (Vaday A., 1989, S. 281, 288, 290, Taf. 149, *8*; 153, *6*; 157), а также в вельбарских могильниках (Bierbrauer V., 1994b, S. 56, Fig. 2).

В Дружном обнаружено несколько десятков серебряных и бронзовых пряжек (рис. 5, *3, 10, 11*). Однотипные изделия обычны для черняховской культуры (Славяне и их соседи..., 1993, табл. LXVI; Ionita I., 1986, s. 297), встречаются на памятниках пшеворской и восточнопоморанско-мазовецкой культур (Godlowski K., 1970, p. 26, pl. IV, *2*; p. 40, pl. IX, *12, 15* и, естественно, широко распространены в одновременных дружненскому крымских могильниках (Айбабин А.И., 1990, с. 28).

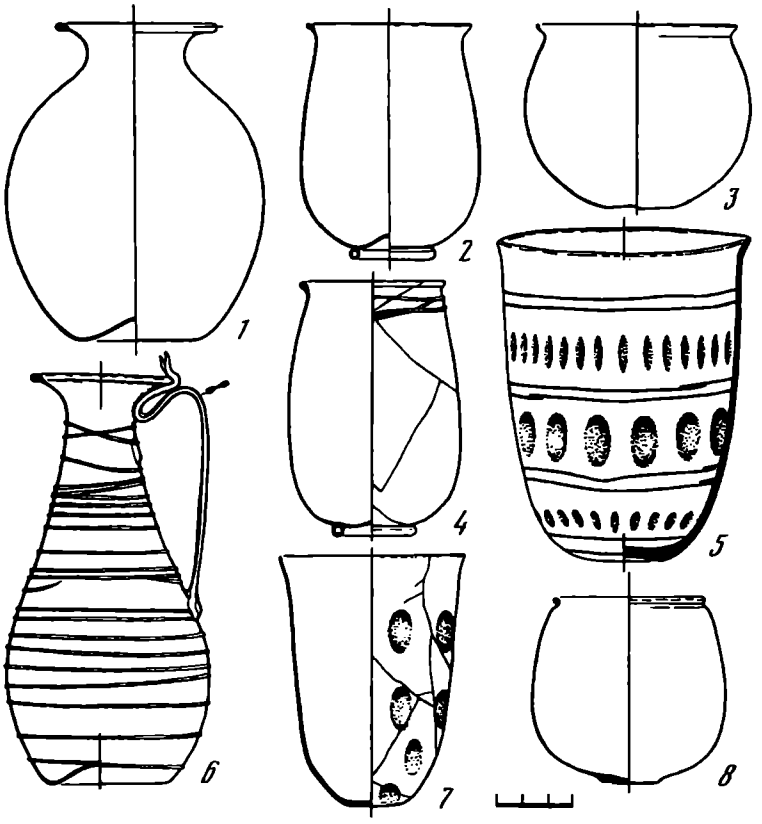


Рис. 6. *1–8* – стеклянные сосуды

Гончарные миски, представляющие собой одну из самых типичных категорий керамики для черняховских памятников (Баран В.Д., 1981, с. 85; Магомедов Б.В., 1979, с. 42, табл. XI, *2*; Сымонович Э.А., 1979, с. 85, рис. 5, *7*), найдены в Дружном в буквально единичных экземплярах (рис. 2, *8*).

4. Провинциальная позднеантичная. К ней могут быть отнесены амфоры (рис. 2, *1*, *2*) типов D и F по классификации Д.Б. Шелова (1978, с. 19), разнообразные краснолаковые (рис. 2, *5*, *6*; 3, *1–3*, *5*, *6*, *10*) и стеклянные (рис. 6, *1–8*) сосуды.

Шкатулки или ларцы (рис. 4, *2*) и ключи от них (рис. 5, *13*) в качестве погребального инвентаря широко использовались в античных городах, кроме того, их находят в сарматских подкурганных погребениях, на территории римских провинций, у поздних скифов (Сокольский Н.И., 1971, с. 123–138).

Золотые (рис. 4, *4*) и серебряные (рис. 4, *1*, *3*, *6*) серьги, а также серебряные браслеты (рис. 4, *7*) украшались сердоликовыми или (в одном случае) стеклянными вставками. Щитки серебряных изделий покрывались золотой фольгой с рельефным орнаментом. Вещи подобного стиля, обнаруженные на юге России, в Польше, Словакии, Дании, Германии, Скандинавии, А.К. Амброз отнес к продукции провинциально-римских мастерских (Амброз А.К., 1992, с. 8, 9).

Серьги, близкие (но не идентичные) дружненским, довольно многочисленны в Северном Причерноморье (Безуглов С., Захаров А., 1989, с. 44, 55, 56, рис. 2, *1*; 4, *2*; Гущина И.И., 1966, с. 74, рис. 1, *6*; 1974, с. 33, 41, 52, рис. IV, *4*; Савовський І.П., 1977, с. 65, 66, рис. 5, *2*; Бабенчиков В.П., 1963, с. 92, 93, 98, табл. II, *13*, *14*). Браслетам из опубликованных материалов известна единственная аналогия – в Чернореченском могильнике (Бабенчиков В.П., 1963, с. 99, табл. XIII, *1*).

При раскопках могильника найдено 13 монет[2]. Одна из них представляет собой

[2] Определение В.А. Сидоренко.

боспорский деградированный статер второй половины III – начала IV в. н.э., остальные – римские императорские Филиппа II, Гордиана, Траяна Деция, Валериана, Галлиена, Максимиана, Галерия, Максимиана Дайи, Лициния, Константина I или его соправителей.

Э.А. Хайрединова изучила около 4 тыс. бус, обнаруженных в могильнике (Хайрединова Э.А., 1995; более подробная ее статья находится в печати). Подавляющее большинство из них изготовлено, вероятно, в античных центрах. Исследовательница разделила все бусы из Дружного на две группы. Первая (более ранняя) аналогична находкам, сделанным главным образом на Боспоре и Северном Кавказе. Вторая – бусам из Юго-Западного Крыма, вельбарской, пшеворской и черняховской культур. Таким образом, если основываться на анализе бус, напрашивается следующий вывод. Какая-то группа населения переселилась в Крым с Северного Кавказа и через некоторое время испытала заметное влияние культур, основной ареал которых был расположен к северо-западу от Крыма.

Стараясь определить значение каждой из четырех выделенных выше групп признаков для этнологических интерпретаций, приходим к следующим выводам.

Четвертая группа элементов материальной культуры известна повсеместно вблизи границ Римской империи вне связи с этнической принадлежностью людей, оставивших ту или иную археологическую культуру. Это была продукция провинциально-римских мастерских, которую покупали все желающие.

Обратим внимание на то, что в третьей группе оказались украшения и детали костюма. Такова была мода, распространившаяся среди разных народов в связи с вторжением готского племенного союза в Северное Причерноморье. Вещей северо-западного происхождения нет в самых ранних могилах Дружного.

Вторая группа более специфична в этническом отношении. В таком сочетании, как в Дружном, ее элементы образуют комплекс, присущий позднесарматской культуре в огромном ареале от Волги до Западной Европы. Важное отличие обнаруживается на Северном Кавказе, где нет подбойных могил. Можно сказать, что в пределах сарматского мира там, где есть склепы с короткими дромосами, нет подбойных могил, и наоборот. Только в Крыму оба типа погребальных сооружений сочетаются в одном могильнике.

Наличие первой группы позволяет прийти к более определенным выводам. Склепы, лепная керамика и мечи, имеющие северокавказские аналогии, позволяют предположить, что в формировании коллектива людей, оставивших могильник Дружное, приняли участие аланы (Ajbabin A.I., 1995, p. 158). Однако это население не было однородным в этническом отношении. Подбойные могилы указывают на другой его компонент. В нем с равным основанием можно видеть и поздних скифов, и сарматов, так как подбойные могилы в первые века н.э. одинаково широко использовались обоими народами.

В общих чертах этническая история горного и предгорного Крыма в III–IV вв. н.э. представляется следующим образом. В середине III в. н.э. на полуострове появляются племена, входившие в готский союз. На южном берегу Крыма они оставили могильники с трупосожжениями Чатыр-даг и Харакс (Айбабин А.И., 1987, с. 188; Kazanski M., 1991, p. 497, 498). Примерно в то же время (во всяком случае хронологическая разница неуловима археологическими методами) с Северного Кавказа появляются аланы. В предгорных районах они контактируют с жившими там ранее поздними скифами и/или сарматами. Образуются коллективы, состоящие из местного этнического субстрата и мигрантов с Кавказа. Они оставили могильники из склепов, подбойных и грунтовых могил: Дружное, Нейзац, Перевальное, Озерное III, Инкерманский.

Судя по расположению разнотипных могильников, германцы заняли южный берег Крыма, а аланы – предгорья. Вблизи Херсонеса оба миграционных потока соединились, поэтому в Чернореченском могильнике один участок занимают трупосожжения, а другой – склепы и подбойные могилы.

Во второй половине IV в. н.э., хронологически, вероятно, очень близко ко времени гуннского нашествия, могильник Дружное (а возможно, также Нейзац, Перевальное и Озерное III) перестали использовать. В конце IV в. возникают могильники Лучистое и Скалистое с такими же, как в Дружном, склепами и лепной посудой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абрамова М.П., 1975. Катакомбные погребения IV–V вв. н.э. из Северной Осетии // СА. № 1.

Абрамова М.П., 1984. О происхождении северокавказской керамики с зооморфными ручками // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.

Абрамова М.П., 1993. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э. – IV в. н.э.).М.

Айбабин А.И., 1987. Этническая принадлежность могильников Крыма IV – первой половины VII в. н.э. // Материалы к этнической истории Крыма. Киев.

Айбабин А.И., 1990. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. 1. Симферополь.

Алексеева Е.М., 1978. Античные бусы Северного Причерноморья. М.

Амброз А.К., 1966. Фибулы юга Европейской части СССР. М.

Амброз А.К., 1992. Боспор. Хронология раннесредневековых древностей // Боспорский сборник. Вып. 1. М.

Анфимов Н.В., 1980. Зихские памятники Черноморского побережья Кавказа // Северный Кавказ в древности и в средние века. М.

Аржанцева И.А., Деопик Д.В., 1989. Зилги – городище начала I тысячелетия н.э. на стыке степей и предгорий в Северной Осетии // Уч. зап. по изучению памятников цивилизаций древнего и средневекового Востока. М.

Бабенчиков В.П., 1963. Чернореченский могильник // АП. Т. 13.

Бажан И.А., Каргапольцев С.Ю., 1989. Об одной категории украшений-амулетов римского времени в Восточной Европе // СА. № 3.

Баран В.Д., 1981. Черняхівська культура. За матеріалами Верхнього Дністра і Західного Бугу. Київ.

Безуглов С., Захаров А., 1989. Богатое погребение позднеримского времени близ Танаиса // Изв. Ростовского областного музея краеведения. Вып. 6. Ростов-на-Дону.

Богданова Н.А., 1982. Погребальный обряд сельского населения позднескифского государства в Крыму // Тр. ГИМ. Вып. 54. Археологические исследования на юге Восточной Европы. Ч. II. М.

Богданова Н.А., Гущина И.И., Лобода И.И., 1976. Могильник Скалистое III в Юго-Западном Крыму (I–III вв.) // СА. № 4.

Веймарн Е.В., 1963. Археологічні роботи в районі Інкермана // Археологічні пам'ятки УРСР. Т. 13.

Веймарн Е.В., Айбабин А.И., 1993. Скалистинский могильник. Киев.

Виноградов В.Б., 1963. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный.

Винокур И.С., 1979. Ружичанский могильник // Могильники черняховской культуры. М.

Высотская Т.Н., 1994. Усть-Альминское городище и некрополь. Киев.

Высотская Т.Н., Махнева О.А., 1983. Новые позднескифские могильники в Центральном Крыму // Население и культура Крыма в первые века н.э. Киев.

Гей О.А., 1987. Погребальный обряд поздних скифов на Нижнем Днепре // СА. № 3.

Гущина И.И., 1966. Памятник позднесарматской культуры в Поднепровье // Тр. ГИМ. Вып. 40. М.

Гущина И.И., 1974. Население сарматского времени в долине реки Бельбек в Крыму (По материалам могильников) // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М.

Гущина И.И., Засецкая И.П., 1994. "Золотое кладбище" римской эпохи в Прикубанье. СПб.

Дашевская О.Д., 1951. Земляной склеп 1949 г. в некрополе Неаполя скифского // ВДИ. № 2.

Дашевская О.Д., 1991. Поздние скифы в Крыму. М.

Дмитриев А.В., 1982. Раннесредневековые фибулы из могильника на р. Дюрсо // Древности эпохи Великого переселения народов V–VII вв. М.

Зубарь В.М., 1982. Некрополь Херсонеса Таврического I–IV вв. н.э. Киев.

Керефов Б.М., 1988. Памятники сарматского времени Кабардино-Балкарии. Нальчик.
Кузнецов В.А., 1962. Аланские племена Северного Кавказа // МИА. № 106.
Кузнецов В.А., 1973. Аланская культура Центрального Кавказа и ее локальные варианты в V–XIII вв. // СА. № 2.
Лобода И.И., 1977. Раскопки могильника Озерное III в 1963–1965 гг. // СА. № 4.
Магомедов Б.В., 1979. Каборга IV (раскопки 1973–1974 гг.) // Могильники черняховской культуры. М.
Масленников А.А., 1990. Население Боспорского государства в первых веках н.э. М.
Мосберг Г.И., 1946. К изучению могильников римского времени Юго-Западного Крыма // СА. Вып. VIII.
Мошкова М.Г., 1989. Позднесарматская культура // Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.
Никитина Г.Ф., 1985. Систематика погребального обряда племен черняховской культуры. М.
Орлов К.К., 1987. Ай-Тодорский некрополь // Материалы к этнической истории Крыма. Киев.
Пуздровский А.Е., 1992. Новый участок Восточного некрополя Неаполя скифского // РА. № 2.
Пуздровский А.Е., 1994. Могильник III–IV вв. н.э. у с. Перевальное в Крыму // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV–IX вв.). Тез. междунар. конф. Симферополь.
Рафалович И.А., 1986. Данчены. Могильник черняховской культуры III–IV вв. н.э. Кишинев.
Савовський І.П., 1977. Нові сарматські поховання на Запоріжжі // Археологія. Вип. 23.
Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н.э. – первой половине I тысячелетия н.э., 1993. М.
Сокольский Н.И., 1971. Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья. М.
Сымонович Э.А., 1979. Коблевский и Ранжевский могильники около г. Одессы // Могильники черняховской культуры. М.
Сымонович Э.А., 1983. Население столицы позднескифского царства. Киев.
Хазанов А.М., 1963. Генезис сарматских бронзовых зеркал // СА. № 4.
Хазанов А.М., 1971. Очерки военного дела сарматов. М.
Хайрединова Э.А., 1995. Бусы из могильника Дружное // Древности. Харьков.
Храпунов И.Н., 1991. Булганакское позднескифское городище (по раскопкам 1981–1989 гг.). // Матер. по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. II. Симферополь.
Храпунов И.Н., Мульд С.А., Хайрединова Э.А., 1994. Исследование позднеримского могильника Дружное // Археологические исследования в Крыму. 1993 год. Симферополь.
Шаров О.В., 1992. Хронология могильников Ружичанка, Косаново, Данчены и проблема датировки черняховской керамики // Проблемы хронологии эпохи латена и римского времени. СПб.
Шелов Д.Б., 1978. Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков н.э. Классификация и хронология // КСИА. Вып. 156.
Ajbabin A.I., 1995. Gli Alani, i Goti egli Unni // Dal mille al mille. Tesori e popoli dal Ma Nero. Milano.
Bierbrauer V., 1994a. Archeologia e storia dei Goti dal I al IV secole // I Goti. Milano.
Bierbrauer V., 1994b. Archäologie und Geschichte der Goten vom 1.–7. Jahrhundert // Frühmittelalterlichte studien. B. 28.
Chrapunov I.N., 1995. Necropoli di Druznoe, distretto di Simferopol // Dal mille al mille. Tesori e popoli dal Mar Nero. Milano.
Godlowski K., 1970. The chronology of the late roman and early migration periods in Central Europe. Krakow.
Ionita I., 1986. Chronologie der Sintana-de-Mures-Černjachov-Kultur (I) // Archaeologica Baltica. T. VII. Lodź.
Harhoiu R., 1988. Das Kurzschwert von Micia // Dacia. T. XXXII. № 1–2.
Kazanski M., 1991. Contribution à l'histoire de la défense de la frontière pontique au basempire // Travaux et mémoires. 11. Paris.
Kokowski A., 1993. L'art militaire des Goths à l'époque romaine tardive (d'après les données archéologiques) // L'armée romaine et les barbares du IIIe au VIIe siècle. Paris.
Ščukin M.B., 1993. A propos des contacts militaires entre les Sarmates et les Germains à l'epoque romaine

(d'après l'armement et spécialement les umbo de boucliers et les lances) // L'armée romaine et les barbares du IIIe au VIIe siècle. Paris.

Tempelmann-Maczýnska M., 1985. Die Perlen der römischen Kaiserzeit und der frühen Phase der Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum. Mainz am Rhein.

Vaday A., 1989. Die sarmatischen Denkmäler des Komitas Szolnok. Ein Beitrag zur Archäologie und Geschichte des sarmatischen Barbaricums // Antarus Communicationes ex Instituto archaeologica Academiae scientirum Hungaricae. 17–18. Budapest.

Симферопольский государственный
университет

I.N. KHRAPUNOV

THE POPULATION OF THE CRIMEA IN THE LATE ROMAN TIME

(Based on artifacts from the burial ground Druznoye)

Summary

Eighty six burial constructions: 25 crypts, 32 tombs with niches, 15 human burials in pits and 14 horse burials have been studied in the territory of the flat burial ground Druzhnoye located at a distance of 20 km from Simferopol (the Crimea). Up to 3–10 human skeletons accompanied by a large number of grave offerings (ceramic vessels, jewelry, costume parts, tools, weaponry, horse harness items, sacrifice food) have been found in the burial constructions. Artifacts and other elements of the burial complexes date to the middle of the 3d – the second half of the 4th century AD and are assigned to four groups: the North Caucasus (Alan) group, the Common Sarmatian group, the "Goth" group, the provincial late ancient group. The said observation makes it possible to state ethnical heterogeneity of the population that used to live in the mountainous and the piedmont Crimea in the 3d–4th centuries AD and that left us burial grounds of the Druzhnoye type.

И.И. ГУЩИНА, Д.В. ЖУРАВЛЕВ

ПОГРЕБЕНИЯ С БРОНЗОВОЙ ПОСУДОЙ ИЗ МОГИЛЬНИКА БЕЛЬБЕК IV В ЮГО-ЗАПАДНОМ КРЫМУ[1]

Могильник римского времени Бельбек IV, расположенный на Северной стороне г. Севастополя в Юго-Западном Крыму, хорошо известен среди специалистов. Часть материалов уже была предварительно издана (Гущина И.И., 1974; 1982). В настоящее время авторами публикуемой статьи подготовлено монографическое исследование всех комплексов, которое будет издано в серии "Степные народы Евразии (Steppenvölker Eurasiens)".[2]

Могильник, оставленный позднескифским населением, содержал множество предметов римского импорта (см.: Гущина И.И., Журавлев Д.В., 1996). Наша небольшая публикация посвящена находкам бронзовых сосудов в этом некрополе[3]. Бронзовая посуда – редкая находка в позднескифских памятниках[4], поэтому мы и решили дать специальную публикацию этой категории инвентаря. В могильнике найдены три бронзовых ковша, таз, ойнохоя и небольшой флакон, а также ряд обломков от сосудов, которые трудно отождествить с какими-либо конкретными формами[5]. В задачу нашей статьи не входит подробный анализ всего инвентаря погребений. Нами будут лишь кратко рассмотрены вещи, уточняющие датировку комплексов.

Погребение 39 (рис. 1; 2). Входная яма (1,75 × 0,4 × 1,2 м), ориентированная с северо-запада на юго-восток, имела с двух сторон подбойные камеры, закрытые каменными плитами. В первой камере – *погребение 39а* – (1,75 × 0,4 × 1,4 м) кости не сохранились, на дне был найден лишь лепной сосуд. Часть камней от заклада отсутствует, видимо, могила была ограблена. Во входной яме был найден лепной сосуд и бусы (может быть, выброшенные из подбойной камеры). Во второй камере (*погребение 39б*) кости погребенного не сохранились. На дне ямы найдены: серебряное и бронзовое височные кольца, бронзовые фибула и обломки второй фибулы, зеркало-подвеска, браслет с выступами и фрагмент аналогичного браслета, колокольчик, цилиндрический бронзовый флакон, коралловая подвеска на бронзовой проволоке. В центральной части ямы (вероятно, в области запястий рук) найдено скопление бус. В северо-восточной части камеры находилась краснолаковая тарелка с клеймом planta pedis, с костями животного внутри, нож и краснолаковые кувшин и

---

[1] Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках проекта "Хронология Юго-западного Крыма римского времени: могильник Бельбек IV в системе памятников Таврики", № проекта 95-06-17407а. Мы также благодарны М.Ю. Трейстеру за ряд ценных консультаций.

[2] Гущина И.И., Журавлев Д.В. (в печати).

[3] Все рисунки к статье выполнены А.Н. Трифоновой и С.В. Шаральдиновым; фотографии – А.К. Тарасевичем.

[4] О находках металлической посуды в скифских курганах см., например, Фиалко Е.Е., 1996.

[5] Вероятно, эти фрагменты были специально положены в могилы. Так например, в Усть-Альминском могильнике в трех погребениях также были найдены фрагменты металлических (серебряных и железных) сосудов (Высотская Т.Н., 1994, с. 85). Для погребального обряда поздних скифов было характерным помещение в погребение лишь частей от предметов (стеклянных сосудов, бронзовых браслетов, зеркал и других категорий инвентаря).

© И.И. Гущина, Д.В. Журавлев, 1999 г.

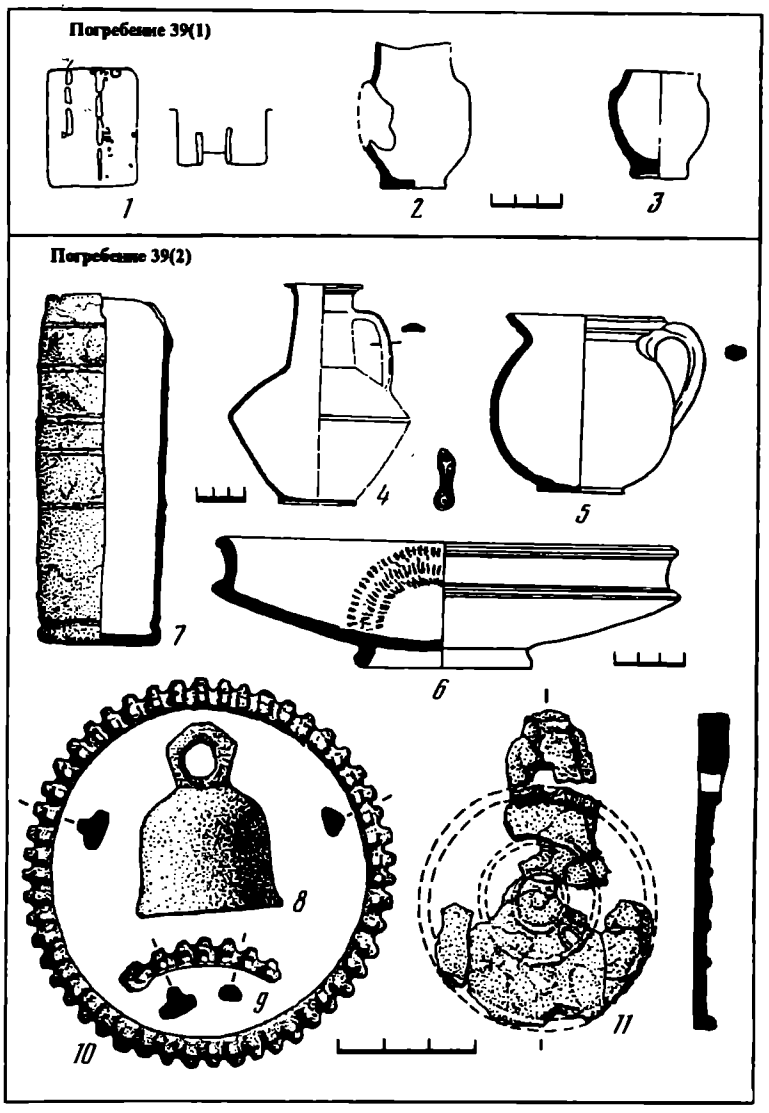


Рис. 1. Инвентарь погр. 39. *1* – план погребений; *2–6* – глина; *7–11* – бронза

кружка. Судя по расположению инвентаря, погребенный был ориентирован головой на юго-восток.

Погребение 172 (рис. 3). Грунтовая яма (2,1 × 0,8 × 1,8 м), ориентированная с северо-востока на юго-запад. В засыпи могильной ямы встречены обломки амфоры. На глубине 0,3 м от верхнего края могилы в юго-восточном углу в стене могильной ямы лежала разбитая красноглиняная амфора. На дне ямы найдены остатки скелета погребенного, лежавшего, вероятно, вытянуто на спине, головой на юго-запад. В головах стояла краснолаковая чаша группы Восточная сигиллата В с именным клеймом, рядом – крупная кость животного, сосуд из белого алебастра и бронзовый ковш. На груди – бронзовое зеркало с короткой ручкой. У левой руки – обломки железных деталей шкатулки и бусы. Могила была разрушена траншеей военного времени (кости ног не сохранились).

Погребение 215 (рис. 4, 5). Грунтовая яма с заплечиками (2,55 × 0,95 × 2,7 м), ориентированная с юго-востока на северо-запад, перекрытая пятью большими плоскими плитами. В засыпке ямы встречались мелкие и крупные камни. На плите в северной части могилы лежали большой красноглиняный сосуд с одной ручкой и сероглиняная миска. Под плитами на дне ямы лежал погребенный в вытянутом положении на спине, головой на юго-восток. Под костями прослежен слой обгорелого

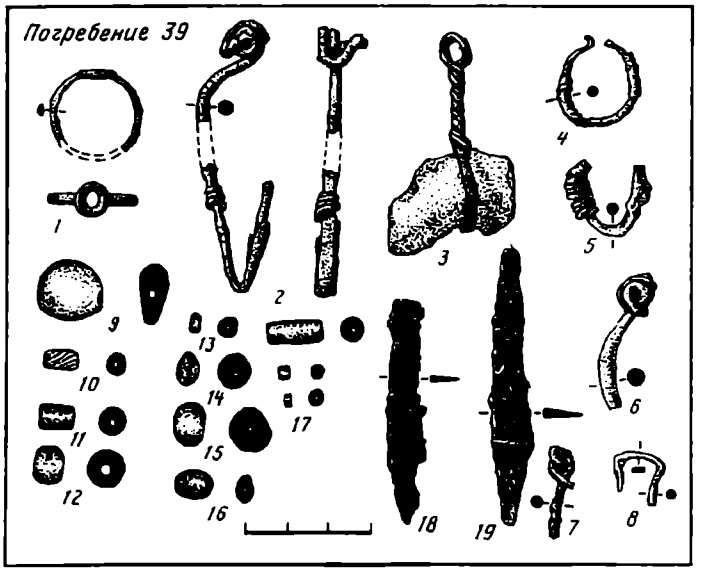


Рис. 2. Инвентарь погр. 39. *1–2, 5–8* – бронза; *3* – бронза, коралл; *4* – серебро; *9* – янтарь; *10–12* – стекло; *13–16* – сердолик; *17* – гагат; *18–19* – железо

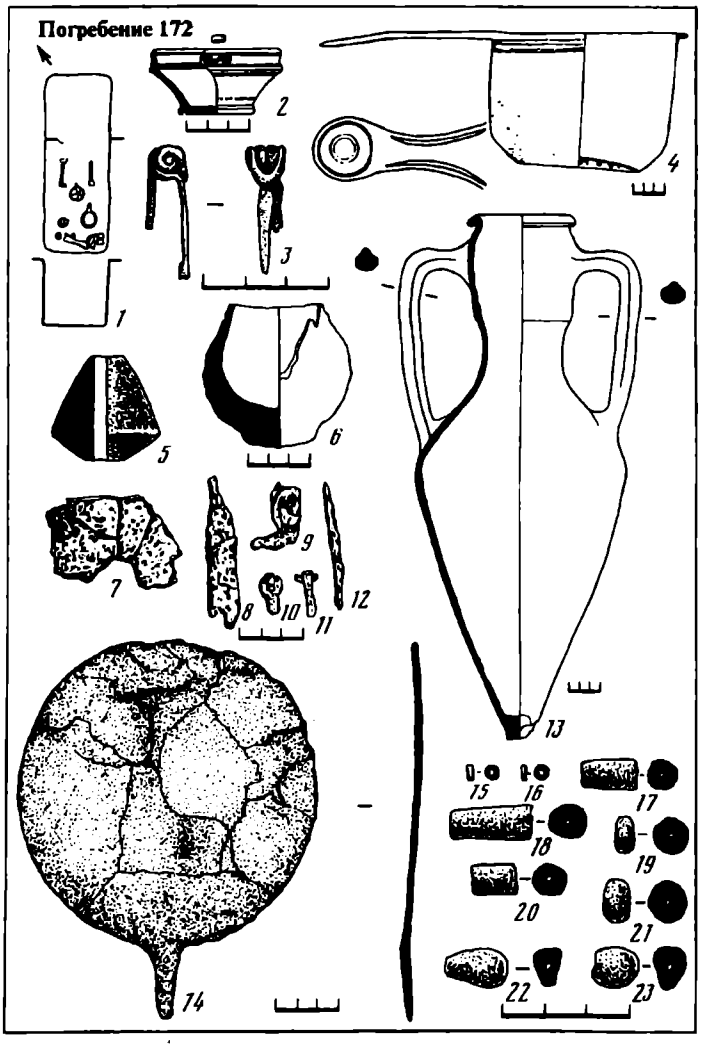


Рис. 3. Инвентарь погр. 172. *1* – план погребения; *2, 5, 13* – глина; *3, 4, 14* – бронза; *6* – алебастр; *7–12* – железо; *15–18, 20* – гагат; *19, 21* – сердолик; *22, 23* – янтарь

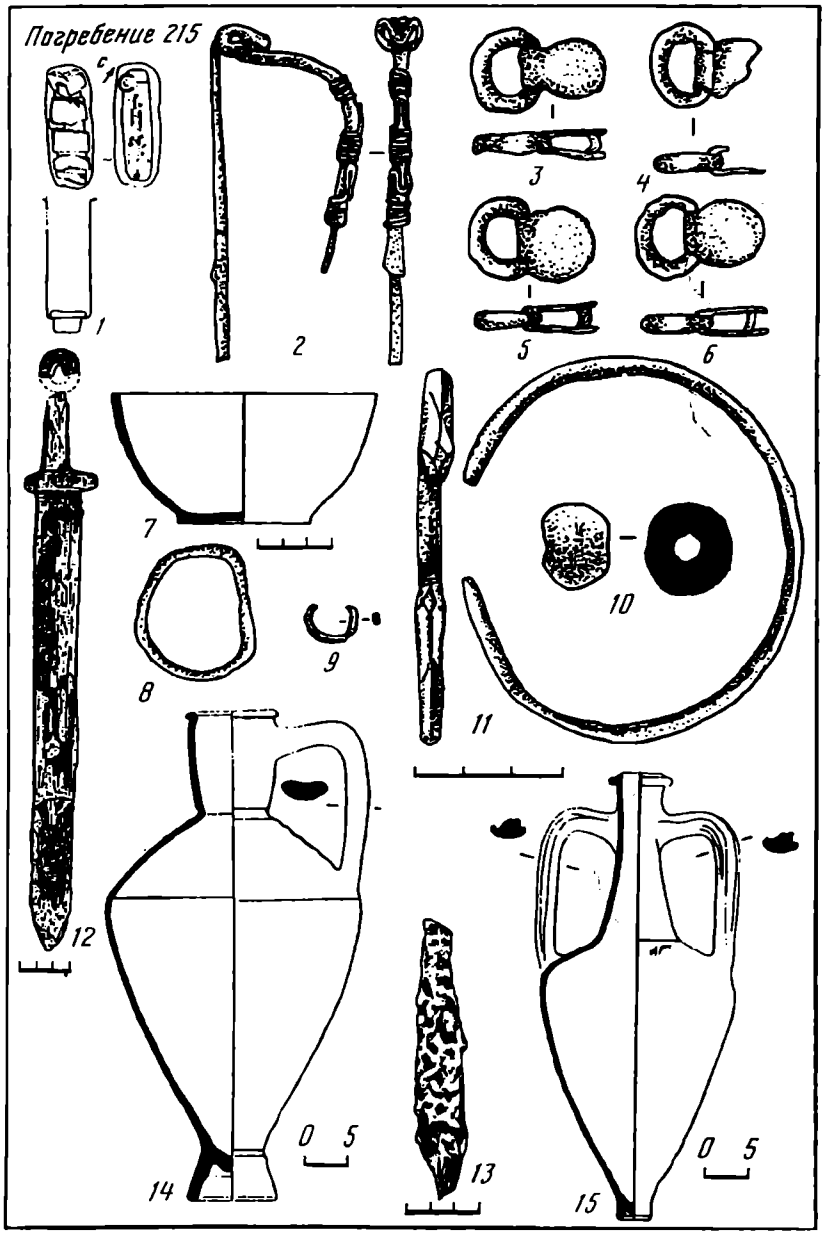


Рис. 4. Инвентарь погр. 215. *1* – план погребения; *2–6, 8, 9* – бронза; *7, 14, 15* – глина; *10* – халцедон; *11* – серебро; *12, 13* – железо

дерева (до 0,2 м толщиной), в том числе круглые в сечении плашки. В ногах погребенного была обнаружена узкогорлая светлоглиняная амфора типа Д по классификации Д.Б. Шелова, под которой лежал бронзовый таз с каннелированными туловом и ручками, заканчивающимися изображениями птичьих голов (рис. 5). Под чашей лежали четыре бронзовые кольца-пряжки. Рядом были найдены кость крупного животного и железный нож. У правой руки погребенного лежал железный кинжал с прямым перекрестьем и кольцевым навершием и халцедоновые бусины, а также железный нож и бронзовая игла. На правой руке – бронзовый браслет и обломки колец; на левом плече лежала бронзовая фибула с сохранившимися остатками ткани; около правой ступни найден кусок кожи.

Погребение 285 (рис. 6) было совершено в грунтовой яме прямоугольной формы (1,72 × 0,72 × 2,25 м), ориентированной с запада на восток, засыпанной плотной глиной с камнями. На дне ямы лежал скелет погребенного (сохранились только кости ног), ориентированный головой на восток. В головах погребенного лежала амфора типа Д

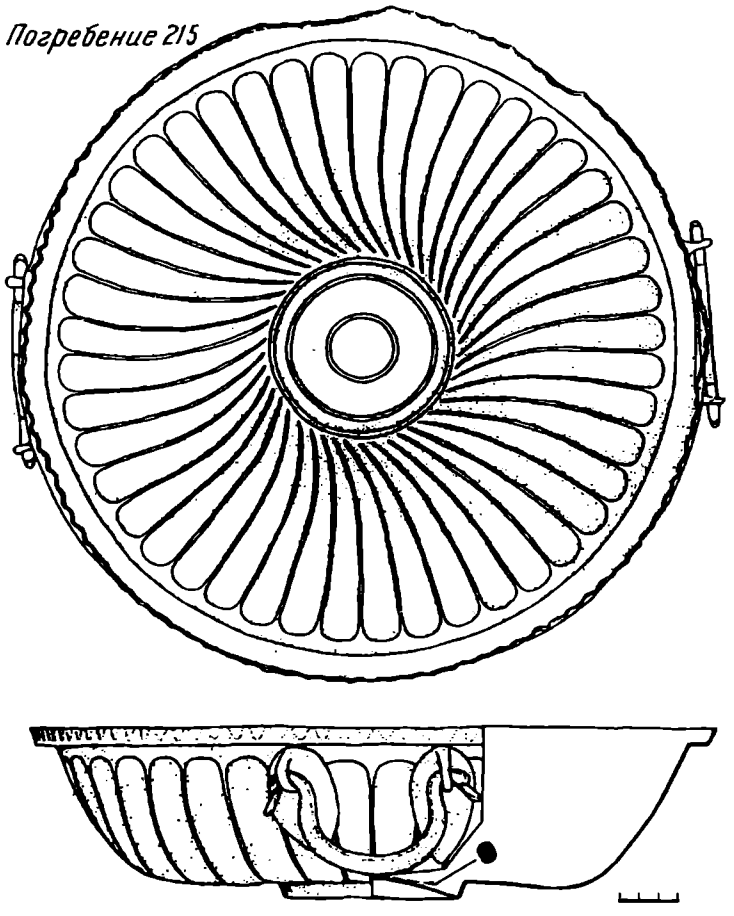


Рис. 5. Бронзовый таз из п. 215

по классификации Д.Б. Шелова, бронзовые железные кольца от уздечного набора, краснолаковые кружка и кувшин, бронзовая ойнохоя, кость крупного домашнего животного и стеклянная чаша, покрытая фрагментом стенки амфоры. На поясе погребенного лежали бронзовое кольцо от пряжки, бронзовая пластина (от ремня?). Слева от костей правой ноги – бронзовая пряжка и пластина. Бронзовый браслет обхватывал фаланги пальцев левой ноги. Справа от левой ноги лежала бронзовая пряжка. У правой ноги были найдены: обломок железного предмета, пластинчатая обойма, серебряный денарий Клодия Альбина, шило.

Погребение 299 (рис. 7). Грунтовая яма (2,6 × 1,15 × 1,8 м), ориентированная с севера на юг с небольшим отклонением к западу, с заплечиками, на которых лежало перекрытие из камней. Погребенный был положен вытянуто на спине, головой на юго-запад. Ниже черепа лежали бусы (сердолик, янтарь) и бронзовое височное кольцо. Вокруг запястий рук – бусы (гагат, сердолик) и полусферические золотые бляшки с двумя отверстиями: у левой руки лежало девять бляшек, у правой – пять. У правой руки, рядом с костями таза, лежала бусина из голубого фаянса, у левой – бронзовая фибула. В ногах лежали глиняное пряслице и бронзовый ковш. Слева от тазовых костей были найдены краснолаковый кубок, кувшин и обломки железного ножа.

Рассмотрим найденные в могильнике Бельбек IV бронзовые сосуды.

Бронзовый таз[6] из погр. 215 (рис. 5; 8), кованный из тонкого бронзового листа, имеет тулово полусферической формы, каннелированное снаружи и изнутри, на невысоком припаянном поддоне (см.: Гущина И.И., Журавлев Д.В., 1996, рис. 2, 9).

[6] По терминологии В. Хильгерса, разработанной на основе письменных источников римского времени, этой форме более всего соответствует термин concha (Hilgers W., 1969, № 109, Taf. 4).

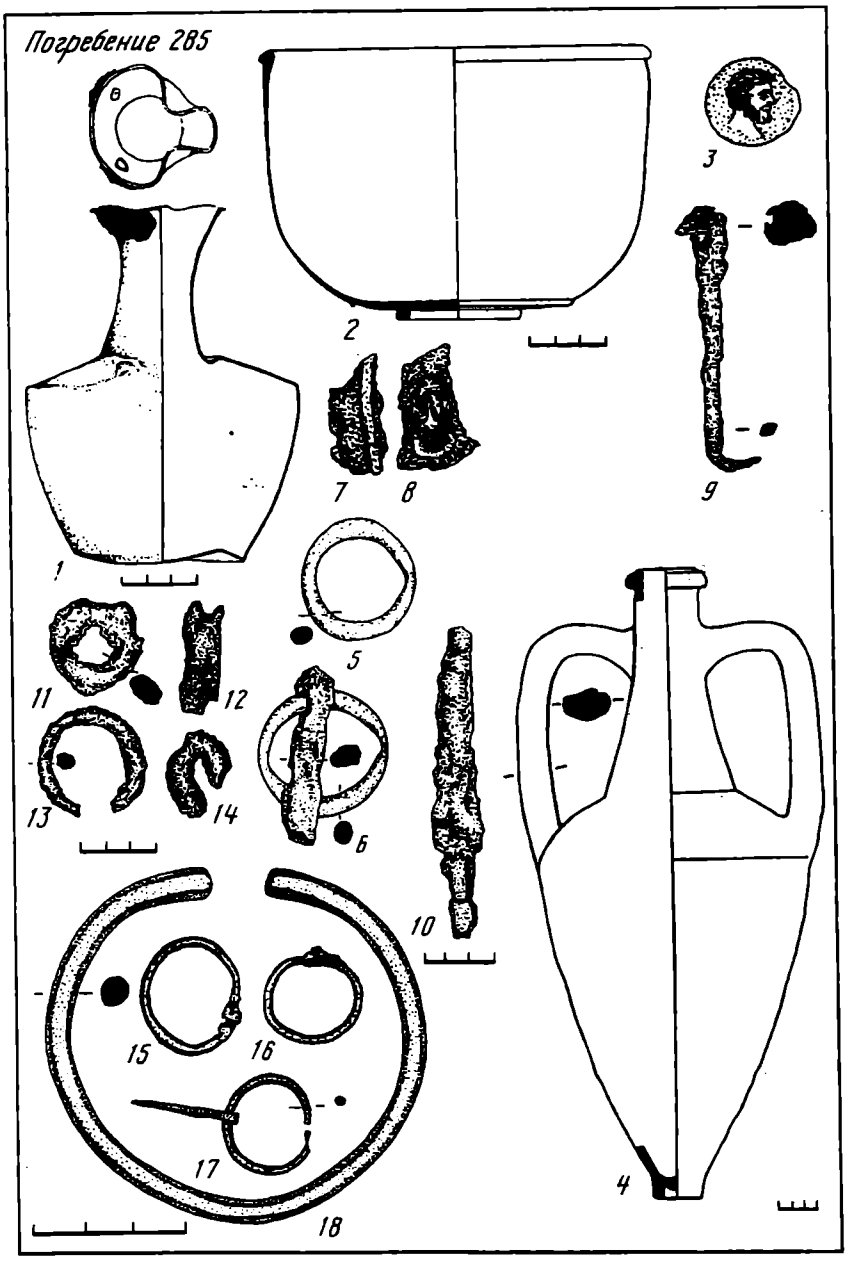


Рис. 6. Инвентарь погр. 285. *1*, *5*, *15–17* – бронза; *2* – стекло; *3*, *18* – серебро; *4* – глина; *6* – бронза, железо; *7–14* – железо

Венчик слабо отогнут, по его краю сделаны выпуклины. В отдельных местах венчик деформирован. Ручки (овальные в сечении) имеют окончания в виде птичьих головок, концы ручек продеты в припаянные кольца. Размеры таза: диаметр – 34,7 см; диаметр донца – 9 см; высота – 8,7 см. Под тазом были найдены четыре ременные пряжки с остатками кожи (рис. 4, *3–6*), назначение которых неясно. В качестве гипотезы можно предположить, что таз подвешивали на этих ремнях.

Прототипом подобных сосудов могли служить тазы более раннего времени, например чаша-таз из Македонии, датированная VI–V вв. до н.э. (Popovic Lj., 1958, с. 83, табл. VI, 23,*1*). Не исключена связь тазов этого типа с сосудами типа Eggers-77 или Eggers-107 (Eggers H.J., 1951), хотя назвать их точными аналогиями невозможно. Каннелированное тулово было широко распространено у посуды римского времени (Radnoti A., 1938, Taf. XXIX, *2*; XXX, *4*). Известен ряд серебряных или золотых сосудов-фиал, имеющих близкую форму и каннелированное тулово, но без ручек (см. на-

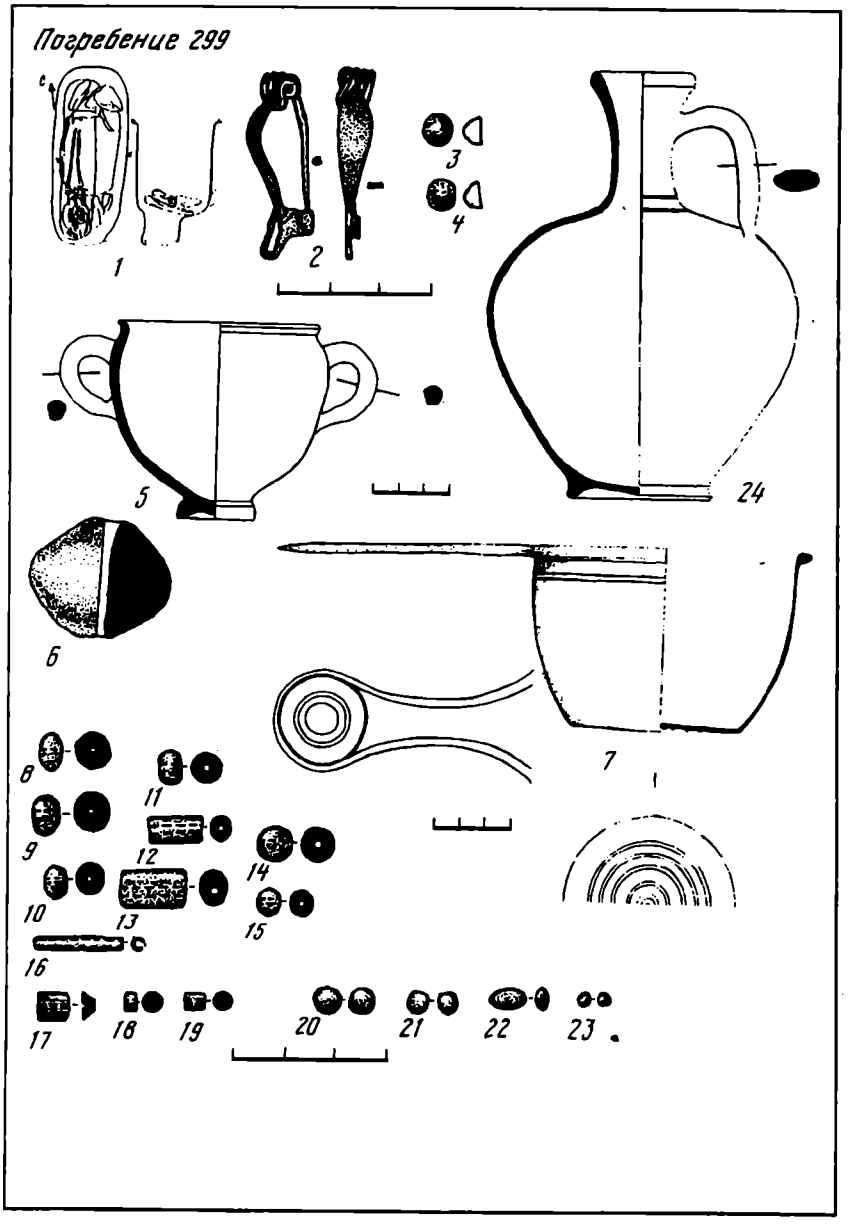


Рис. 7. Инвентарь погр. 299. *1* – план погребения; *2, 7* – бронза; *3, 4* – золото; *5, 6, 24* – глина; *8–13* – сердолик; *14, 15* – янтарь; *16–23* – стекло

пример: Спицын А.А., 1906, рис. 38, табл. XIV; Николов Д., 1961, с. 368; Traci..., 1989, № 142/2; The Rogozen Treasure, 1989, № 43; 93 и др.). Относительно близкий таз был обнаружен в Болгарии (Шкорпил К., Шкорпил Х., 1912, табл. VII, *2*), есть много общего и с сосудами из Паннонии (Radnoti A., 1938, S. 122. Taf. XXXVII, 1–1a), датированными около 200 г. н.э., а также с чашей из Австрии (Miglbauer R., 1994, Abb. 9), относящейся к началу III в. н.э., с сосудами из других мест (Kellner H.-J., Zahlhaas G., 1993, Taf. 94, 95, № 51, 52). Тулово публикуемого таза напоминает по форме и серебряные тазы производства Галлии 250–275 гг (см., например, Art..., 1995, № 133), а также позднеантичные тазы из других памятников (Kaufmann-Heiniman A., 1984, № 41, Abb. 32–33).

Близкие по форме ручки в виде птичьих голов были распространены в Центральной и Восточной Европе, а также в Северном Причерноморье (см., например, Tassinari S., 1993, Tav. LVII–LXIII; Прохорова Т.А., Гугуев В.К., 1992, рис. 3, *11, 12*; Гущина И.И., Засецкая И.П., 1994, кат. 107, 271 и др.).

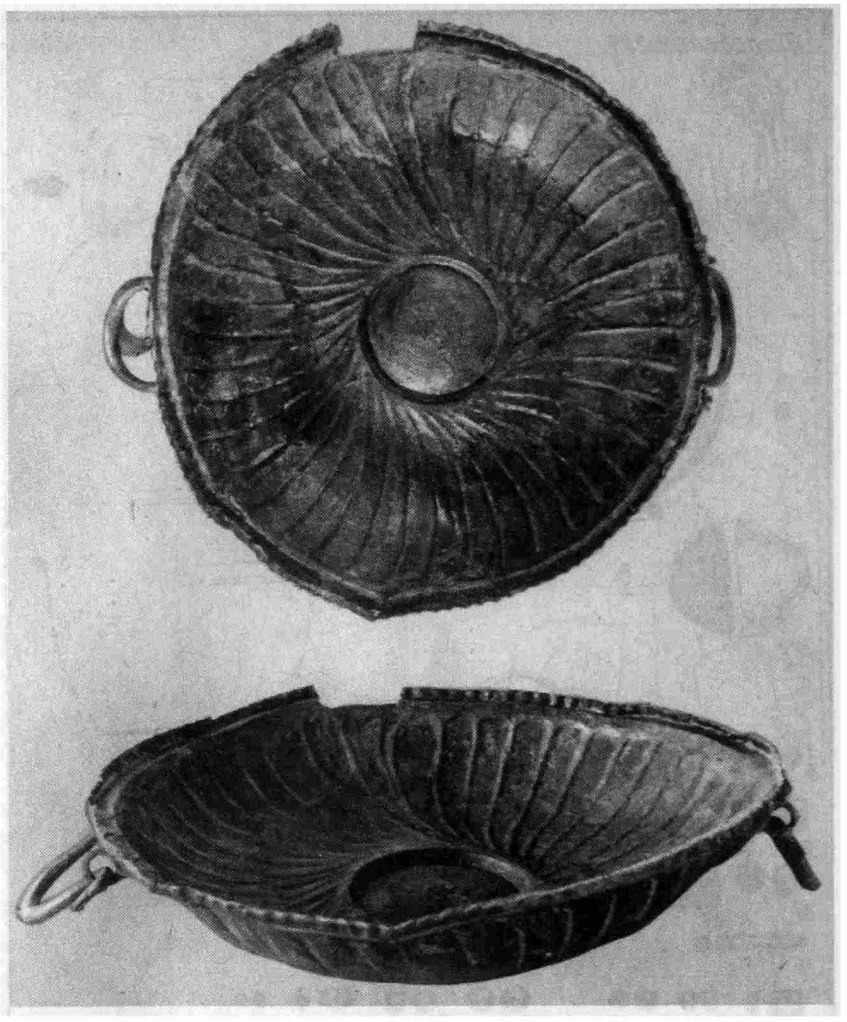


Рис. 8. Бронзовый таз из погр. 215

Очень интересно, что изображение близких по форме тазов зафиксировано на поясных пряжках раннехристианского времени (VI в. н.э.), воспроизводящих формы сосудов, известные с более ранних времен. Автор публикации предполагает, что эти тазы использовались для умывания рук или ног (Werner J., 1990, S. 276, Abb. 4). В качестве гипотезы можно допустить аналогичное назначение и бельбекского таза, тем более что в комплексе погребения был найден большой одноручный кувшин (рис. 4,*14*) с биконическим туловом, с высоким слегка расширяющимся кверху горлом (см. аналогии: Гайдукевич В.Ф., 1952, рис. 61; Babes M., 1971, p. 28, 29, fig. 2, *1–2*; 4, *1–2*; 8, *1*; Бураков А.В., 1976, с. 101-103, табл. X; Гороховський Е.Л. и др., 1985, с. 29, 30, рис. 5; Кадеев В.И., Сорочан С.Б., 1989, с. 85, рис. 37,*6*; Baumann V.H., 1995, pl. XXIV, *6*, и др.), а также светлоглиняная амфора (рис. 4,*15*), положенная непосредственно на таз. Правда, скорее всего таз вряд ли использовался варварами по его прямому назначению.

Из комплекса погр. 215 происходит меч сарматского типа с кольцевым навершием и прямым перекрестьем (рис. 4,*12*). Такие мечи получают наиболее широкое распространение с рубежа нашей эры, а в целом этот тип вооружения датируется I в. до н.э. – II в. н.э. (Сокольский Н.И., 1954, с. 149–152; Хазанов А.М., 1967; 1971, с. 11, табл. II–VI и др.). В Юго-Западном Крыму их находки достаточно редки (Дашевская О.Д., 1991, табл. 61, *2,4*; Высотская Т.Н., 1994, рис. 28, *1–3*).

Комплекс, из которого происходит бельбекский сосуд, может быть датирован концом II – первой половиной III в. н.э. Очевидно, концом II – началом III в. н.э. можно

Рис. 9. Бронзовые ковши и ойнохоя из могильника Бельбек IV

датировать и публикуемый нами таз. Точное место производства этого сосуда указать невозможно в связи с отсутствием прямых аналогий, но представляется, что он вышел из мастерских Южной Галлии.

Ковши[7]. Как уже отмечалось выше, в могильнике были обнаружены три литых ковша, обработанных впоследствии на токарном станке[8]. *Ковш из погр. 172* (рис. 3,*4*; 9,*2*) имеет полусферическую форму, плоскую ручку, конец которой представляет кольцо с круглым отверстием посередине. Венчик отогнут, в верхней части тулова сделаны два неглубоких желобка. Дно вогнуто, имеет концентрические круги на поддоне. Сосуд сильно деформирован (вероятно, еще в древности). Размеры: диаметр 18,4 см; диаметр донца – 11,4 см; высота – 12,5–13,6 см; длина ручки – 16,5 см. Этот ковш уже был предварительно опубликован (Гущина И.И., 1982, рис. 11, *48*).

Ковш из п. 299 (рис. 7,*7*; 9,*1*) имеет форму, аналогичную предыдущему экземпляру, но дно не так сильно вогнуто. Размеры: диаметр – 15,6 см; диаметр донца – 9,3 см; высота – 10,1 см; длина ручки – 14,4 см. Одна из стенок ковша была пробита еще в древности, и ее запаяли каким-то более светлым металлом (олово?).

Ковши из могильника Бельбек IV аналогичны типу Eggers-140 (Eggers H.J., 1951). Ковш из погр. 172 найден в комплексе с чашей ESB с клеймом (Δ)Ω/(P)ON в прямоугольной рамке (см.: Журавлев Д.В., 1997, форма 8.1, с. 240, 241; ср.:

[7] По терминологии В. Хильгерса – patera или trulla (Hilgers W., 1969, № 282, 364).

[8] См. о технологии изготовления таких ковшей – Poulsen E., 1995, p. 59–67.

Hayes J.W., 1985, форма 70). Эта чаша (рис. 3, *2*) относится к середине – третьей четверти I в. н.э. В комплексе найдено и бронзовое дисковидное зеркало диаметром 14 см с короткой (2,5 см) ручкой, сужавшейся к концу (рис. 3, *14*). Такие зеркала бытовали у сарматов с I в. до н.э. по II в. н.э. (Хазанов А.М., 1963, с. 63, рис. 3,*3*) и представлены в некоторых позднескифских памятниках Юго-Западного Крыма (см., например, Дашевская О.Д., 1991, табл. 73,*3* и др.). К сожалению, не может помочь в уточнении даты комплекса и амфора, которая имеет вытянутое тулово биконической формы, горло имеет "припухлость", нижняя часть ножки обломана (рис. 3,*13*). Глина – розово-красная, с включением пироксена. Нам не удалось определить центр, из которого она была привезена, так как точные аналогии этой амфоре нам не известны. Наиболее близка ей амфора из склепа 138 Усть-Альминского некрополя, которую Т.Н. Высотская относит к книдскому производству рубежа нашей эры – начала I в. н.э. (Высотская Т.Н., 1994, с. 74, табл. 46,*1*).

Комплекс погребения 299 также можно отнести ко второй половине I в. н.э. Из датирующих находок – пружинная фибула с пластинчатой гладкой дужкой с S-видным завитком на конце приемника (рис. 7,*2*). Пружина у нее четырехвитковая. По классификации А.К. Амброза, такие фибулы относятся ко второму варианту 13-й группы и были распространены во второй половине I – части II вв. главным образом в Крыму (Амброз А.К., 1966, с. 45, табл. 5, *14–17*). Уточняет датировку комплекса и краснолаковый кубок (рис. 7,*5*), который относится ко второй половине I в. н.э. Такие сосуды были широко распространены по территории Причерноморья.

Таким образом, наиболее вероятная дата комплексов с ковшами – вторая половина I в. н.э., для погребения 172 – третья четверть I в. н.э. Сами же ковши могли быть изготовлены и несколько ранее – Г. Эггерс относит тип 140 к ступени BI (0–50 гг) (Eggers H.J., 1951, S. 172, Taf. 12, 140); об уточнении датировок Г. Эггерса см. (Щукин М.Б., 1991, с. 93, 94, рис. 1).

Бронзовые ковши – один из самых распространенных типов античной металлической посуды, они широко известны на всей территории римских провинций (см., например, Radnoti A., 1938, S. 51, Taf. III, 14; Boucher S., Tassinari S., 1976, № 130–134; Brešćak D., 1982, T. 2, *15*; 6, 18, 19; Brescas D., 1995, fig. 3,*3*). Множество ковшей этого типа было обнаружено в Помпеях (Tassinari S., 1993, p. 98, сл., №№ 4032, 7043, 12744 и др.). Аналогии этим ковшам в Северном Причерноморье также многочисленны (Кропоткин В.В., 1970, с. 25, карта распространения – рис. 11; Книпович Т.Н., 1949, с. 144; Максимов Е.К., 1957, с. 158, рис. 1; Шелов Д.Б., 1965, с. 266; 1972, с. 197; Шилов В.П., 1973, с. 252, рис. 1; 1975, рис. 57, *3*; 59; Античные государства..., 1984, табл. LXXII, *7*; Гросу В.И., 1990, рис. 15, Г*1*; Демиденко Ю.В., 1994, рис. 2,*9*). Эти ковши были распространены на огромной территории Центральной и Восточной Европы, вплоть до Прикамья (Волкович А.М., 1941, табл. III, с. 225). Обычно эти изделия относят к продукции мастерских Италии и Галлии.

Ковш из случайных находок на территории могильника наиболее близок типу Eggers-136, однако имеет другую по форме ручку, завершающуюся тремя выступами (рис. 9,*3*; 10). Тулово ковша – коническое, достаточно сильно расширяется кверху, венчик слабо отогнут, дно плоское. Размеры сосуда: диаметр – 16,7 см; диаметр донца – 11,3 см; высота 9,4 см; длина ручки – 15,2 см. Практически идентичный ковш происходит из раскопок Помпей (Tassinari S., 1993, № 2865). Дата публикуемого ковша может быть определена в пределах конца I в. до н.э. – первой половины I в. н.э., т.е. он является самым ранним сосудом из представленных в могильнике Бельбек IV. К сожалению, он найден вне комплекса, и уточнить его дату не представляется возможным.

Ойнохоя[9] (рис. 6,*1*; 9,*4*) происходит из погр. 285, по форме близка типу 128 по клас-

[9] Собственно, οἰνοχόη – слово греческое, и применять его к сосудам римского времени не совсем корректно. У В. Хильгерса термин для сосуда аналогичной формы отсутствует.

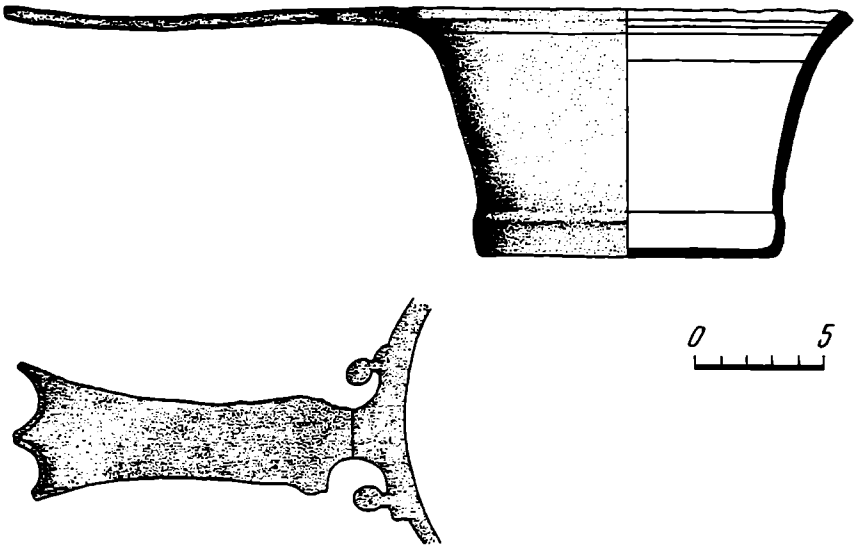


Рис. 10. Бронзовый ковш из случайных находок

сификации Эггерса (Eggers H.J., 1951). Ойнохоя представляет собой невысокий узкогорлый сосуд с биконическим туловом, сильно сужающимся книзу, дно плоское. Ручка, которая, судя по всему, была железной, не сохранилась, но она легко восстановима по многочисленным аналогиям. От нее остались крепления в виде заклепок на венчике, а также следы крепления на тулове. Размеры: диаметр устья – 7 см; диаметр донца – 9,5 см; высота – 19,9 см. Этот тип бронзовых кованых ойнохой был широко распространен во всей Восточной Европе (Шелов Д.Б., 1983, с. 65; Раев Б.А., 1978а, с. 89–94; 1978б, с. 5, обр. 2; Ср.: Radnoti A., 1938, S. 151–155). Б.А. Раев предполагает, что сосуды этого типа могли производиться во Фракии, и называет этот тип "фракийским" (Raev B.A., 1977a, S. 616, сл.; 1977b, S. 155, сл.). Д.Б. Шелов считает, что они могли производиться не только во Фракии, но и в Северном Причерноморье по италийским или фракийским образцам (Шелов Д.Б., 1983, с. 66). В Крыму находки таких ойнохой достаточно редки (Бабенчиков В.П., 1963, табл. XII, *1*; V, *17*; Блаватский В.Д., 1951, с. 269; Кропоткин В.В., 1970, № 824, 829, 831, 833; Орлов К.К., Скорий С.А., 1989, с. 65, 66, рис. 1,*4*), тогда как в Северном Причерноморье их известно достаточно много (Мелюкова А.И., 1962, рис. 3; Кропоткин В.В., 1970, с. 23, карта распространения – рис. 8; Арсеньева Т.М., Шелов Д.Б., 1974, табл. XXXIII, *1*; Шелов Д.Б., 1983; Raev B.A., 1979, p. 237, pl. 13; 1986; Гросу В.И., 1990, рис. 25, *10* и др.).

В целом подобные сосуды относят обычно ко II–III вв. н.э. (Шелов Д.Б., 1983; с. 66; см. схему развития типа: Raev B.A., 1986, pl. 31). Датировать публикуемый сосуд можно рубежом II–III вв. н.э., учитывая его находку в комплексе с серебряным денарием (рис. 6,*3*) Клодия Альбина[10] (193–195 гг.) и светлоглиняной амфорой типа Д (рис. 6,*4*) по классификации Д.Б. Шелова (1978), а также стеклянной чашей.

Кроме того, в погр. 39 (2) был обнаружен бронзовый флакон (рис. 1, *7*) с высоким туловом цилиндрической формы, стенки вертикальные, дно плоское, верхний край частично обломан. В средней и верхней части тулова сделаны слабовыступающие каннелюры. Высота флакона – 7,6 см; диаметр донца – 2,5 см. Флакон происходит из комплекса второй половины I в. н.э. (датировку комплекса определяет краснолаковая тарелка с клеймом planta pedis (рис. 1,*6*). В чем-то флакон сближается с бронзовыми пиксидами (Simon G., 1995, fig. 1, *4*, *5*). Однако наиболее вероятно, что перед нами

[10] Денарий. Серебро. Император Клодий Альбин (193–195). Л.с. D. CLOD. SEPT. ALBIN CAES. Бородатая голова императора вправо. О.с. MINER. PACIF. COS. II. Минерва стоит влево, держа в правой руке оливковую ветвь (определение Н.А. Фроловой).

футляр для медицинских инструментов, в деформированном виде вторично использованный для погребения. Близкие по форме флаконы известны на территории Германии, где их иногда находят даже вместе с набором инструментов (Matthaus H., 1989, Abb. 31).

Погребения, в которых обнаружена бронзовая посуда, не выделяются особенностями погребального обряда из общего круга позднескифских древностей (ср.: Гущина И.И., 1997) – это грунтовые могилы, в двух случаях (погр. 215, 299) ямы имели заплечики и перекрывались каменными плитами. Погребение 39(2) – подбойное, причем подбои были сделаны с двух сторон входной ямы. Бронзовые сосуды в погребении размещались либо в головах (погр. 172), либо в ногах (погр. 215, 299). Все бронзовые сосуды найдены в нерядовых захоронениях, содержавших изделия из драгоценных металлов (золотые бляшки – погр. 299 (рис. 7, *3, 4*), серебряный денарий и браслет – погр. 285 (рис. 6, *3, 18*), серебряный браслет – погр. 215 (рис. 4, *11*); серебряная серьга – погр. 39 (рис. 2, *4*)) и оружие (погр. 215). Кроме того, прослежена интересная закономерность: в большинстве погребений с бронзовой посудой обнаружены амфоры (погр. 172, 215, 285), что составляет почти половину находок целых амфор в могильнике (восемь экземпляров).

Комплекс погребения 215 выделяется из общего круга позднескифских захоронений, представляя необычный для позднескифского общества набор инвентаря воинского погребения. Как и у сарматов (Шилов В.П., 1974, с. 64, 65), находки бронзовой посуды в могилах Юго-Западного Крыма подчеркивают сравнительно высокий имущественный или социальный статус погребенных. К сожалению, антропологические исследования костяков из-за плохой сохранности последних не проводились, но, очевидно, можно утверждать, что бронзовая посуда происходит как из мужских, так и из женских погребений.

Как уже отмечалось выше, металлическая посуда редко встречается в позднескифских погребениях. За исключением пока неопубликованных и известных нам только по устным сообщениям А.Е. Пуздровского и Ю.П. Зайцева металлических сосудов из Усть-Альминского некрополя, к настоящему моменту издан только серебряный флакон из могильника Бельбек III (Гущина И.И., 1974, рис. V, *14*). Несомненно, сравнительно большее, чем в других позднескифских некрополях, количество римского импорта, в первую очередь бронзовой, стеклянной и краснолаковой посуды, в могильнике Бельбек IV было обусловлено близким положением к Херсонесу, с которым жители наверняка поддерживали тесные торговые связи (см. об этом подробнее: Кадеев В.И., Сорочан С.Б., 1989, с. 80–89). Нельзя также исключать возможность того, что поблизости располагался римский военный пост (Гущина И.И., Журавлев Д.В., 1996, с. 50), входивший в систему обороны вокруг Херсонеса. Наиболее богатые импортом погребения вполне могли принадлежать людям, так или иначе связанным с римским гарнизоном. Так, например, ковши наряду с бронзовыми ведерками входили в состав воинского инвентаря (Шилов В.П., 1974, с. 65). Безусловно, погребенные в Бельбекском могильнике не являлись римскими легионерами, но погребения вполне могли принадлежать солдатам вспомогательных войск, как, например, погр. 215[11], или людям, связанным с гарнизоном иным способом. Большое количество греческих граффити также подтверждает такую возможность (Гущина И.И., Журавлев Д.В., 1996, с. 50).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Античные государства Северного Причерноморья, 1984. М.

Амброз А.К., 1966. Фибулы юга европейской части СССР. II в. до н.э. – IV в. н.э. // САИ. Вып. Д1-30.

[11] Как уже отмечалось выше, в этом погребении найден кувшин, аналогии которому известны почти исключительно в местах, где было сильно римское влияние. Кроме того, кувшин, амфора и таз, найденные в одном комплексе, также могут наводить на мысль, что перед нами отнюдь не варварское погребение.

Арсеньева Т.М., Шелов Д.Б., 1974. Раскопки юго-западного участка Танаиса (1964–1972 гг.) // Археологические памятники Нижнего Подонья. М.

Бабенчиков В.П., 1963. Чорноріченський могильник // Археологічні памятки УРСР. Т. XIII. Київ.

Блаватский В.Д., 1951. Харакс // МИА. № 19.

Бураков А.В., 1976. Козырское городище рубежа и первых столетий нашей эры. Киев.

Волкович А.М., 1941. К южным связям Прикамья в последние века до н.э. и в первые века н.э. // Труды отдела истории первобытной культуры. Т. I. Л.

Высотская Т.Н., 1994. Усть-Альминское городище и некрополь. Киев.

Гайдукевич В.Ф., 1952. Раскопки Мирмекия в 1935–1938 гг. // Боспорские города. МИА. № 25.

Гороховський Е.Л., Зубар В.М., Гаврилюк Н.О., 1985. Про пізню дату деяких античних городищ Ольвійської хори // Археологія. № 49. Київ.

Гросу В.И., 1990. Хронология памятников сарматской культуры Днестровско-Прутского междуречья. Кишинев.

Гущина И.И., 1974. Население сарматского времени в долине реки Бельбек в Крыму (по материалам могильников) // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М.

Гущина И.И., 1982. О локальных особенностях культуры населения Бельбекской долины в первые века н.э. // Археологические исследования на юге Восточной Европы. Ч. II. Тр. ГИМ. Вып. 54.

Гущина И.И., 1997. О погребальном обряде населения Бельбекской долины (по материалам могильника Бельбек IV в Юго-Западном Крыму) // Археологический сборник. Погребальный обряд. Тр. ГИМ. Вып. 93.

Гущина И.И., Журавлев Д.В., 1996. Римский импорт из могильника Бельбек IV // Тез. докл. Отчетной сессии Государственного Исторического музея по итогам полевых археологических исследований и новых поступлений в 1991–1995 гг. М.

Гущина И.И., Журавлев Д.В. (в печати). Позднескифский могильник римского времени Бельбек IV в Юго-Западном Крыму.

Гущина И.И., Засецкая И.П., 1994. Золотое кладбище римской эпохи в Прикубанье. СПб.

Дашевская О.Д., 1991. Поздние скифы в Крыму // САИ. Вып. Д1-7.

Демиденко Ю.В., 1994. Сарматские погребения из могильника хутора Глинище // Древности Волго-Донских степей. Вып. 4. Волгоград.

Журавлев Д.В., 1997. Краснолаковая керамика группы Восточная сигиллята В из могильника Бельбек IV в Юго-Западном Крыму // Древности Евразии. М.

Кадеев В.И., Сорочан С.Б., 1989. Экономические связи античных городов Северного Причерноморья в I в. до н.э. – V в. н.э. (на материалах Херсонеса). Харьков.

Книпович Т.Н., 1949. Танаис. Историко-археологическое исследование. М.; Л.

Кропоткин В.В., 1970. Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н.э. – V в. н.э.) // САИ. Вып. Д1-27.

Максимов Е.К., 1957. Сарматское погребение из кургана у с. Большая Дмитриевка Саратовской области // СА. № 4.

Мелюкова А.И., 1962. Сарматское погребение из кургана у с. Олонешты (Молдавская ССР) / СА. № 1.

Николов Д., 1961. Златни фиали от с. Даскал Атанасово, Старозагорско // Изследования в памет на Карел Шкорпил. София.

Орлов К.К., Скорий С.А., 1989. Комплекс з бронзовим посудом римського часу с поховання в Центральном Криму // Археологія. № 2.

Прохорова Т.А., Гугуев В.К., 1992. Богатое сарматское погребение в кургане 10 Кобяковского могильника // СА. № 1.

Раев Б.А., 1978а. Металлические сосуды кургана "Хохлач" // Проблемы археологии. Вып. 2. Л.

Раев Б.А., 1978б. Ковани кани от римските провинции и техните италийски прототипове // Археология. № 3. София.

Сокольский Н.И., 1954. Боспорские мечи // МИА. № 33.

Спицын А.А., 1906. Серогозские курганы // ИАК. Вып. 19.

Фиалко Е.Е., 1996. Наборы античной металлической посуды из скифских погребений // Мир

Ольвии. Памятник исследователю и исследование памятника. К 90-летию профессора Л.М. Славина. Киев.
Хазанов А.М., 1963. Генезис сарматских бронзовых зеркал // СА. № 4.
Хазанов А.М., 1967. Сарматские мечи с кольцевым навершием // СА. № 2.
Хазанов А.М., 1971. Очерки военного дела сарматов. М.
Шелов Д.Б., 1965. Италийские и западноримские изделия в торговле Танаиса // Acta Archaeologica Hungarica. XVII. Budapest.
Шелов Д.Б., 1972. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М.
Шелов Д.Б., 1978. Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков нашей эры. Классификация и хронология // КСИА. Вып. 156.
Шелов Д.Б., 1983. Римские бронзовые кувшины и амфоры в Восточной Европе // СА. № 4.
Шилов В.П., 1973. Металлические сосуды из кургана у с. Большая Дмитриевка // СА. № 4.
Шилов В.П., 1974. К проблеме взаимоотношений кочевых племен и античных городов Северного Причерноморья в сарматскую эпоху // КСИА. Вып. 138.
Шилов В.П., 1975. Очерки по истории древних племен нижнего Поволжья. Л.
Шкорпил К., Шкорпил Х., 1912. Балчик // Известия на Варненското Археологическо Дружество. Кн. V. Варна.
Щукин М.Б., 1991. Некоторые проблемы хронологии раннеримского времени (К методике историко-археологических сопоставлений) // АСГЭ. Вып. 31.
Art of the Ancient World. Greek, Etruscan, Roman, Egyptian and Near Eastern Antiquities. Rogal-Athena Galleries, 1985. № 71. V. VIII. Pt. II (January).
Babes M., 1971. Necropola dako-romana da la Enisala // Studii Si cercetari de istorie veche. T. 22. № 21.
Baumann V.H., 1995. Asezari rurale antice in zona Gurilov Dunarii. Contributii archeologice la cunoasterea habitatuliui rural (sec. I–IV p. Chr.) // Biblioteca Istro-Pontica, Seria Archeologie. Tulcea.
Boucher S., Tassinari S., 1976. Bronzes antiques du musee de la Civilisation Gallo-Romaine a Lyon. I. Lyon.
Brešcak D., 1982. Antično Bronasto posodje Slovenije. Ljubljana.
Brescac D., 1995. Roman bronze vessels from Slovenia // Acta of the 12th International Congress on ancient bronzes. Nijmegen.
Eggers H.J., 1951. Der römische Import in Freien Germanien. Hamburg.
Hayes J.W., 1985. Sigillate orientali // Ceramica fine Romana nell basino Mediteraneo (tardo-ellenismo e primo impero). Atlante delle forme ceramiche. II. Enciclopedia dell'arte antica. Classica e orientale. Roma.
Hilgers W., 1969. Latenische Gefässnamen. Dusseldorf.
Kaufmann-Heiniman A., 1984. Der S. Merschatz von August. August (Romermuseum August).
Kellner H.-J., Zahlhaas G., 1993. Der Römische Tempelschatz von Weissenburg i. Bay. Mainz.
Matthäus H., 1989. Der Arzt in römischen Zeit. Medizinische Instrumente und Arzneien. Stuttgart.
Miglbauer R., 1994. Ein römerzeitlicher Verwahrfund aus Wels, Oberosterreich // Acten der 10. Tagung uber antike Bronzen. Freiburg 18–22 Juli, 1988. Stuttgart.
Popovic Lj., 1958. Radoliste (Contribution a l'etude illyro-grecque en Macédone) // Зборник радова народного музеја. 1956/57. Београд.
Poulsen E., 1995. Remarks on Roman Bronze Suillets with Deep Grooves under the Base // Acta of the 12th International Congress on ancient bronzes. Nijmegen.
Radnoti A., 1938. Die Römischen Bronzegefasse von Pannonien. Dissertationes Pannonicae. Budapest. Ser. II. № 6.
Raev B.A., 1977a. Die Bronzegefässe der römischen Keiserzeit in Thrakien und Mösien // Bericht der Römisch-Germanischen Komission. Bd. 58.
Raev B.A., 1977b. Les "Blechkannen" de province et leurs prototypes italiques // Acctes du IV Colloque international sur les bronzes antiques. Lyon.
Raev B.A., 1979. Metal vessels from "Hohlac" (Novocerkassk) // Bronzes hellenistiques et romains. Tradition et renouveau. Lausanne.
Raev B.A., 1986. Roman Imports in the Lower Don Basin / BAR. International Series. 278. Oxford.
The Rogozen Treasure, 1989 / Ed. by A. Fal. Sofia.
Simon G., 1995. Methodes de datation et de localisation des centres de production des bronzes romains découverts dans la region du Bas-Danube // Acta of the 12th International Congress on ancient bronzes. Nijmegen.

Tassinari S., 1993. Il vasellame Bronzeo di Pompei. Cataloghi 5. Roma.
Traci. Arte e cultura nelle terre di Bulgaria dalle origini alla tarda romanita, 1989. Venezia, Pallazzo Ducale, 13 maggio 1989 – 30 Novembre 1989.
Werner J., 1990. Die Beinschualle des Leodobodus // Kölner Jahrbuch für Vor – und Frühgeschichte. 23.

Государственный Исторический музей,
Москва

I.I. GUSCHINA, D.V. ZHURAVLEV

BURIALS WITH BRONZE VESSELS FROM THE BURIAL GROUND BELBEK IV IN THE SOUTHERN-WEST CRIMEA

Summary

In Late Scythian burial ground Belbek IV 331 investigated complexes include several tombs with bronze vessels. The most representative group includes ladles. There are three samples of these one of which was found by chance on the territory of the burial ground (fig. 9, *3*; 10) and can be dated to the end of the lst century BC – the first half of the lst century AD. The two other ladles (Eggers-140 type) have been found in the complexes dating to the second half of the lst century AD but could have been made somewhat earlier (fig. 3, *4*; 7, *8*; 9, *1–2*). These ladles seem to have been Italic import.

A bronze basin (fig. 5; 9) found in burial 215 can be dated to the end of the 2nd – the first half of the 3d centuries AD. It is not known exactly where it was produced, but Gallia seems to be a likely place. An iron forged oinochoe of the "Thrace" type is also dated to the end of the 2nd – the first half of the 3d centuries AD (fig. 6, *1*; 9, *4*). The authors think that a cylindrical bottle (fig. 1, *7*) could have served as a case for medical instruments used for the second time in the burial.

Finds of bronze vessels are extremely rare in the burial grounds of the Late Scythian population. The authors think that the tombs containing bronze vessels belonged to rich and hoble representatives of the Late Scythian society that could have had links with Roman troops stationed not far from the mouth of the river Belbek.

В.С. СОЛОВЬЕВ

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЙ ГОРОД ТОХАРИСТАНА ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК КАФЫРКАЛЫ

Городище Кафыркала расположено в центре Вахшской долины на юге Таджикистана. Оно было обнаружено в 1947 г. Вахшским археологическим отрядом (Беленицкий А.М., 1950, с. 143, табл. 71/2). В 1956–1957 гг. Т.И. Зеймаль произвела первые раскопки в центральной части памятника. В процессе их вскрыто три культурных слоя, соответствующих трем периодам жизни на городище (КФ I-III). На основе полученных материалов исследовательница датировала кроющий слой (КФ-I) – VII–VIII вв., промежуточный слой (КФ-II) – III–IV вв. и подстилающий слой (КФ-III) – II–III вв. (Литвинский Б.А. и др., 1959, с. 129–152). Датировка периода КФ-II позже была уточнена: IV – середина VII в. (Зеймаль Т.И., 1969, с. 7). Городище отождествлено со столицей области Вахш – г. Хелавердом, упоминаемым Сюань Цзаном (Beal S., 1981, p. 40).

В 1968 г. раскопки Хелаверда были возобновлены, они велись в основном на цитадели, где располагались дворцовые постройки (Литвинский Б.А., Соловьев В.С., 1985; Litvinsky B.A., Soloviev V.S., 1985). С 1969 по 1990 г. работы на памятнике проводились автором, они сосредоточивались преимущественно на территории собственно города. В центральной его части дообследовано административное здание (объект 1), в северной раскопаны два жилых дома и угол ограды городского храма (объекты 3,5), у западных городских ворот обнаружено хранилище сельскохозяйственных продуктов (объект 4). Результаты этих раскопок опубликованы лишь частично. Более полно они приводятся в данной статье (рис. 1).

Полученные автором материалы позволили несколько детализировать историю памятника. Город был возведен в конце VI в. на месте поселения кушанского времени. Вся площадь огороженного крепостной стеной массива (360 × 360 м) была разбита на квадраты (44 × 44 м). В один такой квадрат вписана цитадель, расположенная в его северо-восточном углу, на территории собственно города – храм и четыре жилых дома. Главная уличная магистраль, тянущаяся от западных до восточных ворот, делит массив на две половины – северную и южную. В центре города располагается площадь (35 × 40 м).

В середине VII в. была осуществлена кардинальная перестройка города и дворцовых помещений на цитадели, при этом первоначальная городская планировочная структура была сохранена. Причинами перестройки послужили высокое стояние грунтовых вод на территории города и, как следствие этого, сильная сырость в помещениях, разрушение оснований стен. В это время население города значительно возросло, часть жителей переселилась за пределы городских стен, где стал формироваться пригород. В начале второй четверти VIII в. город был захвачен арабами, это событие отмечено пожарами и разрушениями домов и дворцовых построек. Затем оставшиеся в живых жители отстроили город заново. Площадь его жилой застройки увеличилась за счет использования территории переставшего функционировать храма. Между 40–50 гг. VIII в. арабы вторично захватили город и после этого он прекратил свое существование. Жизнь на его месте больше не возродилась, поэтому город не перекрыт поздними культурными наслоениями.

Объект 3 расположен в центре города, на пересечении главной и второстепенной

© В.С. Соловьев, 1999 г.

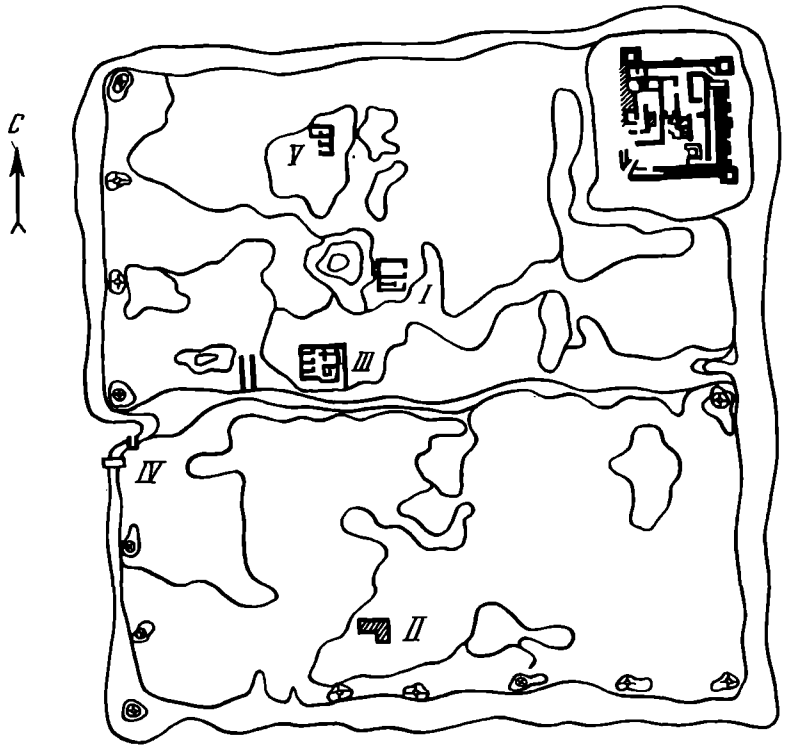


Рис. 1. Кафыркала. План городища с объектами раскопок

улиц. Раскопками здесь вскрыты домовладение и отрезки двух второстепенных улиц. Домовладение было двухэтажным, полезная площадь первого этажа составляет 200 м^2, второй этаж не сохранился. В плане первого этажа четко выделяются две половины – восточная и западная, разделенные между собой коридором. Центральным помещением восточной половины являлось домашнее святилище (помещение 1). Оно имело в плане квадратную форму (7,10 × 7,10 м), его перекрывал купол. Вдоль стен святилища устроены суфы, у восточной стены одна из них поворачивает под прямым углом и образует выступ – постамент (1,9 × 0,9 м), расположенный напротив входа в святилище. Он тщательно оштукатурен, побелен и выкрашен в желтый цвет. На полу около постамента найдены мелкие кусочки глиняной скульптуры. Судя по находкам фрагментов стенной росписи синего цвета, святилище было расписано. С двух сторон святилище огибал коридор, подчеркивающий особое его положение в системе помещений домовладения, а также связывающий последние между собой (рис. 2).

При перестройке домовладения северный отрезок коридора был превращен в хранилище сельскохозяйственных продуктов. Юго-восточный угол занимают три помещения различной формы и размеров. Вход в них вел как из внутренней части дома, так и с главной улицы. Два помещения (5,6) являлись лавкой, в которой продавалась продукция, производимая в ювелирной мастерской. Назначение помещения 7 оставалось не выясненным. В юго-западном его углу устроено окно, имевшее вид широкой вертикальной амбразуры. Свет в окно попадал через помещение 6, в то время когда расположенная напротив него дверь была открыта. Вдоль восточной стены помещения устроена суфа с закругленными углами и краями, у западной стены – возвышение, заканчивающееся углублением – очагом.

В западной половине дома главным помещением являлся парадный зал (4). Он прямоугольный в плане (9,95 × 5,65 м), его кровлю поддерживали две колонны, имеющие своеобразные по конструкции деревянные базы (рис. 3), которые покоились на четырех обожженных плитах. Вдоль северной стены зала располагалась суфа шириной 1,4 и высотой 0,3 м. Из зала имелся выход на главную улицу. За ним следуют

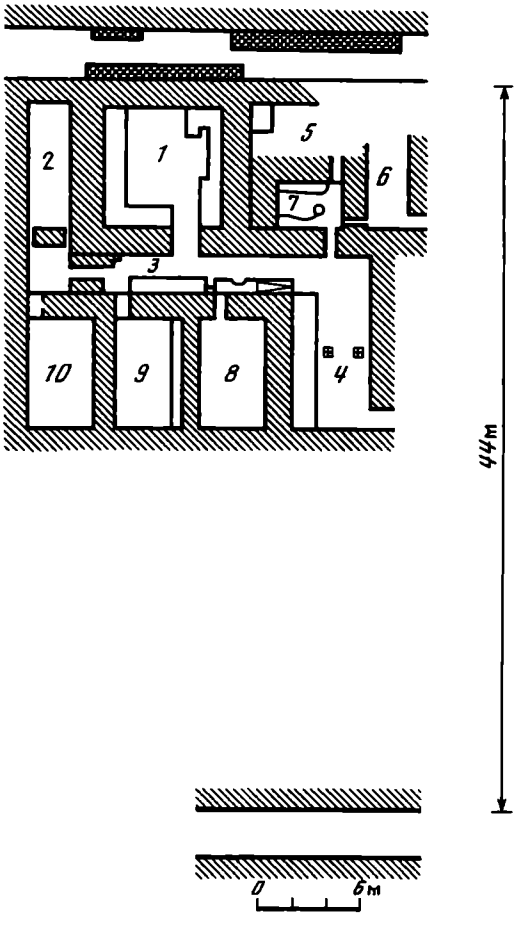


Рис. 2. Кафыркала. Объект 3, план

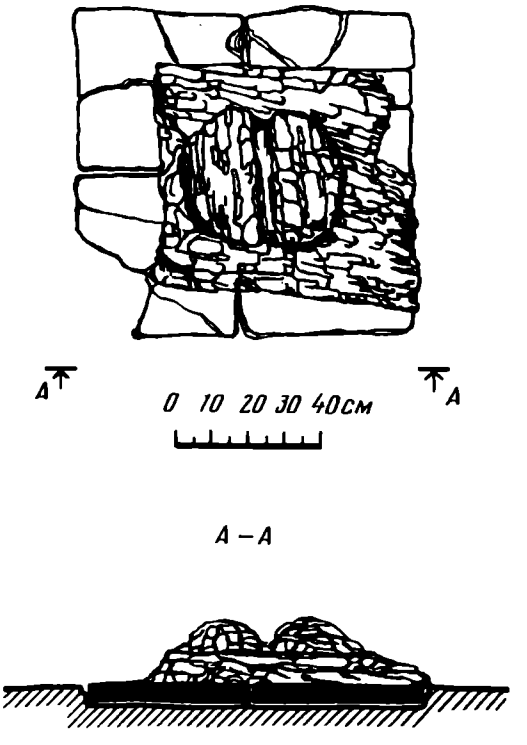


Рис. 3. Кафыркала. Объект 3, деревянная база колонны

три, близких по размерам, прямоугольных помещения. Одно из них (8) было жилым, его перекрывал свод необычной для памятника конструкции, так как сохранившийся тромп расположен непосредственно не в углу помещения, а на стене (рис. 4). Второе помещение (9) являлось ювелирной мастерской. Вдоль его южной стены идет кирпичный уступ высотой 0,93 и шириной 0,5–0,6 м, выложенный из сырцового кирпича (50 × 25 × 9 см). На его горизонтальной поверхности расчищены три лунки, расстояние между которыми составляет ~ 1 м. Диаметр лунок 20–28 см, глубина 7–8 см. Стенки их сильно обожжены. Внутри лунок – угольки, зола и кусочки шлака. Вероятно, на этом месте стояли домницы. Анализ пяти образцов шлаков показал[1], что мастера изготавливали бронзовые украшения, в частности полусферические нашивные бляшки, две из которых найдены в мастерской. Замыкало этот ряд помещений хранилище продуктов (10)[2].

Данное домовладение возведено в середине VII в., оно неоднократно подвергалось ремонтам и перестройкам. После первого захвата города арабами домашнее святилище было превращено в хозяйственное и жилое помещение, парадный зал значительно сузили по длине и перекрыли сводом. Некоторые хозяйственные помещения первого этажа перестали функционировать. В Пенджикете, где городская жилая застройка вскрыта на больших площадях, домовладения до 300 м^2 по первому этажу отнесены к собственности низшей знати (Распопова В.И., 1990, с. 133). Домовладение

[1] Спектральные и полуколичественные анализы шлаков сделаны в Институте геологии АН Республики Таджикистан.

[2] Опубликованный ранее неполный план домовладения был уточнен в процессе его изучения.

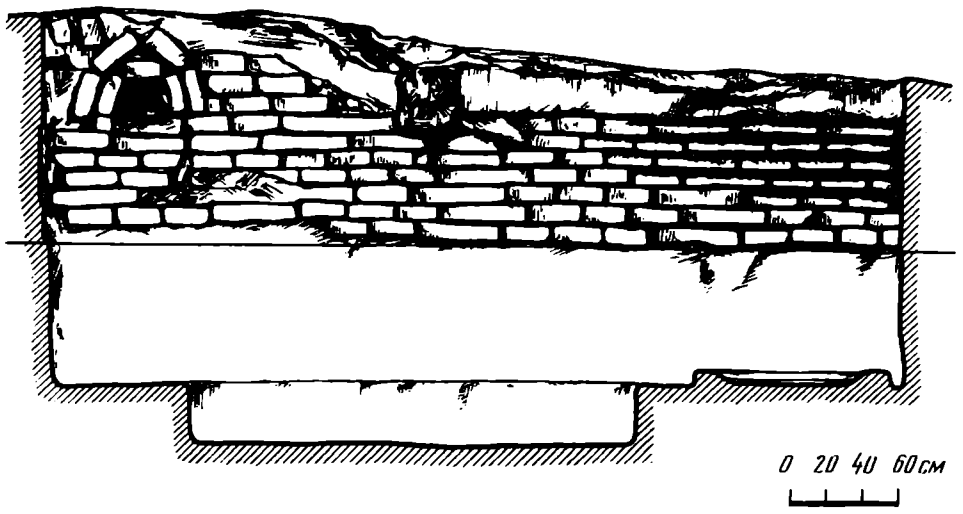


Рис. 4. Кафыркала. Объект 3, тромп в помещении 8

Хелаверда принадлежало богатому ремесленнику, производившему и продававшему свою продукцию. Непосредственно к домовладению с восточной стороны примыкала крытая сводом второстепенная улица. Длина ее раскопанного участка 20 м, ширина первоначально была равна 3 м. На протяжении периода КФ-I внешние стены домовладения и восточная стена улицы неоднократно ремонтировались. Ремонт сводился к сооружению кирпичных контрфорсов шириной ~ 1 и длиной до 10 м. Улицу заполняли слои мусора мощностью ~ 2 м. Вскрыто шесть горизонтальных поверхностей, на третьей сверху из них расчищена сливная канавка. Ширина ее устья равна 1,10 м, ширина у дна 0,3 м, глубина 0,15–0,20 м. Канавка имеет уклон в сторону главной уличной магистрали. К западу от домовладения вскрыт значительный участок еще одной второстепенной улицы, также имеющей ширину 3 м. Расстояние между второстепенными улицами, отходящими от главной уличной магистрали под прямым углом на север, равно 44 м.

Объект 5 расположен около центральной части внутреннего фасада северной городской стены. В этом месте рельеф образует крупное всхолмление. С юга к нему примыкает водоем, а также ровная площадка без строений, на которой, вероятно, размещался небольшой сад. Особенности рельефа этой части памятника, а также результаты раскопок позволяют сделать предположение о том, что здесь располагался священный участок с крупным буддийским храмом. Раскопками вскрыт северо-восточный угол храмовой ограды. Ее образовывает коридор – вестибюль, вытянутый с востока на запад, по обе стороны от него находятся культовые помещения (рис. 5, *А*). Центральным помещением северного комплекса являлось святилище с крупным постаментом прямоугольной формы, стоящим у южной стены, и суфой. С трех сторон его огибал П-образный обходной коридор, в южном торце восточного отрезка которого устроена ниша для скульптуры. Она перекрыта аркой, выложенной из пяти рядов кирпича, уложенного плашмя тычками наружу (рис. 6). К югу от коридора-вестибюля расположено крупное святилище, вскрытое лишь частично. В центре его стоит постамент шириной 0,7 и высотой 0,2 м, длина его вскрытой части равна 1,3 м.

После первого захвата города арабами храм перестал функционировать. При восстановлении города часть храмовых помещений была приспособлена для жилья, остальные помещения разрушены. На месте северного комплекса было возведено домовладение, состоявшее по первому этажу из трех помещений, полезная площадь которых равна 64 м^2. Коридор-вестибюль при перестройке превратили в отдельное помещение (2,75 × 4,13 м) с суфой у южной стены (1). Вход в него расположен в восточном торце. Другим входом это помещение связано с жилой комнатой (4,3 × 6 м),

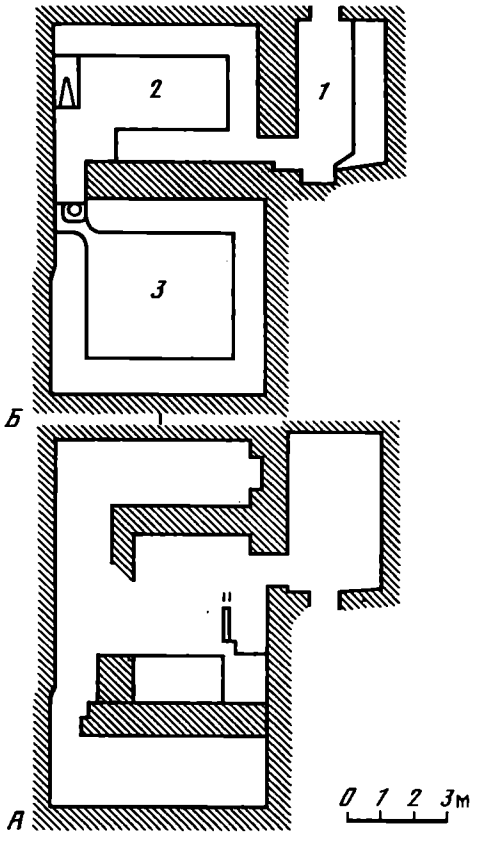


Рис. 5. Кафыркала. Объект 5, план

вдоль стен которой устроена система суф (2). Из этого помещения имелся лестничный подъем на второй этаж, который не сохранился. В западной части первого этажа располагалось крупное помещение (5,65 × 6,30 м), являвшееся одновременно и жилым, и хозяйственным (3). В проходе, соединявшем помещения 2 и 3, был устроен очаг, отапливавший их одновременно (рис. 5, *Б*). Сравнительный материал из Пенджикента позволяет отнести данное домовладение к категории рядовых (Распопова В.И., 1990, с. 131).

Третье раскопанное на территории города здание включало в себя зал (17 × 7 м) и три небольших хозяйственных помещения. Перед зданием располагалось незастроенное пространство – двор или площадь. Ранее оно считалось домом богатого горожанина, теперь же, зная планировку жилых домов, можно отнести его к зданиям административного типа. Оно могло принадлежать городской общине. Облик самого зала, его размеры, близкие размерам дворцовых залов, свидетельствуют о том, что в собраниях городской общины, видимо, принимал участие правитель области. Его трон размещался в нише, устроенной в западном торце зала. Собрания сопровождались трапезами. Для них в подсобных помещениях хранились продукты, имелись очаги для приготовления пищи и тануры для выпечки хлеба.

Объект 4 расположен у западных городских ворот. Здесь был осуществлен разрез основной оборонительной стены, вскрыты предстенные оборонительные сооружения, одна промежуточная башня, а также хозяйственное помещение. Городская стена разрезана траншеей длиной 10 и шириной 2 м. В ходе раскопок выявлена ее конструкция. На тщательно выровненную дневную поверхность вначале поставили пахсовый фундамент высотой 0,46 м, который выступал за линию стены на 1,6 м. На нем лежит слой светлого лесса толщиной 10–12 см, а затем уже идет монолитная пахсовая кладка стены, разбитая на ярусы высотой 1 м. Основание стены имеет ширину 5,15 м, высота доныне сохранившегося ее верха 4,5 м. В разрезе стена имеет пирамидальную форму, первоначальная ее высота была равна примерно 6 м, ширина на уровне валганга ~ 3 м (рис. 7, *А*).

Параллельно основной оборонительной стене шла протейхизма. Она сложена из плотной пахсы темного цвета ярусами высотой 0,8 м, плоскости ее прорезаны косыми и вертикальными швами, располагающимися в шахматном порядке. Протейхизма вскрыта на протяжении 25 м. В поперечном разрезе она имеет пирамидальную форму. Ширина ее основания 1м; высота ~ 2,5; ширина вверху 0,5 м. Расстояние между основной стеной и протейхизмой равно 4,82 м. Соседство оборонительного рва, наполненного водой, было причиной сырости, от которой страдали основания стен. Это вынудило горожан делать в межстенном коридоре лессовую подсыпку. Данная мера привела к тому, что к концу жизни в городе функциональное значение протейхизмы сильно уменьшилось. Чтобы как-то компенсировать этот недостаток, параллельно основной стене около ворот была сооружена стенка-барьер длиной 2 м, шириной у основания 1 м, сохранившаяся ее высота равна 1 м.

Вскрытая башня в плане имеет форму сильно вытянутого прямоугольника (3,2 × × 10,7 м). Она монолитная, возведена из пахсы, уложенной горизонтальными ярусами

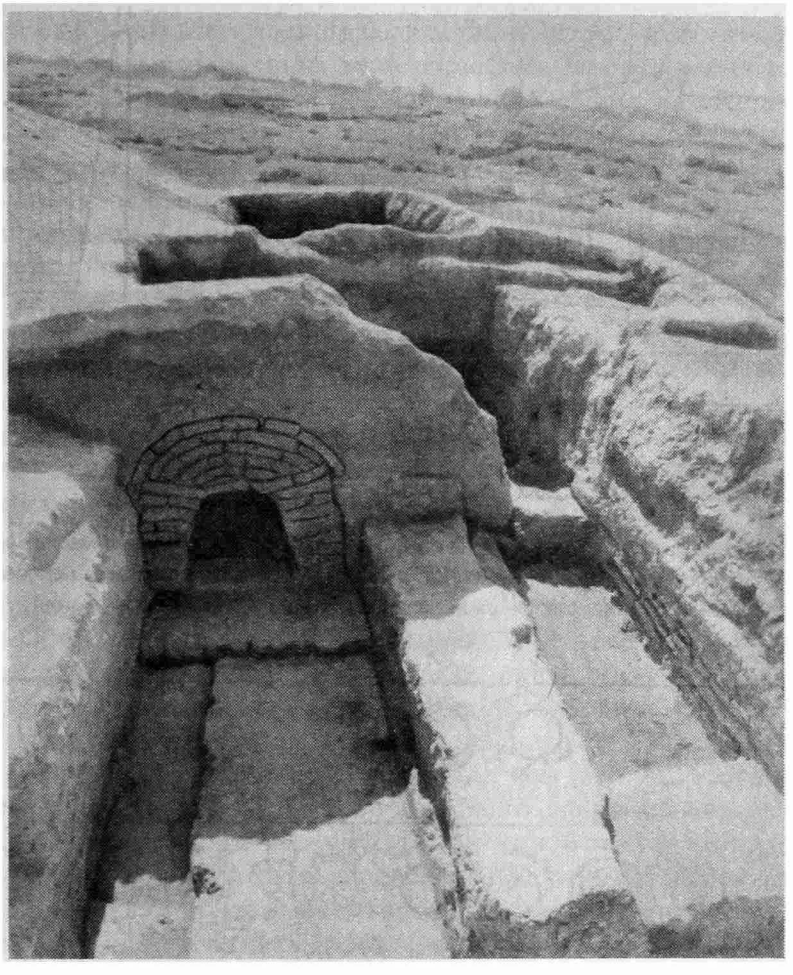


Рис. 6. Кафыркала. Объект 5, ниша для скульптуры

высотой 0,9 м. Поверхность башни разрезана косыми швами на блоки шириной 0,9–0,96 м. Ее внешняя поверхность имеет наклон внутрь, равный 15°. В отличие от башен цитадели городская башня не имеет кирпичных горизонтальных прокладок между ярусами пахсы и ложных бойниц. Расстояние между башней и протейхизмой равно 1,96 м – межстенный коридор здесь превращается в узкий лабиринт (рис. 7, *Б*).

При расчистке остатков городской стены в том месте, где она подходила к воротам, было обнаружено хозяйственное помещение, расположенное по правую руку от входящего в город. Это помещение пристроено непосредственно к городской стене и вытянуто вдоль нее с севера на юг. Оно прямоугольное в плане (8,36 × 4,06 м), было перекрыто сводом, выложенным из прямоугольных сырцовых кирпичей (50 × 25 × × 10 см) в технике параллельных отрезков. Одна его ветвь была встроена в оборонительную стену. Стены помещения тщательно оштукатурены и побелены, южная стена, кроме того, покрыта слоем оранжевой краски. При расчистке помещения были обнаружены хумы, бóльшая часть которых оказалась разбитой. Они стояли в четыре ряда (до 10 сосудов в каждом) вдоль длинных стен помещения. Два ряда хумов покоятся на суфах шириной 1,1 и высотой 0,1 м, часть хумов средних двух рядов вкопана для устойчивости в пол, дно других сосудов утоплено в жидкий раствор ганча. Хумы имеют стандартные размеры (м): высота 0,9; максимальный диаметр тулова 0,7; диаметр дна 0,4. Как внутри хумов, так и рядом с ними найдены сгнившие зерна пшеницы, косточки персика, семена тыквы (рис. 8). На краю восточной суфы был устроен очаг для обогрева помещения, которое, вероятно, служило для сбора и хранения сельскохозяйственных продуктов, взимаемых в виде платы с торговцев за въезд в город. В помещении находился человек, который принимал продукты, идущие затем, видимо, на общественные нужды.

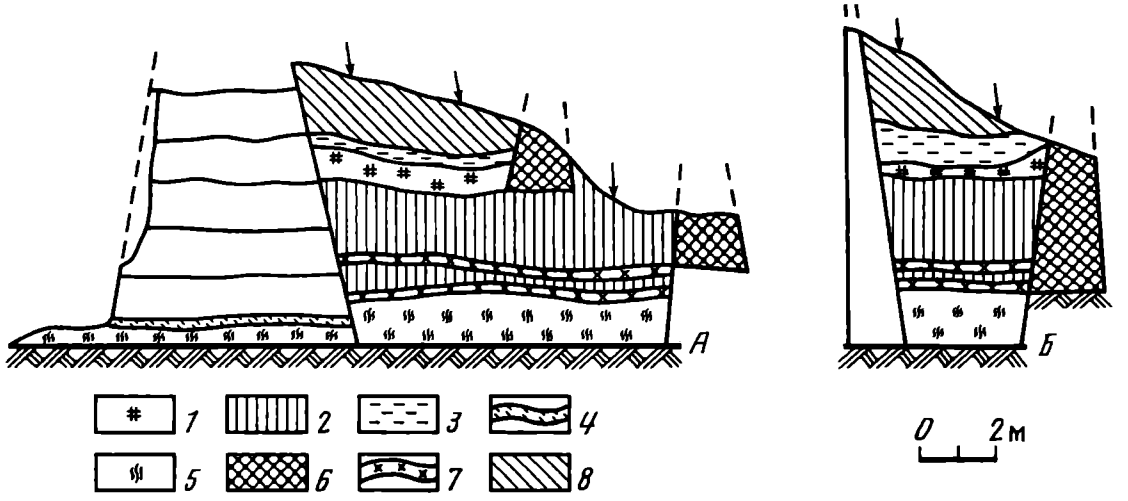


Рис. 7. Кафыркала. Объект 4, разрез крепостной стены и предстенных оборонительных сооружений: *1* – слой мусора; *2* – лессовая подсыпка; *3* – натеки; *4* – песчаная подсыпка; *5* – пахсовая кладка; *6* – протейхизма и барьер; *7* – уровни полов; *8* – слой развала оборонительных сооружений

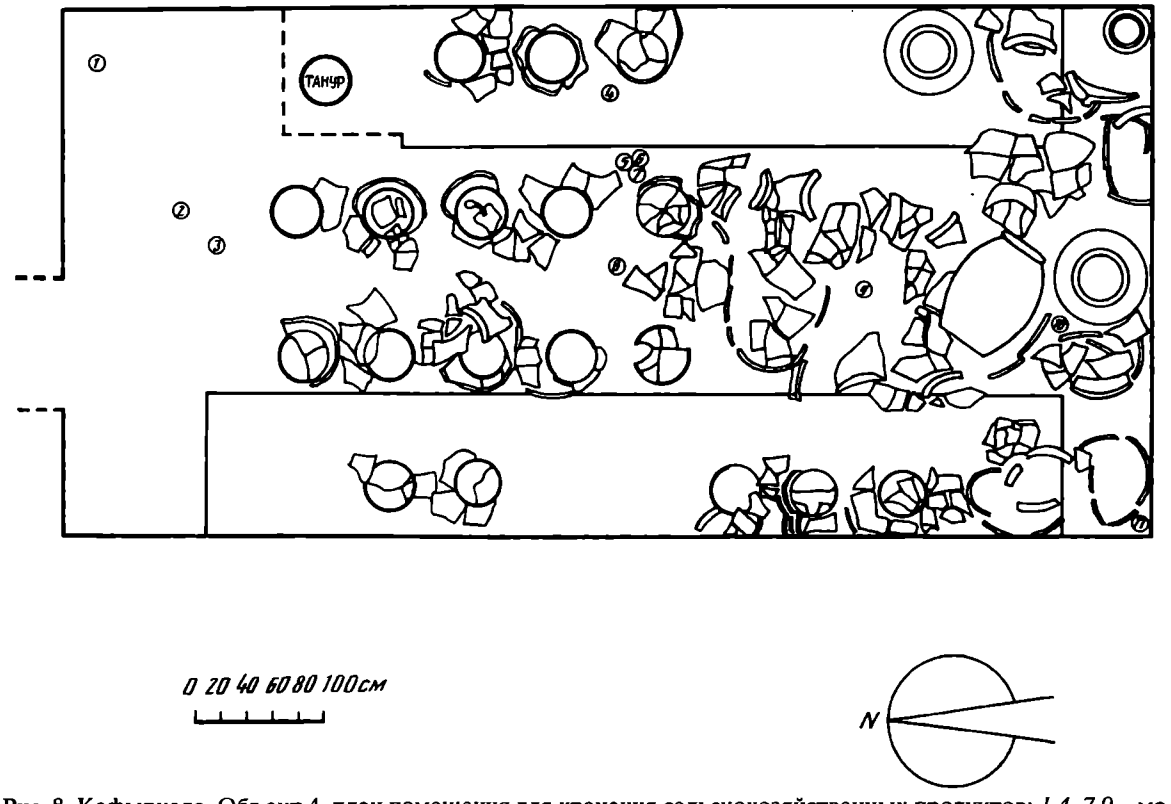


Рис. 8. Кафыркала. Объект 4, план помещения для хранения сельскохозяйственных продуктов: *1,4–7,9* – монеты; *2* – фрагмент бронзовой ручки; *3,8* – керамические пряслица; *10* – каменный штамп; *11* – керамический поильник

К сожалению, раскопочные работы на некоторых объектах Хелаверда завершить не удалось, однако уже сейчас полученные материалы и наблюдения позволяют сделать некоторые выводы об особенностях его планировки. Подтвердилось ранее высказанное мнение о том, что строительству города предшествовало составление его эскизного плана, который затем в увеличенном виде был перенесен на местность. Хелаверд был столичным городом, поэтому его застройка качественно отличается от застройки провинциального городка, известного сейчас как Калаи Кафирниган: раз-

бивка контуров строений в последнем велась "на глазок", нет четкого разделения помещений на бытовые и парадные, хуже качество строительных работ (Литвинский Б.А., 1980, с. 120–146). Истоки планировочной структуры Хелаверда лежат в структуре бактрийских античных городов (Пугаченкова Г.А., Ртвеладзе Э.В. и др., 1988, с. 8, рис. 2; Кругликова И.Т., 1974, с. 7; Guillaume O., 1983, табл. 1А, 1Б). Их роднят составные части, правильный абрис оборонительных стен и четкая сеть городских коммуникаций. Как и в Согде (Распопова В.И., 1990, с. 131, 132), сильное влияние на характер городской и дворцовой жилой архитектуры Хелаверда оказала замковая архитектура.

К эпохе античности восходит и фортификационная система города. Она соответствовала необходимым требованиям времени, насыщенного военными конфликтами, в которых использовалась осадная техника и большие массы людей, давала защитникам ряд преимуществ: делала менее уязвимыми стены при действии таранов, позволяла использовать любое оружие, сокращала количество оборонительных башен при сооружении фортификационной системы.

Пахса и сырцовый кирпич (50–52 × 25–26 × 8–10 см) являлись основными строительными материалами, использованными при строительстве Хелаверда. Стены построек возводились преимущественно из пахсы, кирпич шел для выкладки сводов, куполов, арок. Обожженный кирпич использовался для выстилки полов, устройства оснований колонн. Из дерева изготавливались колонны, пороги, дверные полотнища, косяки, сооружались плоские перекрытия. Стены покрывались обычной глиносаманной или декоративной штукатуркой, состоящей из цветной запесоченной глины.

Полученные материалы позволяют говорить о том, что Хелаверд являлся значительным ремесленным центром. Гончарство было одним из его развитых производств. Мастера изготавливали тарную, столовую, кухонную посуду, светильники, жертвенники, пряслица для всех слоев городского населения. Сырьем для них служили тощие, ожелезненные глины, добываемые в окрестностях города. Температура обжига станковой керамики достигала 950°. Существовало и домашнее производство керамики, которая отличалась худшим качеством изготовления (Соловьев В.С., 1996, с. 32–45).

Развитой была также обработка металлов. Из железа кузнецы изготавливали серпы двух типов (втульчатые и с отверстием для ремешка), ножи, мечи, поясные пряжки, ключи, наконечники стрел нескольких типов. При раскопках жилого дома на объекте 3 найден небольшой клад, состоящий из деталей поясного набора: бляшек двух типов (7 экз.), наконечника ремня и двух пряжек – железной и медной. Они практически идентичны соответствующим деталям согдийского поясного набора, который был тесно связан с тюркским поясным набором (Распопова В.И., 1965, с. 80–91). Изделия ювелиров представлены немногочисленными находками перстней, браслетов, серег, подвесок, изготовленных преимущественно из бронзы; реже встречаются изделия из серебра и свинца, работали ювелиры и с золотом.

Об уровне мастерства художников Хелаверда свидетельствуют прежде всего керамические рельефы. Они были призваны заменить или дополнить в домашних святилищах стенную живопись. Рельефы крепились к стенам, вероятно, на уровне человеческих глаз. Два из них составляли композицию, иллюстрирующую предание о царе-охотнике. Штампованные рельефы украшали также керамические оссуарии и чаши (Litvinsky B., Solov'ev V., 1990, p. 61–75). Стенная живопись использовалась преимущественно для декора буддийских святилищ. В парадных залах дворца и на объекте 3 она не обнаружена, поэтому можно предположить, что их стены украшали декоративные ковры.

Из письменных источников известно, что тохаристанцы исповедовали в основном буддизм, эти сведения подтверждаются открытием на территории Северного Тохаристана серии буддийских памятников, один из которых – дворцовая часовня на цитадели Хелаверда. Вероятно, буддийскими были домашнее святилище на объекте 3 и городской храм. В то же время в среде населения города бытовали представления,

связанные с фарном – горным козлом, верблюдом, зебувидным быком. Изображения этих животных встречены на отпечатках гемм и специальных штампов, оттиснутых на венчиках крупных тарных сосудов.

Характеристика, данная одному из городов Тохаристана на основании полученных при раскопках Хелаверда материалов, далека от полноты, более детальное его изучение – дело будущего. Однако уже сейчас можно уверенно сказать о том, что городская жизнь Тохаристана была развита не менее высоко, чем в соседнем Согде. Более 40 лет тому назад, когда археологические раскопки на территории Тохаристана еще только начинались, А.Ю. Якубовский сделал предположение о том, что города правобережной его части могли отличаться от городов Согда и Хорезма (Якубовский А.Ю., 1955, с. 125). Это предположение подтвердилось в наши дни. Автору представляется, что именно с этих позиций нужно рассматривать прежде всего согдийский и тохаристанский города раннего средневековья при их сравнении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Беленицкий А.М., 1950. Отчет о работе Вахшского отряда в 1947 г. // МИА. № 15.

Зеймаль Т.И., 1969. Вахшская долина в древности и раннем средневековье. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.

Кругликова И.Т., 1974. Дильберджин (раскопки 1970–1972 гг.). Ч. 1. М.

Литвинский Б.А., 1980. Калаи Кафирниган (раскопки 1974 г.) // АРТ. Вып. XIV (1974 г.). Душанбе.

Литвинский Б.А., Гулямова Э.Г., Зеймаль Т.И., 1959. Работа отряда по сбору материалов для составления археологической карты // АРТ. Вып. VII (1957 г.). Сталинабад.

Литвинский Б.А., Соловьев В.С., 1985. Средневековая культура Тохаристана. М.

Пугаченкова Г.А., Ртвеладзе Э.В. и др., 1988. Дальверзинтепе – кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент.

Распопова В.И., 1965. Поясной набор Согда VII–VIII вв. // СА. № 4.

Распопова В.И., 1990. Жилище Пенджикента. Л.

Соловьев В.С., 1996. Раннесредневековая керамика Северного Тохаристана. Елец.

Якубовский А.Ю., 1955. Феодальный строй. История Узбекистана. Т. 1. Кн. 1. Ч. III. Ташкент.

Beal S., 1981. Buddhist records of the Western World. V. 1. Delhi.

Guillaume O., 1983. Fouilles d'Aï Khanoum. II. Les Propylées de la rue principale // MDAFA. T. XXIV. Paris.

Litvinskij B.A., Soloviev V.S., 1985. Kafyrkala. Frümittelalterliche Stadt im Vach-Tal, Süd-Tadžikistan. München.

Litvinsky B., Solov'ev V., 1990. The Architecture and Art of Kafyr Kala (Early Medieval Tokharistan) // Bul. Asia Institute. New Ser. V. 4.

Елецкий государственный педагогический
институт

V.S. SOLOVYEV

EARLY MEDIEVAL CITY OF TOKHARISTAN BASED ON THE EXCAVATION MATERIALS FROM KAFYRKALA

Summary

On the basis of the data obtained during excavations conducted over many years in the hilltop site Kafyrkala in Southern Tadzhikistan, the author of the paper gives a characteristic of an early medieval capital city Tokharistan. The paper presents a detailed description of excavations facilities; the stratigraphy and dating of the site have been specified. Traits of the city building that dates to the building of Bactria ancient cities have been identified. It also contains information of architecture, fortifications, and craft production in the city. The author comes to the conclusion that, in addition to Buddhism, beliefs linked to farna were spread among city residents.

24 марта 1999 г. автору статьи, известному российскому археологу, профессору МГУ, доктору исторических наук Л.Р. Кызласову исполнилось 75 лет. Пользуясь случаем, редсовет и редколлегия, редакция журнала "Российская археология" сердечно поздравляют Леонида Романовича со славным юбилеем и желают ему новых успехов на ниве археологии.

Л.Р. КЫЗЛАСОВ

МАНИХЕЙСКИЙ ХРАМ В КОТЛОВИНЕ СОРГА

(Республика Хакасия)*

"А когда придет обещание Господа моего, он сделает это порошком, обещание Господа моего бывает истиной". (Надпись, списанная в 846 г. Салламом ат-Тарджуманом в ущелье Енисея.)

В 1971 г. в межгорной котловине Сорга́, расположенной в Батенёвском кряже в верховьях р. Пююр-сух при впадении в нее р. Сорых-сух[1] нами были обнаружены задернованные руины средневекового монументального храмового здания в северном храмовом центре (рис. 1) (Кызласов Л.Р., 1972, с. 296; 1974, с. 209, 210; Кызласов Л.Р., Кызласов И.Л., 1973, с. 222).

Аборигенные обитатели во все времена особо почитали котловину Сорга: именно здесь на протяжении 5000 лет в непотревоженном виде сохранялись позднеолитические святилища с каменными изваяниями божеств, созданные древнейшим населением тазминской культуры в начале III тыс. до н.э. (Кызласов Л.Р., 1986, с. 98–128), поэтому неудивительно, что в эпоху расцвета Древнехакасского государства, когда на Енисее появилось новое вероучение из числа мировых религий, местом сооружения городка с монументальным храмом посередине была избрана все та же священная котловина. Сведения рунических надписей позволяют полагать, что где-то поблизости находилась и одна из основных ставок правителей. Неслучайно зимой 710 г. для того, чтобы уничтожить хакасского Барс-кагана и его армию, войску орхонских тюрок пришлось, после нелегкого перехода через хребты Западного Саяна, скакать еще 150–200 км до Батенёвского кряжа. Именно там, в истоках р. Сон, в долине Сонга (неподалеку от котловины Сорга) произошло тогда решающее сражение (Кызласов Л.Р., 1984, с. 40).

1. Раскопки храма

Древний холм, скрывающий руины храма, оказался вписан в порядок восточной стороны современной Степной улицы железнодорожной ст. Ербинская между домами № 108 и 112, на месте несуществующего домовладения № 110. Этот прямоугольный холм, известный у местных жителей под именем "Большого кургана", был вытянут с запада на восток на 47, а с севера на юг на 39 м. Высота образовывавших его края валов от окружающей поверхности составила 3 м, а обширной (22,4 × 11,3 м) внутренней западины – 2,25 м (рис. 2 и 3).

"Курган" неоднократно пытались грабить. Следы шурфов в виде шести округлых неглубоких впадин (размерами от 2 × 2,75 до 6 × 6,8 м, 5 × 7 м) видны на валах. Близ юго-восточного угла холма заметна подковообразная грабительская выемка

* Исследование поддерживается грантом РГНФ 98-01-00168.

[1] На картах – рр. Бюрь и Сора. В 5 км к северо-западу на р. Сорых-сух стоит город-рудник Сорск.

© Л.Р. Кызласов, 1999 г.

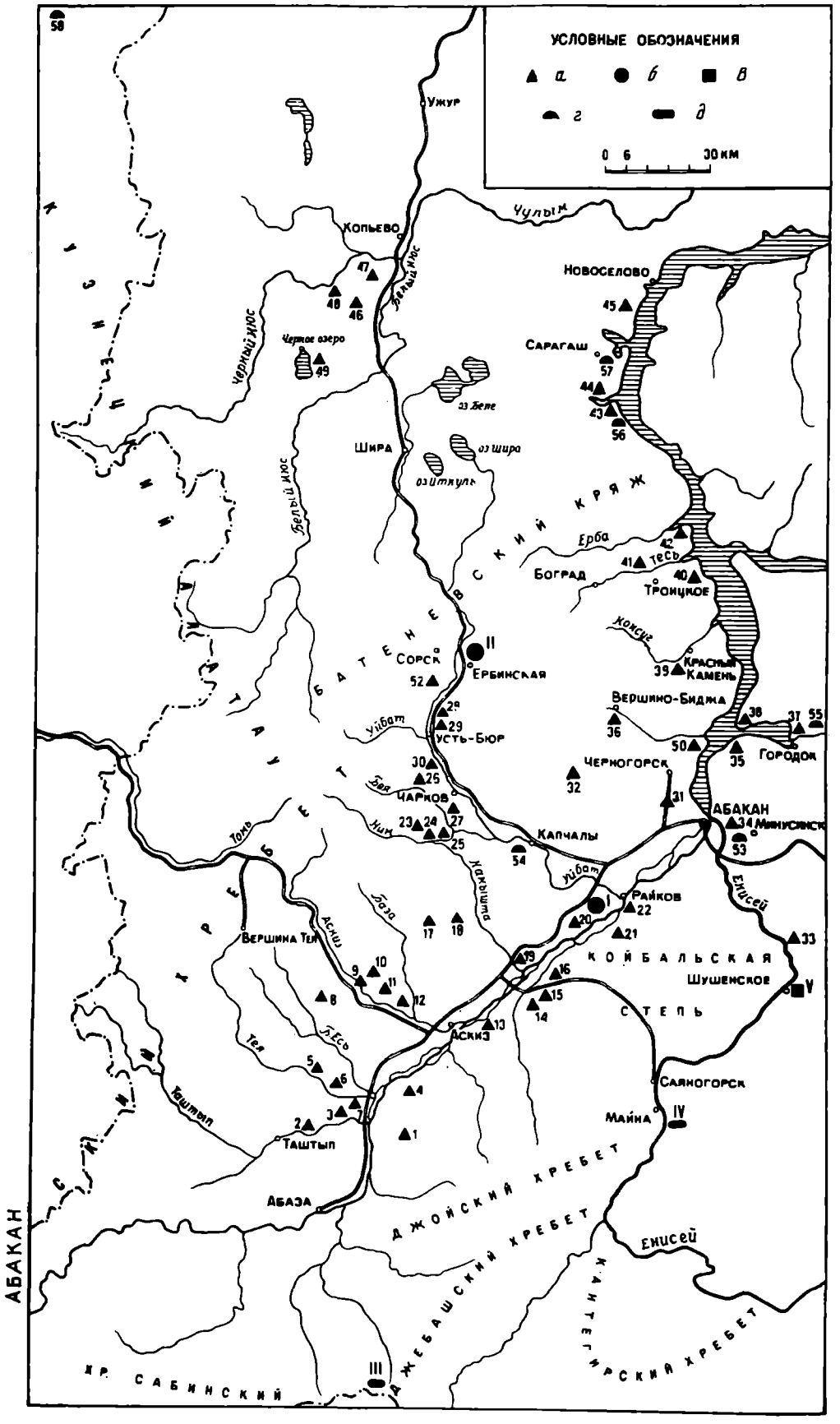


Рис. 1. Карта расположения средневековых городов, крепостей и могильников Хакасии
а – чаатас; *б* – храмовые центры; *в* – крепость; *г* – могильник; *д* – укрепление

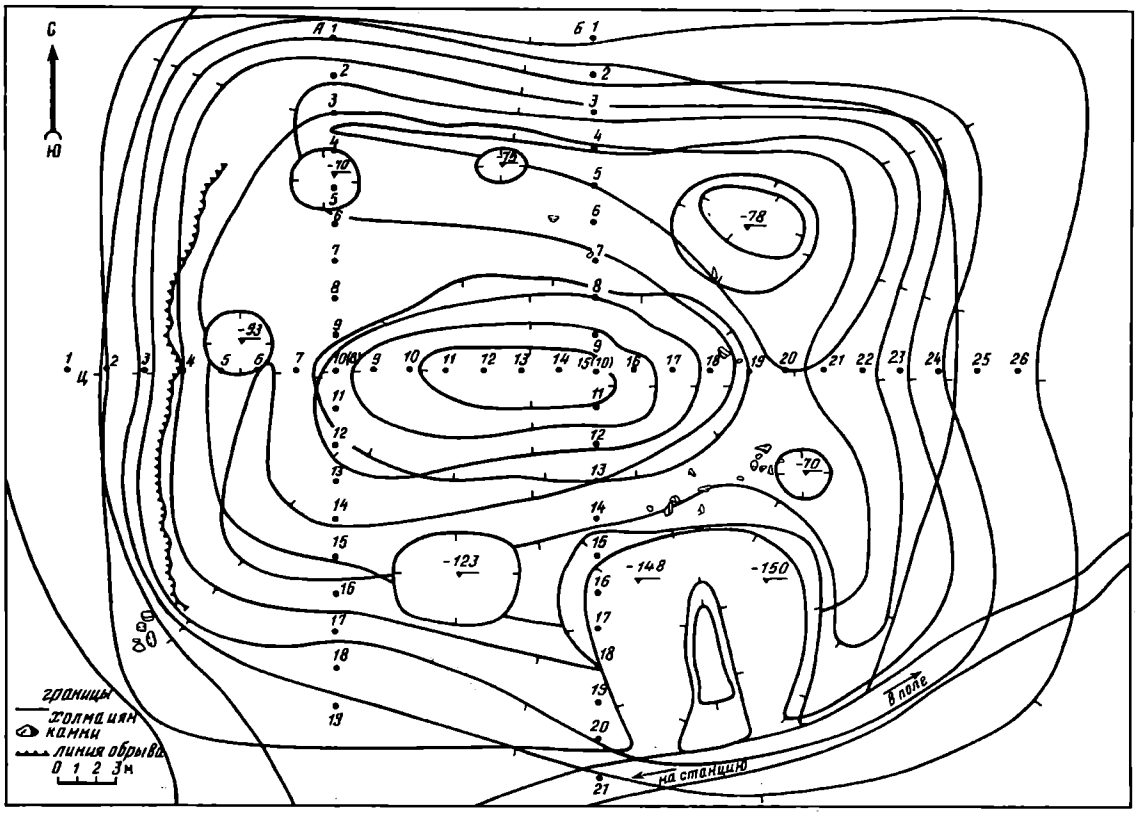


Рис. 2. Храм в котловине Сорга. Нивелировочный план

(14 × 12 м) (рис. 3). В юго-западном углу развалин и на юго-восточном валу разбросаны гранитные глыбы. В целом всхолмление очень напоминало остатки древних среднеазиатских зданий. Сходство подчеркивала фактура стен, имеющих с западной стороны (в срезе, где жители добывали глину) горизонтальную слоистость. В юго-западном углу были видны остатки кладки из сырцовых кирпичей, размером 48 × 24–25–26 × 11 см. Кирпич положен в перевязку по принципу "тычок–ложок–тычок". Под сырцовой стеной в юго-западном углу торчали большие гранитные валуны, лежащие в "фундаменте". В 1971 г. нами был зачищен юго-западный угол холма и выбран небольшой шурф в центре (1 × 1 м до глубины 2 м), который выявил черную однородную засыпку, лежащую на материковом песке.

Следует добавить, что к юго-востоку, юго-западу и запад-юго-западу в 25–30 м от развалин здания, по рассказам местных стариков, еще в 1930 г. были видны три глубокие ямы (до 1,5 м глубиной и 20–40 м в диаметре). Это были, вероятно, карьеры для выемки песка, гравия и глины, разработанные некогда строителями нашего здания.

Такие кирпичные руины в условиях Хакасии уникальны. До нас средневековых монументальных архитектурных сооружений на Среднем Енисее вообще никто не находил. Вокруг близко была тайга и дома строились из дерева.

Через середину бугра с запада на восток была проложена центральная ось из 26 колов, проставленных через 2 м (рис. 4), а с севера на юг пробиты (через 8 и 15 колы) еще две оси А и Б из 19 и 21 кольев. Получилось шесть секторов: четыре западных были раскопаны в 1972 г. (I – юго-западный, II – северо-западный, III – южный, IV – северный), а два (V – юго-восточный и VI – северо-восточный) – в 1973 г. Кроме того, для получения представления о размерах здания по осям были заложены шурфы с наружных сторон бугра.

Здание имело прямоугольную форму и было вытянуто с запада-северо-запада на восток-юго-восток (рис. 5). Наружные его размеры 37,5 × 28,5 м, внутренние – 33 × 24 м. Толщина стен около 2,5 м (точнее – южной и западной стен от 2,2 до 2,4 м;

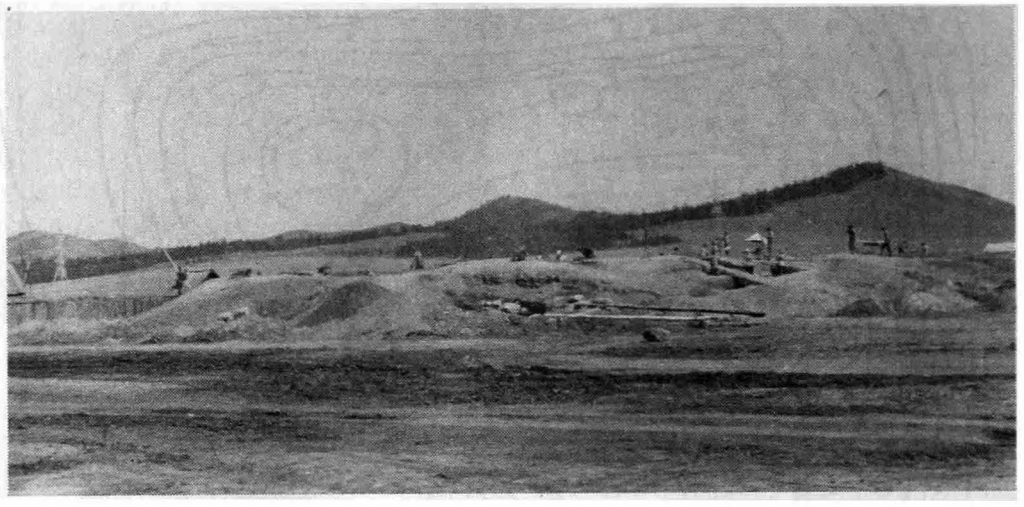


Рис. 3. Вид руин в начале работ: *1* – с юго-запада; *2, 3* – с северо-запада

северной – от 2,4 до 2,6 м). Стены сохранились на высоту до 2 м, а первоначально возвышались над платформой до 3 м.

Строительство велось следующим образом. Первоначально была расчищена слегка покатая к западу поверхность древней почвы. Затем на ней сооружена массивная прямоугольная платформа, основу которой составляли специально привезенные в котловину огромные гранитные валуны (с небольшой примесью доломитовых камней, гальки и щебенки). Размеры платформы – 41 × 32,5 м, высота 1,5–1,7 м. Она состояла из четырех–шести слоев больших валунов, уложенных в глиняный раствор и переложенных, возможно, пластами дерна (рис. 6, *1*). Всюду между валунами выявлен черный гумус (рис. 6, *2*). Поверх камней платформа была обмазана жидкой глиной со щебнем. Ее прямые края были глинобитными. Их ограничили по низу прямоугольника опалубкой из продольно уложенных бревен.

Сооружение платформы, быть может, диктовалось не только нормами архитектурного канона, но и сугубо практическими соображениями. Близко расположенные сопки и увалы в период летних и весенне-осенних дождей собирают и обрушивают на центр котловины бурные потоки воды[2], поэтому средневековые строители, воздвигая сырцовый монументальный храм, поставили его на надежный и высокий каменный подиум, предохранив от размывания дождевыми потоками.

На платформе после просушки, отступив от краев на 1,6–2,5 м, соорудили массивные стены здания из прямоугольного сырцового кирпича, размером 48 × 24 × 10 см (48–45 × 23–25 × 8–10 см, редко 40 × 25 × 10 см; рис. 7, *2*). Стены здания сохранились на высоту до 2 м от глиняного пола и свыше 3 м от полотна Степной улицы (рис. 7, *1*). Изнутри они были гладко оштукатурены серым глиняным раствором, перемешанным с соломой, камышом и мелкими прутиками. Толщина обмазки от 1–1,5 до 2 см. Все стены, в том числе куски потолка, упавшие на пол, оказались побеленными тонким слоем извести (рис. 7, *1*)[3]. Таким образом, помещения внутри здания подновлялись и были светлыми и чистыми. Их общая площадь составляла около 800 м^2.

Во всех секторах (более всего вдоль стен) сохранилось много упавших деревянных балок, матиц, брусьев, досок (рис. 8). Особенно интересны остатки деревянных колонн, имеющих резные параболоидные капители (рис. 9). Колонны поверх были обмазаны штукатуркой особо плотного состава. Длина одной из колонн 2,45 м. Следовательно, высота потолков внутренних помещений достигала 3 м. Некоторые доски, явно упавшие с потолка, также имели следы односторонней побелки. Очевидно, потолки здания, как и оштукатуренные колонны, были белеными. Внутренние помещения, вероятно перестраивавшиеся, представляли собою пристенные галереи, может быть, разделенные деревянными перегородками и перекрытые общей плоской кровлей. Здание, кажется, не имело окон и в центральный зал свет мог поступать через редкие прямоугольные отверстия в кассетных ячейках потолка. Впрочем, поскольку верх стен был разрушен по всему периметру, нет возможности исключить, что там располагались световые прорези. Может быть, сверху, в центре плоской крыши, находилось дарбазное перекрытие в виде невысокого полукупола с округлым световым люком.

Многие остатки дерева обгорели при пожаре, особенно бушевавшем вдоль западной и северной стен здания, где прокалились даже упавшие сырцовые кирпичи. Пожары случались от светильников, но последний, по-видимому, произошел уже после того, как здание было покинуто, ибо сами стены и некоторые остатки деревянных конструкций (особенно в III и IV секторах) не носят следов огня. Здесь обнаружено много полусгнивших балок, столбов и досок.

Северная и южная стены имели четыре "суфы" (рис. 5): две узкие, по-видимому, алтарные подставки (рис. 5, северные) и две – очень низкие суфы-пьедесталы (рис. 10)

---

[2] Такое наводнение довелось наблюдать дождливым летом 1971 г.

[3] Горы вокруг котловины сложены из известняковых пород. В 3 км к юго-востоку от здания эксплуатируется Ербинский известковый карьер.

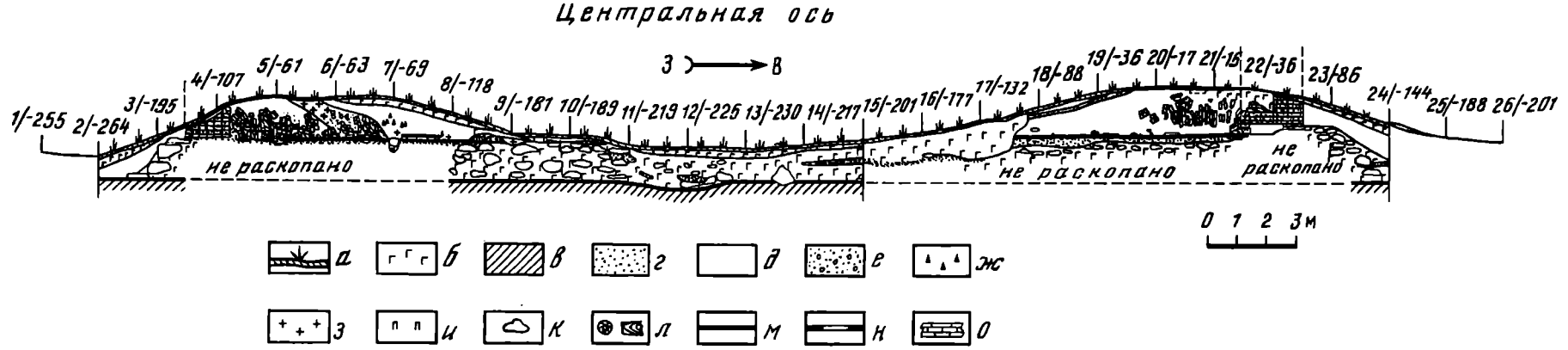


Рис. 4. Общий профиль холма с руинами. Разрез запад-восток
а – дерн; *б* – гумус; *в* – материк; *г* – кирпич; *д* – оплыв стены (кирпичная крошка); *е* – щебень с песком; *ж* – древесный уголь; *з* – прокаленная почва и кирпич; *и* – заполнение ямы; *к* – камень; *л* – негорелое дерево; *м* – пол здания; *н* – штукатурка в полу; *о* – горелое дерево

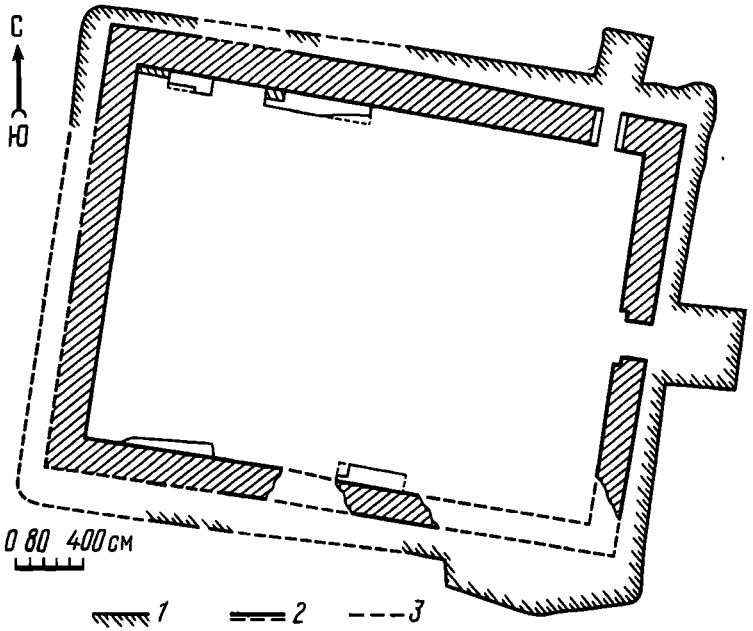


Рис. 5. Общий план храма
1 – край каменной платформы; *2* – границы суф; *3* – предполагаемые края стен и платформы

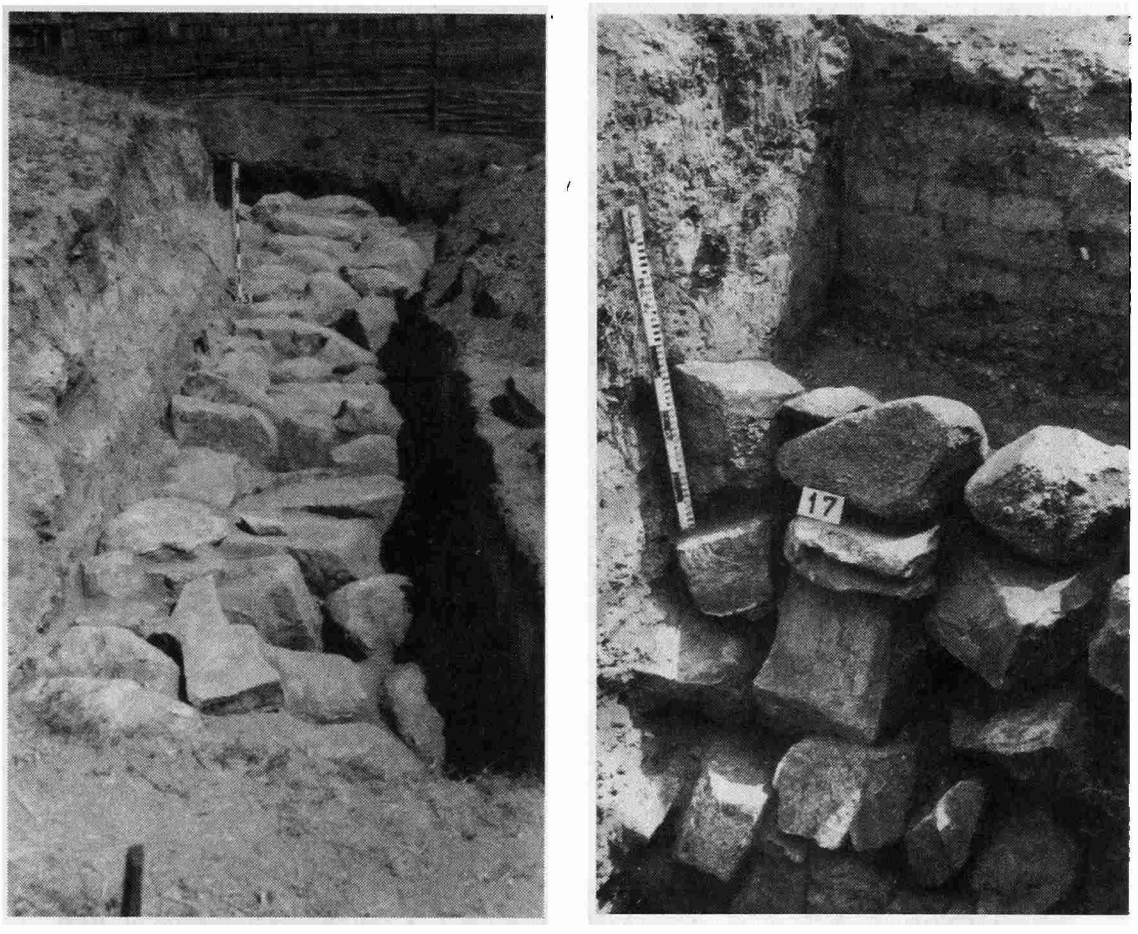


Рис. 6. Гранитная платформа храма: *1* – восточный край (вид на север от пандуса общего входа), *2* – западный край (вид с запада на бровку и наружную кладку западной стены)

для светильников. Все они сложены из обычных сырцовых кирпичей (48 × 24 × 10 см). Низкие образованы кирпичами, поставленными на ребро (рис. 10, *1*). Использовались и половинки кирпичей.

В восточной стене здания находился основной вход, к порогу которого от поверхности земли подымался пологий пандус (длиной 4,75 и шириной 5,25 м; рис. 11). Он также был сооружен из валунов, уложенных в глинобетон, покрыт слоем щебенки и затем промазан глиняным раствором. Широкий дверной проем (2,45 м) имел два порога и две двери, из двух створок каждая. Одна дверь открывалась наружу, а другая – внутрь помещения, куда опускался короткий пандус. Очевидно, что ремонтированный парадный вход предназначался для одновременного прохождения многих людей (рис. 11).

Другой вход расположен в северной стене, вблизи северо-восточного угла здания (рис. 12). Его проем имел ширину 2 м по верху и 1,3 м по низу. Сохранились два деревянных порога и четыре притолоки, указывавшие на то, что и малый вход имел две двери, разделенные тамбуром. Ко входу с улицы вел пандус длиною 3,4 м и шириною 3,2 м (рис. 13). Этот малый подъезд, вероятно, служил для прохода избранных лиц: первосвященников, жрецов и представителей высшей знати.

Наличие парных дверей и тамбуров в обоих проходах свидетельствует, очевидно, о том, что владетели храма стремились сохранить в помещениях тепло в холодные весенне-осенние месяцы или зимой. Однако в здании не обнаружено каких-либо следов отопительных приспособлений, что при учете климатических условий Хакасии заставляет предполагать, что здание использовалось преимущественно в теплое время года.

Планировка и весь интерьер уцелевшей части здания подтверждают, что оно не

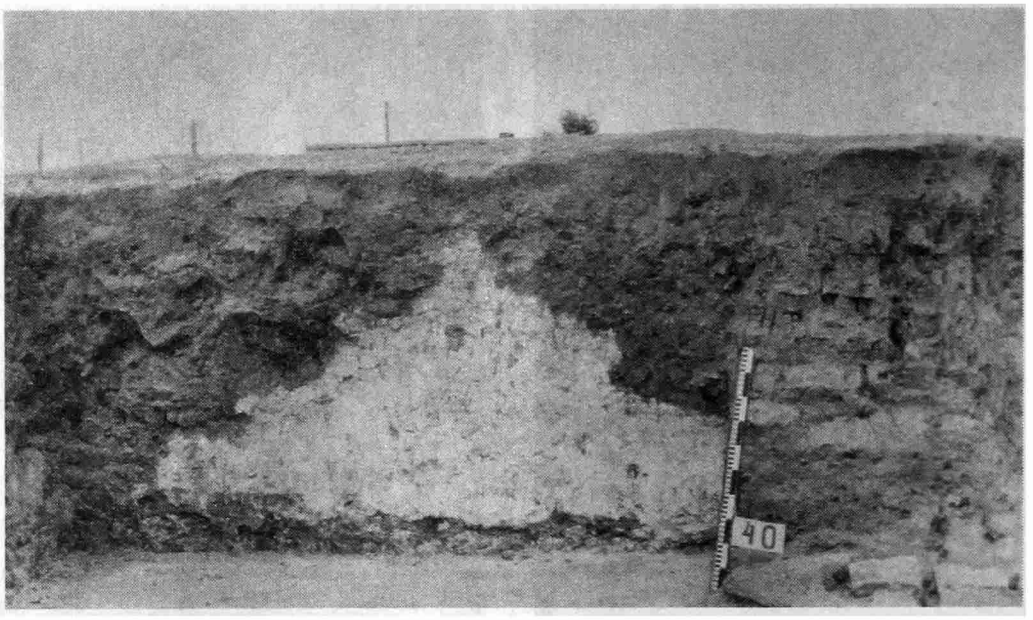


Рис. 7. Внутренние поверхности стен храма: *1* – оштукатуренная и побеленная часть северной стены; *2* – кладка южной стены после снятия штукатурки

было жилым и предназначалось для торжественных общественных сборов, скорее всего религиозного характера. Храм-дворец содержался в большой чистоте. Судя по подтекам, стены, потолки и колонны регулярно перестраивались, подбеливались. Твердый глинобитный пол (толщиною 7–12 см) подмазывался и подметался. На нем лишь кое-где встречены втоптанные осколки разбитых костей животных и немногочисленные кусочки предметов случайного происхождения: обломки костяной свистульки от стрелы (из II сектора, рис. 14, *1, 2*), черепок "кыргызской вазы" (из III сектора, рис. 14, *8*), обломки лепного баночного сосуда тюхтятской культуры (рис. 15), кусок шлака, вырезанный из коры березы цветок-розетка (рис. 16, *1*). Целыми найдены (в I и III секторах) только два строительных костыля и железная скоба (рис. 14, *6, 7*), скреплявшие деревянные конструкции храма.

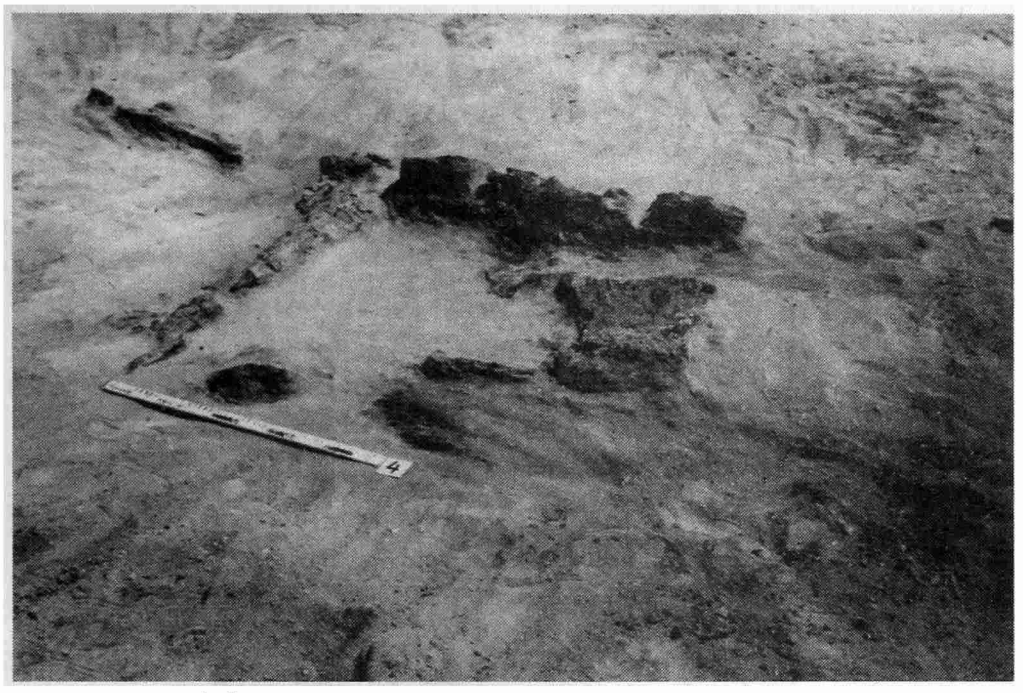


Рис. 8. Остатки деревянных конструкций здания в северном секторе

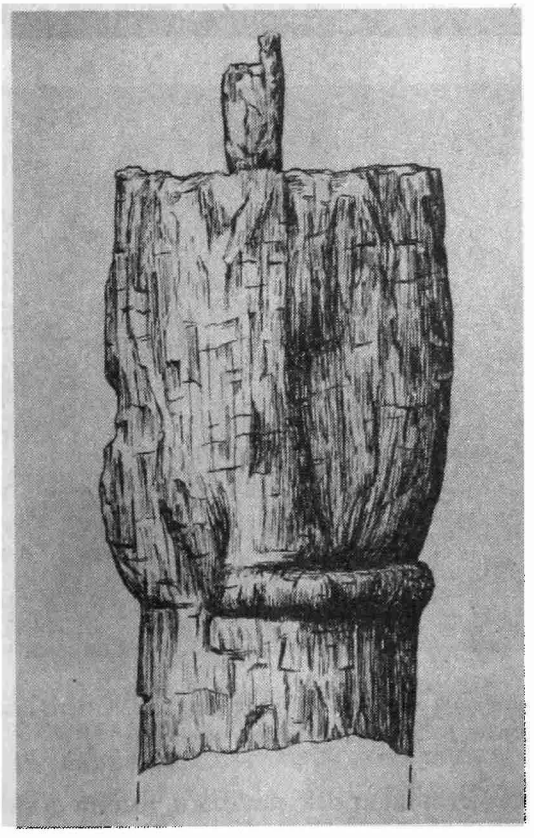


Рис. 9. Капитель деревянной колонны из юго-западного сектора

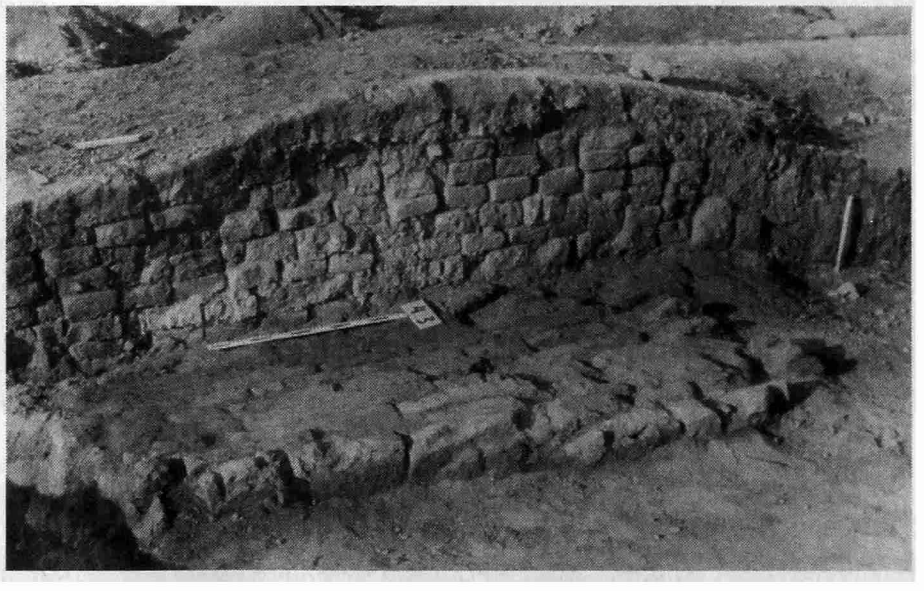


Рис. 10. Кладки пристенной суфы-пьедестала в юго-западном секторе:
1 – вид с востока; *2* – вид с север-северо-востока

Можно подозревать, что стены, кроме побелки, имели дополнительные украшения в виде аппликаций цветочного характера, наклеенных на деревянные щиты и разукрашенных разными красками. Уцелевшая часть одного из таких щитов представляла собою две полосы вываренного гибкого берестяного полотнища, некогда скрепленные железными скобочками (рис. 14, *4*, *5*) и загрунтованные. По грунту когда-то были прописаны многокрасочные композиции, от которых, к сожалению, сохранились лишь голубые и ярко-красные пятна краски, не образующие ничего цельного (рис. 16, *2*).

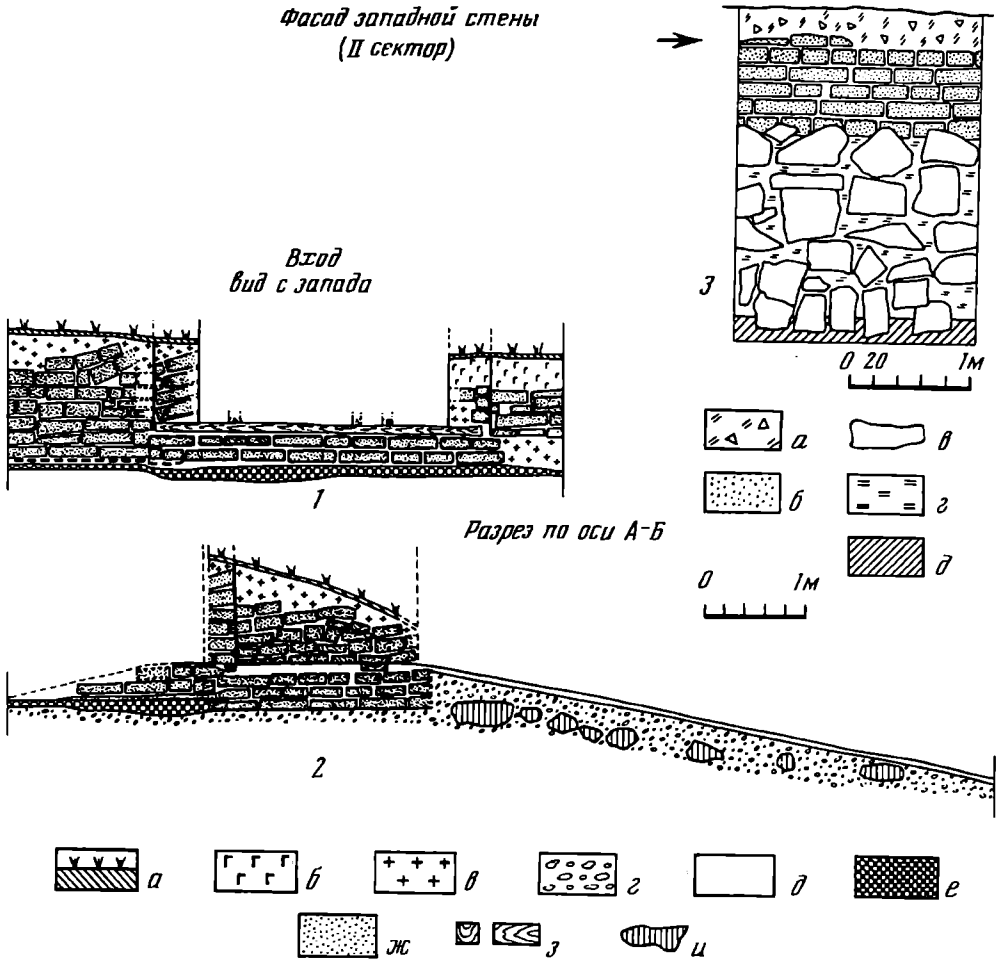


Рис. 11. *1* – фасад выхода восточного входа; *2* – разрез (*а* – дерн; *б* – гумус; *в* – кирпичная крошка с землей; *г* – гравий; *д* – глиняный раствор; *е* – пол; *ж* – кирпич; *з* – дерево; *и* – камень); *3* – фасад западной стены (*а* – заплыв сырца; *б* – кирпич; *в* – камень; *г* – раствор; *д* – погребенный дерн)

Нельзя исключить, что в здании изредка проводились общественные трапезы, не обязательно религиозного характера. Среди мелких обломков костей, которые были собраны, оказались не только кости домашних (крупный и мелкий рогатый скот и лошадь), но и диких животных (косуля, горный козел), а также кости двух собак и одной птицы. О том же говорят, пожалуй, обломки баночного сосуда для полужидкой пищи и черепок от вазы, применявшейся для сохранения спиртных или шипучих напитков (рис. 14, *8*; 15).

2. Датировка и культурная принадлежность здания

Находки позволяют довольно точно установить время строительства здания и примерный период его функционирования. Дело в том, что черепок от сделанной на кругу вазы покрыт горизонтальным прямоугольным двухполосным орнаментом, нанесенным обычным для таких изделий способом – путем прокатки цилиндрического штампа поперек туловища сосуда (рис. 14, *8*). Строго говоря, вазы с таким узором употреблялись в Хакасии в период копёнского этапа культуры чаатас (VIII – начало IX вв.) (Кызласов Л.Р., 1981а, с. 48; Кызласов Л.Р., Король Г.Г., 1990, с. 22, табл. IV). Именно в VIII–IX вв. подобный орнамент встречается и на вазах уйгуров в Туве (Кызласов Л.Р., 1979, рис. 97, *2–4*, 124, *5*, 129, *4*). Позднее вазообразные сосуды украшались уже другими орнаментальными мотивами (Кызласов Л.Р., 1981б, с. 57; Кызласов Л.Р., Король Г.Г., 1990, с. 47–52).

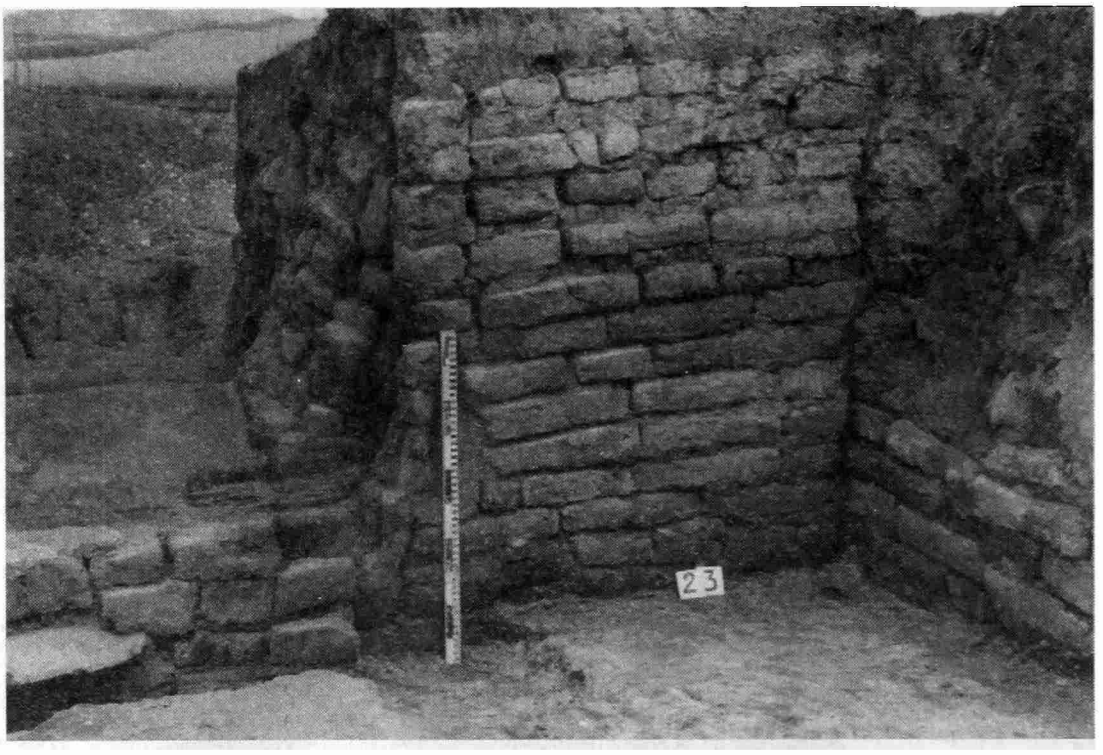


Рис. 12. Дверной проем малого входа и кладка угла. Вид изнутри, с юго-запада

Баночные сосуды с насечками по венчику и треугольными свисающими от шейки фестонами (рис. 15) характерны уже для последующей тюхтятской культуры (от 40-х годов IX в., до последней четверти X в.) (Кызласов Л.Р., 1981а, с. 50; 1981б, с. 55; Кызласов Л.Р., Король Г.Г., 1990, с. 49, табл. XII–XIII). Под влиянием носителей тюхтятской культуры точно такие же скромные баночные сосуды с насечками по венчику и с зигзагообразным или треугольно-фестонным орнаментом стали распространенными в IX–X вв. среди тюркоязычных племен предгорий Алтая, Тувы, Монголии и хойцегорской культуры в Западном Забайкалье (Кызласов Л.Р., 1981в, с. 60, 61, рис. 35).

Таким образом, можно заключить, что здание в котловине Сорга было сооружено еще во второй половине VIII (до рубежа IX в.) и продолжало существовать в IX–X вв.

В то время как описанная посуда принадлежит к местным типам, строительные приемы и материалы (сырцовый кирпич размером 48 × 24 × 10 см), архитектурные детали и формы деревянных колонн отражают внешнее влияние. Они позволяют заключить, что исследованное нами монументальное здание в котловине Сорга воздвигнуто строителями, принадлежащими к западной для Южной Сибири школе среднеазиатского, а не дальневосточного зодчества. В раннесредневековой Средней Азии и, что специфично, в Согде в VII–VIII в. весьма распространено было сооружение сплошных оснований и платформ в качестве подиумов для монументальных сырцовых зданий. В горах и предгорьях сплошной цоколь–платформу там также сооружали из камня, укладывая его в гравий и в глиняный раствор (Воронина В.Л., 1953, с. 5, 16, рис. 6 и 13). Высота платформ достигала 2 м. Сырцовые стены ставились на цоколь, отступая от края, придавая краям платформы характер террас (Воронина В.Л., 1953, с. 3–6). Сверху по забутовке из гальки и булыжника намазывался глиняный пол. Стены храмовых и общественных зданий также имели толщину в 2–2,5 м. "Согдийский" тип прямоугольных сырцовых кирпичей в VII–VIII вв. укладывался цепной кладкой и имел подобные же размеры 45–44 × 25–23 ×6–12 см, но чаще всего – 48 × 24 × 9–10 см (Пенджикент, Тали-Барзу, Ак-Тепе, 1 буддийский храм

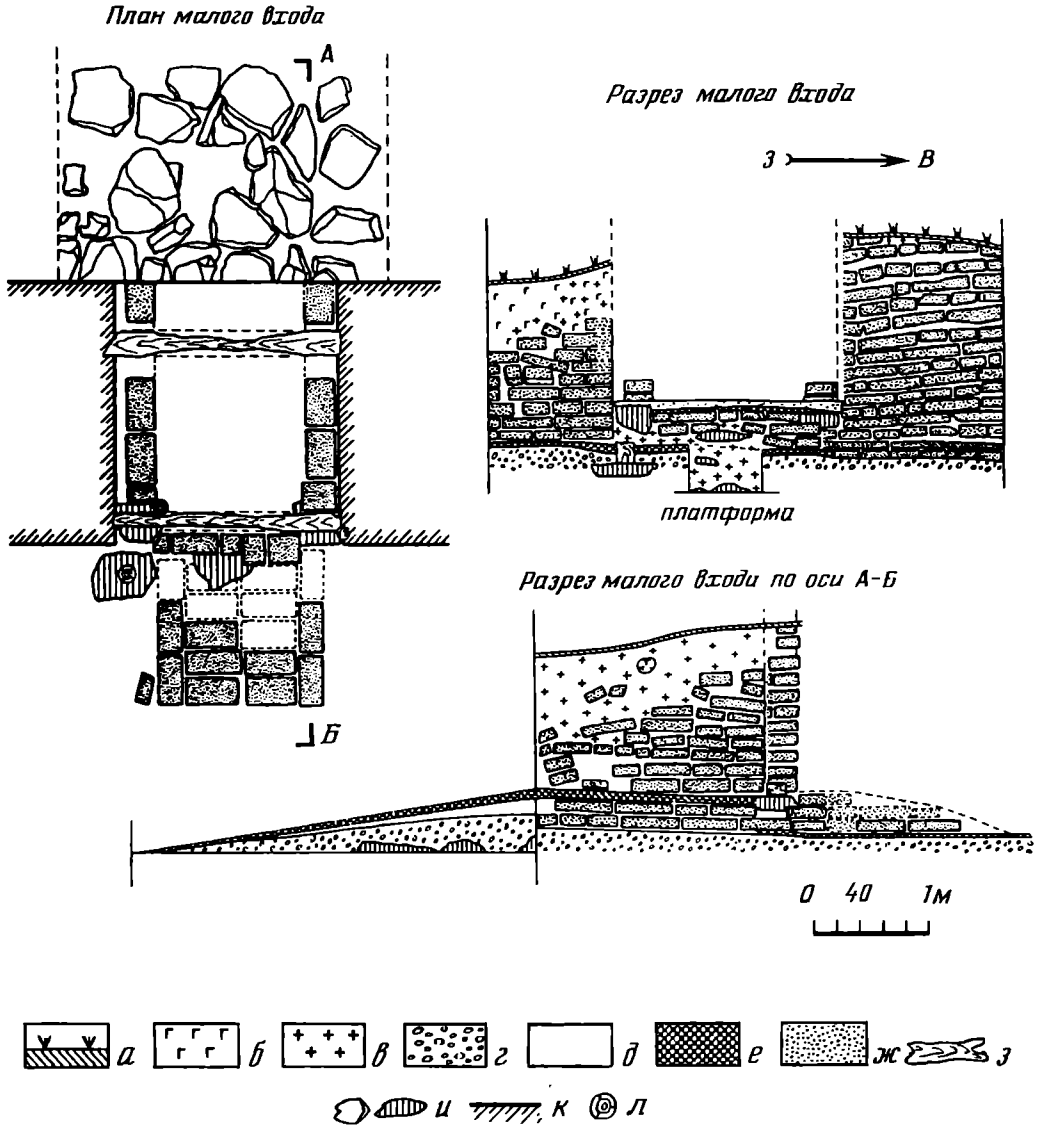


Рис. 13. План и разрезы северного входа
а – дерн; *б* – гумус; *в* – кирпичная крошка; *г* – щебень; *д* – глиняный раствор; *е* – пол; *ж* – кирпич; *з* – дерево; *и* – камень; *к* – граница стен; *л* – столбы

Ак-Бешима и др.) (Воронина В.Л., 1953, с. 8, 9; Кызласов Л.Р., 1959, с. 166–168, 195, 230; Якубовский А.Ю., 1954, с. 12). Внутренние части стен зданий штукатурились глино-саманным раствором или белым алебастром. Потолки укладывали на деревянные балки, которые в галереях опирались на резные деревянные колонны, весьма близкие по форме к обнаруженным в публикуемом храме (рис. 9).

Из других архитектурных особенностей необходимо отметить пандусы, широко применявшиеся вместо лестниц в храмовых, общественных и жилых зданиях Средней Азии, в особенности в Согде и Семиречье в VII–VIII вв. Нередко по такой наклонной плоскости поднимались даже на вторые и третьи этажи. Входы часто имели тамбуры и двойные двери.

Таким образом, все архитектурные и строительные особенности здания, открытого и исследованного нами в верховьях р. Пююр-сух, полностью соответствуют канонам архитектурной школы, господствовавшей в разгар VIII в. в Согде (от южных районов Семиречья до верховьев р. Заравшан). В IX в. строительные материалы там изменились.

Как видим, и характер находок, и бесспорные архитектурно-строительные паралле-

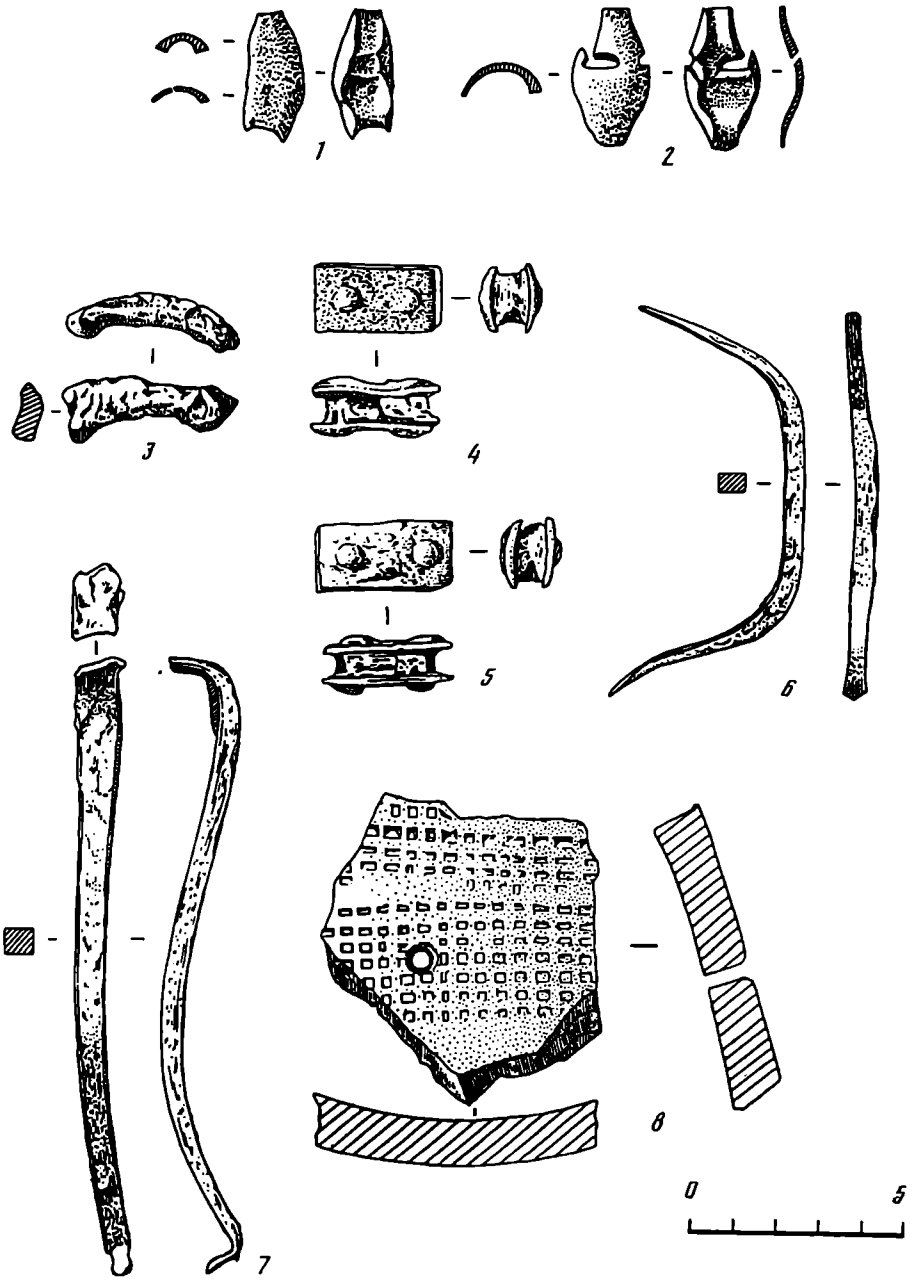


Рис. 14. Находки из храма в котловине Сорга: *1, 2* – кость, *3* – бронза, *4–7* – железо, *8* – керамика

ли определенно указывают, что монументальное здание в котловине Сорга было сооружено во второй половине VIII в. и функционировало в IX – начале X в. Напрашивается предположение, что архитекторами и строителями столь необычного для Южной Сибири здания являлись заезжие согдийцы. Попали же они на Средний Енисей, по-видимому, через Туву, ставшую в 750 г. уйгурским владением (Кызласов Л.Р., 1984, с. 48–52), а в 758 г. – с завоевателями уйгурами.

Наличие прямого среднеазиатского воздействия на градостроительное искусство населения Саяно-Алтайского нагорья в период раннего средневековья, прежде всего участие самих согдийцев в строительных работах, не может вызывать удивления. В VI–VIII вв. в каганатах восточных тюрок уже жило довольно много согдийцев (Pulleyblank E.G., 1952). Количество их колоний в Центральной Азии значительно увеличилось во время господства уйгуров. Как известно, в середине VIII в. согдийские колонисты развили особую активность в Семиречье, в Восточном Туркестане и на севере

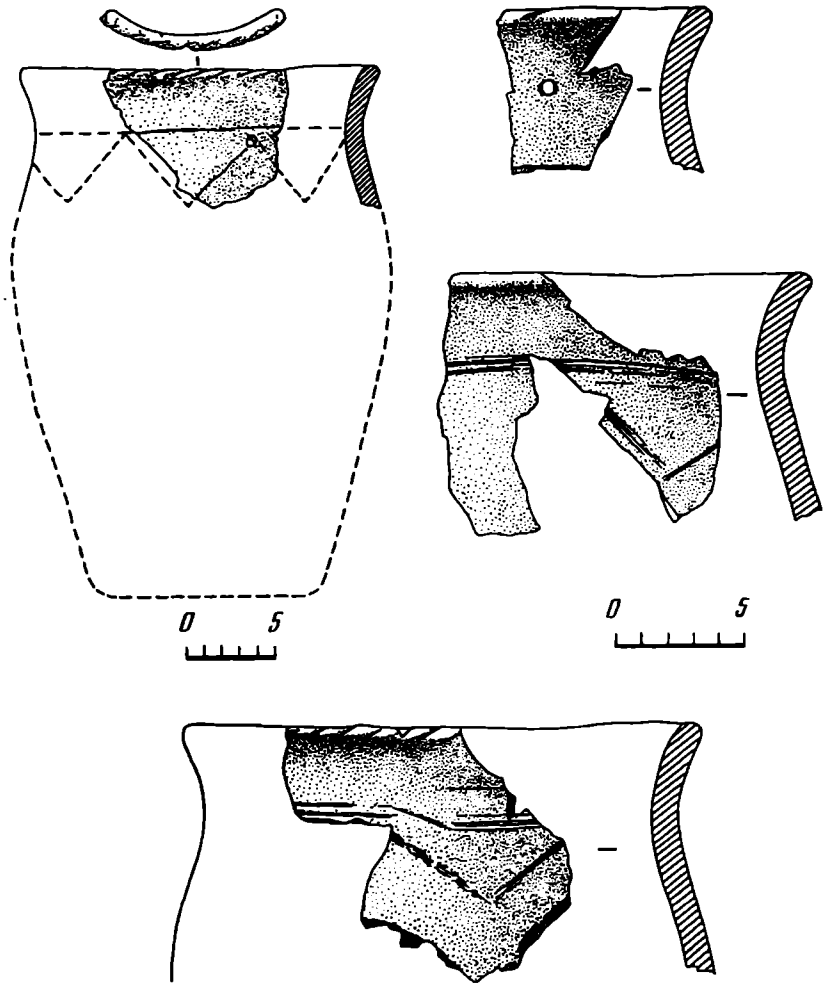


Рис. 15. Обломки баночных сосудов, найденные в храме

Центральной Азии в самом Уйгурском каганате. В Китае они возглавили мощное антифеодальное восстание 756–759 гг., направленное против правящей Танской династии.

В 750–758 гг. в захваченной уйгурами Туве по распоряжению кагана шло крупное строительство целой системы пограничных крепостей и укреплений, соединенных длинными глинобитными стенами. Их внутренние цитадели были сооружены из сырцового кирпича того же "согдийского" формата: 42–44 × 20–23 × 10 см (Кызласов Л.Р., 1979, с. 145–158; 1984, с. 47–52)[4]. Остатки уйгурских крепостей в Туве прежде всего напоминают среднеазиатские турткули. Мы располагаем прямыми указаниями письменных источников о привлечении уйгурскими каганами к массовому строительству согдийцев. В выполненном орхонским письмом памятнике Элетмиш Бильге-кагана (Моюн-чура) говорится, что каган в 757 г. "согдам и табгачам (китайцам – Л.К.) дал приказ на берегу Селенги построить город Бай-балык" (Малов С.Е., 1959, с. 43). В развалинах уйгурской столицы Орду-балык (городище Харабалгас на р. Орхоне) был обнаружен памятник, поставленный в честь кагана Бао-и (808–821 гг.) с надписями, среди которых имеется текст и на согдийском языке (Hansen O., 1930). Памятник, следовательно, был рассчитан на то, чтобы его читали не только уйгуры и тюрки, но и жившие в городе и приезжавшие в него согдийцы. Вполне понятно, что согдийские архитекторы и строители применяли свойственные им среднеазиатские

[4] В Турфанском оазисе, где в средневековых развалинах найдены манихейские и иные рукописи, сырцовые здания также строились из кирпича размером 46 × 23 × 14 см, штукатурились и белились известью (Gabain A. von, 1973, S. 79).

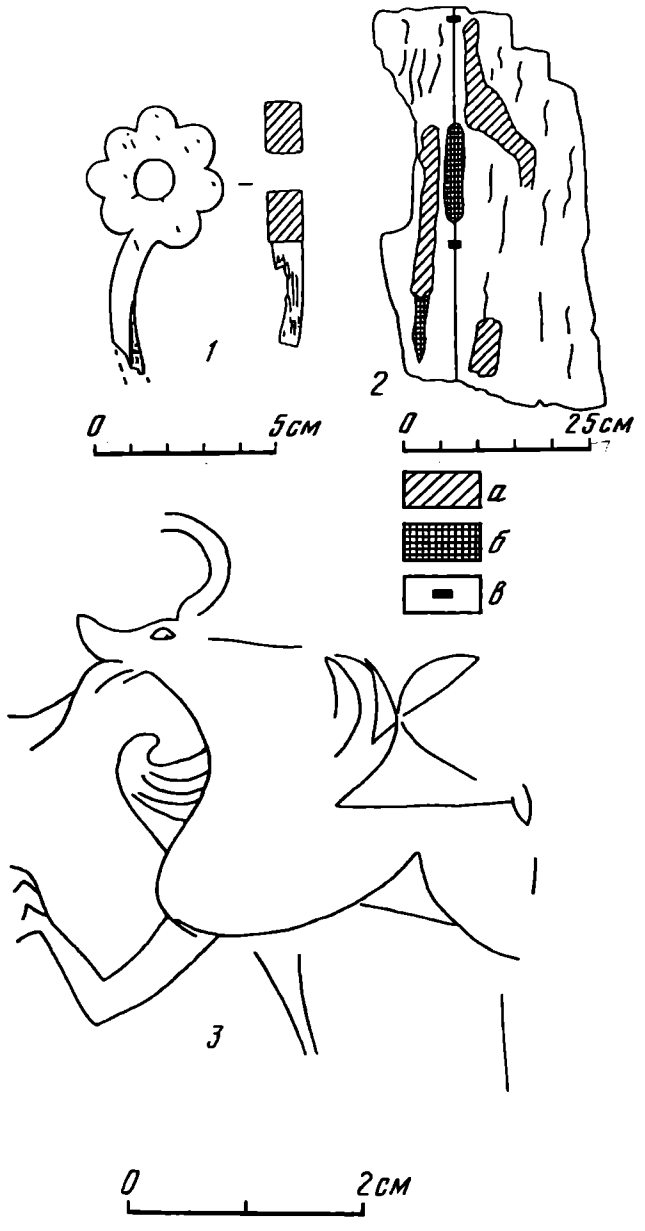


Рис. 16. Элементы оформления храма в котловине Сорга (*1*, *2*) и манихейское изображение бога Зла (*3*) на скале Ялбак-Таш в Горном Алтае (по В.Д. Кубареву)
а – ярко-красный цвет; *б* – голубой цвет, *в* – железные скобочки

приемы и материалы. Весьма вероятно, что согдийцы также принимали участие в строительстве городов и крепостей в Туве еще при том же Элетмиш Бильге-кагане (Кызласов Л.Р., 1964, с. 419, 420). К работам такого рода, требовавшим больших усилий, в эту эпоху, несомненно, привлекались прежде всего рабы, взятые в плен во время неоднократных походов уйгурских войск в Восточный Туркестан, в Семиречье и Фергану (Кызласов Л.Р., 1964, с. 419, 420). Именно согдийцы-колонисты расселялись в то время по указанным странам. Большинство из них исповедовали манихейскую религию, хотя некоторые были зороастрийцами.

Можно полагать, что с оставшимися строителями-согдийцами встретился в 40-х годах IX в. в Туве арабский путешественник Саллам ат-Тарджуман (буквально: Саллам-переводчик), который рассказал об этом так: "Затем мы достигли крепостей (уйгурских – Л.К.) (построенных) рядом с горой (Западным Саяном – Л.К.), по ущельям

которой проходила стена. В этих крепостях (живет) народ, говорящий по-арабски и персидски" (Ибн-Хордадбех, 1986, с. 130; Кызласов Л.Р., 1993, с. 26). В то время на Енисее это могли быть только согдийцы.

Если будем исходить из того, что пришлые из Уйгурского каганата строители возвели в котловине Сорга манихейский храм (а для этого есть все основания, которые будут приведены в следующем разделе), то возникает возможность уточнить датировку этого строительства, полученную по археологическим данным, но уже при учете политических событий второй половины VIII в. Еще Элетмиш Бильге-каган (747–759 гг.), находясь в Туве и построив крепости и Долгую стену, подготовил поход за Саянские хребты в Хакасию. Нападение было осуществлено в 758 г. (Бичурин Н.Я., 1950, с. 355; Кызласов Л.Р., 1984, с. 30). Военная схватка закончилась поражением Древнехакасского государства, но не полным разгромом его. Признание верховной власти уйгуров не ограничилось, очевидно, откупом в виде дани, ибо государь древних хакасов получил особый принижающий титул от Элетмиш Бильге-кагана, т.е. принял вассалитет. И хотя Элетмиш Бильге-каган умер в 759 г., но вторая половина VIII в. прошла для древних хакасов под сенью уйгурского административного и, главное, культурного воздействия. Возможно, это было подкреплено присутствием к северу от Саян самих уйгуров. Судя по палеографическим приметам, именно в 50-е годы VIII века в Хакасии был начертан единственный известный на Среднем Енисее памятник младшей орхонской письменности – государственной в Уйгурском каганате (745–840 гг.) (Кызласов Л.Р., 1997).

Поход 758 г. впервые открыл свободу продвижения в Хакасию через Туву восточно-туркестанских и согдийских купцов, строителей и согдийских миссионеров-манихеев. Бассейн Среднего Енисея стал самым северным районом земного шара, в который когда-либо проникала пропаганда манихейского вероучения. Еще недавно никто из ученых не смог бы даже предположить, что манихейцы некогда сочли за благо построить свой храм в таежной глухомани неведомого им ранее Батенёвского кряжа.

Едва ли, однако, древнехакасские правители приняли манихейство раньше уйгуров. Государственной религией провозгласил манихейское учение уйгурский Эльтутмыш-каган (он же Бёгю-каган, 759–779 гг.), возвратившись в Орду-балык на р. Орхоне из китайского похода в 763 г. Сам же каган принял манихейство еще в 762 г., находясь в китайском г. Лояне (Chavannes Ed. et Pelliot P., 1913). Спустя 16 лет после утверждения новой веры в 779 г. в Орду-балыке произошел антиманихейский переворот. Бёгю-каган, его сыновья, множество согдийцев, среди которых были манихейские вероучителя, были убиты. Власть перешла в руки отдаленного родственника прежнего кагана, воцарившегося под именем Алп Кутлуг Бильге-кагана (780–789 гг.). В это время, по-видимому, многие приверженцы религии Мани спаслись, убежав на Енисей. Еще через 16 лет, в 795 г., власть взяла новая каганская династия во главе с Алп Кутлугом (795–805 гг.). Манихейская религия была вновь восстановлена в Орду-балыке на государственном уровне.

Вкупе с приведенными фактами пребывания уйгуров на Среднем Енисее в 50–60-е годы VIII в. описанная ситуация позволяет считать, что храм при устье р. Сорых-сух в Хакасии построен скорее всего в эпоху высшего подъема Уйгурского государства еще до гибели Бёгю-кагана, т.е. в середине 60-х годов VIII в. Позднее этого манихейство изгонялось, и его преследователь Алп Кутлуг Улуг Бильге-каган (790–795 гг.) вел войну с древними хакасами. Строительство храма и монастырского манихейского городка ознаменовало не только утверждение манихейской религии в качестве государственного вероучения Древнехакасского государства. В этих условиях оно утверждало его суверенитет. Именно это обстоятельство вызвало большой гнев уйгурского Алп Кутлуг Бильге-кагана. Согласно согдийскому тексту Орду-балыкской стелы (к сожалению, дефектному), "Государственную мощь он повсюду энергично укрепил и доблестные совершил геройства (Лучников?), – в количестве 200 000, – киргизского кагана разогнал он одной рукой во все направления друг от друга и взял его госу-

дарство". В иероглифическом китайском тексте той же стелы сказано, что уйгурский "чудесновоинственный" каган разгромил более 400 000 воинов хакасов (гяньгуней) и убил их кагана: "коровы, лошади, хлеб и оружие были навалены горами; государственные дела (Гяньгуньского владения) прекратились, на земле не (стало) живых людей" (Hansen O., 1930; Васильев В.П., 1897, с. 25). Очевидная тенденциозность не позволяет доверять текстам этого памятника. Китайская летопись Таншу о том же событии сообщает: "Уйгурский каган послал министра с войском, но сей не имел успеха" (Бичурин Н.Я., 1950, с. 355). Таким образом, в стране хакасов не только остались "живые люди", но и сохранилось государство, имевшее силы начать двадцатилетнюю кровопролитную войну (820–840 гг.), которая закончилась ликвидацией Уйгурского государства в Центральной Азии.

3. Манихейская принадлежность храма

Итак, соседнее уйгурское государство, активно воздействовавшее на древних хакасов с середины VIII в., было манихейским. Храм, построенный в это время в котловине Сорга, возведен по согдийским архитектурным нормам, а большинство из восточных согдийцев также были манихеями[5].

Изучение истории манихейства, развития его доктрины и созидания всей архитектоники этого многосложного вероучения, вобравшего многие элементы великих мировых религий (христианства, буддизма, зороастризма, митраизма, гностических течений) и свободно включавшего в себя местные языческие культы, показывает, что первоначально оно отвергало сооружение специальных храмов. Самому Мани (216–276 гг.) приписывается высказывание: "Молитва, обращенная к Богу, не нуждается в храме" (Беленицкий А.М., 1954, с. 64). Поэтому поначалу архитектурная форма здания для собраний манихейской общины не имела особого значения, и манихеи нередко использовали богослужебные помещения других религий. В результате западное манихейство храмового зодчества не создало. Манихейская церковь в Испании, например, размещалась в обычной христианской капелле со сводами, аркой и алтарем.

Восточные манихеи храмы сооружали. Но их облик все еще остается неизвестным. Специально исследовавший этот вопрос А.М. Беленицкий 40 лет назад писал: "...манихейские храмовые постройки обнаружены во время раскопок в Восточном Туркестане, но планы их, насколько я знаю, или не зафиксированы, или же до сих пор не опубликованы... письменные источники не содержат почти никаких сведений относительно характера этих храмов" (1954, с. 65). Положение не изменилось и сегодня. Глубоко изучивший археологические особенности и архитектуру среднеазиатских и восточнотуркестанских храмов, относящихся к различным религиям, Б.А. Литвинский вынужден признать: "О планировке и устройстве манихейских монастырей мы знаем ничтожно мало" (1996, с. 192).

Вместе с тем несомненно, что в "Турфанских руинах возможно отождествить прежние манихейские культовые залы и монастыри, поскольку давно известны надежные их показатели – найденные на месте многочисленные рукописи и настенные росписи этой религии" (Gabain A. von, 1979, S. 102). Странным образом, однако, ни одна из работавших там экспедиций этого не сделала – даже наиболее результативно работавшие германские ученые. Чем же это можно объяснить?

Археологи, изучавшие Восточный Туркестан в начале XX в., мне кажется, повинны в том, что прилагали все усилия к снятию планов и фиксации наиболее эффективных буддийских наземных и пещерных храмов, вихар (часовен), ступ, статуй и фресок. Но, выбирая содержимое манихейских молелен и монастырских помещений, они не снимали их планов и не составляли чертежей из-за архитектурной обыденности, внешней простоты и непохожести этих святилищ на помпезные храмы других религий. Не до

---

[5] В 1954 г. автором было раскопано в Семиречье, на городище Ак-Бешим, особое манихейское кладбище (объект III). См.: (Кызласов Л.Р., 1959, с. 160, 230, 231, 237).

конца понимая, с чем они имели дело, археологи экономили силы для важнейших, с их точки зрения, памятников погибающего средневекового искусства (см.: Reuter O., 1938, p. 560).

А.М. Беленицкий, ссылаясь на манихейский "катехизис", сохранившийся в китайской записи, приводит "перечень помещений, которые должны были быть, по-видимому, при каждом храме" (1954, с. 65). Их пять: для священных книг и изображений, для поста и толкований, для молитвы и покаяния, для обучения (школа), для больных верующих (лечебница). Речь здесь, очевидно, идет не о единственном здании, а о целом храмовом комплексе построек. Такой, окруженный стеной прямоугольный комплекс (55 × 76 м) с примыкающими к нему изолированными постройками, был раскопан в центре Кочо экспедицией А. Грюнведеля. Обращает на себя внимание прямоугольность основных строений, среди которых имеется "прямоугольная постройка", состоящая из трех смежных залов, неодинаковой площади". А. Грюнведель предположил, что это "здание предназначено для религиозных праздников", но А. Лекок посчитал, что оно служило культовым целям, указав на бытование специального термина: "в уйгурских манихейских текстах такие здания именовались čaidan "обрядовый зал" (Литвинский Б.А., Смагина Е.Б., 1992, с. 530). С.Е. Малов слово "чайдан" уверенно переводил словом "храм" (1951, с. 375).

Сегодня ясно, что раннесредневековые манихейские храмы, архитектуру и планировку которых придется еще выделить среди разнородных храмовых зданий древнего Восточного Туркестана, были простыми, прямоугольными, особо не выделявшимися среди жилых и служебных построек[6].

Таким простым прямоугольным в плане является и исследованный нами в котловине Сорга древнехакасский храм. Получается, что этот, действовавший в VIII–X вв. в Южной Сибири храм оказался первым археологически изученным и зафиксированным храмом манихейской религии.

Возможно, однако, что у манихеев, в связи с их ориентацией на местные культы, которые они в той или иной степени адаптировали, имелись и другие формы храмовых зданий. Замечено, что в Восточном Туркестане, где манихейское вероучение подверглось сильному воздействию буддизма, манихеи использовали под свои молельни старые буддийские постройки. Тогда в уйгурских гимнах появился Мани-бурхан, а в настенных росписях стали рисовать Мани сидящим на лотосовом пьедестале, подобно Будде. Цветок лотоса стал священным и для манихейцев (рис. 16, *1*).

Следует принять во внимание, что форма манихейских храмов зависела не только от внешнего влияния. Со времени возникновения в манихействе значительное место получили астральные культы, и "люди в белых одеждах" (как обычно звали манихейцев в Средней Азии) скоро стали астрологами-звездопоклонниками и астрономами. А так как астрологов, по их вере, называли сабейцами, то и манихеев тоже стали называть в Средней Азии этим именем. Так их зовет, например, Абурайхан Бируни, отмечая, что в его время (в первой половине XI в.) община последователей Мани, "... членов которой называют сабиями", существует в мусульманском Самарканде. Затем он добавляет: "Что же касается внемусульманского мира, то веру в Мани и его учение исповедуют большинство восточных тюрков, обитатели Китая, Тибета и части Индии" (Бируни А., 1957, с. 213).

«Наиболее компактное и раннее описание сабейских храмов – поясняет А.М. Беленицкий, – мы находим у Масуди (X в. – *Л.К.*): "А к храмам сабейцев относятся храм Миропорядка, храм Необходимости и храм Души – это здания, круглые по форме. Храм Сатурна – шестиугольный, храм Юпитера – треугольный, храм Марса – прямоугольный, храм Солнца – квадратный, храм Венеры (имеет форму) треугольника внутри квадрата. Храм Меркурия имеет треугольную форму внутри удлиненного прямоугольника, а храм Луны – восьмиугольной формы. Сабейцы в этом видят симво-

[6] Прямоугольными в плане по сути являются и христианские, несторианские церкви Туркестана (Кызласов Л.Р., 1959, с. 232, рис. 56; Пугаченкова Г.А., 1954, с. 15–18).

лы и тайну, которую они скрывают"» (Беленицкий А.М., 1954, с. 65; Булатов М.С., 1988, с. 17).

Восприняли ли восточные манихейцы столь же символическое отношение к внешней архитектурной и планировочной форме своих храмов? Сооружали ли они различные по конструкциям и плану храмы, посвященные божествам, связанным с разными светилами? Все это до конца еще не выяснено. Но наш опыт раскопок в Хакасии прямоугольного храма VIII–X вв. в котловине Сорга был продолжен в 1974–1981 гг. раскопками в степном "Уйбатском городе" квадратного колонного зала (размером 22 × 22 м) с сырцовыми стенами (высотой 4 м), кровлю которого поддерживали 169 деревянных колонн, опиравшихся на каменные базы. Этот необычный архитектурный памятник действовал в VIII–IX вв. одновременно с храмом в котловине Сорга (Кызласов Л.Р., 1998, рис. 5).

Образовалось как бы два центра: столичный (зимний) город в низовьях Уйбата и храмовый (летний) в верховьях р. Пююр-сух (рис. 1).

После разрушения колонного зала над ним, во втором ярусе, был сооружен квадратный храм без жесткой кровли с круглым святилищем-"барабаном" и алебастровым квадратным алтарем посередине. Этот храм действовал в IX–X вв., очевидно, по ночам при звездном небе, являясь редким святилищем астрального, космического культа (Кызласов Л.Р., 1998. рис. 7).

В Хакасии нами открыты и исследованы сразу семь монументальных манихейских культовых памятников и пять деревянных – все они нуждаются в дальнейшем весьма серьезном изучении. Но уже сейчас, при учете вновь открывшихся обстоятельств, можно констатировать, что в архитектуре северные манихейцы сохранили и развили те идеи, которые они почерпнули от своих предшественников – звездопоклонников сабейцев Ближнего Востока. И едва ли правильно в науке говорится безоговорочно о том, что «восточное манихейство было "облачено в буддийские одеяния"» (Литвинский Б.А., Смагина Е.Б., 1992, с. 528).

Исходя из приведенных сабейских характеристик типов планов храмов, посвященных отдельным богам, можно полагать, что прямоугольный храм в котловине Сорга был посвящен божеству планеты Марс, которого (согласно Абу Дулафу) древние хакасы не только почитали, но и особенно опасались, считая "дурным предзнаменованием" (Йакут ал-Хамави, 1988, с. 82). В Уйбатском городе основной квадратный "Колонный зал" должен был быть посвящен богу Солнца, а подзвездное верхнее святилище (с круглой эстрадой и алтарем, к которому вела лестница из трех ступеней) являлось храмом Миропорядка, т.е. Мироздания.

Такое истолкование храмов согласуется с политической ситуацией того времени. Начиная с середины VШ в., после уйгурского погрома 758 г., именно Марса надо было замаливать и умилостивлять древним хакасам. Ведь Марс и у манихеев славился не только как Царь Света, но и как Бог Войны. Древнехакасское государство, все его население и ближайшие союзники (в Туве, на Алтае, Восточном Саяне, на Оби, Енисее и Ангаре) вступили в полосу затяжного и изнурительного противостояния силам Уйгурского каганата, отмобилизованным к войне 755–757 гг. в Китае и Восточном Притяньшанье. На протяжении свыше 90 лет, до конца 40-х годов IX в., тянулась беспримерная война, в которой (редчайший случай в истории Центральной Азии) два тюркоязычных государства, первыми объявившие манихейство своей официальной религией, боролись насмерть. Государство уйгуров было сокрушено, народ бежал со своей исторической родины в разные стороны.

К этому времени северное манихейство вполне укоренилось в Древнехакасском государстве – свидетельства тому содержат письменные памятники IX, а затем и X вв. В енисейских надписях встречаются термины, непосредственно заимствованные из манихейской литературы (мар, баг, ашун, асурий и др.). Сирийским словом "мар" (учитель) согдийцы называли манихейских миссионеров, так же их стали называть и древние хакасы. Например, родовитый ("сын кыргыза") судья Бойла оставил на берегу р. Селенги известную Суджинскую стелу, по тамге датируемую IX в. Из текста

проистекает, что этот вольможа был манихеем, ибо от его лица говорится: "Моему учителю (мар) я дал сто человек и удел земли" (Рамстедт Г.И., 1914, с. 49; Малов С.Е., 1952, с. 84, 85). Среди наскальных енисейских надписей IX–X вв. известны строки, отразившие основные манихейские представления о дуализме мира. Такова молитвенная запись Крес хая (Е 137): "Вложите совершенную душу (буквально: нутро)". Как известно, согласно манихейской доктрине, человеческое тело сотворено богом Зла и лишь душа принадлежала богу Добра. Строки Хая-Бажи V и VII (Е 24) вполне по-манихейски превозносят деяния, направленные на благоустройство земель, резной текст на Городовой стене (Е 144) утверждает, что благое преумножается путем уничтожения греховного. Появляются на енисейских скалах и характерные для мировых религий формулы самоуничижения верующего (раб божий, недостойный раб, презреннейший, греховный и т.п.) (Кызласов И.Л., 1994, с. 188–194). Позднее в древнехакасских надписях проявились черты характерной манихейской книжной орфографии (Кызласов Л.Р., Кызласов И.Л., 1994, с. 46–48). Нам следует помнить, что из всех мировых религий, получивших распространение в Азии, по имеющимся данным, только манихейство применяло, наравне с сирийским, согдийским и порожденным им уйгурским, еще и руническое письмо.

К 942 г. относится важное для понимания нашего храмового памятника сообщение арабского географа-путешественника Абу Дулафа, в течение месяца ездившего по земле древних хакасов. Он писал: "У них имеется храм для поклонения, есть тростниковые перья, которыми они пишут. Они обладают разумом и сообразительностью. Светильники свои они не гасят до тех пор, пока (горючее) вещество в них не потухнет само. Они знают стихотворную речь, что произносят во время своей молитвы. У них есть мускус. В году у них несколько праздников. Молятся они, обращаясь на юг, почитают Сатурн и Венеру и считают дурным предзнаменованием Марс" (Йакут ал-Хамави, 1988, с. 82).

Абу Дулаф не назвал религию, которую исповедовали древние хакасы, но, судя по ряду перечисленных им признаков, единственный храм, в котором он побывал, был манихейским. Наличие храма, священного огня, особой стихотворной, т.е. ритмично организованной речи, обращение во время молитвы к югу, связь храма с письменностью и философией – все это говорит именно о манихействе. Вспомним здесь манихейский "катехизис", перечислявший необходимые компоненты святилища, учтем, что буддисты, молясь, обращались на запад или север, а христиане-несториане – на восток (Кызласов Л.Р., 1959). Манихеям особенно присущи были "мистическая таинственность обрядов, высокая художественная выразительность гимнов, покаяний и молитв, являющихся важной составной частью их обрядов" (Тугушева Л.Ю., 1973, с. 238–242). Не исключено, что арабский географ Абу Дулаф свыше тысячи лет назад имел в виду молитвенные собрания древнехакасских манихеев, проводившиеся именно в раскопанном нами храме в котловине Сорга, который он сам осмотрел.

Важно указание, что хакасы поклоняются планетам, так как именно северному манихейству был присущ, как мы видели, культ семи планет: Солнца, Луны, Сатурна, Венеры, Юпитера, Марса, Меркурия. Эти планеты предводительствовали семью днями недели и судьбами грешных людей (Bazin L., 1974, p. 494). Культ огня, так же как культ Света и Мрака, занимал в манихействе весьма существенное место (Беленицкий А.М., 1954, с. 39–67; Смагина Е.Б., 1995). В согдийском и китайском текстах упоминавшейся Орду-балыкской стелы говорится о "религии божественного Мар-Мани" как о "религии светоча огня", "истинной религии света" и т.п. (Васильев В.П., 1897, с. 23, 24; Hansen O., 1930, S. 17). Очевидно, к манихейскому культу относятся и два найденных на юге Хакасии разборных и переносных алтаря божеству Света с четырьмя чашечками-светильниками каждый (Кызласов Л.Р., 1984, с. 146; Tallgren A.M., 1937, fig. 1).

Читая сохранившиеся манихейские гимны того времени, все более убеждаемся в манихейской принадлежности храма, исследованного нами в 1972–1973 гг. Все они написаны на уйгурском языке стихами, с большой художественной выразительностью

(Тугушева Л.Ю., 1973, с. 239–242). В них упоминается приход "самой богини утра" Танг-тенгри (не для нее ли храм был распахнут входом на восток – в день весеннего равноденствия у древних хакасов начинался новый год); в них сказано: "четырем главным богам поклонимся, от четырех великих мук освободимся" (в нашем храме оказалось четыре суфы-пьедестала); в гимне проявляется сакральная роль волка: "голубым волком за тобой ходить пусть я стану" (проистекающая из исконно почитаемой котловины Сорга река называется Пююр-сух, т.е. "Волчья речка" – не повлияло ли и это на выбор места для храма?).

Манихеи любили изображать красками своих антропоморфных богов: Кюн-тенгри (Божество-Солнце), Ай-тенгри (Божество-Луна) и др. В раскопанном древнехакасском храме также обнаружены остатки своеобразной "иконы" – настенного щита с пятнами голубой краски посредине и ярко-красной в обрамлении (рис. 16, *2*). Такое расположение цветов не выглядит случайным, поскольку на манихейских храмовых фресках Восточного Туркестана и Средней Азии тела антропоморфных фигур нередко окрашены синим цветом (Беленицкий А.М., 1954, с. 17, табл. IX), ибо по учению Мани "тело человека создано архонтами Мрака по подобию материального мира" (Литвинский Б.А., Смагина Е.Б., 1992, с. 516). Можно полагать, что и в южносибирском храме стены были украшены живописными украшениями манихейских божеств в обрамлении цветочных гирлянд с многолепестковыми розетками (рис. 16, *1*) распустившегося лотоса.

Без сомнений, с середины 60-х годов VIII в. манихейские божества стали небесными патронами Древнехакасского государства.

4. Манихейство в Южной Сибири

Таким образом, древние хакасы (кыргызы) не "остались обычными шаманистами", как полагают многие ученые. Приняв "всеобщую универсальную религию" Мани в качестве государственной, они стали "сибирскими манихеями", ибо здесь на севере среднеазиатское манихейство, подчиняясь своей природе синкретического развития и приспособления, впитало в себя и видоизменило шаманистские культы. Специфика сибирского манихейства – тема специального исследования. Здесь же следует обратить внимание на то, что было привнесено в культуру Южной Сибири самим манихейством. Признание этого факта имеет следствием существенное изменение наших представлений об уровне развития местного средневекового общества, требует от ученых формирования нового исследовательского подхода к источникам.

Храм и выросший возле него монастырь (всегда сопутствующий крупным манихейским святилищам) превратили летнюю резиденцию хакасских правителей в священной котловине Сорга не только в государственный, но и в важный религиозный, культурный центр. В храме, подобно давним установлениям согдийских городов той эпохи, должна была храниться книга законов и другие государственные регалии и ценности. В монастыре, как предписывал канон, размещалась библиотека, накапливались и переписывались на местной енисейской письменности священные книги манихеев, велось обучение грамоте, врачевание. Согдийские, уйгурские, а вслед за ними и появившиеся древнехакасские миссионеры и монахи, очевидно, уже в VIII в. немало преуспели в распространении не только официальной религии, но и государственной енисейской рунической письменности (Кызласов И.Л., 1994, с. 80–98). Ныне следует сопоставить с фактом принятия на Среднем Енисее манихейства ранее не связывавшиеся с этим особенности сибирской письменной культуры: появление именно в древностях VIII в. относительно многочисленных памятников енисейского письма (эпитафийных стел у курганов культуры чаатас, предметов с надписями, найденных именно в таких курганах), обнаруживаемое по памятникам того же VIII в. влияние енисейской азбуки на облик орхонского письма уйгуров, на письменность тувинских чиков и алтайских тюрков (Кызласов И.Л., 1994, с. 80–93, 160–162, 228–230).

Очевидно, с принятием манихейства связан резкий перелом в погребальной обрядности средневековых хакасов. Культура чаатас (VI – начало IX в.) с характерными для нее каменными мавзолеями, обставленными менгирами, и с кубическими ямами-гробницами сменилась переходной тюхтятской культурой (начало IX–X в.) с захоронениями в округлых каменных оградах на дневной поверхности земли по обряду трупосожжений. Вслед за зороастризмом каноны манихейства не допускали грунтовых ямных захоронений, "дабы не осквернять благую землю" (Бойс М., 1994, с. 22, 56, 69, 143, 144). Количество стел с руническими эпитафиями, установленных близ тюхтятских курганов, значительно увеличилось, так как с принятием манихейства резко возросла образованность местного общества (Кызласов Л.Р., 1981а,б).

Как мы видели по иноязычной лексике эпиграфических памятников, а также по свидетельству Саллама-переводчика (846 г.), в Древнехакасском государстве появились люди, знающие арабский[7], персидский, согдийский, сирийский и западнотюркские языки. Надпись на применявшемся манихеями сирийском письме эстрангело обнаружена на одной из бронзовых монет, находившихся в обращении у древнехакасского населения (Кызласов И.Л., 1984, рис. 3; см.: Gabain A. von, 1973, S. 164, Abb. 62, 153, 202; 1979, S. 68).

С созданием в середине IX в. единого южносибирского государства, религиозной пропагандой на Саяно-Алтайском нагорье занялись десятки манихейских бродячих проповедников-миссионеров. Их деятельность отражена во многих кратких надписях – обращениях к небу и божествам, – появившихся на скалах Хакасии, Алтая, Тувы и современной Монголии, проявилась в особенности правописания официальных памятных стел (Кызласов И.Л., 1994, с. 188–199; 1995).

Как уже говорилось, именно манихейская религия объявлялась "истинной верой", а Отец Света почитался верующими как Бог Истины (Литвинский Б.А., Смагина Е.Б., 1992, с. 511, 512). Бируни (XI в.) сообщает также, что Мани называл себя "посланником Истинного Бога" (Бируни А., 1957, с. 211).

В Южной Сибири сохранились и изобразительные памятники манихейства. В Горном Алтае на одной из скал некий путник-манихей выгравировал изображение Сатаны (рис. 16, *3*). Для правильного восприятия рисунка (Кубарев В.Д., 1992, с. 94, рис. 1) достаточно сравнить его с известным описанием Царя Мрака: "Его голова – это облик льва (из пасти которого исходит огонь), который происходит из мира огня. Его крылья и плечи – облик орла, по подобию сынов ветра. (Его руки) и ноги – демоны, по подобию сынов мира дыма. Его середина – образ дракона (по подобию) мира тьмы. Его хвост – образ рыбы, принадлежащей к (миру сынов) воды" (Смагина Е.Б., 1993, с. 41, 42). По данным А.М. Беленицкого, манихеи рисовали Сатану "с головой льва, с телом дракона, с крыльями птицы, с хвостом рыбы и ногами ползающего животного" (Беленицкий А.М., 1954, с. 70).

Южносибирское манихейство развивалось до монгольского нашествия и, очевидно, после него, способствуя политическому, идеологическому, культурному и языковому объединению многочисленного и разнородного населения Саяно-Алтайского нагорья. Судя по некоторым памятникам письменности, оно явилось знаменем общей борьбы народов за восстановление местной государственности еще в конце XIII – начале XV вв. (Кызласов Л.Р., Кызласов И.Л., 1994). Период расцвета огромной единой южносибирской державы IX–XIII вв. на протяжении пяти столетий неразрывно связан с манихейской идеологией и культурой.

Вышесказанное подтверждается еще одним важным обстоятельством. С раскрытием изучаемой темы мы, наконец-то, получаем ответ на вопрос: Почему великий азербайджанский поэт XIII столетия Низами Гянджеви в "Искандер-намэ" – "Книге об Александре" (1198–1203 гг.) – воспел благословенную "страну Хирхиз", расположенную" в дальнем Северном крае"? Он придал ей черты утопического государства все-

[7] Первый и единственный пока в рунических памятниках арабизм ämin "надежный, надежно", обнаружен в надписи Эль-Бажи (E 68/1), созданной в конце VIII – начале IX вв. (Кызласов И.Л., 1998).

общего благоденствия, равенства, братства и счастья. Именно туда, в "город счастливых людей", поэт привел своего героя Александра Македонского, жаждавшего познания истины праведной жизни (Кызласов Л.Р., 1992, с. 106–107).

Согласно сущности манихейской религии, впитавшей в себя элементы зороастризма, христианства, гностицизма и буддизма, мир, как и человек, представляет собою смесь темных и светлых элементов. Чтобы освободиться от власти дьявола, человек должен очиститься от элементов зла, а для этого необходимо избавиться от власти материального начала, поэтому идеальный манихей обязан отказаться от всякой собственности, в какой бы форме она ни представала перед ним. Он не должен был участвовать в увековечении страданий на земле. Еще сам Мани в книге "Шапуракан" (243 г.) пророчествовал: "Кто богат – будет бедным, будет просить подаяния и претерпит вечные муки". В этом – в реально существовавшей официальной манихейской доктрине Древнехакасского государства – ключ к социальной утопии Низами.

"Посланник Бога Истины", Мани предрекал: "Вера моя ясной бывает в каждой стране и на любом языке и распространяется в далекие страны" (Луконин В.Г., 1969, с. 74–78). Так и вышло. История северного манихейства, первые страницы которой мы здесь приоткрыли, нуждается в дальнейшем пристальном изучении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Беленицкий А.М., 1954. Вопросы идеологии и культов Согда по материалам Пянджикентских храмов // Живопись древнего Пянджикента. М.

Бируни А., 1957. Избранные произведения. Ташкент.

Бичурин Н.Я., 1950. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М.; Л.

Бойс М., 1994. Зароастрийцы. Верования и обычаи. СПб.

Булатов М.С., 1988. Геометрическая гармонизация в архитектуре Средней Азии IX–XV вв. М.

Васильев В.П., 1897. Китайские надписи на орхонских памятниках в Кошо-Цайдаме и Кара-Балгасуне // Сборник трудов Орхонской экспедиции. Вып. III. СПб.

Воронина В.Л., 1953. Древняя строительная техника Средней Азии // Архитектурное наследство. № 3. М.

Ибн Хордадбех, 1986. Книга путей и стран. Баку.

Йакут ал-Хамави, 1988. Словарь стран // Материалы по истории Средней и Центральной Азии X–XIX вв. Ташкент.

Кубарев В.Д., 1992. Сенмурв из Калбак-Таша // Наскальные рисунки Евразии. Новосибирск.

Кызласов И.Л., 1984. Монеты с тюркоязычными енисейскими надписями. К вопросу о денежном обращении в Древнехакасском государстве // Нумизматика и эпиграфика. Т. XIV. М.

Кызласов И.Л., 1994. Рунические письменности евразийских степей. М.

Кызласов И.Л., 1995. О многообразии письменной культуры Алтая в раннем средневековье // Алтай и тюрко-монгольский мир. Горно-Алтайск.

Кызласов И.Л., 1998. Материалы к ранней истории тюрков. II. Древнейшие свидетельства о письменности // РА. № 1.

Кызласов Л.Р., 1959. Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953–1954 гг. // Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции АН СССР. Т. II. М.

Кызласов Л.Р., 1964. Южная Сибирь в эпоху владычества уйгуров // Материалы по древней истории Сибири. Улан-Удэ.

Кызласов Л.Р., 1972. Каменные "старушки" Хакасии // АО–1971.

Кызласов Л.Р., 1974. Раскопки средневекового здания в Хакасии // АО–1973.

Кызласов Л.Р., 1979. Древняя Тува. М.

Кызласов Л.Р., 1981а. Древнехакасская культура чаатас VI–IX вв. // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М.

Кызласов Л.Р., 1981б. Тюхтятская культура древних хакасов (IX–X вв.) // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М.

Кызласов Л.Р., 1981в. Средневековые памятники Западного Забайкалья (IX–X вв.) // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М.
Кызласов Л.Р., 1984. История Южной Сибири в средние века. М.
Кызласов Л.Р., 1986. Древнейшая Хакасия. М.
Кызласов Л.Р., 1992. Очерки истории Сибири и Центральной Азии. Красноярск.
Кызласов Л.Р., 1993. Письменные известия о древних городах Сибири. М.
Кызласов Л.Р., 1997. Памятники орхонского письма из Хакасии и Горного Алтая // ВМУ. Серия 8. История. № 1.
Кызласов Л.Р., 1998 Северное манихейство и его роль в культурном развитии народов Сибири и Центральной Азии // ВМУ. Серия 8. История. № 3.
Кызласов Л.Р., Король Г.Г., 1990. Декоративное искусство средневековых хакасов как исторический источник. М.
Кызласов Л.Р., Кызласов И.Л., 1973. Исследования на территории Хакасии // АО–1972.
Кызласов Л.Р., Кызласов И.Л., 1994. Новый этап развития енисейской письменности. Конец XIII – начало XV вв. // РА. № 1.
Литвинский Б.А., 1996. Еще о буддийских памятниках Семиречья (Киргизия) // ВДИ. № 2.
Литвинский Б.А., Смагина Е.Б., 1992. Манихейство // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Этнос, языки, религии. М.
Луконин В.Г., 1969. Культура сасанидского Ирана. М.
Малов С.Е., 1951. Памятники древнетюркской письменности. М.; Л.
Малов С.Е., 1952. Енисейская письменность тюрков. М.; Л.
Малов С.Е., 1959. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.; Л.
Пугаченкова Г.А., 1954. Хароба-кошук // Известия АН Туркменской ССР. № 3. Ашхабад.
Рамстедт Г.И., 1914. Перевод надписи Селенгинского камня // Труды Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела РГО. Т. XV. Вып. 1. СПб.
Смагина Е.Б., 1993. Истоки и формирование представлений о царе демонов в манихейской религии // ВДИ. № 1.
Смагина Е.Б., 1995. Манихейство // Религии Древнего Востока. М.
Тугушева Л.Ю., 1973. Поэтические памятники древних уйгуров // Тюркологический сборник. 1972. М.
Якубовский А.Ю., 1954. Вопросы изучения Пянджикентской живописи // Живопись Пянджикента. М.
Bazin L., 1974. Les calendariers turcs anciens et medievaus. Lille.
Chavannes Ed. et Pelliot P., 1913. Un traité manichéen retrouvé en Chine // Journal Asiatique. 11 serie. T. I. № 1–2. Paris.
Cahain A. von, 1973. Das Leben im uigurischen Königreich von Qočo (850–1250). Wiesbaden.
Gabain A. von, 1979. Einführung in die Zentralasienkunde. Darmstadt.
Hansen O., 1930. Zur soghdichen Inschrift auf dem dreisprachigen Denkmal von Karabalgasun // Journal de la Société Finno-Ougrienne. XLIV. 3. Helsingfors.
Pulleyblank E.G., 1952. A Sogdian Colony in Inner Mongolia // T'oung Pao. V. XLI.
Reuter O., 1938. Parthian architecture. Sasanian architecture // A Survey of Persian Art. V. I. London; New York.
Tallgren A.M., 1937. Portable Altars // Eurasia Septentrionalis Antiqua. XI. Helsinki.

Московский государственный университет

L.P. KYZLASOV

A MANICHEE TEMPLE LOCATED IN THE DEPRESSION SORGA

Summary

Ruins of a temple were discovered in the depression Sorga in the upper Pur-suh River in 1972–1973; they were researched by the archaeological expedition of Moscow State University. The temple had a rectangular form of 37.5 by 28.5 m. The thickness of the walls made of mudbricks at the end of the 760s

reached 2.5 m; they stood to a height of 3 m. The temple was erected on a stone rectangular platform 41 by 32.5 m and was 1.7 meters high.

The finds establish the period when the temple was open to the cult: the second half of the 8th – 10th centuries. Architectural and construction parallels confirm that the temple was built by Sogdians. Manichaeism became a state religion of this country in 763. After conquering Tuva in 750–758, Uighurs built fortresses that were linked with each other by means of the Long Wall using Sogdians as the labor force. In 758 there troops invaded Khakassia and made the rulers of this country become vassals of the Uighur kagan.

The Manichee temple in the depression Sorga was dedicated to the deity of the planet Mars and it was vistited by an Arab traveler Abu Dulaf in 924. The temple and the wooden monastery turned a summer residence of the old Khakassian rulers located in the sacred depression Sorga into an important religious and cultural center. Manichaeism that brought about a cultural revolution became a state religion of the Old Khakassian state in the 8th century.

The temple upon the river Pur-suh is the first archaeologically recorded Manichee temple.

МИХАИЛ ЕВГЕНЬЕВИЧ МАССОН

(1897–1986)

Исполнилось 100 лет со дня рождения археолога Михаила Евгеньевича Массона – виднейшего исследователя и знатока древней и средневековой истории Средней Азии.

М.Е. Массон родился 4 декабря 1897 г. в Санкт-Петербурге в семье топографа-землемера, работавшего впоследствии в Самарканде. Уже в годы учения в самаркандской мужской гимназии проявился его живейший интерес к историческому прошлому Самарканда и памятникам старины, что было подмечено известным археологом-краеведом В.Л. Вяткиным. Под его покровительством и руководством М. Массон стал все более приобщаться к делу охраны и изучения местных древностей и к музейной работе.

По окончании гимназии с золотой медалью М. Массон стал студентом Санкт-Петербургского политехнического института. Первая мировая война прервала учение, и, пройдя ускоренный курс Михайловского артиллерийского училища, юноша был направлен на фронт. В Самарканд М.Е. Массон вернулся в 1918 г.

В 1918–1923 гг. М.Е. Массон быстро обретает репутацию пытливого и энергичного исследователя исторических судеб Самарканда, начинает свою полевую деятельность, обследует на городище Афрасиаб, расположенном в черте города, руины части дворцового зала Саманидов и вводит в научный оборот замечательную по мастерству исполнения резную алебастровую панель. Он организует учет случайных находок предметов древности, включая находки монет, выявляет ряд ранее неизвестных мест древних поселений (городищ, тепе), успешно популяризирует дело охраны памятников, осуществляет экскурсионную деятельность, способствует развитию массового краеведческого движения.

С 1919 г. М.Е. Массон заведует Самаркандским областным музеем, а в 1923 г. переезжает в Ташкент и приступает к работе в Главном среднеазиатском музее, где он заведовал археологическим и нумизматическим отделами.

Плодотворная и энергичная деятельность М.Е. Массона не могла не вызвать внимания, одобрения и поддержки виднейших ученых России. В 1924 г. по представлению акад. С.Ф. Ольденбурга М.Е. Массон избирается чл.-корр. Центрального бюро краеведения (Москва). Акад. В.В. Бартольд считал своим долгом указать "на исключительный опыт и исключительные заслуги М.Е. Массона как в музейном деле, так и в деле изучения среднеазиатских памятников".

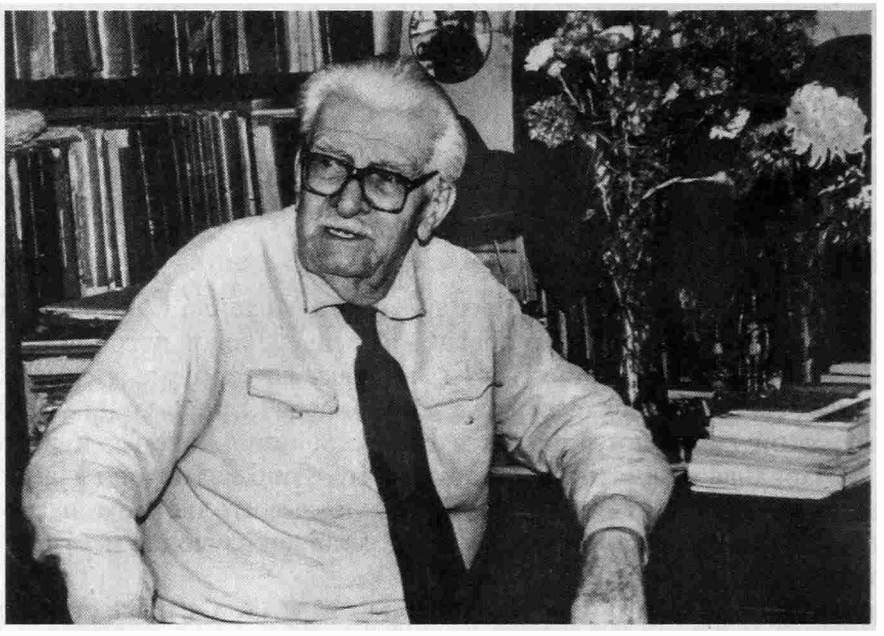
Все это время М.Е. Массон сотрудничал в Туркестанском (позже – в Среднеазиатском и Узбекистанском) Комитете по делам музеев и охране памятников старины (Туркомстарис, Средазкомстарис, Узкомстарис).

Все большее признание и известность получают археологические раскопки и разведки М.Е. Массона: работы на городище Мингурюк в Ташкенте, Старом Сайраме и в долине Таласа в Казахстане, в городской черте и в окрестностях Термеза, на местах древних поселений Кыргызстана и Таджикистана, научные описания ряда историко-архитектурных памятников Средней Азии, изучение монетных кладов и т.п.

В 1936–1939 гг. М.Е. Массон возглавляет созданную по его инициативе Термезскую археологическую экспедицию, а впоследствии – Кешскую археолого-топографическую экспедицию для изучения Карши, Китаба, Шахрисябза и ряда других древних населенных пунктов.

В 1936 г. по представлению академиков И.Ю. Крачковского, И.А. Орбели и проф.

© Б.В. Лунин, 1999 г.



М.Е. МАССОН

А.Ю. Якубовского М.Е. Массону была присуждена ученая степень доктора археологии без защиты диссертации, в 1941 г. присвоено звание профессора. Впоследствии он будет избран действительным членом Академии наук Туркмении, удостоен почетных званий Заслуженного деятеля науки Узбекистана и Туркменистана, награжден орденами Знак Почета и Трудового Красного Знамени.

Новая важная страница в жизни М.Е. Массона не только как ученого, но и как педагога открывается в конце 1939 г., когда он был утвержден в должности заведующего кафедрой археологии Исторического факультета Среднеазиатского государственного университета в Ташкенте. Без малого 30 лет он возглавлял эту кафедру, снискавшую себе признание основного в то время очага подготовки кадров археологов-специалистов для работы в Средней Азии. Высок был авторитет кафедры и как одного из центров научно-исследовательской работы. За время руководства М.Е. Массоном кафедрой археологии был подготовлен и получил путевку в жизнь значительный отряд молодых ученых (более 90 чел. 15 национальностей). И в наши дни в Средней Азии нет такого города, музея, научно-исследовательского или педагогического учреждения гуманитарного профиля, где не работали бы ученики и последователи М.Е. Массона.

Обширной была тематика научных трудов М.Е. Массона. Сам он так определял ее круг применительно к специфике Средней Азии: I. Общие историко-археологические вопросы. II. История горного дела и металлургии. III. Археологические аспекты гидрологии и метеорологии. IV. Историческая география и археологическая топография городов. V. История архитектуры. VI. История изобразительного и прикладного искусства. VII. Нумизматика. VIII. Эпиграфика. IX. Вопросы из области истории фауны и флоры. X. Разные историко-археологические вопросы. XI. Персоналии.

Таким образом, одним из основных направлений научной деятельности М.Е. Массона было выявление следов и изучение истории горного дела в среднеазиатском регионе, остатков древних и старых горных выработок. Это подразумевало и возможность нового использования некоторых из них в интересах хозяйственного строительства наших дней. Во многом оригинальный, новаторский характер носили такие публикации М.Е. Массона, как "К истории добычи ртути в Средней Азии" (1930), "Из истории горной промышленности Таджикистана" (1934), "Из истории добычи меди в Средней Азии в связи с прошлым Алмалыка" (1936), "К истории черной металлургии Узбекистана" (1947), "К истории горного дела на территории Узбекистана" (1953) и

др. За заслуги в деле изучения истории добычи полезных ископаемых ему было присвоено звание почетного гражданина города горняков Ахангарана.

В 1945 г. при участии Российской Академии наук была организована крупномасштабная, рассчитанная на ряд лет и действующая в системе Академии наук Туркмении Южно-Туркменская археологическая комплексная экспедиция (ЮТАКЭ). Возглавить ее было поручено М.Е. Массону. На этом посту особенно наглядно проявились замечательные качества Михаила Евгеньевича как умелого и волевого организатора, дальновидного и широко мыслящего ученого. Ему принадлежала разработка всеобъемлющего плана работ экспедиции от изучения материальных следов первобытного общества вплоть до времени позднего феодализма. Деятельность экспедиции явила собой важнейший этап в процессе изучения исторического прошлого не только Туркменистана, но в значительной степени всей Средней Азии, а по некоторым научным направлениям даже сопредельных стран Востока.

По инициативе М.Е. Массона к участию в работе экспедиции и в последующей камеральной обработке накапливаемых материалов привлекались не только археологи, но и историки-востоковеды, антропологи, этнографы, лингвисты, архитекторы, искусствоведы, палеогеографы, геологи, ботаники, зоологи, химики и другие специалисты.

С течением времени исследовательские маршруты различных отрядов и групп экспедиции охватили огромную территорию от Каспия и Атрека до Амударьи и от Керки до Южного Хорезма. Открывались новые, до того неизвестные или малоизвестные страницы богатейшей и своеобразной истории Средней Азии.

Особо должно быть отмечено систематическое и широкомасштабное изучение одного из крупнейших и древнейших городов Востока – Мерва (городище Старого Мерва с площадью более 60 км^2). В ходе раскопок изучались остатки кварталов ремесленников античного и средневекового времени, были обнаружены также памятники буддизма и христианства. М.Е. Массоном была разработана периодизация длительной и сложной истории Мерва. Под редакцией М.Е. Массона и при его активном участии как автора было выпущено в свет 18 томов "Трудов" ЮТАКЭ и несколько выпусков "Материалов", не считая сотен публикаций участников экспедиции в других изданиях, в том числе зарубежных.

В общей сложности М.Е. Массон принимал участие более чем в 80 полевых маршрутах и стационарных работах на территории Средней Азии. Число его научных публикаций достигло 400. Они были отмечены стремлением автора к органическому сочетанию собственно археологических данных с данными исторической географии, этнографии, фольклора, старинных восточных рукописей и другими прямыми или косвенными источниками, дабы "дорабатывать до дна". Поучительны в этом отношении такие его публикации, как "Катта-Лянгар в области средневекового Кеша" (1966), "Столичные города в области низовьев Кашкадарьи с древнейших времен" (1973), "Прошлое самаркандского Даргома" (1976), "Среднеазиатские мосты прошлого и проблемы их изучения" (1978) и др.

Широкую известность и признание получили публикации М.Е. Массона по истории Парфии, в том числе по уникальным для Средней Азии парфянским ритонам из городища Нисы, скульптуре Айртама близ Термеза, историко-археологической топографии древних городов, по нумизматике эпохи Кушан и др.

Большое внимание уделял М.Е. Массон проблематике историко-культурных связей Средней Азии с внешним миром. В ряде его работ освещались вопросы о северных границах государства "Великих Кушан" о взаимоотношениях Византии и Средней Азии по данным нумизматики и др.

Не чужд был М.Е. Массон и историографической тематике. Ему принадлежат очерки по истории зарождения и развития археологических исследований в среднеазиатских республиках. Во многом характер историографических экскурсов носили его статьи, в которых он полемизировал с другими учеными, например касательно проблем сложения и роста средневековых городов (см. его работу "К проблеме

изучения топографии среднеазиатских городов", 1980 и др.). И поныне к мнениям и выводам ученого прислушиваются участники продолжающейся дискуссии касательно понимания и трактовки таких терминов, как "арк", "кала-и арк", "медина-шахристан", "рабат", "хаит", "хисар" в отношении различных частей городов применительно, в частности, к системе оборонительных стен внешних и внутренних частей городов в свете сведений о них письменных источников и данных археологических наблюдений.

На протяжении многих лет М.Е. Массон разрабатывал и совершенствовал методику и методологию, определял круг задач археологических исследований применительно к специфике и особенностям памятников древности Средней Азии, что позволяет видеть в нем создателя своей археологической школы. Ее сущность и основные положения сформулированы им самим (см. его: "Принципиальные положения среднеазиатской научной археологической школы", 1966).

Давно отмечено, что, к сожалению, литература по истории археологии пока что не столь обширна сама по себе, а особенно бедна воспоминаниями самих археологов, публикациями мемуарного характера. Тем большей заслугой М.Е. Массона являются подготовка и издание книги своих воспоминаний, охватывающей время 1920–1930-х годов ("Из воспоминаний среднеазиатского археолога", 1976), а также и нескольких брошюр мемуарно-исторического профиля.

Нельзя не подчеркнуть, как много делалось М.Е. Массоном со дней его юности и до конца жизни для развития массового краеведческого движения гуманитарного профиля, значение которого для науки высоко им ценилось. Будучи выходцем из этого движения, он и сам воспринял от него многоаспектность тематики и многогранность поисков ответов на "большие" и " малые" вопросы истории родного края. Показательно, что где бы и когда бы ни находился М.Е. Массон (командировки, экспедиции, места отдыха), он тотчас же устанавливал контакты с краеведами, интересовался их работой, участвовал в предпринимаемых ими экскурсиях, помогал своими советами, консультациями. Неслучайно М.Е. Массон избирался почетным членом краеведческих обществ Ташкента, Самарканда, Ашхабада, Пятигорска, Кисловодска, Ессентуков и других городов. Облик М.Е. Массона как ученого и общественного деятеля был бы неполным, если не отметить его поистине неутомимой научно-популяризаторской деятельности в качестве лектора, автора массовых брошюр по историко-архитектурным памятникам, многочисленных журнальных и газетных статей, заметок, сообщений историко-краеведческого характера.

Все, кто знал Михаила Евгеньевича, поражались его трудолюбию и неисчерпаемой энергии. В тяжелейших подчас климатических условиях (палящие лучи солнца, нестерпимый зной, сухие пыльные ветры, скудный питьевой режим, вязнущие в песках ноги) он подавал пример всем своим ученикам и соратникам, проходя широким и уверенным шагом, казалось, без устали многокилометровые маршруты, не теряя зоркой наблюдательности, терпения при раскопках, не снижая требовательности к участникам экспедиций.

За плечами М.Е. Массона было уже восемь десятилетий, а он все еще не чуждался выездов на места, участия в полевой работе, запечатлеваясь в памяти окружающих своей подвижностью, неизменной готовностью быть полезным науке.

Последние годы и особенно месяцы жизни Михаила Евгеньевича Массона были омрачены нарастанием тяжелого заболевания. Он скончался в преддверии своего 90-летия 2 ноября 1986 г. Ушел из жизни большой ученый, чье имя навсегда и неразрывно связано с историей становления, развития и успехов археологии в Средней Азии.

Еще при жизни было положено начало "Массоновским чтениям" в Ташкенте. Их ежегодное проведение стало традицией. Проводятся они при участии ученых республик Средней Азии и Российской Федерации.

Прочен и неизгладим след, оставленный Михаилом Евгеньевичем Массоном в науке и благодарной памяти поколений.

Институт истории АН РУ, Ташкент *Б.В. Лунин*

Критика и библиография

Junkelmann Marcus. Reiter wie Statuen aus Erz. Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern, 1996 (Sonderhefte der Antiken Welt). 128 S. mit 141 Farb- und 71 Schwarzweißabbildungen

С блестящей обложки красочно оформленной книги прямо на нас мчится всадник; "бронзовой статуе подобный", в полном парадном снаряжении, в лицеподобной маске, шлеме, украшенном конскими волосами желтого цвета, со щитом в левой руке и драконообразным штандартом – в правой. Так с первого взгляда мы входим в атмосферу книги, уводящей нас на восемнадцать веков назад, во времена, когда кавалеристы Римской империи экипировались таким образом. Мостиком в далекое прошлое служит одно из научных направлений исторического цикла – экспериментальная археология.

Книга знакомит с результатами любопытного исследования в рамках масштабного проекта, предпринятого учеными Австрии при содействии специалистов других стран на базе комплекса учреждений в земле Нижняя Австрия, объединенных под вывеской "Археологический Парк Карнунт". Проект рассчитан на несколько этапов и включает ряд направлений, некоторые из них уже получили отражение в разного рода публикациях. Настоящая книга посвящена одной из программ проекта – "Римское парадное вооружение" (Römische Paradenrüstung). Главное ее содержание составляет исследование Марка Юнкельманна "Всадники, как статуи из бронзы" (с. 12–87) – название, взятое в качестве заголовка для всей книги; его дополняют выполненные тем же автором перевод "Кавалерийского трактата" Флавия Арриана (с. 88–92) и каталог деталей римского парадного вооружения (с. 93–101); сноски и литература ко всей теме – на с. 101–114. Кроме того, в книге помещены: предисловие известного специалиста по римскому вооружению Йохана Гарбша (с. 2); статья профессора Вернера Йобста, члена правительства земли Нижняя Австрия, о предварительных итогах и перспективах развития археологического парка Карнунт (с. 3–11); и – в виде приложения – заключительная статья Клауса-Петера Гётерта о ранее не опубликованных расписных щитах римско-византийского времени из Египта, хранящихся в музее Трирского университета (с. 115–128). В совокупности все материалы дают полное представление о проекте в целом и о конкретных результатах программы "Римское парадное вооружение". Книга прекрасно иллюстрирована более чем двумястами иллюстрациями и фотографиями, в основном цветными, являющимися необходимым компонентом такого рода изданий.

Проект "Археологический парк Карнунт" рассчитан на 1986–2010 гг. и финансируется из регионального бюджета союзной земли Нижняя Австрия. Его цель – создание особой культурно-исторической зоны в районе современных замка Петронелль и курортного городка Дейч-Альтенбург на полпути между Веной и Братиславой на правом берегу Дуная. В древности на этом месте находились легионный лагерь и прилагерный городок Карнунт – некогда центр римской провинции Верхняя Паннония, в котором император Марк Аврелий предавался размышлениям о бренности мира и судьбе рода человеческого. Карнунт для Австрии, а в некотором отношении для всей центральной Европы – символ античной цивилизации; раскопки в нем ведутся с прошлого века. Нынешний проект имеет двоякую направленность: научно-исследовательскую и культурно-зрелищную. Парк предполагается превратить в центр культурного туризма, быстрыми темпами развивающегося во многих странах мира. Привлечение туристов, по мысли организаторов, создаст дополнительный источник дохода для финансирования научных работ; вместе с тем реализация проекта будет способствовать преодолению разрыва между наукой и жизнью, археологией и культурными потребностями общества – частый и во многом справедливый упрек, адресуемый кабинетным ученым. Использование исторических памятников в качестве объекта капиталовложения, придание им непосредственной экономической ценности – дело тонкое, и требующее чувства меры. В этом смысле Карнунтский проект дает пример взвешенного и продуманного подхода. Он основан на

© С.М. Перевалов, 1999 г.

долгосрочных прогнозах социально-экономического развития региона и имеет солидное организационное обеспечение в виде акционерного общества (Betriebsgesellschaft m.b.H.) "Археологический парк Карнунт". Все работы по реставрации и укреплению археологических памятников проходят научную экспертизу специалистов (археологов, архитекторов, инженеров, химиков). Проект развивается, приносит новые проблемы, вовлекает новые научные силы и расширяет круг энтузиастов – любителей древности.

В реконструированном виде археологический парк Карнунт должен включать три зоны: 1) район музея в г. Альтенбург, 2) военный городок, 3) гражданский городок. В течение 1988–1992 гг. были закончены переоборудование и модернизация археологического Музея Карнунта, построенного в 1901–1904 гг. Ныне двухэтажный музей вмещает четыре выставки, или раздела: 1-й этаж – "Восточные религии и культы", 2-й – "Император и провинции: деньги и средства сообщения", "Император и войско", "Повседневная жизнь: хозяйство и торговля". Музейная коллекция значительно превышает возможности выставочных площадей: в экспозиции представлены не более 5% (ок. 3500) экспонатов, поэтому уже сейчас планируется расширение музея с приобретением прилегающей территории. На момент выхода книги в свет в зоне военного городка основные работы велись в районе амфитеатра I, где находились канабы 14-го парного Марсова победоносного легиона (Legio XIV Gemina Martia Victrix). В зоне гражданского городка Карнунта раскопки интенсивно ведутся с 1989 г., здесь планируется восстановить целый жилой квартал и уже реконструирован придорожный храм Дианы. Там же расположен действующий с 1993 г. информационный центр, предоставляющий услуги специалистам и широкой публике. Близ гражданского городка расположены так называемые "Степные ворота" (Heidentor), построенные в IV в. н.э., являющиеся визитной карточкой возводимого культурного объекта. Планируется археологическое изучение святилища Юпитера Карнунтского в Альтенбурге, кавалерийского кастелля Петронелль, Митреума III в гражданском городке.

Будущих посетителей парка будут встречать одетые в костюмы римской эпохи обитатели Карнунта – военные и гражданские, чья одежда восстанавливается на основе научных рекомендаций. Проблеме изучения и реконструкции полного комплекта римского парадного вооружения посвящено исследование М. Юнкельманна "Всадники, как статуи из бронзы". Автору принадлежит несколько книг по римской армии и коннице (Junkelmann M., 1986; 1990; 1991; 1992). Его новое исследование начинается, как принято, с выражения благодарности большому числу людей, так или иначе содействовавших выходу книги в свет: руководителям проекта, специалистам, антиковедам разных стран, мастерам, изготавливавшим доспехи, экспериментаторам. Вырисовывается картина широкого интернационального сотрудничества, свойственного нашему времени.

Автор формулирует свою задачу как максимально полное восстановление, изготовление, испытание парадного вооружения римских всадников. Указанная тема имеет давнюю и богатую историографическую традицию. В своей работе Юнкельманн подытоживает результаты исследований парадной паноплии за последние неполные два десятилетия, прошедшие со времени сводного труда Й. Гарбша (Garbsch J., 1978). Сам термин "парадное вооружение" (нем. Paradenrüstung) принимается автором с долей условности, так как вызывает неправомерные аналогии с оружием чисто представительским, не употреблявшимся в действии. Столь же односторонним, по его мнению, является английское cavalry sports equipment (а также, замечу, французское l'équipement sportif). Более точным, по автору, было бы использовать термин "турнирное вооружение" (Turnierrüstung), но прежнее название уже получило широкое распространение в специальной литературе. "Парадное" вооружение применялось римскими кавалеристами в военных играх с элементами тактического учения и отличалось от боевого большей пышностью, своеобразием декора, иногда – материалом и назначением. В его состав входили: маска-шлем или другая разновидность тщательно выделанных шлемов или касок, декорированные поножи, наколенники, нагрудники, (боевые) панцири – чешуйчатые или кольчатые, различные медальоны для щитов, браслеты, а для коней – особая сбруя, наглазники, налобники. Паноплия не была обязательной во всех деталях, вводилась в употребление постепенно и имела свои стадии развития: решающая связана с реформами Августа в римской армии, а своего расцвета "парадное" вооружение достигло во II–III вв. При экспериментальном изготовлении в качестве образцов использовались отдельные части вооружения, известные по письменным, изобразительным и археологическим источникам, причем доминирующим был археологический материал, частично из карнунтских раскопок, но особенно – из богатого комплекса начала III в. н.э., найденного в 1950 г. в г. Штраубинге (Бавария). Несколько комплексов парадного всаднического вооружения были закончены к 1991 г., среди мастеров особая роль принадлежит Дитеру Кромфольцу, который изготовил металлическую маску-шлем, панцирь и разнообразные детали конской сбруи. Доспехи были испытаны в деле,

при инсценировке конских состязаний, что позволило проверить на практике некоторые теоретические предположения о назначении отдельных частей вооружения.

Примерно половину текста занимает исследование происхождения, назначения и изготовления парадных шлемов с маской, имитирующей человеческое лицо, иногда – и прическу. Функции масок-шлемов были многообразны, их далекие истоки восходили к культу мертвых, драматическим маскам, военным забралам (в греческом шлеме коринфского типа и др.). Существуют четыре основные теории происхождения "парадных" шлемов в римской армии: 1) восточная (сирийская, парфянская), 2) эллинистическая, 3) фракийская, 4) италийская (этруски, греки), и все они подробно рассмотрены в книге: преобладающим в заключительной стадии, по Юнкельманну, было восточное влияние. С Августа маски-шлемы принимают стандартизированный вид, что отражает его реформы по унификации снаряжения и вообще армейских порядков. Наиболее популярными были маски-шлемы "Александрова типа" (имитирующие лик Александра Македонского). Судя по источникам, в том числе письменным (Heliod. 9.15; Amm. Marc. 16.10.8; 25.1.12), маски-шлемы (иного типа, нежели парадные) могли использоваться и в бою; практические эксперименты, проведенные под руководством Юнкельманна, показали, что при встрече с использующим метательное оружие "противником" всадник в маске, защищающий полностью лицо, чувствовал себя много увереннее, хотя и имел затруднения в ориентировке из-за ограничения обзора. Металлические маски ("личины"), к слову сказать, использовались еще в средневековье русскими дружинниками и степными кочевниками (печенегами, половцами).

Поскольку парадное вооружение предназначалось для конно-спортивных состязаний (ἱππικὰ γυμνάσια) в римской армии, Юнкельманн предпринимает очередную попытку восстановить их общую картину, используя первоклассный источник – так называемый "Кавалерийский трактат", заключительную часть "Тактики" Флавия Арриана (Arr. Tact. 33.3–44), написанную в 136 г. при императоре Адриане. Конные состязания адриановой эпохи представляли собой приспособленный к нуждам римской армии искусственный продукт, составленный из традиций многих народов, ее пополнявших или с ней встречавшихся на полях сражений (римлян, кельтов, иберийцев, сарматов, армян, парфян). Согласно описанию, состязания проводились на специально выровненной и подготовленной для этого площадке с трибуной для почетных гостей и зрителей. Ее размеры Арриан не указывает, но Юнкельманн привлекает данные археологических исследований подобных сооружений. Лучше других известны площадки в Великобритании: у кастеллей Гарднот 160 × 90 м, Мэрипорт 87 × 85, Недерхолл 94 × 92 (все – в Камберленде, графстве в северной Англии), незаконченная площадка у кастелля Тоумен-и-Мер (Сев. Уэльс) 133 × 106 м. В среднем такие площадки ненамного превосходят современные футбольные поля, их небольшие размеры позволяют говорить, что число задействованных в играх всадников вряд ли превышало для одной команды численность турмы (32 человека), а преобладающим аллюром была рысь, а не галоп.

Юнкельманн подробно разбирает отдельные составные элементы состязания по Арриану: торжественный выход команд: атаку на конную "черепаху" с метанием тупых копий; ее продолжение – маневр "петринос"; "кантабрийскую" атаку. По ряду вопросов Юнкельманн вступает в полемику с авторами, ранее предложившими свои варианты, – Питером Коннолли (Connolly P., 1981), Анабелом К. Лосоном (Lawson A.K., 1980), Анной Хиланд (Hyland A., 1993), и дает собственное, обычно хорошо аргументированное толкование. К числу верных можно отнести наблюдения автора относительно атаки на конную "черепаху": вывод о равной численности противоборствующих команд; расположение (двух) команд перед началом состязания слева и справа от трибуны в параллельных линиях друг против друга: атакующая сторона лицом, защищающаяся – в построении "черепахой" – спиной (у А. Лосона – обе команды в параллельных линиях лицом к трибуне, у А. Хиланд – в косом построении и также лицом к трибуне); поворот всадников атакующей команды слева направо, а не наоборот (как у П. Коннолли в ранних работах). В объяснении "кантабрийской" атаки, менее сложной для реконструкции, Юнкельманн в основном принимает выводы А. Лосона и А. Хиланд. Наряду с тем заслуживают внимания следующие соображения автора: о наличии у всадников, соревнующихся в количестве бросков (15–20 дротиков для хорошего результата), пеших помощников (calones), подающих оружие; о невозможности использовать при столь частых бросках метательный ремень (amentum); определение расстояния, с которого проводится метание, 20 м или менее. Эксперименты показали также, что щит мог выдержать неоднократное попадание метательных снарядов. В целом Юнкельманн точнее, нежели его предшественники, восстановил наиболее вероятный ход состязания, хотя следует сказать, что описание Арриана допускает подчас различное толкование. Юнкельманн останавливается лишь на тех маневрах, в

которых используется " парадное" снаряжение, и не рассматривает заключительную часть упражнений (Arr. Tact. 41–44), в которых применялось уже боевое вооружение: об этом можно сожалеть (исследование выглядит незаконченным), но в логике автору не откажешь. Схемы и фотографии конных атак создают у читателя наглядное представление о действиях участников военно-спортивного "шоу".

Автор затрагивает вопрос о преемственной связи конных состязаний в римской армии со средневековыми рыцарскими турнирами. Наряду с общими чертами (их зрелищный характер) отмечаются и существенные отличия: с одной стороны, массовость, связь с тактическими учениями у римлян, с другой – индивидуализм, стремление к личной победе в поединках у рыцарей.

В разделах, следующих за реконструкцией конных состязаний, исследуется более подробно экипировка всадников. Из средств защиты был воссоздан чешуйчатый металлический панцирь (lorica squamata) на льняной основе, доходящий до бедер, в сочетании с парой декоративных нагрудников и такими же наплечниками. Изготовленный экспериментально из примерно 3000 чешуек панцирь весил около 8,5 кг, на его изготовление было затрачено около 200 человеко-часов. Другую разновидность парадной одежды представлял так называемый "киммерийский хитон" (упомянут у Arr. Tact. 34.5) – легкий текстильный панцирь ярких цветов, также сшитый для проекта "Археологический парк Карнунт". Юнкельманн прослеживает его происхождение от одеяний амазонок и других мифических циркумпонтийских народов, встречающихся на расписных краснофигурных вазах с IV в. до н.э. Понтийско-азиатское происхождение обеспечило хитону название "киммерийского", по имени древнего и уже исчезнувшего с исторической карты народа. В книге исследуются и другие детали снаряжения (все также были изготовлены): декоративные поножи с рельефными фигурными украшениями; щит – более легкий, нежели боевой, основой для реконструкции которого послужил расписной щит с амазономахией из Дура-Европоса; драконообразный "скифский" (т.е. сарматский) штандарт (Arr. Tact. 35.3–4), голова которого воспроизводила хорошо сохранившуюся часть штандарта из Нидербибера; конские налобники; конская сбруя с седлом; ожерелья и ручные браслеты воинов.

За собственно исследованием парадного вооружения помещены два подготовленные Юнкельманном приложения. Первым идет комментированный перевод "Кавалерийского трактата" Арриана. В основу его положен немецкий перевод Ф. Кихле (Kiechle F., 1965), из недавних переводов привлекаются английский Ф. Бруденалла/Ф. Уолбанка у А. Хиланд (Hyland A., 1993, p. 69–77) и французский М. Вилларда у М. Фёжера (Feugere M., 1993, p. 189–191). В ряде мест Юнкельманн делает существенные поправки к переводу, из наиболее значимых отмечу: Tact. 36.2 (о положении двух всадников перед строем конной "черепахи"); 37.2 (о выдвижении контратакующих всадников из строя "черепахи", а не из засады); 38.1 (о порядке смены ролей команд после завершения первого круга метания). Одной из причин, вызвавших ошибки Ф. Кихле, Юнкельманн с полным правом называет отсутствие у того схем (либо рисунков) маневров и экспериментальной проверки последних. В книге не учтен новый перевод "Тактики" Арриана (правда, популярного плана), сделанный Дж. Де-Вото (DeVoto J.G., 1993).

В заключение своего исследования Юнкельманн прилагает каталог деталей парадного вооружения из музеев мира с их кратким описанием. Он является продолжением каталога Гарбша (Garbsch J., 1978) и включает находки, обнаруженные после 1978 г.; сохранены те же разделы и продолжающаяся нумерация, что и у Гарбша: шлем (0 81–130 + 0 131–133), нагрудники (P 29–44 + P 45), поножи (0 16–30), медальоны (R 17), конские налобники (S 23–37).

В приложении Клаус-Петер Гетерт в статье "Новые римские парадные щиты" дает описание трех из четырех кожаных на деревянной основе щитов, найденных в Египте и хранящихся в музее университета г. Трира. Щиты в основном византийского времени (конец IV–V вв.), их роспись дошла во фрагментах. На одном из щитов выполнен круговой орнамент, на другом изображена сцена охоты, на третьем представлены военные сюжеты. Автор подымает ряд вопросов, связанных с датировкой, стилем и назначением щитов.

Научный уровень рецензируемой книги следует оценить как очень высокий (в рамках поставленных в ней задач) с точки зрения полноты привлеченного материала, строгости метода, точности и аргументированности выводов. Но исследование, безусловно, вызовет и ряд вопросов, а возможно, и возражений методологического характера. Книга принадлежит сравнительно редкому и вызывающему неоднозначную реакцию ученых мира направлению – так называемой "экспериментальной археологии". Проблема – возникшая не сегодня заключается в том, может ли исследователь в принципе вторгаться в историю, позволять себе

экспериментировать в ней (см.: JRS. 1994. 84, p. 238, 239). Авторы книги (Йобст, Юнкельманн) понимают эту проблему и защищают свой подход, возражая сторонникам "нормальной" истории и археологии указанием на то, что узкий взгляд на прошлое как предмет занятий только специалистов и только традиционными методами ведет к изоляции ученых, к позиции интеллектуала в "башне из слоновой кости", ограничивает возможности критической проверки научных гипотез. Экспериментальная археология ныне развивается в Германии, Великобритании, Италии, Швейцарии, других странах, и к ней надо относиться со всей серьезностью.

Северо-Осетинский госуниверситет,
Владикавказ

С.М. Перевалов

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Connolly P., 1981. Greece and Rome at War. London.

DeVoto J.G., 1993 (ed., tr.). Flavius Arrianus. ΤΕΧΝΗ ΤΑΚΤΙΚΑ (Tactical Handbook) and ΈΚΤΑΞΙΣ ΚΑΤΑ ΑΛΑΝΩΝ (The Expedition Against the Alans). Chicago.

Feugere M., 1993. Les Armes des Romains de la République à l'Antiquité tardive. Paris.

Garbsch J., 1978. Römische Paraderüstungen. Katalog der Ausstellung im Germanischen Nationalmuseum Nurnberg und in der Prähistorischen Staatssammlung München. München.

Hyland A., 1993. Training the Roman Cavalry. From Arrian's Ars Tactica. Stround.

Junkelmann M., 1986. Die Legionen des Augustus. Der römische Soldat im archäologischen Experiment. Mainz.

Junkelmann M., 1990. Die Reiter Roms. Teil I. Reise, Jagd, Triumph und Circusrennen. Mainz.

Junkelmann M., 1991. Die Reiter Roms. Teil II. Der militärische Einsatz. Mainz.

Junkelmann M., 1992. Die Reiter Roms. Teil III. Zubehör, Reitweise, Bewaffnung. Mainz.

Kiechle F., 1965. Die "Taktik" des Flavius Arrianus // Bericht der Römisch-Germanischen Kommission. 1964. 45. Berlin.

Lawson A.K., 1980. Zu den römischen Reiterspielen // Archäologisches Korrespondenzblatt. 10.

В.Р. ЭРЛИХ. У ИСТОЧНИКОВ РАННЕСКИФСКОГО КОМПЛЕКСА. М., 1994. 146 с.

Вопросы, связанные с происхождением скифской культуры, относятся к числу актуальнейших в скифологии. В связи с этим каждая новая работа, посвященная их рассмотрению, заслуживает самого пристального внимания. Не является исключением и рецензируемая монография В.Р. Эрлиха. Этот, уже достаточно хорошо известный автор относится к представителям нового поколения исследователей, посвятивших себя изучению истории Северного Кавказа.

Книга состоит из историографического очерка, четырех глав и заключения. Основную задачу работы автор сформулировал следующим образом: проследить формирование новочеркасского комплекса и переход от него к раннескифскому комплексу, рассмотреть, как первый соотносится со вторым (с. 17).

Дискуссионность проблем, связанных с генезисом, культурной и этнической интерпретацией памятников Восточной Европы VIII–VII вв. до н.э., по мнению В.Р. Эрлиха, обусловлена несколькими причинами: во-первых, двойственной природой дошедших до нас источников; во-вторых, наличием ряда стереотипов, выработанных старшим поколением ученых и перетекающих из работы в работу (с. 3,4). Эти положения, однако, представляются нам спорными, поскольку чем больше видов источников (письменных, археологических и т.д.) мы имеем по той или иной проблеме, тем полнее и объективнее она может быть изучена. Интерпретация и согласование этих источников друг с другом зависят от задач и умения работающего с ними исследователя. Что же касается "аксиоматических представлений", и в частности критикуемого В.Р. Эрлихом принципа выделения скифской культуры на основе триады, то приведем мнение В.А. Ильинской, которая еще в 1980 г. отмечала, что в специальной литературе уже давно выдвигаются возражения против понятия "триада" как не имеющего твердого научного содер-

© С.В. Махортых, 1999 г.

жания и нередко смазывающего сущность рассматриваемого вопроса (Ильинская В.А., 1980, с. 121). В основной состав скифской культуры для Европейской Скифии помимо элементов триады (оружие, упряжь, предметы звериного стиля) входит немало других категорий вещей (котлы, жертвенные ножи, зеркала). Термин "триада" – не более чем художественно-образное обозначение некоторых сторон скифской культуры.

Соглашаясь с замечанием В.Р. Эрлиха о значительном вкладе А.А. Иессена в разрешение вопроса о памятниках VIII–VII вв. до н.э. на Северном Кавказе, в то же время следует отметить неточность утверждения о том, что А.А. Иессен включал памятники новочеркасской группы в состав раннескифской культуры (с. 7). Из поля зрения В.Р. Эрлиха "выпала" предкелермесская группа памятников, на основании которой А.А. Иессеном и был в основном сделан вывод о теснейшей связи памятников келермесского времени с предшествующей эпохой. Что же касается их хронологии, то А.А. Иессен оставлял открытым вопрос о том, смыкаются ли хронологически новочеркасская и предкелермесская группы, допуская, что между ними в пределах VIII в. до н.э. имеется некоторый разрыв во времени (Иессен А.А., 1954, с. 127). В.Р. Эрлих не отметил и другое замечание А.А. Иессена – о существенных различиях двух вышеназванных групп, проявляющихся в исчезновении в раннескифских памятниках кобанских элементов и в появлении бронзовых стремечковидных удил. В распространении последних А.А. Иессен усматривал подтверждение геродотовского известия о приходе скифов из Азии.

Недостатки историографического раздела проявляются и при анализе В.Р. Эрлихом научных работ двух последних десятилетий, опубликованных после открытия значительного числа раннескифских памятников на Северном Кавказе. Резюмируя их содержание, В.Р. Эрлих приходит к выводу, что критерии выделения раннескифской культуры нигде достаточно точно не обозначены и практически все исследователи воспринимают скифскую культуру как триаду в сочетании с курганным обрядом погребения (с. 12).

Однако в уже цитировавшейся выше работе В.А. Ильинская отмечала, что в решении вопроса о происхождении скифов следует отвергнуть метод "голосования" в пользу той или иной из высказанных ранее гипотез. Вместо этого требуется конкретно установить: какие именно черты могут быть отнесены за счет непосредственного развития местных предскифских форм Северного Причерноморья, какие свойственны более широкому культурному ареалу, какие по своему происхождению связаны с проникновением из глубинных районов Азии, а также восприняты в результате скифских походов через Кавказ в Переднюю Азию (Ильинская В.А., 1980, с. 123). В связи с этим неслучайно большинство исследователей сегодня рассматривает скифскую культуру как новообразование, сложившееся на юге Восточной Европы в VII в. до н.э. (А.И. Мелюкова, В.С. Ольховский и др.). Среди составляющих ее элементов выделяются следующие группы: северопричерноморская, центральноазиатская, предкавказская и переднеазиатская (Махортых С.В., 1989, с. 82–84; Мурзин В.Ю., 1990, с. 16). Забегая вперед, отметим, что к близким выводам в конечном итоге приходит и сам В.Р. Эрлих, хотя отмеченное выше перспективное и магистральное направление в скифоведении оказалось им незамеченным.

Глава 1 "Курганы колесничих и комплексы упряжи колесниц" относится к числу важнейших в книге. В ней приводится детальное описание погребального обряда и инвентаря кургана Уашхиту в Адыгее. В этом кургане было исследовано наиболее раннее в Предкавказье основное подкурганное захоронение раннего железного века с комплексом вещей типа новочеркасского клада. Интерес представляет надмогильное деревянное сооружение в кургане, которое реконструируется В.Р. Эрлихом как шатровая конструкция (с. 29). Однако устройство самого "шатра" представляется не совсем ясным, поскольку "шатром была перекрыта только южная часть могилы, в то время как северная – либо горизонтальным, либо каким-то другим способом перекрытия" (с. 22).

В.Р. Эрлих считает, что шатровые сооружения, известные помимо кургана Уашхиту в ряде лесостепных памятников Правобережной Украины, относятся к пласту позднейших новочеркасских комплексов. По его мнению, они имеют "жаботинскую" примесь и являются переходными от комплекса типа новочеркасского клада к раннескифскому комплексу.

К.Ф. Смирнов отмечал, что шатровый тип могил не является местным на Северном Кавказе и появился здесь в результате кочевнических передвижений в киммерийский и раннескифский периоды (Смирнов К.Ф., 1952, с. 7). Основной же областью зарождения этого типа могил он считал Нижнее Поволжье. Опираясь на имеющиеся сегодня материалы, можно говорить о довольно раннем появлении шатров и в Северном Причерноморье, где они найдены уже в погребениях белозерской культуры (Казаклия, Хаджилар). Отсюда погребальные сооружения с шатроподобными конструкциями, вероятно, распространялись в близлежащие регионы, например в украинскую лесостепь. Если данные соображения верны, то шатровые сооружения,

открытые в кургане Уашхиту, а также в других предскифских памятниках юга Восточной Европы (Слободзея, Бандашевка и др.), следует рассматривать как один из элементов погребального обряда доскифской поры, сохранившийся и получивший дальнейшее распространение в скифском погребальном ритуале.

По мнению В.Р. Эрлиха, вещевой набор кургана Уашхиту находит аналогии как в предскифских памятниках типа новочеркасского клада, так и в раннескифских комплексах (с. 36). Особое значение кургану Уашхиту среди древностей VIII–VII вв. до н.э. юга Восточной Европы придает открытие там четверки запряженных лошадей, лежащих in situ, и следов колес от повозки. При этом расположение и характер упряжи на костях лошадей таковы, что она не увязывается с уздечкой оголовья верховых коней, а свидетельствует о ее более сложной форме, а именно о наличии колесницы (с. 36). Данное обстоятельство позволило В.Р. Эрлиху впервые обоснованно выделить детали-индикаторы колесничих наборов. Среди них – кольца с подвижными привесками, имеющими приспособление для крепления ремня; широкие браслетообразные кольца; сдвоенные бляхи; трехпрорезные пронизи.

Однако нам представляется не совсем верным утверждение автора о том, что бронзовые разделители ремней с тремя пронизями характерны для позднейших новочеркасских упряжек (с. 48). Благодаря находкам подобных пронизей в архаическом киммерийском захоронении у п.г.т. Слободзея, можно говорить об их использовании кочевниками Северного Причерноморья уже в IX в. до н.э. (Яровой Е.В., Кашуба М.Т., 1994). Обращает на себя внимание и тот факт, что пластины или скобы с двумя бляшками, которые В.Р. Эрлих относит к элементам колесничного набора, в кургане Уашхиту выявлены не были. Данное обстоятельство может свидетельствовать о бытовании нескольких разновидностей колесничной упряжи, что, вероятно, было связано с использованием для запряжки разного количества лошадей: двух, трех или четырех.

По мнению В.Р. Эрлиха, колесница являлась атрибутом наиболее значимых воинских погребений и появилась в Северо-Западном Предкавказье на базе новочеркасских уздечных наборов под влиянием знакомства с войском Ассирии и Урарту (с. 48). Реконструируемые детали колесничной упряжки из кургана Уашхиту свидетельствуют, что ее принцип запряжки близок ассирийскому, хорошо известному по рельефам. Отмечая отсутствие насущной необходимости в появлении колесниц, неудобных в условиях предгорий Северного Кавказа, В.Р. Эрлих приходит к выводу, что колесница скорее была предметом престижа, чем боевым средством (с. 50). Он предполагает, что обладателем колесниц, вероятно, было сословие ираноязычной кочевой аристократии, сопоставимое с "колесничими" Авесты.

Глава 2 книги называется "Новочеркасская триада. Проблема генезиса и хронологии". Ее цель – рассмотрение элементов комплекса, который предшествует в Восточной Европе раннескифскому, т.е. комплекса типа новочеркасского клада. Новочеркасский комплекс, по В.Р. Эрлиху, маркируют следующие элементы: двукольчатые удила, псалии с загнутой лопастью, новочеркасские наконечники стрел, а также те предметы, которые встречаются с ними в степи и лесостепи (изделия, выполненные в геометрическом "киммерийском стиле", наконечники копий и т.д.). В понимании В.Р. Эрлиха, комплекс типа новочеркасского клада следует рассматривать как "встречу элементов всаднического снаряжения кавказского происхождения в степи и лесостепи" (с. 52). Подобное определение новочеркасского комплекса оставляет, однако, открытым вопрос об интерпретации памятников, в которых отсутствует всадническое снаряжение, но есть вещи, коррелирующиеся с ним в иных погребениях. Например, в известном погребении VIII–VII вв. до н.э. у пос. Великая Александровка в Северном Причерноморье не найдены вещи, характерные собственно для Новочеркасского клада. Однако у исследователей не вызывает сомнения его принадлежность к новочеркасской группе памятников.

Со времени выделения А.А. Иессеном новочеркасской группы число памятников, входивших в ее состав, значительно увеличилось. За последние годы выявлены комплексные материалы в Пятигорье и Закубанье. Они позволяют проследить эволюцию и генезис целого ряда элементов, входящих в новочеркасский комплекс. Вместе с тем следует предостеречь от слишком "узкого" понимания новочеркасского культурного комплекса, который не ограничивался набором вещей собственно Новочеркасского клада, а был значительно шире. В настоящее время этот комплекс рассматривается как оригинальный сплав местных северокавказских и прошлых раннекочевнических традиций и форм (Дударев С.Л., 1991, с. 65; Махортых С.В., 1994). Заслуживает внимания и вывод В.Р. Эрлиха о важности военных контактов с Передним Востоком для формирования новочеркасского комплекса (с. 94). Исходя из сказанного, более правильным, видимо, будет рассмотрение новочеркасского культурного комплекса в качестве некоего синкретического новообразования, сложившегося на юге

Восточной Европы в предскифский период. Оно представляло собой сплав различных по происхождению компонентов: местных северокавказских и пришлых киммерийских. На заключительном этапе этот комплекс испытал определенное переднеазиатское влияние.

Исходя из того, что основным элементом "новочеркасской триады" является узда, с ее подробного рассмотрения В.Р. Эрлих и начинает свой анализ новочеркасского комплекса. Автор опирается на материалы Закубанья, где выявлено более 30 достоверных наборов, в которых бронзовые удила встречались с бронзовыми псалиями.

В основу типологии удил В.Р. Эрлиха положена классификация А.А. Иессена с той лишь разницей, что среди стремечковидных удил III типа он выделил два варианта: (III–1 – треугольноконечные удила; III–2 – раннескифские стремечковидные удила), между которыми нет генетической преемственности (с. 54, 56).

Отметим в этой связи точку зрения С.Л. Дударева, согласно которой в Закубанье «отыскиваются прототипы некоторым разновидностям раннескифских удил с "отростками"» (Дударев С.Л., 1995, с. 22). По С.Л. Дудареву, появление "отростков" у части стремечковидных удил может связываться с парными боковыми выступами на петлях отдельных однокольчатых удил.

Что касается бронзовых псалиев предскифского и скифского времени, то В.Р. Эрлих подразделяет их на три отдела: трехпетельчатые, трехдырчатые и двухдырчатые. Раннюю группу составляют два первых отдела, среди которых автор выделяет четыре типа (с. 58, табл. 11).

Хронологически уздечные наборы разделяются В.Р. Эрлихом на три группы: в первую (раннюю, предскифскую) включены наборы с однокольчатыми, треугольноконечными и двукольчатыми удилами, встреченные с вариантами трехпетельчатых псалиев 1а и 2а. Вторую (позднюю, предскифскую) группу составляют комплексы с двухкольчатыми удилами, имеющие рифление в виде "квадратиков", и псалии вариантов 1б и 1в. В третью (раннескифскую) группу, слабо связанную с двумя предыдущими, вошли наборы со стремечковидными удилами, встреченные с трехпетельчатыми псалиями с зооморфными окончаниями и "сиалковским" вариантом (с. 62).

Ранее В.Р. Эрлих датировал первую хронологическую группу уздечных принадлежностей на основании комплекса вещей из п. 35 могильника Фарс, где был найден птицеголовый скипетр. Ближайшие аналогии скипетру автор находил в кладе Прюдь конца IX в. до н.э. из Венгрии. Большинство исследователей считает этот клад одним из наиболее древних среди фракокиммерийских памятников Центральной Европы (Эрлих В.Р., 1991, с. 38). Однако в рецензируемой работе указанная датировка клада Прюдь кажется В.Р. Эрлиху ошибочной, поскольку в нем вместе со скипетром были найдены детали упряжи колесницы – бронзовые кольца с двумя привесками (с. 63). В.Р. Эрлих жестко коррелирует подобные кольца с уздечкой "классического" новочеркасского клада, в памятниках которого, по его мнению, появляются первые колесницы. В связи с этим, считает В.Р. Эрлих, назревает необходимость для передатировки клада Прюдь по позднейшим вещам комплекса, т.е. в пределах конца VIII – первой половины VII в. н.э. Этот вывод, однако, представляется нам сомнительным. Во-первых, основанием для определения возраста клада Прюдь концом IX в. до н.э. послужили в первую очередь местные бронзовые изделия типа Хайдубесермени, относящиеся к периоду На В2 (Kemenczei T., 1981, p. 40, 41; Смирнова Г.И., 1985). Во-вторых, упоминавшиеся выше трехпрорезные пронизи, относимые В.Р. Эрлихом к деталям упряжи колесниц, использовались кочевниками Северного Причерноморья уже в IX в. до н.э. Присутствие таких пронизей в киммерийском погребении у п.г.т. Слободзея и находки "колесничных" принадлежностей близкого времени из западных областей Украины (Мошанецкий клад) позволяют нам не согласиться с утверждением В.Р. Эрлиха о распространении колесниц и колесничной упряжи только в конце VIII – начале VII в. до н.э. исключительно вследствие киммерийских переднеазиатских походов. Можно предполагать их появление на юге Восточной Европы в более раннее время. Обращают на себя внимание и "докиммерийские" детали конской сбруи из Трансильвании, которые свидетельствуют об использовании колесниц или повозок на территории Трансильвании в период, предшествующий предполагаемому вторжению киммерийцев в эти места. Особый интерес среди них представляют бронзовые кольчатые пряжки из клада Загон, относящиеся к периоду На В1, у которых подвеска среднего кольца напоминает кольца с дополнительными муфтами "классического" новочеркасского типа (Русу М., 1960, с. 165, рис. 1, *20*; Petrescu-Dimbovita M., 1977, p. 138). В качестве предположения отметим, что они могли являться предшественниками северокавказских колец с дополнительными привесками, тем более что на древнем Востоке неизвестны прототипы для новочеркасских деталей упряжи колесницы. Вместе с тем, вероятно, нельзя отрицать тот факт, что переднеазиатские походы послужили своеобразным катализатором широкого распространения колесниц к северу от Главного Кавказского хребта.

Возвращаясь к ранней хронологической группе предскифских уздечных наборов, выделенной В.Р. Эрлихом, отметим, что автор не учитывает длительность бытования некоторых выделенных им "архаических" уздечных принадлежностей. Например, в п. 33 могильника Кочипэ псалии поздних вариантов (I–в), по классификации В.Р. Эрлиха, сопровождали ранние удила, имеющие ложновитое рифление стержней. Треугольноконечный тип удил также использовался не только в IX – первой половине VIII в. до н.э., но и практически на протяжении всего предскифского периода и даже в раннескифское время (Чишхо, Старший Ахмыловский могильник, п. 383 и др.). То же самое можно сказать и о бронзовых стержневидных трехпетельчатых псалиях, которые в несколько трансформировавшемся виде употреблялись в VIII–VII вв. до н.э., послужив прототипом для хорошо известных в раннескифское время железных трехпетельчатых стержневидных псалиев близкой формы.

Вторая хронологическая группа, опорной датой для которой являются бронзовые шлемы ассирийского типа из Клин-Ярского 3 могильника, датируется В.Р. Эрлихом серединой – последней четвертью VIII – третьей четвертью VII вв. до н.э. (с. 65). Более узкую дату внутри этой хронологической группы, по его мнению, имеют комплексы упряжи колесниц (конец VIII – первая половина VII в. до н.э.). Они относятся к тому пласту северокавказских древностей, в котором прослеживаются военные контакты с Передней Азией и Закавказьем.

Третья группа уздечек отличается от первых двух по составу, что, как считает автор, вызвано проникновением инокультурных элементов. Именно они обусловили появление стремечковидных удил и сиалковских псалиев. Бытование этой группы совпадает со временем существования верхнего пласта второй группы уздечных комплексов (с. 66). Датируется третья группа уздечных комплексов в пределах конца VIII – третьей четверти VII в. до н.э. (с. 68). В итоге В.Р. Эрлих приходит к выводу, что в Закубанье во время бытования комплексов типа новочеркасского клада появляется некий инокультурный всаднический компонент, который старается не смешиваться с местным населением.

К числу элементов, входящих в новочеркасский клад, относятся также длинновтульчатые наконечники стрел. По В.Р. Эрлиху, они характерны для памятников с новочеркасской уздечкой "классического" вида или более поздних (с. 75). Самые ранние экземпляры этих наконечников происходят, по его мнению, с территории Северного Кавказа, где они и формируются. Вместе с тем, говоря о наступательном вооружении "новочеркассцев" Закубанья, В.Р. Эрлих относит наконечники стрел к новым элементам, появившимся во время походов в Закавказье и Переднюю Азию в конце VIII в. до н.э. (с. 118). Появление новочеркасских наконечников он связывает с традицией, зародившейся в степях Восточной Европы, возможно, в Предкавказье. Автор считает, что данная традиция имеет сравнительно узкую область распространения, ограниченную Северным Причерноморьем. Заметим, однако, что в свете новых открытий в Нижнем Поволжье (Барановка) и Приуралье (Гумарово) данный вывод нуждается в определенной корректировке.

По мнению В.Р. Эрлиха, самые ранние находки новочеркасских наконечников стрел происходят из п. 34 могильника у Кисловодской мебельной фабрики и п.4 Экчивашского могильника. Отметим, однако, что от наконечника в последнем из указанных захоронений сохранился лишь небольшой фрагмент пера ромбовидной формы, поэтому о его типологической принадлежности судить довольно трудно. Что же касается наконечника из п. 34 у Кисловодской мебельной фабрики, то в более ранних публикациях он изображен как наконечник не с ромбической, а с удлиненно-овальной головкой (Виноградов В.Б. и др., 1980, с. 190, рис. 4, 8). Поэтому, приводя свой вариант рисунка этого наконечника, автору следовало бы уточнить, к какому типу он все-таки относится и в каком из музеев им была сделана его прорисовка.

Рассматривая "киммерийские" мечи и кинжалы, В.Р. Эрлих присоединяется к мнению Е.В. Черненко и других авторов о генезисе скифских мечей от биметаллических кинжалов Северного Кавказа. Однако спорным в этой связи представляется его утверждение о том, что цельножелезные кинжалы и мечи в новочеркасских памятниках представляют собой тупиковую ветвь их развития конца VIII – начала VII в. до н.э. Нам представляется более правильным видеть в этом оружии не тупиковую ветвь, а закономерные, опытные переходные типы к собственно скифскому "акинаку".

Рассматривая предметы киммерийского искусства, В.Р. Эрлих приходит к выводу, что "геометрический стиль", встречающийся в предскифских памятниках степи и лесостепи, имеет свои истоки на Северном Кавказе. Именно здесь он представлен в большом количестве и разнообразии в комплексах, синхронных черногоровскому этапу (с. 81). К предметам киммерийского искусства В.Р. Эрлих относит и лунницы, выявленные, например, в п. 56 Серженьюртовского могильника. Нужно отметить, что их прототипы появляются в Северном При-

черноморье еще в эпоху белозерской культуры (Кировское поселение), поэтому говорить здесь о кавказском приоритете не приходится, особенно для раннего этапа предскифского периода. Следует привести также мнение Е.И. Крупнова, который писал, что лунницы чужды кавказской материальной культуре и указывают на прямые связи с кочевым миром (Крупнов Е.И., 1950, с. 269). Вне поля зрения В.Р. Эрлиха осталась и точка зрения А.И. Мелюковой о фракийском происхождении киммерийского искусства (Мелюкова А.И., 1979). Вышесказанное свидетельствует о сложности и масштабности этого феномена и необходимости его изучения на более широком историко-культурном фоне.

Помимо рассмотренных выше к элементам новочеркасской триады В.Р. Эрлих относит и археологические свидетельства о военных контактах Северного Кавказа с древним Востоком. Их анализу посвящена обстоятельная гл. 3 книги. Среди этих свидетельств выделяются предметы воинской паноплии и конского снаряжения. В.Р. Эрлих подразделяет их на две группы (с. 84, 85). К первой относятся вещи, которые напрямую были заимствованы из Ассирии и Урарту (панцири, шлемы). Во вторую группу он включает инновации, появившиеся в местной среде под переднеазиатским влиянием. К таким инновациям относится появление колесничной упряжи, пекторалей и удил с жесткоскрепленными псалиями (Енджа-Константиновка).

Характеризуя контакты с Передней Азией, В.Р. Эрлих пишет, что "если такие артефакты, как панцири и шлемы и могли бы являться результатом обмена, что само по себе маловероятно, то инновации второй группы откровенно говорят о знакомстве местного населения с переднеазиатским войском. Такое знакомство могло произойти в результате военных походов и предполагает достаточно широкое участие местного населения в них" (с. 87).

Рассматривая хронологию комплексов с древневосточными элементами, В.Р. Эрлих подразделяет их на два горизонта. Один из них включает в свой состав так называемые переходные или предкелермесские комплексы (хут. Алексеевский, Уашхиту и др.), где уже встречены элементы раннескифской триады или чувствуется влияние "жаботинского" пласта с элементами, привнесенными из восточных районов Евразии (наконечники стрел, стремечковидные удила). Верхняя дата этого горизонта – середина – третья четверть VII в. до н.э. Вместе с тем следует отметить нечеткость суждений В.Р. Эрлиха о нижней временно́й границе появления элементов "жаботинского" пласта на Северном Кавказе. Он называет несколько дат: конец VIII – первая половина VII в. до н.э. (с. 120), начало VII в. до н.э. (с. 122) и наконец, первая половина VII в. до н.э. (с. 144, табл. 25). Эта неопределенность требует объяснения и корректировки в последующих работах автора.

Другой горизонт комплексов, в которых встречены выделенные В.Р. Эрлихом археологические свидетельства переднеазиатских контактов, выглядит архаичнее и включает только "классическую" новочеркасскую триаду (к. 46 урочища "Клады", Чишхо, Пшишский клад, п. 186 Клин-Ярского могильника, гробница 3 Терезе). Однако несколькими страницами ранее В.Р. Эрлих отмечает, что в последних двух комплексах были найдены псалии еще не "классические, новочеркасские", а относящиеся к переходному типу 1 – б (с. 89), что противоречит его предыдущему тезису. Непоследовательность автора проявляется и в том, что датируя оба вышеупомянутых комплекса второй половиной VIII в. до н.э., В.Р. Эрлих включает их в горизонт комплексов типа новочеркасского клада, который датирует последней четвертью VIII – первой половиной VII в. до н.э. (с. 90). При этом он уточняет, что нижний горизонт новочеркасского комплекса, имеющий свидетельства о ранних военных контактах, по времени сопоставим с первым упоминанием о киммерийцах в ассирийских хрониках – 714 г. до н.э. (с. 93). Видимо, нуждается в корректировке и замечание В.Р. Эрлиха о бронзовых шлемах из Клин-Ярского 3 могильника. На основании того, что эти шлемы являются цельнокованными с наушниками, он считает, что их следует датировать временем Тиглатпаласара III (745–727 гг. до н.э.) – Саргона II (722–705 гг. до н.э.) и относить к раннему типу, в то время как наушники более поздних шлемов времени правления Синаххериба (705–681 гг. до н.э.) якобы изготовлялись отдельно. Однако, как уже отмечалось, шлемы из Клин-Яра своей правильной конической формой и размерами ближе всего все-таки именно к шлемам времени Синаххериба, на рельефах которого также воспроизведены и цельнокованные экземпляры (Barnett R., Lozenzini A., 1975, p. 28, pl. 69; Алексеев А.Ю., 1992, с. 82; Махортых С.В., Черненко Е.В., 1995).

Исходя из изложенного выше, В.Р. Эрлих не может согласиться с существующей точкой зрения (в частности, разделяемой и автором данной рецензии) об удревнении нижней границы новочеркасских памятников вплоть до IX в. до н.э. Однако каких-либо серьезных контраргументов он не приводит (с. 90, 91). Как нами уже указывалось в специальных работах, нельзя ограничивать время существования новочеркасских памятников временем депонирования собственно Новочеркасского клада 1939 г., последней четвертью VIII – началом VII вв. до н.э. (Махортых С.В., 1992, с. 28; 1994). Используя материалы Северного Кавказа и Причерноморья,

мы пытались проследить эволюцию и генезис, а также уточнить хронологические рамки использования новочеркасских культурных элементов вплоть до IX в. до н.э. Отметим, что В.Р. Эрлих также выступает за выделение двух хронологических пластов (раннего и классического) в новочеркасской культурной традиции. В связи с этим теряется смысл его возражений, поскольку он по сути придерживается мнения, близкого нашему. Таким образом, нет оснований противопоставлять эти два горизонта, которые по сути представляют собой хронологические этапы одного культурно-исторического явления. Не может иметь здесь решающего значения и утверждение В.Р. Эрлиха о том, что ключевым моментом в формировании новочеркасского комплекса являются военные контакты с Передним Востоком, поскольку этот аргумент опровергается самим эпонимным памятником – Новочеркасским кладом, в котором эти контакты практически не ощущаются. Видимо, правильнее говорить, что эти контакты лишь придали своеобразную "древневосточную" окраску какой-то части новочеркасских памятников, главным образом на заключительном этапе их развития.

В свете анализируемого материала В.Р. Эрлих рассматривает и киммерийскую проблему, защищая причерноморское происхождение киммерийцев. Он подробно анализирует позицию противников гипотезы ранних походов киммерийцев с территории Причерноморья и доказывает, что говорить о полном отсутствии вещей новочеркасского комплекса в Закавказье и Передней Азии нельзя. По мнению В.Р. Эрлиха, комплексы типа новочеркасского клада при сегодняшнем уровне наших знаний являются наиболее адекватным археологическим свидетельством восточных текстов о киммерийцах (с. 97). Эти ранние военные контакты заставляют более внимательно подойти к причерноморской, киммерийской традиции, не отвергать ее безусловно, а искать и сопоставлять факты – свидетельства реальных событий, которые легли в основу легенды, донесенной до наших дней Геродотом.

При этом, однако, В.Р. Эрлих оставляет без ответа вопросы о том, кем же все-таки были киммерийцы: номадами или кавказским племенем, каковы истоки их этноса и культуры, взаимоотношения с местным населением и т.д. Эти вопросы имеют принципиальный характер, особенно в свете утверждения автора о том, что именно выплеск населения с Северо-Западного Кавказа в степь и лесостепь привел к распространению там новочеркасского комплекса (с. 122), а следовательно, и киммерийцев.

Заключительная гл. 4 книги называется "От новочеркасского комплекса к раннескифскому". Говоря о своем понимании раннескифского комплекса, в выделении которого участвует лишь триада, В.Р. Эрлих пытается показать связь раннескифского комплекса с новочеркасским субстратом. Она проявляется в переживании в раннескифской триаде новочеркасских традиций. Эти традиции прослеживаются в узде (железные двукольчатые удила, трехпетельчатые псалии), новочеркасской геометрической орнаментации и в оружии (мечи и кинжалы скифского периода, наконечники копий, бронзовые чешуйчатые панцири). В итоге В.Р. Эрлих приходит к выводу, что, "как явствует из такого очень краткого обзора проявлений новочеркасских и в целом северокавказских традиций в раннескифском комплексе, они прослеживаются и в уздечке, и во всех группах вооружения, то есть в двух из трех основных составляющих триады" (с. 113, 114). И далее: "Разумеется, такая связь с предшествующей эпохой почти во всем элементам позволяет говорить о том, что раннескифский комплекс в целом восходит к комплексу типа новочеркасского клада, продолжающиеся походы и инновации, вызванные притоком нового населения и заимствованиями походного времени, тем не менее не разрывают традицию восхождения раннескифского комплекса к северокавказским культурам" (с. 114). Этот вывод, однако, нам представляется чрезмерно категоричным. Хорошо известно, что основным оружием скифов были лук и стрелы, которые, однако, не получили широкого распространения у "новочеркассцев". Кроме того, В.Р. Эрлихом не был упомянут целый ряд других категорий скифского материального комплекса: каменная скульптура, зеркала и т.д. Автором не был проведен детальный статистический анализ ведущих обрядовых признаков и основных категорий инвентаря, который позволил бы более аргументированно проследить пути формирования раннескифского комплекса. В итоге В.Р. Эрлихом дается оценка лишь одного (пусть и достаточно важного) из слагаемых раннескифского культурного комплекса. Более взвешенной нам представляется другая, уже апробированная в скифологии точка зрения о сложении раннескифской культуры в результате слияния местных киммеро-кавказских и пришлых протоскифских племен, которое происходило в условиях передне-азиатских походов (Махортых С.В., 1989; Мурзин В.Ю., 1990).

Говоря о генезисе раннескифской культуры, необходимо подробнее остановиться на ее отдельных компонентах. В.Р. Эрлих оспаривает наше предположение об использовании отдельных экземпляров железных двукольчатых удил до V в. до н.э. По его мнению, между архаическими железными двукольчатыми удилами и железными удилами, найденными в

Елизаветовском могильнике, мало общего (с. 105). Он считает, что все архаические удила изготовлялись по единой технологической схеме – расковке края железного прута и пробивании в нем двух отверстий. Заметим, однако, что по своему внешнему облику архаические железные двукольчатые удила так же мало похожи на двукольчатые удила V в. до н.э. как и сами архаические железные удила на бронзовые экземпляры удил IX–VIII вв. до н.э. Объединяет же все эти находки то, что они относятся к одному типу двукольчатых удил, хотя и к разным его вариантам. Кроме того, знакомство с железными двукольчатыми удилами (Келермес, Клады, Нартан) свидетельствует о том, что в их изготовлении использовались различные технические приемы, а не один, как об этом пишет В.Р. Эрлих[1]. О переживании отдельных новочеркасских традиций не только в VII в. до н.э., но и в более позднее время свидетельствует находка в к. 5 Нартановского могильника наконечника стрелы новочеркасского типа (Батчаев В.М., 1985, с. 24, табл. 19, 28), что противоречит мнению В.Р. Эрлиха о том, что новочеркасские наконечники в келермесское время выходят из употребления (с. 110).

Сохранением новочеркасской традиции, по В.Р. Эрлиху, является также использование скифами бронзовых чешуйчатых панцирей, которые бытуют на Северном Кавказе и в Причерноморье до конца V в. до н.э. По нашему мнению, этот вид защитного вооружения нельзя рассматривать как продолжение развития новочеркасской традиции, поскольку скифы, как и киммерийцы, также участвовали в переднеазиатских компаниях. Там они самостоятельно могли познакомиться с использованием панцирей и заимствовать их без новочеркасского влияния.

В последней главе В.Р. Эрлих пытается также рассмотреть, как элементы новочеркасской триады формируются и проявляются в контексте региональной культуры. Для этого анализа он избрал Закубанье, которое является центром формирования меотской культуры и где находятся эталонные памятники раннескифского комплекса. Он рассматривает меотскую культуру как археологическую со своим специфическим набором признаков, существовавшую здесь на протяжении 700 лет, не включая в это понятие этническое содержание (с. 114). Процессы, происходившие в Закубанье в древнемеотский период, были прежде всего обусловлены участием носителей этой культуры в ранних переднеазиатских походах, формированием новочеркасского комплекса, а также появлением комплексов колесничих и подкурганных захоронений, свидетельствующих о социальной дифференциации общества (с. 115). Курганный обряд, по мнению автора, является только признаком определенного социального статуса погребенного, но никак не признаком его принадлежности к другому этносу или культуре (с. 122). При этом ранние переднеазиатские кампании северокавказского воинства достаточно существенно влияли на облик материальной культуры. Они вели к дифференциации общества, к появлению основных подкурганных богатых погребений, в том числе и погребений аристократической прослойки – воинов-колесничих. Центром формирования этой аристократической прослойки, по мнению В.Р. Эрлиха, было Закубанье. Заметим, однако, что в целом точка зрения В.Р. Эрлиха близка к мнению Е.Л. Ельницкого, который видел киммерийцев в носителях другой культуры Северного Кавказа – кобанской (Ельницкий Л.А., 1949). Против этого, однако, решительно высказывались такие известные кавказоведы, как Е.И. Крупнов и А.А. Иессен. Последний, например, писал: "Я не думаю, что правы исследователи, которые присваивают киммерийцам собственно кобанскую культуру. Киммерийцы не вышли из гор, это степняки и кочевники. Очевидно, если могут быть какие-то киммерийские племена в степном Предкавказье, то их нужно искать среди создателей той культуры, отдельные элементы которой (т.е. новочеркасской группы памятников. – *С.М.*) прошли сейчас перед нами, вокруг которой нужно объединить и собрать материал, в полной мере характеризующий эту культуру" (Иессен А.А., 1954, с. 131). Проблема, поставленная А.А. Иессеном более 40 лет назад, остается актуальной и сегодня.

Оценивая книгу в целом, следует отметить, что ее можно считать новым важным исследованием в изучении сложной проблемы происхождения и формирования раннескифского культурного комплекса. Не приходится сомневаться, что в своих последующих работах, опираясь на уже имеющийся у него положительный опыт, В.Р. Эрлиху удастся еще более приблизиться к решению непростой и актуальной темы, посвященной пребыванию номадов на Северном Кавказе и их связям с местным кавказским населением.

С.В. Махортых

Институт археологии НАН Украины,
Киев

---

[1] Приношу искреннюю благодарность Л.К. Галаниной и А.Ю. Алексееву за помощь в изучении находок, находящихся в фондах Государственного Эрмитажа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеев А.Ю., 1992. Скифская хроника. СПб.

Батчаев В.М., 1985. Древности предскифского и скифского периодов // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Т. 2. Нальчик.

Виноградов В.Б., Дударев С.Л., Рунич А.П., 1980. Киммерийско-кавказские связи // Скифия и Кавказ. Киев.

Дударев С.Л., 1991. Из истории связей населения Кавказа с киммерийско-скифским миром. Грозный.

Дударев С.Л., 1995. К проблеме взаимодействия племен Северного Кавказа с ранними кочевниками в предскифскую эпоху. Армавир.

Ельницкий Л.А., 1949. Киммерийцы и киммерийская культура // ВДИ. № 3.

Иессен В.А., 1954. Некоторые памятники VIII–VII вв. до н.э. на Северном Кавказе // Вопросы скифо-сарматской археологии. М.; Л.

Ильинская В.А., 1980. Выступление в дискуссии по проблемам отечественной скифологии // НАА. № 5.

Крупнов Е.И., 1950. Археологические исследования в Кабардинской АССР в 1948 г. // Ученые записки Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. Т. 5. Нальчик.

Махортых С.В., 1989. О предкавказской группе элементов в скифской материальной культуре // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Запорожье.

Махортых С.В., 1992. Пам'ятки типу Новочеркаського скарбу // Археологія. № 1.

Махортых С.В., 1994. Киммерийцы на Северном Кавказе. Киев.

Махортых С.В., Черненко Е.В., 1995. О кавказских "пекторалях" VIII–VII вв. до н.э. // РА. № 2.

Милюкова А.И., 1979. Скифия и фракийский мир. М.

Мурзин В.Ю., 1990. Происхождение скифов: основные этапы формирования скифского этноса. Киев.

Русу М., 1960. "Докиммерийские" детали конской сбруи из Трансильвании // Dacia. IV.

Смирнов К.Ф., 1952. Основные пути развития меото-сарматской культуры Причерноморья // КСИИМК. Вып. 46.

Смирнова Г.И., 1985. Основы хронологии предскифских памятников юго-запада СССР // СА. № 4.

Эрлих В.Р., 1991. Бронзовые уздечные наборы и проблема хронологии предскифского и раннескифского времени Закубанья // Древности Северного Кавказа и Причерноморья. М.

Яровой Е.В., Кашуба М.Т., 1994. Курган предскифского времени у п.г.т. Слободзея // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья V тыс. до н.э. – V в. н.э. Тирасполь.

Barnett R.D., Lorenzini A., 1975. Assyrian sculpture in the British Museum. Toronto.

Kemenczei T.A., 1981. A Prügyi koravaskori kincslelet // Communicationes Archeologicae Hungariae. Budapest.

Petrescu-Dîmbovita M., 1977. Depozitele de bronzuri din Romania. Bucuresti.

INGO MOTZENBÄCKER. SAMMLUNG KOSSNIERSKA. DER DIGORISCHE FORMENKREIS DER KAUKASISCHEN BRONZEZEIT. Bestandskataloge. B. 3. Berlin: Museum für Vor- und Frühgeschichte, 1996. 294 S. 94 Taf.

В Германии вышла книга о малоизвестной коллекции кавказских древностей, хранящихся в Берлинском музее древней истории. Эта книга имеет большое значение и для изучения кобанской культуры Кавказа. По сути монография И. Мотценбеккера, являясь как бы всего лишь каталогом старых коллекций, приоткрывает целый кладезь незнакомых и в то же время таких знакомых предметов старины из ущелий Дигории. Пролежав в фондах музея почти 100 лет, пережив разрушительные социальные катаклизмы первой половины XX в., эти нетленные сокровища возвратились к нам в виде добротной, полиграфически прекрасно изданной публикации с современным уровнем подачи материалов.

Книга "Собрание Коссниерской, Дигорский круг форм кавказского бронзового века" может быть по подробности и скрупулезности подбора информации поставлена в единый ряд с трудами самых известных западноевропейских кавказоведов, таких, как Е. Шантр, Р. Вирхов, Ф. Ганчар, Г. Коссак.

Структурно труд И. Мотценбеккера состоит из восьми разделов, каждый из которых (за исключением перечня использованной научной литературы и таблиц иллюстраций) разделен на небольшие или большие в зависимости от содержания главы.

Во Введении автор знакомит читателя с историей приобретения коллекции, обнаруживая

© В.И. Козенкова, 1999 г.

при этом серьезные знания о путях сообщения на Кавказе, топографии места раскопок и особенностях местоположения аулов Галиат и Кумбулта – района происхождения публикуемого собрания. Эта часть текста содержит и историографический очерк археологического исследования Фаскау, Верхней Рутхи, Рахты и Кумбулты. Географический экскурс снабжен четырьмя картами Кавказа, дающими общее представление о регионе в XIX в., перевалах через Кавказский хребет, об основных месторождениях меди и основных археологических памятниках Кавказа на современном этапе их изучения. Убедительность очерка подкрепляется фактом непосредственного знакомства автора с регионом, особенно с южными склонами Большого Кавказа. Из текста мы узнаем, что автор осенью 1982 г. совершил поездку по Военно-Грузинской дороге. Пожалуй, досадным недоразумением выглядит на карте важнейших памятников (рис. 6) неправильно указанная топография Кисловодска и Сержень-юрта: они обозначены почти на равнине, что на самом деле не так.

Любопытна история приобретения Берлинским музеем древней истории самой коллекции Коссниерской. Она повествует не только об упорстве и путях, с какими пополнялись фонды западноевропейских музеев, но и некоторые, к сожалению, неблаговидные черты в биографиях известных русских исследователей кавказских древностей, вынужденных из-за нищенского финансирования российской археологии идти на сомнительные, с точки зрения этики, сделки с иностранцами. Согласно письму от 10 июля 1896 г., которое публикует И. Мотценбеккер (с. 10), еще в конце XIX в. директор Праисторического отдела Берлинского музея народного искусства А. Фосс во время археологического конгресса в Риге узнал о коллекции археологических предметов, владелицей которой была вдова московского купца Аделаида Коссниерская, проживавшая в доме Арманд на Воздвиженке. В письме А. Фосс сообщал, что коллекция состоит из 66 или 67 планшетов с нашитыми на них бронзовыми древними предметами и некоторого числа глиняных сосудов. Большую роль в переговорах сыграли княгиня Трубецкая и графиня Уварова. Однако сторговаться удалось только через шесть лет. Наконец, в 1903 г. Аделаида Коссниерская уступила коллекцию не за 6500, а за 4000 руб. (9000 немецких марок по курсу того периода). Шестьдесят планшетов были упакованы в 15 ящиков и отправлены в Берлин.

Примечательно, что рецензируемая книга позволяет догадаться и о том, кто первоначально составил коллекцию Коссниерской. Хотя автор книги пишет, что предметы собраны купцом из Москвы в Северной Осетии, фотографии вида планшетов (таблиц) на период покупки собрания и по расположению вещей, и по почерку надписей на них показались нам чрезвычайно знакомыми. При сравнении фотографий планшетов, опубликованных в рецензируемой книге (рис. 3), и планшетов с предметами из Верхней Рутхи из раскопок В.И. Долбежева, хранящихся в Государственном Историческом музее в Москве, не остается сомнения в их идентичности. В книге нет прямых указаний, что более 2000 вещей собрания Коссниерской были проданы этой семье именно В.И. Долбежевым. Однако, характеризуя роль Рудольфа Вирхова в привлечении учителя Владикавказской гимназии к сотрудничеству, автор рецензируемой книги приводит данные из эпистолярного наследства В.И. Долбежева и высказывания о нем других лиц, неопубликованные в России, на которые, как мне кажется, следует обратить внимание. По характеристике Р. Вирхова, этот "очень умный и ловкий человек", финансово поддерживаемый Берлином, был одновременно в контакте с австрийским кустосом Францем Хегером в Вене и, по свидетельству некоторых писем, имел пристрастие продавать свои находки по дорогой цене иностранцам, оставляя, однако, дубликаты. А. Яната, касаясь венской переписки Долбежева, указывает: "Он... был крайне боязлив, стараясь не стать предметом толков. Многократно он просил Хегера не упоминать его имя, так как это может повредить его репутации и полномочиям ("das tritt meinen Renommé und meinen Vollmachen zu nahe")". При этом, как пишет И. Мотценбеккер (с. 23, 25 прим. 11), как будто имеется свидетельство того, что за свои заслуги и посредничество он получал от Венского музея 10%.

Для нас в данном случае важна не моральная сторона, поскольку это особый разговор, тем более что нам лучше других известна подвижническая и бескорыстная деятельность В.И. Долбежева на Кавказе. Нам важен факт того, что предметы из Верхней Рутхи попадали из России в Западную Европу именно через Долбежева и что они скорее всего были из его раскопок. Собственно в том, что коллекция Коссниерской происходит из могил, не сомневается и автор рецензируемой книги.

Отдавая должное полноте, с которой освещена автором картина раскопок в окрестностях Кумбулты и Галиата за более чем столетний период, не могу разделить его скепсиса, неоднократно высказанного в книге (с. 25, прим. 17, с. 138) в отношении качества раскопок В.И. Долбежева и особенно фиксации им результатов этих раскопок. Тем более, что этот скепсис породил недоверие и к моей реконструкции расположения погребального инвентаря в

каменном ящике 2 ("склепе") из раскопок 1889 г. (рис. 9–11 в книге автора). Именно предполагая, что при фотографировании для предварительной публикации сведений о раскопках (а теперь, можно полагать, и при отборе "дубликатов") могли быть допущены искажения и путаница, я пользовалась в первую очередь журналом раскопок, который В.И. Долбежев вел на месте довольно скрупулезно. Затем эти данные были сопоставлены мной с опубликованными в Отчете Археологической императорской комиссии и с содержанием реальных планшетов (таблиц), хранящихся в фонде Исторического музея. Многие предметы исчезли с планшетов, но и их отсутствие при современной информации о фондах крупнейших музеев мира позволяет сделать немаловажные открытия и уточнения о, казалось бы, навеки утраченных предметах.

Приведу конкретный пример. Анализируя материалы из раскопок В.И. Долбежева в Верхней Рутхе, сопоставляя описи предметов, сделанные непосредственно во время полевых работ, а затем планшетов этих же вещей, переданных в Исторический музей, я обратила внимание, что среди описания погребального инвентаря указаны две поясные пряжки в форме коня, причем одна из них, как пишет исследователь в журнале раскопок, находилась "в тазовых костях" при скелете одиноко лежавшего в правой половине "склепа" (каменный ящик 2, погр. 1). Однако среди предметов, нашитых на планшеты (так похожие на планшеты собрания Коссниерской!), подобные пряжки отсутствовали. В то же время, еще сравнительно недавно, были хорошо известны неоднократно издававшиеся две бронзовые поясные пряжки в форме коня, хранящиеся в фондах Государственного Эрмитажа. Это поясная пряжка из коллекции К.И. Ольшевского, происходящая из Кобани, и пряжка из коллекции Н.С. Семенова, найденная, согласно указанию П.С. Уваровой, в Фаскау. В каталоге Выставки древнего искусства в Лос-Анджелесе 1981 г. в перечне экспонатов раздела "Древнее искусство Центральной Азии, Монголии и Сибири" оказались сведения еще о двух таких же пряжках. Одна из них, происходящая из частной коллекции, была обозначена как "пряжка с Северного Кавказа", а вторая, указанная как аналогия к ней, происходит, согласно автору текста по разделу Е. Бункер, из Кобани и хранится в музее Метрополитен в Нью-Йорке. Таким образом, теперь мы располагаем данными не о двух, а о четырех бронзовых пряжках в форме коня. После же публикации И. Мотценбеккером некоторых вышеприведенных сведений о ситуации вокруг собрания Коссниерской появились, как мне представляется, веские основания полагать, что пряжка из "Фаскау" (Н.С. Семенова) и пряжка с "Северного Кавказа" (Ex-Bumer) являются теми исчезнувшими предметами из Верхней Рутхи, обозначенными В.И. Долбежевым в первоначальной описи находок.

Вторая глава рецензируемой книги "К хронологии бронзового века Центрального Кавказа" посвящена подробному анализу круга проблем, связанных с определением датировки разных групп предметов из коллекции Коссниерской. Глава содержит четыре раздела: разбор состояния археологических источников, историю исследования бронзового века Центрального Кавказа, экскурс, посвященный критике терминологических несоответствий в работах предшественников, и очерк анализа основ хронологии у разных исследователей. Касаясь всех этих вопросов, автор книги обнаруживает доскональное знание болевых точек по всем дискуссионным проблемам. Однако необходимо отметить и некоторую ограниченность в привлечении материалов для собственных выводов. Так, кратко разбирая источники (поселения, могильники, клады) и считая информацию о них недостаточно полной, И. Мотценбеккер сам отбирает для анализа лишь определенный круг исследований. По поселениям он отдает предпочтение книгам О.Д. Лордкипанидзе (1989 и 1991 гг.) и В.И. Козенковой (только 1977 г.). Клады анализируются по работам А.А. Иессена (1951 г.) и Д. Коридзе (1965 г.). Более полный список литературы приведен при анализе могильников, но и здесь упор сделан на материалы каталогов Тлийского могильника, изданных Б.В. Теховым. Нельзя не отметить обстоятельность, с которой написан раздел по истории раскопок на Северном Кавказе, где автором последовательно излагается процесс возрастающего интереса к изучению кавказских древностей от Петра I и до последних современных работ по археологии. Заострено внимание в разделе на создании разными исследователями стройной хронологической классификации древностей (А.В. Шмидт, А.А. Иессен, Е.И. Крупнов, В.И. Марковин, М. Гимбутас, С.Н. Кореневский, В.И. Козенкова). Уделено внимание и работам по изучению северокавказского металла. Причем наряду с работами Е.Н. Черныха автор книги дает высокую оценку исследованиям С.Н. Кореневского. Несмотря на некоторую, как нам показалось, излишнюю суперкритичность автора к ряду работ, нельзя не согласиться с ним в том, что при сопоставлении разных исследований, особенно посвященных интерпретации памятников закавказскими и северокавказскими археологами, обнаруживается определенная путаница в терминологии (с. 34, 35), не позволяющая авторам понять друг друга ("разные исследователи

по-разному обозначают одни и те же понятия"). Важно, что тем не менее автор книги составил все же собственное мнение и отдал предпочтение зональному принципу рассмотрения материала, считая, что "древности высокогорья и предгорий следует рассматривать отдельно в силу различия экологической ситуации" (с. 37).

Подмеченная путаница в терминологии позволила И. Мотценбеккеру высказать, на наш взгляд, спорное предположение. По его мнению, это обстоятельство приводит к путанице и в хронологии, особенно в абсолютных датах. По возможности автор попытался создать собственную схему, привлекая наиболее важные категории вещей собрания Коссниерской, такие, как, например, бронзовые булавки с пятишишечными навершиями (по его терминологии, бородавчатые или сосцевидные, как мы видим, и у автора наблюдается отклонение от принятой терминологии!), кинжалы переднеазиатского типа, фибулы и т.п. Обращаясь к абсолютной хронологии бронзовых кинжалов переднеазиатского типа, автор внимательнейшим образом проанализировал все, что о них известно в специальной литературе. Так, автор выделил, с его точки зрения, важное мнение М.Н. Погребовой (1977 г.) о сходстве кавказских экземпляров с иранскими из Луристана и их датировке концом II – началом I тыс. до н.э. Но еще раньше, отмечает автор, к этому выводу пришел Р. Максвелл-Хислоп (1946 г.). Автор посчитал важным отметить и мнение М. Гимбутас, которая отметила связь опубликованных Е.И. Крупновым экземпляров из Фаскау и Кумбулты с левантийскими формами и датировала их через сходные формы в кладе XIV в. до н.э. из Рас-Шамра (Угарит). В настоящее время, считает И. Мотценбеккер, еще нет четкости в вопросе о том, от каких форм – левантийских или луристанских – ведут происхождение северокавказские экземпляры кинжалов переднеазиатского типа. Однако он не обходит вниманием аргумент М.Н. Погребовой в пользу поздней даты, обосновывавшей эту точку зрения тем, что кавказская группа кинжалов не отличается единством, что уже может свидетельствовать об их более позднем возрасте (с. 42). Привлекая для анализа все известные сейчас комплексные находки кинжалов переднеазиатского типа на Кавказе, автор рецензируемой книги приходит к выводу о разновременности всей серии кавказских находок. Одни из них (Земи-бодбе, Стырфаз, Фаскау) он датирует XIII в. до н.э., другие, в том числе и экземпляры из собрания Коссниерской, относит к несколько более позднему времени, примерно до XI в. до н.э.

Автор книги останавливается и на вопросе появления "форм Кобани", определяющими из которых в собрании Коссниерской являются, по его мнению, бронзовые топоры, дуговидные фибулы с асимметричной дужкой, некоторые формы булавок и браслетов, а также поясных пряжек. Поскольку в книге акцент сделан лишь на анализе ранних предметов, автор фиксирует внимание только на материалах фазы Тли-А (по Г. Коссаку), т.е. тех, которые, по мысли автора, к "формам Кобани" (фаза Тли-В) еще не относятся.

По мнению И. Мотценбеккера, хронологические рамки, которыми определяются бронзы из коллекции Коссниерской, охватывают в целом II тыс. до н.э. Они распределяются в пределах среднебронзового века (MB-1), переходного этапа от средней бронзы к поздней (SB-1) и периода начала появления кобанских древностей (SB-2). Два последних горизонта дигорских древностей коллекции должны фиксироваться, полагает автор, на основании чужеродных форм, в частности кинжалов переднеазиатского типа (так называемых Randgriffdolch) с одной стороны, и появлением дуговидной фибулы с другой. Все эти выводы подкреплены двумя таблицами, введенными во вторую главу. Одна из них (рис. 12) посвящена хронологическому порядку размещения по собственной шкале автора основных типов оружия, украшений собрания Коссниерской. Она разделена на три периода: ранняя бронза (FB) – 2200 г. до н.э.; средняя бронза с двумя фазами (MB- и MB-2) – 2000–1400 гг. до н.э. и поздняя бронза с тремя фазами (SB-1, SB-2 и SB-3) – 1300–900 гг. до н.э. В целом можно согласиться с предложенным распределением по шкале основных типов вещей, за исключением двух позиций. Мне не представляется верным размещение в пределах XI–IX вв. до н.э. цельнолитого кинжала с объемной рукояткой и грибовидным навершием. Некоторые модификации таких кинжалов, безусловно, относятся к более раннему времени. Неверна, как мне кажется, и синхронизация разных модификаций бронзовых булавок с навершиями в виде "павлиньего пера" или веера. Тот вариант булавок, который сочетает веерообразное ажурное навершие и объемные изображения бараньих головок в основании навершия, более поздний, чем те, которые имеют в основании навершия сквозное отверстие.

Вторая таблица (рис. 13) посвящена сопоставлению периодизаций, разработанных для центральнокавказских древностей разными исследователями в разные годы, с собственной хронологической шкалой. На мой взгляд, эта таблица как раз наглядно показывает, что, несмотря на различие в терминологии, и в определении относительных периодов, и в их абсолютной хронологии нет непреодолимых разночтений.

Третья глава книги посвящена непосредственной типолого-хронологической систематизации бронзовых предметов собрания Коссниерской. По объему она наиболее обширна. Все изделия разделены на группы по назначению: оружие (топоры, навершия булав, кинжалы, наконечники для ножей кинжалов, наконечники копий), инструменты (шилья, серп, пряслица), принадлежности конской узды (удила, пектораль, колокольчики, бляхи для украшения ремней), украшения и принадлежности одежды (булавки, фибулы, поясные пряжки, подвески, привески и предметы отделки одежды, серьги, браслеты, гривны, украшения для волос (височные подвески), пуговицы). В основу систематизации положена морфология. Каждая категория предметов разделена на группы по особенностям формы, которые в свою очередь расчленены по мелким деталям на варианты. Так топоры, например, разбиты на четыре группы, каждая из которых имеет 1–3 варианта. Булавки по особенностям формы навершия (плоское, объемное) разделены на группы, которые по конфигурации наверший подразделяются на более мелкие группы и варианты. В результате на первый план выступает все же описательный принцип, а не строгая типология. Каждая категория рассмотрена автором с точки зрения происхождения и хронологического диапазона. Внимательно привлечены все аналогии по Кавказу, причем автор обнаруживает детальное знакомство с кавказоведческой литературой Советского Союза до начала 1990-х годов.

Большое внимание уделено ранним трубчатообушным топорам, которых в коллекции Коссниерской более двух десятков. В меньшей степени автора интересуют единичные топоры кобанского типа, которые автор объединяет в так называемый "круг форм Кобани" и отмечает их близость к формам колхидской культуры. Два топора кобанского типа из собрания Коссниерской происходят из Верхней Рутхи. Они без орнамента и относятся к типам А и Д (по П.С. Уваровой); еще один (тип В – по П.С. Уваровой), орнаментированный стилизованным изображением хищника с повернутой назад головой, не имеет точного указания о месте находки, но происходит из Дигории. В 1961 г. он был опубликован А. Мюллером и В. Нагелем в каталоге Берлинского музея древней истории, однако без указания его принадлежности к собранию Коссниерской. И. Мотценбеккер датирует кобанские топоры по Г. Коссаку периодом Тли-С-Д (т.е. в пределах IX–VII вв. до н.э.). Группа наверший булав из камня и бронзы представлена четырьмя экземплярами, однако происхождение их из могил Верхней Рутхи ставится автором под сомнение. Вариант каменных наверший с округлыми выступами он относит к самым ранним (середина – вторая половина II тыс. до н.э.). Бронзовые экземпляры по аналогиям в Стырфазе, Тли, Бешташени, Лчашене и Артике датирует поздним бронзовым веком (Тли-А – по Г. Коссаку), т.е. примерно XIV/XIII вв. до н.э. При этом высказывается, на мой взгляд, спорная мысль, что бронзовые навершия булав с выступами появляются в центральнокавказском регионе вместе с кинжалами переднеазиатского типа и булавками с навершиями с пятью шишечками, которые, как полагает автор, имитируют навершия булав. Неправомерно, на мой взгляд, и включение в группу наверший булав каменного топора так называемого кабардино-пятигорского типа.

Чрезвычайно интересен в рецензируемой книге раздел, посвященный систематике кинжалов. В собрании Коссниерской 16 экз. бронзовых кинжалов разделены автором на три группы: группа кинжалов без рукоятки (с предполагаемой плоской рукояткой), группа цельнолитых кинжалов с рамочной рукояткой и третья группа – цельнолитые кинжалы с объемной рукояткой и грибовидным навершием. Все они происходят из Верхней Рутхи или из Фаскау. Любопытен морфологический анализ третьей группы. Автор проводит сравнение их с одной стороны, с ранними закавказскими цельнолитыми с грибовидными навершиями (кахетского типа. – *В.К.*), а с другой – с киммерийскими, типа Головятино, но с меньшей уверенностью. На основе аналогий всю серию близких кинжалов автор датирует началом железного века (SB-3), X–IX вв. до н.э. (с. 77).

Однако при внешнем морфологическом сходстве группа неоднородна, различается по металлу. Один из кинжалов (Фаскау, табл. 8, *4*) сделан из мышьяковистой бронзы, два (Верхняя Рутха, табл. 21, *4, 5*) – из высокооловянистой. Для еще двух анализы отсутствуют. Все это свидетельствует об их разновременности. Можно с достаточной степенью уверенности полагать, что в коллекции представлены как более ранние модификации, возможно, второй половины II тыс. до н.э., так и поздние – эпохи развитой кобанской культуры. Примечателен в собрании Коссниерской цельнолитой кинжал из Фаскау, с ажурной объемной рукояткой, но не круглого, а прямоугольного сечения. Навершие грибовидное, перекрестие близко бабочковидному. Кинжал не получил своего места в представленной систематизации, возможно, потому, что автор датирует его периодом Тли-Д (по Г. Коссаку), т.е. VII в. до н.э., что остается как бы за рамками темы, которой посвящена монография. Вслед за К. Йеттмаром, И. Мот-

ценбеккер полагает, что в данном экземпляре кинжала проглядывает соединение "киммерийских" и "скифских" черт. Появление же в Дигории подобных изделий он связывает с влиянием степных кочевников, подражанием их оружию, так как место находки расположено вблизи важных проходов через горы (с. 77).

Морфология действительно позволяет выдвигать такую идею. Однако стилистические особенности орнаментации рукояти кинжала, сочетающей ажурную плетенку и гравировку, сам гравированный узор на навершии в виде креста, образованного заштрихованными линиями в сочетании с точками, два кружка, имитирующие заклепки на перекрестии, наконец, отверстие под навершием, связанное с технологией отливки предмета, не позволяет относить его к столь позднему времени. Но все же решающими являются результаты анализа металла. Они показывают, что кинжал был изготовлен из высокомышьяковистой бронзы (As – 8,17%). Следовательно, вряд ли можно предполагать принадлежность кинжала к эпохе не только раннего железа, но даже к заключительному этапу поздней бронзы. Не изученная до настоящего времени группа цельнолитых кинжалов с грибовидными навершиями из коллекции Косснерской открывает возможность более убедительно восстановить звенья местного кавказского развития так называемого кабардино-пятигорского (или "киммерийского") типа, а от них – и форм степного "скифского" облика.

Благодаря полной публикации собрания Косснерской можно детально познакомиться с важными для изучения древней культуры Центрального Кавказа предметами, ранее остававшимися для нас недоступными. Например, среди орудий труда привлекает внимание бронзовый серп из Фаскау, аналогичный серпам из Фаскау и Змейского поселения, хранящимся в Государственном Историческом музее. Таким образом, перед нами – еще одно свидетельство функционирования в центральной части Северного Кавказа в конце II тыс. до н.э. местной бронзолитейной мастерской.

Среди предметов конского снаряжения, анализируемого автором в третьей главе книги, упомянута так называемая пектораль – бронзовый нагрудник из Верхней Рутхи, который ученый относит к VIII в. до н.э. и интерпретирует как нагрудник для лошадей колесниц (с. 81). К сожалению, не исчерпывающи и не точны аналогии. Приведены данные о "пекторалях" из Бештау горского клада и из Нижнего Эшери. Третья аналогия обозначена "погр. 1 Мебельной фабрики у Султан-горы", что не соответствует действительности. На самом деле нагрудник обнаружен в погр. 1 Султангорского-1 могильника. В настоящее время вместе с двумя новыми находками из Клин-Ярского-3 могильника наука располагает 6 экз., причем все они, за исключением абхазской находки, происходят из памятников местной, кобанской культуры. Открытие такого предмета среди погребального инвентаря в высокогорной Верхней Рутхе, полагает автор, можно рассматривать как связующее звено между Северным Кавказом и абхазским побережьем Черного моря, но оно еще и фиксирует точное направление этих связей (с. 81). И с этим нельзя не согласиться.

Большое место в третьей главе занимает систематизация многочисленных украшений и предметов костюма. Скрупулезнейшим образом проанализированы 197 бронзовых булавок. Выделено 14 групп с несколькими вариантами внутри. Новым для характеристики Верхней Рутхи является присутствие в собрании Косснерской бронзовых булавок с навершием в виде розеток. Как известно, этот тип булавок характерен для раннего периода западного варианта кобанской культуры, точнее составляет специфику памятников Баксанского ущелья. Находка таких булавок в высокогорье центрального варианта – одно из свидетельств межлокальных контактов в ареале кобанской культуры.

Поясные пряжки, которых в коллекции Косснерской более четырех десятков, автор разделил на две группы: пластинчатые с шестью вариантами и зооморфные с пятью вариантами. Датировка пряжек определяется по аналогии из работ Е.И. Крупнова; Б.В. Техова, В.И. Козенковой, А.П. Мошинского. В данном разделе мне представляется неверным отнесение ко второй группе (вариант 8) полуовальной пряжки с петлями для крепления ремней и тройной гравированной спиралью на щитке (табл. 29, *11*). Это, безусловно, самостоятельная группа, причем наиболее ранняя, как показали раскопки Самтаврского могильника, где две такие полуовальные пряжки входили в комплексы XIII–XII вв. до н.э. К сожалению, этот факт не получил комментария в рецензируемой работе, хотя с работами А.Н. Каландадзе и Р.М. Абрамишвили автор был, несомненно, знаком, что видно из перечня использованной литературы.

Пополнены наши знания о разнообразных вариантах браслетов, зооморфных подвесках, бляхах – подвесках с распахнутыми секировидными крыльями. Большинство форм известны, но некоторые не представлены в коллекциях из Дигории, хранящихся в Государственном Эрмитаже и Государственном Историческом музее. Мы заострили внимание лишь на некоторых категориях украшений, так как невозможно в короткой рецензии передать весь объем

информации, заключенной в третьей главе. Другой читатель найдет в книге не менее интересные сюжеты.

Четвертая, заключительная глава монографии И. Мотценбеккера называется "Бронзы Дигории – попытка упорядочения" и по сути подводит итог проделанной работе. Еще раз повторены основные выводы о распространении, хронологии, технологии и по истории культуры вещей, представленных в коллекции Коссниерской.

Монография И. Мотценбеккера, безусловно, огромный и полезный труд по упорядочению большого фактического материала по очень важному периоду формирования кобанской культуры. Полностью разделяю пожелание автора о том, чтобы "сделать доступными другие европейские соответствующие коллекции, тем самым дополнив публикуемые здесь материалы" (с. 141).

Институт археологии РАН,
Москва

В.И. Козенкова

ПЕТР ИЗ ДУСБУРГА. ХРОНИКА ЗЕМЛИ ПРУССКОЙ. Издание подготовила В.И. Матузова. М.: Ладомир, 1997. 383 с.

Рецензируемая книга представляет собой перевод известного источника по раннесредневековой истории Балтии, выполненный признанным специалистом по этому вопросу – научным сотрудником Института российской истории, кандидатом исторических наук Верой Ивановной Матузовой. Общий объем монографии достиг 24 авторских листов. Из них на страницах 5–217 представлен перевод "Хроники земли Прусской", завершенной историографом Тевтонского Ордена Петром фон Дусбург в 1326 г. Бесценным качеством этого труда, выполнявшегося В.И. Матузовой на протяжении многих лет, является его непреходящий смысл как первого русского перевода базового письменного источника, связанного с ранним средневековьем Балтии. Эта монография найдет своих благодарных читателей среди историков, археологов, этнологов как в России, так и за ее рубежами. Автор перевода является ведущим для Восточной Европы исследователем истории Тевтонского Ордена и при этом, что особенно замечательно, талантливым языковедом. Претензий к качеству перевода, поражающему своей строгой выверенностью и адекватностью передачи стилистики латинского оригинала, быть не может. Единственным пожеланием к этой основной части книги может быть публикация в тексте или в указателях имен и географических названий оригинальных латинских позиций. Это могло значительно повысить ценность труда В.И. Матузовой для широкого круга специалистов. Видимо, условия издания этого сделать не позволили. Надо сказать, что в целом книга производит самое положительное впечатление не только высококлассным переводом источника, но и своим полиграфическим оформлением. Это еще раз подчеркивает чрезвычайно высокий статус Научно-издательского Центра "Ладомир" в современном научном книгоиздательстве.

Учитывая значительный авторитет автора перевода как специалиста высокого класса по орденскому периоду истории земли пруссов, в преддверии выхода книги в свет много ожиданий было связано с изложением мнений автора относительно комплекса исторических событий, описываемого в "Хронике" ее автором. Следует отметить, что в ряде своих статей Вера Ивановна уже обращалась к ряду моментов истории Пруссии XIII века (Матузова В.И., 1986, с. 63–75; 1989, с. 281–287; Matuzova V., 1990, p. 5–15). Первый опыт публикации части текстов Петра из Дусбурга, посвященных описанию прусского язычества и аспектов образа жизни пруссов, опубликованных В.И. Матузовой в 1986 г., сопровождался комментариями, далекими от исторических реалий прусской раннесредневековой культуры. Напротив, источниковедческий анализ некоторых черт социального устройства прусского общества на переломном этапе его истории, которым стало орденское завоевание юго-восточной Балтии, был проведен автором в 1989 г. безукоризненно, хотя и достаточно кратко. Такая же оценка соответствует ее работе, опубликованной на литовском языке и повествующей об участии рыцарей туманного Альбиона в крестоносном движении на зе́мли балтов. Подобные результаты ожидались и в Приложениях к рецензируемой " Хронике земли Прусской", где ис-

© В.И. Кулаков, 1999 г.

следователь должен был, по замыслу работы, представить весь объем комментариев, которые современная историческая наука может предпослать тексту Петра из Дусбурга. Знакомство с Приложениями, занимающими в книге с. 218–252, вызывает двойственное впечатление.

С одной стороны, В.И. Матузова блестяще проанализировала текст "Хроники" как памятник орденской историографии, выявив тончайшие нюансы политических пристрастий ее автора, посвятившего свой труд Великому Магистру Вернеру фон Орзельн как апологию Тевтонскому Ордену в эпоху его реформирования. Важность этого замысла при написании "Хроники" в эпоху проблем, возникших между Орденом и папством, В.И. Матузова отмечает на с. 223. Комплексное решение поставленных перед "Хроникой" задач достигалось Петром из Дусбурга через придание своему тексту элементов агиографической литературы, в целом – через "использование разных литературных жанров". "Переплетение исторически достоверного и фантастического придает ей ("Хронике" – *К.В.*) своеобразный, ...эпический характер..." (с. 225). Пожалуй, впервые за весь период исследования "Хроники земли Прусской" В.И. Матузова обратила столь пристальное внимание на специфику изложения Петром исторических материалов, "что придает хронике черты, роднящие ее с произведениями готического искусства" (с. 225). В самом деле, подобный анализ памятника, изучаемого В.И. Матузовой на широком историческом фоне, представляет ее книгу как несомненно важный этап изучения западноевропейской летописной традиции в Балтии. Итак, "германская часть" объема информации "Хроники" В.И. Матузовой исследована образцово. Как же обстоит дело с "прусской частью" "Хроники", которая даже в названии несет слова "... земли Прусской"?

Из всего того, что сказано о книге в предлагаемой рецензии, ясно прослеживается крайне незначительный интерес, проявленный Петром из Дусбурга относительно отображения аутентичных фактов, связанных с культурой и образом жизни пруссов. "Силы зла" (с. 224), с которыми Петр идентифицировал язычников Янтарного края, не должны были вызывать положительных эмоций у читателей "Хроники" – добропорядочных почитателей Христа. Однако информация о пруссах в тексте Петра из Дусбурга есть, и В.И. Матузова уделяет ей в Приложениях определенное внимание: она признает, что "Хроника" "...содержит ценный фактический материал по истории средневековой Пруссии и Литвы" (с. 230). Правда, в тексте Приложений пруссам уделено менее одной страницы (с. 230). Крайне эскизный перечень общеизвестных данных о пруссах не позволяет подвергнуть критическому анализу соответствующую часть текста Приложений. Следует лишь отметить, что принимаемый В.И. Матузовой вывод, сделанный Петром из Дусбурга, об отсутствии у пруссов письма, не учитывает результатов новейших археологических исследований в земле пруссов. В раннесредневековых древностях Самбии и Западных Мазур известны минимум две системы письменности (VI–XI вв.) (Кулаков В.И., 1993, с. 107, 108). Знаки одной из этих систем были приведены на "знамени Видевута" в "Прусской хронике" Симона Грунау, аутентичность этих знаков письменности еще в 1926 г. была убедительно доказана известным литовским языковедом Ионасом Басанавичюсом (Basanavičius J., Būga K., 1926, p. 13).

Чуть больше внимания реалиям прусской истории, ономастики и топонимии В.И. Матузова уделяет в Примечаниях (с. 253–345). Основной их массив сконцентрирован в тексте комментариев к Третьей части "Хроники" (с. 269–344), именуемой "О войнах братьев Дома Тевтонского с пруссами". В ее начале помещены тексты под заглавиями "О разнообразии и силе пруссов" (гл. 2) и "Об идолопоклонстве и обрядах и нравах пруссов" (гл. 5). В комментариях к гл. 2 В.И. Матузова, пытаясь представить концепции этимологии этнонима "пруссы", ограничивается лишь хрестоматийными мнениями польских ученых, совершенно не информируя читателя об иных мнениях о прусском этнониме, высказанных в длительном процессе дискуссии по этой важнейшей проблеме. Здесь как в капле воды отражен подход В.И. Матузовой к проблеме изучения прусского прошлого, с которой автор знакомился при помощи монографий обзорного характера, ныне в значительной мере устаревших. Это подтверждается принципами работы В.И. Матузовой с этимологией прусских топонимов, обедненных в комментариях отсутствием базовых данных Казимераса Буги (Būga K., 1958–1961), которые сыграли кардинальную роль в изучении прусского языкового наследия. Впрочем, вне поля зрения для В.И. Матузовой остался вообще весь массив современной литовской литературы по прусской проблеме. В последние годы усилиями В. Шименаса, В. Урбанавачюса, В. Багданавичюса и Г. Береснявичюса (пример – комплекс статей в сборнике Prūsijos kultūra, 1994, посвященных проблемам духовной культуры и религиозной системе пруссов) интенсивно изучаются аспекты прусского культурного наследия. Возможно, здесь для автора монографии оказался непреодолимым языковый барьер. Однако его не существует для исследователя, который хотел бы ознакомиться с публикациями новейших результатов исследований прусских древностей на территории современной Калининградской области. К сожалению, эти

публикации, как и литовские издания, также не привлекли внимания глубокоуважаемой Веры Ивановны. В противном случае не было бы слов о том, что "вармийцы занимали центральное положение среди пруссов..." (с. 272). Это – лишь мнение Петра из Дусбурга, имеющее явно политическую окраску в рамках конфликта между Орденом и Вармийским епископством. Реально значительная часть земли Вармии в XII – начале XIII века лишь начала осваиваться пруссами, прародиной которых была Самбия (Кулаков В.И., 1987, с. 101). Правда, следует отметить, что В.И. Матузова приходит к справедливому выводу, что не все "прусские земли", определенные таковым образом Петром из Дусбурга, были на самом деле заселены пруссами (с. 273). Слишком безапелляционным выглядит тезис В.И. Матузовой о центральном святилище пруссов – Ромове: "Местоположение этого священного места не было найдено ни тевтонскими рыцарями, ни современными археологами" (с. 276). Два городища в земле пруссов (совр. Липовка, Багратионовский р-н и Бочаги, Черняховский р-н), выделяющиеся среди остальных городищ юго-восточной Балтии масштабами своих площадок и укреплений, могут реально претендовать на роль крупных святилищ типа Ромове (Кулаков В.И., 1988, с. 129; 1990а, с. 49, 56). Вместо использования самой разносторонней информации о прусском язычестве, убедительно представленной Вяч. Вс. Ивановым и В.Н. Топоровым (1980, с. 153–158), читатели комментариев вынуждены довольствоваться давно устаревшими мнениями А.Ф. Мержинского, опубликовавшего их в конце XIX в.

Особо сложной и запутанной для В.И. Матузовой оказалась ситуация с упоминаемыми Петром из Дусбурга прусскими "замками" (т.е. городищами). Археологическая наука располагает четко документированными данными об укрепленных поселениях пруссов XII–XIII вв. (Crome H., 1938–1940; Кулаков В.И., 1990а, с. 47–57, рис. 24), вполне сопоставимых с объектами, упоминаемыми Петром. Значительная работа в этом направлении в послевоенное время проделана историками (Łowmiański H., 1985, s. 24–40). Сравнительный анализ этих данных сразу показал бы, что значительное количество прусских "замков", упоминаемых Петром из Дусбурга, были возведены западными балтами специально (и поэтому достаточно поспешно) для борьбы с крестоносцами и не имеют культурного слоя. Подобные прусские укрепления стали создаваться уже в начале 40-х годов XIII в., в период "первого восстания" пруссов (Кулаков В.И., 1994, с. 161, 162, рис. 95). Впоследствии такие прусские укрепления стали характерны прежде всего для земель Надравии и Бартии, для восточной части Натангии (в частности, для "земли Воэнсторф"), слабо освоенных пруссами к середине XIII века. В связи со спецификой постоянно меняющейся боевой обстановки такие городища не были должным образом укреплены (в ряде случаев на городищах четко видна незавершенность процесса сооружения валов) и не могли стать серьезным препятствием для продвижения орденских войск. Это ясно прослеживается в тексте "Хроники земли Прусской". Однако В.И. Матузова, не подозревая о существовании новейших данных по исторической и археологической картографии раннесредневековой Пруссии, пользуется достаточно схематичным картографическим материалом Ромаса Батуры (Dusburgietis P., 1985, žemelapis). Благодаря этому в текст комментариев вкрались весьма досадные неточности. Например, городище Паскальвен (Schalau – совр. пос. Петрово, Неманский р-н Калининградской обл., южная часть ареала племени скальвов) обозначен на карте В.И. Матузовой вслед за Р. Батурой как "Скаловский замок", городище Партегаль за с. 283 обозначено как "поле и город" у Вислинского залива (в действительности – в 6 км к югу от побережья, Кулаков В.И., 1994, с. 162, рис. 95), современное наименование замка Бранденбург обозначено как "Покарвин" (с. 298) вместо пос. Ушаково (Гурьевский р-н Калининградской обл.), замок Воэнсторф (позднее – Вонсдорф) отмечен как "Вохэншторф... – германизированное прусское название Унсатрапис" (с. 295). На самом деле название этого замка имеет чисто германское происхождение (Gerullis G., 1922, s. 190) и никак по смыслу не связано с названием прусской волости (terrul или polka) Унсатрапис. Прусское городище Капостете, разрушенное Комтуром Кёнигсберга в 1255 г. (с. 86), расположено в 300 м от замка Вонсдорф (Lippert W., 1993, s. 840), на юго-западной окраине совр. пос. Курортное Правдинского р-на (бывш. Groβ Wohnsdorf, Kr. Wehlau). Река Алле-Лава называется то современным польским гидронимом "Лыной" (с. 295), то вообще "Аллой" (с. 265), а остатки прусского городища Ауглиттен (Охтолита у Петра из Дусбурга) (ныне – пос. Прогресс Правдинского р-на, бывш. Auglitten, Ke. Wehlau), сохранившиеся на ее левом берегу, в 300 м от орденского замка Вонсдорф, помещаются из пограничья земель Натангии и Воэнсторф в Надравию, "в район Больших озер" (!?) (с. 296). Прусское городище Гундов в урочище Хаузенберг (пос. Осипенко, Правдинский р-н, бывш. Gundau, Kr. Wehlau) в действительности расположено не "к западу от р. Аллы" (с. 296), а непосредственно на ее левом берегу, в 2 км к северо-западу от городища Ауглиттен (Lippert W., 1993, s. 840). Сведения, приводимые В.И. Матузовой

относительно соответствия города Эльбинга торговому пункту Трусо, открытому в 1982 г. польским археологом М. Ягодзиньским в 6 км к юго-востоку от совр. г. Эльблонга (Jagodziński M., 1991, s. 154, 155), поражают своей некомпетентностью. К сожалению, аналогичный вывод следует сделать и о типологических аспектах геоморфологии замков, приведенной в книге в соответствии с давно устаревшей системой Г. Бонка. К сожалению, давно неактуальны приводимые В.И. Матузовой взгляды на погребальный обряд пруссов, изложенные В. Фридерици в 1872 г. (Friederici W., 1872, s. 157–160). Заявление Веры Ивановны о том, что кони сопровождали в заоблачные высоты у пруссов не только воинов, но и женщин (с. 277), далеко от реальной исторической ситуации. Прусская археология показывает связь конских захоронений исключительно с погребениями пруссов-дружинников, реже – рядовых членов общины (Кулаков В.И., 1990б, с. 187, 188). Итак, в русском переводе "Хроники земли Прусской" исконные хозяева Янтарного края, как и задумывал ревностный апологет Тевтонского Ордена Петр из Дусбурга, остались бесплотными тенями, заполняющими второй план исторической сцены. Думается, что такой судьбы пруссы не заслужили.

К сожалению, возможный на современном уровне развития наших знаний о земле пруссов совместный анализ информации, сконцентрированной в "Хронике земли Прусской" и данных западнобалтской археологии XIII в., в рецензируемой монографии не только не получился, но и не намечен. Прусские древности представлены здесь на информационном уровне, достигнутом археологической школой Кёнигсберга к началу XX века и в значительной мере повторенном (прежде всего в плане фактологии) в 1973 г. Ежи Окуличем, основным для В.И. Матузовой носителем знаний по прусским древностям.

Однако скорее всего автор великолепной публикации "Хроники земли Прусской" не ставила перед собой задачи окончательного решения всего массива проблем, горизонты которых открываются текстом Петра из Дусбурга. Во всяком случае в результате публикации книги Веры Ивановны Матузовой сопоставление письменных и археологических данных по прусским городищам уже вполне реально и ждет своего исследователя. Это можно сказать и об остальных проблемах, решение которых чрезвычайно облегчено после выхода в свет рецензированной книги. Возможно, в этом и была стратегическая цель данного прекрасного по внешнему виду и по содержанию издания: открыть в России и в других странах перед учеными нового поколения серьезные возможности изучения древностей пруссов на качественно новом уровне.

Институт археологии РАН, Москва *В.И. Кулаков*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Иванов Вяч. Вс., Топоров В.Н., 1980. Балтийская мифология // Мифологический словарь. Т. 1. М.

Кулаков В.И., 1987. Земля пруссов и "прусские земли" // Балтославянские исследования. 1985. М.

Кулаков В.И., 1988. Дружинные элементы в могильниках пруссов VII – начала XI в. // Археологические памятники европейской части РСФСР. М.

Кулаков В.И., 1990а. Древности пруссов VI–XIII вв. // САИ. Г-9. М.

Кулаков В.И., 1990б. Погребальный обряд пруссов в эпоху раннего средневековья // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд. М.

Кулаков В.И., 1993. Элементы письменной культуры населения земли пруссов // КСИА. Вып. 208.

Кулаков В.И., 1994. Пруссы (V–XIII вв.). М.

Матузова В.И., 1986. "Хроника земли Прусской" Петра из Дусбурга // ВИ. № 7.

Матузова В.И., 1989. Прусские нобили и Тевтонский орден (жалованные грамоты прусским нобилям и эпизоды "Хроники земли Прусской" Петра из Дусбурга) // Древнейшие государства на территории СССР. М.

Basanavičius J., Būga K., 1926. Apie senovės prūsų raštą ir Videvuto veliava // Lietuvių Tautos. Vilnius.

Būga K., 1958–1961. Rinktiniai raštai. T. I–III. Vilnius.

Crome H., 1938–1940. Verzeichnis der Wehranlagen Ostpreussens // Prussia. B. 32. H. 1,2; B. 33; B. 34.

Dusburgietis P., 1985. Prūsijos žemės kronika. Vilnius.

Friederici W., 1872. Ueber altpreussische Gräber und Bestattungsbrauche // Altpreussische Monatschrift. B. IX.

Gerullis G., 1922. Die altpreussischen Ortsnamen. Berlin; Leipzig.

Jagodziński M., 1991. Truso w świetle nowych odkryć. Uwagi na marginesie badań wczesnośredniowiecznej osady rzemieślniczo-handlowej w Janowie Pomorskim (gmina Elbląg) // Archeologia Bałtyjska. Olsztyn.

Lippert W., 1993. Prussische Flieburgen am Unterlauf der Alle // Tolkemita-Mitteilungen.

Łowmiański H., 1985. Geografia polityczna bałtów w dobie plemiennej // Lituano-Slavica Posnaniensia. Studia Historica. T. I.
Matuzova V., 1990. Anglai Prūsijoje (XIII–XIV a.) // Lietuvos istorijos metraštis 1989 metai. Vilnius.
Prusijos kultūra, 1994. Vilnius.

Tell Sabi Abyad the Late Neolithic Settlement. Report on the Excavations of the University of Amsterdam (1988) and National Museum of Antiquities Leiden (1991–1993) in Syria. Vol. I–II. Edited by Peter N.M.G. Akkermans. Nederlands Historisch-Archaeologisch Instituut te Istanbul. 1996. 566 p.

Предлагаемое издание подготовлено коллективом из 14 авторов, хорошо известных и авторитетных в ближневосточной археологии, и посвящено публикации преисторических материалов из раскопок поселения Телль Саби Абьяд в Сирии. Специально оговаривается, что данное издание представляет собой не окончательную публикацию, но развернутый предварительный отчет исследований последних лет.

Поселение расположено в северной Сирии в долине Балиха, притока Евфрата, недалеко от сирийско-турецкой границы, в маргинальной зоне устойчивого неполивного земледелия, где в настоящее время выпадает 250 мм годовых осадков.

На поселении выделяется 11 строительных горизонтов, представляющих непрерывную культурную последовательность (за исключением промежутка между нижними 11-м и 10-м слоями), отражающих развитие материальной культуры в балихском регионе в халафское и предшествующее ему время.

Мощность культурного слоя поселения составляет около 8 м, но исследован он неравномерно. Если верхние слои 1–6 вскрыты на площади 800–875 м^2, то нижние слои 7–11 исследованы траншеей на незначительной площади 9 м^2.

На основании распределения материала предложена следующая периодизация; слои 11–7 отражают начальную стадию керамического неолита, они соответствуют, по предложенной региональной шкале, фазе Балих II, синхронной фазе Амук B, выделенной для памятников Западной Сирии. Слои 6–1 представляют более развитой этап керамического неолита и характеризуются появлением расписной керамики. Эти слои объединяются в рамках фазы Балих III. Мощность культурного слоя горизонтов 11–7 составляет около 4,5 м, а слоев 6–1 – около 3,5 м.

В предисловии руководителя работ на Саби Абьяде и редактора издания P.M.M.G. Akkermans содержится общая информация о поселении, раскопочной стратегии, периодизации культурного слоя, а также таблица радиокарбонных дат.

В первой главе, подготовленной T.J. Wilkinson на основании комплексного рассмотрения археологических, педологических, геоморфологических данных, предложена картина развития ландшафта исследуемого региона в четвертичный период (на протяжении периодов Балих I–IV (рец. издание с. 15)). Рассматриваются как физический, так и культурный ландшафты, в частности каналы и древние дороги, и дается их возможная датировка (с. 17–21).

Глава 2, подготовленная M. Verhoeven & P. Kranendonk при участии N. Aten, посвящена описанию стратиграфии, архитектуры и содержит информацию о исследованных погребениях. Этот раздел очень хорошо документирован графически и позволяет объективно судить о культурном слое поселения и предложенном авторами его членении (fig. 2.2–2.6). Архитектурные остатки наиболее хорошо представлены в слоях 6 (так называемая сожженная деревня) и 3. Они представлены преимущественно прямоугольными сооружениями и несколькими толосами. Среди очажных конструкций в верхних слоях вскрыты хорошо известные в халафских поселениях конструкции, напоминающие в плане цифру 8 неправильной формы (fig. 2.32). Сложные двухъярусные печи для обжига керамики на поселении не обнаружены.

Глава 3 – это самый большой и наиболее трудоемкий раздел публикации, посвященный массовому керамическому материалу. Анализ керамики был осуществлен M. Le Miere & O. Nieuwenhuyse. На распределении в культурном слое керамики основана предложенная периодизация Саби Абьяда. Анализ базируется на обширном материале.

© Ш.Н. Амиров, 1999 г.

Нижние слои 11–7 характеризуются прежде всего нерасписной керамикой местной неолитической традиции, получившей название предхалафской. Верхние слои 6–1 характеризуются наличием расписной, халафской керамики с влиянием самаррской культурной традиции.

Характер распределения в слое технологических групп керамики, а также возрастание числа расписной керамики натолкнули исследователей на мысль о зарождении халафской керамической традиции в среде местной неолитической культуры под влиянием самарских импортов. В свете исследования этого вопроса был проведен анализ послойного распределения выделенных технологических и морфологических групп и их корреляция в культурном слое памятника. В результате слои 6–4 были выделены в особую переходную фазу, а следующие за ними слои 3–1 – в фазу, получившую название раннехалафской.

Трудоемкость и масштабность проделанной работы может оценить любой специалист, бравший на себя задачу характеризовать культурный слой памятника через распределение массового материала. Этот раздел насыщен таблицами (всего 42 таблицы), делающими выводы авторов поддающимися проверке. Параллельно исследовалось процентное распределение технологических и морфологических групп по слоям, а также их корреляция, распределение растительных и минеральных примесей, различной декоративной техники на сосудах различных технологических групп. Отдельно оценивается наличие в слое керамики, связанной происхождением с сиро-киликийским и месопотамским влиянием.

Анализ распределения керамического материала в слое позволяет сделать вывод о том, что в нижних слоях 11–7 (фаза Балих II), представленных местной неолитической керамикой, полностью отсутствуют месопотамские влияния, хотя на Балихе и гораздо восточнее, включая верховья Хабура и Ассирийскую степь, в этот период ощущаются влияния сиро-киликийской культурной традиции (с. 141–142).

В вышележащих слоях (6–4), выделяемых как переходный период (фаза Балих IIIa), сосуды всех технологических групп, отмеченные в нижних горизонтах, продолжают существовать примерно в том же объеме, демонстрируя непрерывную линию культурной эволюции, но при этом отмечено возрастание числа сосудов без растительной примеси в тесте (с. 158). В слое 6 зафиксировано появление халафской расписной керамики. Там она составляла около 10% от числа всех венчиков, но число ее быстро росло, достигнув 60% в слое 4. Появление халафской керамики на поселении, по мнению авторов, свидетельствует о наступлении новой эры (с. 154).

Слои 3–1 выделяются в отдельный период, названный раннехалафским (по местной периодизации фаза Балих III в), в течение этого периода халафской расписной керамики достигает 80% от всей керамики, обнаруженной на поселении.

Главным результатом проделанной работы является вывод авторов о представленности в слое Саби Абьяда самого раннего, неизвестного на других памятниках этапа развития халафской культуры, чье зарождение удалось проследить на местном материале в результате влияния самаррской культуры (с. 174–175; 189).

Высоко оценивая проделанную работу, превратившую раскопанный материал в ценный исторический источник, доступный для пользования другими исследователями, следует отметить, что интерпретационная часть исследования вызывает ряд возражений.

Прежде всего в слое Саби Абьяда, судя по опубликованным рисункам, наряду с достаточно многочисленными сиро-киликийскими импортами присутствует хассунская расписная керамика или местные подражания ей (fig. 3.4: *14–18*; 3.5: *1–6*), которая говорит о месопотамских связях памятников долины Балиха во время, предшествовавшее появлению в регионе халафской керамики. Хассунская керамика происходит преимущественно из слоев 8–7, вскрытых на маленькой площади, и при увеличении площади исследования соответствующих слоев ее число может значительно возрасти.

Процентное распределение морфологических групп керамики является одним из основных источников исследования эволюции культурного слоя халафских поселений. В этой связи особый интерес представляет тот факт, что классификационные группы, выделенные на материале Саби Абьяда (табл. 3, *34*; 3, *39*), в значительной мере совпадают с группами, выделенными для другого халафского поселения, расположенного в Ассирийской степи, – Ярым Тепе II (Amirov Sh., Deopeak D., 1997, p. 71). Сравнение процентного распределения выделенных морфологических групп этих двух памятников представляется в достаточной степени корректным. Процентное соотношение морфологических групп из слоев 6–4 так называемой переходной фазы Сиби Абьяда в большей мере соответствует распределению в условных слоях 20–17 Ярым Тепе II, а слоев 3–1 – с условными слоями 16–13 (Amirov Sh., Deopeak D., 1997, p. 84) или слоями 4–3, выделенными исследователями поселения Ярым Тепе II

(Merpert N.Ya., Munchaev R.M., 1973, p. 93–113), т.е. примерно средней части культурного слоя Ярым Тепе II.

Среди халафской керамики Саби Абьяда очень мало так называемых "concave sided bowls", весьма распространенных в нижних горизонтах Ярым Тепе II и Арпачии и гораздо реже встречающихся в средней части культурного слоя.

Сосуды категории "cream bowls" в слое Саби Абьяда представлены преимущественно открытыми слабопрофилированными тарелками, в то время как в нижних горизонтах Ярым Тепе II значительная часть сосудов этой категории представлена сильнопрофилированными чашами более закрытых форм.

Для нижних слоев Ярым Тепе II характерно полное отсутствие S-видных и близких им чаш с ребром в профиле, которые впервые появляются примерно в средней части культурного слоя. В то же время уже в слоях 6–4 Саби Абьяда, где впервые появляется халафская керамика, их число достигает примерно 30%.

В нижних слоях Ярым Тепе II достаточно мало "simple rounded bowls", в то время как в слоях 6–4 Саби Абьяда их число достигает 25%.

Набор изображений и их композиций на халафской керамике из Саби Абьяда отличается от набора мотивов, наиболее распространенных в самых нижних слоях Ярым Тепе II, и в большей мере соответствует набору изображений из средней части культурного слоя этого памятника.

В отличие от нижних горизонтов Ярым Тепе II среди росписей на халафских сосудах из Саби Абьяда очень мало композиций, организованных в панели, практически отсутствует роспись в резерве. Отсутствуют открытые тарелки, имеющие центральную композицию в интерьере, роспись внутренней поверхности сосудов очень сдержанна и представлена по большей части только полосой в верхней части под венчиком.

Так называемые сосуды "red burnished ware", встреченные в слое Саби Абьяда, совершенно не известны в нижних слоях Ярым Тепе II, где они появляются на среднем этапе развития поселения.

Среди халафской росписи на поселении Саби Абьяд отсутствует целый ряд распространенных в нижних слоях Ярым Тепе II мотивов, таких как "eggs and dots", "huts and flowers", очень редко встречаются лабрисы, цепочки с точками, отсутствуют розетки и изображения мальтийских крестов, мало букраний, как натуралистических, так и стилизованных, и вообще очень мало натуралистических изображений.

Набор мотивов росписи из Саби Абьяда, представленный преимущественно косой штриховкой, значительно уступает по числу нижним слоям Ярым Тепе II, в то время как в средней части культурного слоя Ярым Тепе II орнамент начинает упрощаться и сокращается число используемых мотивов росписи.

В целом роспись на халафских сосудах из Саби Абьяда отличается от памятников Ассирийской степи значительным присутствием инокультурных мотивов росписи, однако различия выглядят скорее территориальными, нежели хронологическими.

В главе 4 представлены статистический анализ послойного распределения кремниевого и обсидианового материалов, осуществленный L. Copeland.

Проведенная работа позволила сделать вывод о том, что кремниевый инвентарь Саби Абьяда развивался в рамках единой долговременной и малоизменчивой традиции обработки камня на протяжении всего культурного слоя памятника (с. 316), не испытав подобно керамике больших изменений. В то же время автор отмечает, что каменный инвентарь Саби Абьяда характеризует географическое положение памятника между двумя культурными зонами – Месопотамией и Левантом, оказавшими на него влияние (с. 316).

На наш взгляд, каменный инвентарь Саби Абьяда в слоях с халафской керамикой сохраняет особенности кремниевой индустрии предшествующего времени, совершенно неизвестной в халафских слоях Ярым Тепе II.

В 5-й главе, посвященной обнаруженным печатям и оттискам на глине, K. Duistermaat дает развернутую, полную публикацию собранного материала и на основе корреляции ряда признаков делает обоснованные выводы относительно планиграфического распределения, функциональной специфики материала, а также о значении такого рода находок в социальной организации общества. На поселении было обнаружено несколько печатей, происходящих преимущественно из слоя 4. Эти печати имеют очевидно халафское происхождение и типологическое сходство с печатями из других халафских памятников. В отличие от печатей оттиски были обнаружены в значительном количестве и преимущественно в слое 6. Интересно отметить, что иконография оттисков отличается от всех обнаруженных на поселении печатей, как и от соответствующего материала других халафских памятников, особенно это касается

многочисленных зооморфных изображений. Ряд геометрических изображений, как отмечает автор, находит аналогии скорее в западносирийских памятниках (с. 358).

Глава 6, подготовленная P. Collet, посвящена публикации мелкой антропоморфной и зооморфной пластики. Находки сделаны преимущественно в слое 6. Несколько фигурок обнаружено в слое 3.

Вся антропоморфная пластика, обнаруженная в так называемых слоях переходного и раннехалафского периодов Саби Абьяда, абсолютно отличается от всех известных разновидностей халафских антропоморфных статуэток, найденных на других халафских поселениях. Как отмечает сам автор, коллекция статуэток, собранная в "сгоревшей деревне" слоя 6, где впервые была зафиксирована халафская керамика, имеет параллели в слоях 3–5 хассунского поселения Ярым Тепе I (с. 404).

В главах 7–8 P. Collet & R.H. Spoor представляют каменный инвентарь и мелкие находки. Большой интерес вызывают каменные бусины, очень напоминающие хассунские аналоги. В слое Саби Абьяда они известны на протяжении очень длительного времени, от 10-го до 6-го слоя (fig. 8.9: *3*; *4*; *7*), т.е. самые поздние из них обнаружены в слое с халафской керамикой.

Замечательным дополнением к публикации предметов материальной культуры являются исследования остеологического материала (ch. Cavallo), а также культивированных и диких растений (W. van Zeist & W. Waterbolk-van Rooijen).

Представленная статистическая информация служит существенным дополнением к интерпретационному осмыслению специфики исследуемого поселения.

Культурный слой Саби Абьяда представляет собой линию непрерывного развития, что следует как из стратиграфических наблюдений, так и из распределения материала. В силу своего географического положения памятники долины Балиха и Саби Абьяд в том числе испытывали одинаково сильное влияние культурных импульсов, идущих из Сиро-Киликии и Месопотамии. Влияние этих регионов коснулось всех сторон материальной культуры Саби Абьяда – от архитектуры и керамики до каменного инвентаря и мелкой пластики.

Обращает на себя внимание разнокультурный характер материала, обнаруженного в комплексах "сожженной деревни" слоя 6, где вместе с халафской керамикой обнаружен архаичный кремниевый инвентарь и ряд артефактов, связанных происхождением с хассунской культурой. На первый взгляд может показаться, что такое сосуществование хассунских реликтов с халафской керамикой может говорить в пользу ранней датировки последнего, но развитый характер халафской керамики, синхронный материалу среднего этапа развития этой культуры в Ярым Тепе II, свидетельствует скорее о сильных пережиточных явлениях в развитии материальной культуры Саби Абьяда.

На основании материалов из слоев 6–1 Саби Абьяда, содержащих халафскую керамику, нельзя говорить о смене всего облика материальной культуры. Скорее они свидетельствуют о резком усилении халафских влияний, причем на развитом этапе эволюции этой культуры, находящем близкие параллели в развитии материальной культуры халафских поселений Синджарской долины Северной Месопотамии.

Характер культурного слоя с халафской керамикой пока не совсем ясен. Несмотря на то что отмечен набор безусловно халафских артефактов, целый ряд характерных черт этой культуры пока не отмечен на памятнике. В частности, нет однозначных свидетельств местного производства расписной керамики, отсутствует характерная халафская пластика, круглоплановая архитектура значительно менее выразительна, чем в Месопотамии, по числу толосов Саби Абьяд скорее можно сравнить с хассунским поселением Ярым Тепе I, чем с халафскими Ярым Тепе II и III. В целом халафский материал из Саби Абьяда по сравнению с более восточными халафскими поселениями выглядит несколько провинциально.

Хотелось бы отметить следующее. Самая высокая концентрация халафских поселений отмечена в Ассирийской степи, в зоне, где в настоящее время выпадает примерно 300–500 мм годовых осадков. По мере продвижения на запад концентрация халафских поселений постепенно уменьшается, что особенно заметно уже в Хабурском регионе. Тем не менее в этом районе мощность культурного слоя халафских поселений достигает максимальных значений – и часто составляет 7–8 м, что отражает длительность развития культуры. Самые ранние из известных сегодня халафских материалов происходят из Арпачии, Ярым Тепе II, возможно, из Акаба, они согласуются между собой, но материал из самых нижних слоев Арпачии может несколько предшествовать ранним материалам Ярым Тепе II.

Спор о западном или восточном происхождении халафской культуры до настоящего времени волнует исследователей. На наш взгляд, авторы правильно пытаются связать становление халафской культуры с самаррской. Мы так же считаем, что самый ранний до настоящего времени неизвестный халафский материал следует искать в контактной зоне с самаррской

культурой, возможно, в степной зоне на левобережье Тигра, в соответствующей полосе выпадения осадков, в междуречье Большого и Малого Заба.

В заключение еще раз хотелось бы отметить большой вклад, сделанный коллегами в исследование халафской проблемы и приветствовать появление нового важного источника, доступного для широкого круга специалистов.

Институт археологии РАН,
Москва

Ш.Н. Амиров

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Amirov Sh.N., Deopeak D.V. 1997. Morphology of Halafian Painted Pottery Yarim Tepe 2 // Iraq (using computerized shape analisis). Baghdader Mitteilungen, 28.

Merpert N.Ya., Munchaev R.M., 1973. Early Agricultural Settlements in the Sinjar Plain, Nortern Iraq // Iraq. XXXV.

Хроника

МАРГУЛАНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ-98 (АЛМА-АТА, 1998)

С 25 по 27 марта 1998 г. в г. Алма-Ате, в Институте археологии им. А.Х. Маргулана Министерства науки – Академии наук Республики Казахстан (ИА МН – АН РК) проходила десятая научно-практическая конференция "Маргулановские чтения", посвященная обсуждению итогов полевого сезона 1997 г. В ее работе приняло участие более 50 специалистов из ИА МН – АН РК, других научно-исследовательских организаций, вузов и музеев 10 городов Казахстана, а также из России, США и Бельгии. Было заслушано 36 докладов по археологической и смежной тематике, посвященных древностям Казахстана широкого хронологического диапазона.

Конференцию открыл *Ж.К. Курманкулов*, заместитель директора ИА МН – АН РК, заведующий группой по изучению бронзового века и древних технологий. Докладчик, в частности, отметил, что десятые Маргулановские чтения проходят в год, объявленный в Казахстане годом согласия и национальной истории, что налагает на археологов, изучающих исторические памятники и пропагандирующих знания о них, особую ответственность. Пленарные заседания конференции проходили в Музее археологии Академии наук Республики Казахстан.

Ж.К. Таймагамбетов подвел предварительные итоги исследованию казахстано-российской комплексной экспедицией палеолитических памятников Кошкурган, Шоктас и Кызылтау. Так, ранее при исследовании травертина Кошкурган 2 было найдено более 25 000 каменных орудий, но особый интерес представляет обнаружение вне кольца травертина, на глубине 7 и 9 м орудий, лежащих in situ. Хотя подобные травертины зафиксированы и частично обследованы в Германии, Венгрии, Японии и Китае, однако казахстанские травертины (в частности, Кошкурган 2) имеют твердую дату – около 510 тыс. лет.

Г.Т. Бексеитов рассказал об исследовании отрядом российско-казахстанской экспедиции стоянки открытого типа Кызылтау. На площади 50 м^2 было зафиксировано более 6000 конкреций и заготовок, а также готовых орудий из халцедона. Докладчик отметил, что располагавшаяся там мастерская, относящаяся в эпохе мустье, функционировала достаточно долго.

В.С. Волошин изложил результаты исследования двух памятников мустьерского времени – Мезар 1 и 2 – в долине р. Батпак (Центральный Казахстан), где в слоях не древнее верхнего плейстоцена выявлены явные следы стоянок-мастерских, обнаружено значительное количество алевролитовых нуклеусов, отщепов, готовых форм без двусторонней обработки. На ранее обследованных стоянках Музбель, Каменка 3, Курема 14–15 были проведены геоморфологические исследования с целью их стратифицированной привязки и уточнения датировок.

З.С. Самашев сделал общий обзор работ Западно-Казахстанской экспедиции ИА МН – АН РК в сезон 1997 г. Так, основной отряд экспедиции провел масштабные спасательные работы на средневековом городище Сарайчик, активно размываемом водами р. Урал. Для сохранения оставшейся части памятника и его детального исследования предполагается в ближайшее время отвести р. Урал в старое русло, а на городище организовать историко-археологический заповедник. На плато Устюрт (Мангистауская обл.) один из отрядов экспедиции продолжил исследование культового комплекса Байте III, а другой – протогородского укрепленного поселения Токсанбай. Полученные 11 некалиброванных радиоуглеродных дат предварительно определяют период функционирования поселения между XVIII и X вв. до н.э. Разведочный отряд экспедиции провел разведки и раскопки на разновременных развеянных памятниках в Рын-песках и у пос. Сарыкамыс.

В последующих пяти докладах нашли отражение результаты исследований, проведенных отрядами Западно-Казахстанской экспедиции на плато Устюрт. Так, *З.С. Самашев* и *А.С. Ермолаева* подвели итог первого года стационарных работ на укрепленном поселении Токсанбай, где были проведены зачистки каменных оборонительных стен и изучены стратиграфические разрезы со слоями эпохи энеолита и ранней бронзы. Помимо массы остеологического материала были обнаружены многочисленные фрагменты керамики, заготовки каменных орудий и готовые изделия.

В докладе *Л.А. Макаровой* и *Т.Н. Нурумова* был проанализирован остеологический материал (2700 фрагментов костей), полученный в ходе исследования поселения Токсанбай. При этом было установлено,

© В.С. Ольховский, 1999 г.

что обитатели поселения на протяжении длительного времени охотились на сайгу, кулана, джейрана, дикого барана (муфлона). Кроме того, были зафиксированы кости верблюда, волка, лисы, хищника семейства кошачьих (ману?).

Т.М. Тепловодская посвятила свой доклад анализу технологии изготовления керамики обитателями поселения Токсанбай. Так, в выделенной докладчиком группе I керамики глиняное тесто оказалось насыщенным мергелем; в качестве отощителей использовались ракушки, навоз, дресва, шамот. При этом сосуды часто формовались методом лоскутного налепа, реже – кольцевого ленточного и спирально-ленточного с дополнительной выбивкой налепа. Керамика группы II изготовлялась из ожелезненной глины с отощителями (ракушки, дресва, органика) обычно спирально-ленточным налепом с последующим заглаживанием. Датируется указанная керамика эпохой позднего энеолита – ранней бронзы.

Д.А. Кожаков, дав морфологическую и планиграфическую характеристику нескольких аранов (каменных загонных сооружений стреловидных очертаний) Северо-Западного Устюрта, предположил, что использование последних в облавно-загонной охоте на копытных было основной, но не единственной функцией аранов.

В.С. Ольховский рассказал о начале исследования кург. 2 на территории святилища сарматского времени Байте III (Западный Устюрт), в котором была выявлена каменная конструкция круглой в плане формы с четырьмя расположенными радиально внутренними помещениями.

В докладе *Ж. Жетибаева* "Народные рисунки казахов Северного Прикаспия" на материалах наскальных и настенных изображений XVII–XIX вв. были прослежены реминисценции древнетюркского прокламативного искусства, раскрыта семантика некоторых изображений на основе анализа образов устной эпической традиции.

В трех докладах в той или иной степени была затронута весьма дискуссионная проблема происхождения и назначения археологических объектов, обычно определяемых как поминальники "обо" и курганы с "усами". Так, доктор физико-математических наук *Т.К. Нурекенов* в своем докладе предпринял попытку объяснить существование каменных курганов без следов захоронения человека или животного ("обо", "оба") ударным воздействием на земную поверхность содержимого кометного ядра (замерзшего газа и льда), в качестве доказательства своей гипотезы приведя факты обнаружения в отдельных курганах подобного типа конкреций стеклообразованного вещества.

М.К. Хабдулина в докладе «К вопросу об астрономической семантике курганов с "усами"» отметила, что такие курганы создавались не только в тасмолинское, но и в раннетюркское время. Они, по мнению докладчика, не только являлись поминально-культовыми комплексами, но и имели календарно-астрономический аспект, позволяя определять время наступления не менее восьми главных событий жизни кочевников: солнцестояния, время выгона скота на пастбища и возвращения с них, начало забоя скота и т.д.

Н. Бекбасаров в докладе "Горизонтальный календарь древних кочевников Казахстана" на основании анализа 20 курганов с "усами" сделал вывод об использовании последних для наблюдения за солнцем и луной с целью получения надежного календаря.

Ж.К. Курманкулов сообщил об итогах разведочно-раскопочной деятельности Центрально-Казахстанской экспедиции ИА МН – АН РК в Актогайском р-не Карагандинской обл., где были сняты планы более чем 20 групп памятников, найдено 12 изваяний раннетюркского времени, три поселения эпохи неолита – энеолита, раскопан один погребальный комплекс бегазы-дандыбаевского типа в могильнике Уйтас-Айдос.

В докладе *А.С. Ермолаевой*, посвященном дневной металлургии Восточного Казахстана, на основании анализа большой серии бронзовых изделий из Прииртышья был установлен приоритетный состав металла изделий пяти хронологических групп: федоровский (оловянистые и оловянисто-свинцовистые бронзы), позднебронзовой (трехкомпонентный медный сплав с добавлением олова, свинца и висмута), переходной (оловянисто-мышьяковистая бронза), ранне- и позднесакской (доминирование оловянисто-мышьяковистой бронзы при наличии оловянистой), тюркского времени (стабильные многокомпонентные рецептуры с цинком, реже свинцом и оловом в качестве лигатуры).

А.Н. Марьяшев рассказал об исследованиях памятников эпохи поздней бронзы в зоне высокогорных пастбищ, в верховьях ущелья Тургень. Раскопанные в могильниках Кызыл-Булак 1 и 2 на большой глубине погребения в деревянных рамах в 1–2 венца были окружены каменными оградками, содержали явные следы коллективных кремаций. Подобный комплекс, исследованный в ущелье Ассы, содержал серьги с раструбом, пастовые и бронзовые бусы, неорнаментированную керамику.

Б.Н. Нурмуханбетов сообщил о раскопках траншеей одного из курганов могильника Тургень, где было обнаружено почти полностью разграбленное захоронение, вероятно, V–IV вв. до н.э. с ведущим к нему подземным ходом. Данный курган предлагается музеефицировать, сделав его одним из объектов культурно-ландшафтного комплекса.

В докладе *З.С. Самашева* была дана общая характеристика итогов работ казахстано-французской экспедиции в Восточном Казахстане по комплексному изучению наскальных изображений и расположенных в непосредственной близости от них погребальных памятников. Так, в урочище Майэмир

(Майемер) II проводились поиски курганов с линзами вечной мерзлоты; на комплексе Майэмир III опробовалась методика послойной разборки и фиксации древнетюркских поминальных комплексов с последующей компьютерной обработкой фотографий. Была продемонстрирована пластическая реконструкция внешнего облика женщины, останки которой были обнаружены в одном из погребений раннесакского времени могильника Майэмир II.

В коллективном докладе, зачитанном *А.С. Ермолаевой*, подробно излагались результаты раскопок семи археологических объектов в окрестностях с. Майэмир. Так, в кург. 2 (группа Майэмир II) в подбойном захоронении с каменным закладом обнаружены костяной и бронзовые наконечники стрел, датируемые VII в. до н.э. При исследовании расположенного рядом поминальника в центре его обнаружен каменный ящик с костями лошади; у края каменной кольцеобразной обкладки зафиксирован менгирообразный камень с изображением трех колец, а в каменной насыпи – каменные песты. В с. Майэмир доследовано захоронение позднесакского времени.

В докладе *З.С. Самашева* и *А. Онгарулы* был проанализирован древнетюркский поминальный комплекс, исследованный на комплексе Майэмир III, предложена архитектурно-графическая реконструкция памятника с использованием археологических и этнографических данных.

Доклад *М. Нурпеисова* был посвящен оценке состояния проблемы создания баз данных археологических источников в Казахстане. Позитивному решению проблемы, по мнению докладчика, препятствуют отсутствие унифицированной и исчерпывающей системы описания музейных коллекций, распыленность археологических материалов по организациям с разной ведомственной подчиненностью и т.д.

В своем докладе *Ю.А. Мотов* дал информацию о раскопках погребальных памятников преимущественно эпохи раннего средневековья в Семиречье, в предгорной и горной зонах Заилийского Алатау. Так, в каменных выкладках над погребениями могильника Тескенсу 3 (Тургеньское ущелье) найдены зернотерки и куранты. В урочище Бутакты I (г. Алма-Ата) исследовано катакомбное, а у с. Кызыл-Гайрат – подбойное средневековые захоронения с конем либо его шкурой.

А.М. Досымбаева на примере погребально-поминальных комплексов Мерке и Аралтобе охарактеризовала культовые сооружения и антропоморфную скульптуру населения Семиречья тюркской эпохи. По мнению докладчика, комплекс Аралтобе с прямоугольными оградами и установленными к северо-западу от них стелами функционировал как святилище на протяжении примерно 1000 лет.

В докладе *А.А. Бисембаева* была дана характеристика средневековых захоронений могильника Салтак в Актюбинской обл. Примечательно, что в погребении кург. 1 отмечены реминисценции элементов погребальной обрядности аскизной культуры.

Доклад *К.А. Акишева* был посвящен обобщению итогов работ Семиреченской экспедиции ИА МН – АН РК по исследованию памятников эпохи раннего железа и средневековья. Так, в Талгарском р-не было обследовано поселение первой половины I тыс. н.э. Открытие целой группы зимников, каменных оград, а также, возможно, резиденции местного хана позволило определить примерную восточную границу древнеказахского государства XV–XVI вв. В кург. 1 могильника Бериктас 2 открыто разграбленное парное захоронение в яме (V–III вв. до н.э.); к северо-западному углу ямы подходил подземный лаз длиной 10 м.

М.К. Хабдулина сообщила об открытии в Акмолинской обл., в районе р. Аксу 13 разновременных археологических объектов. Так, у г. Степногорск на могильнике эпохи бронзы была исследована каменная оградка с центральной погребальной ямой. В одном из 12 пристроенных к оградке погребальных сооружений найдено захоронение молодой девушки с хорошо сохранившимися деталями накосника, что позволило создать графическую реконструкцию последнего. Выявлено также интересное антропоморфное изваяние сакского времени, прежде стоявшее возле кургана с "усами".

К.М. Байпаков проинформировал участников конференции о работах Южно-Казахстанской экспедиции ИА МН – АН РК, проводившихся в русле тематики, связанной с изучением древних поселений, процесса урбанизации, взаимодействия кочевых и оседлых цивилизаций, функционирования Великого Шелкового пути на территории средневекового Казахстана. Так, Ассинский отряд экспедиции совместно с французскими коллегами осуществлял поиски "замороженных" могил в верховьях рек Тургень и Ассы. В могильнике Ушбулак был раскопан курган с погребением усуньского типа, проведены исследования с использованием естественнонаучных методов. Разведками в высокогорной зоне открыто значительное количество поселений и могильников, датируемых от эпохи бронзы до тюркского времени. Продолжались раскопки средневекового городища Талгара; казахстано-американский археологический отряд осуществлял обследование сако-усуньских поселений (Тузусай и др.). Интересные результаты были получены и в ходе исследования раннесредневекового Борижарского могильника, а также городища Жуван-Тобе гунно-эфталитского времени. Разведки в Приджунгарье позволили выявить значительное количество (около 40) памятников оседлой культуры – поселений и городищ. Особого внимания заслуживают городища у р. Сагабиен и у с. Антоновка (последнее, по мнению докладчика, следует отождествлять с упоминаемым Г. де Рубруком городом Каялык).

В докладе *К. Чанг*, *Ф.П. Григорьева* и *К.М. Байпакова* освещались результаты разведочно-раскопочных

работ казахстано-американского отряда по исследованию и картографированию древностей Семиречья. Основное внимание при этом было уделено курганам, поселениям и погребениям сако-усуньского времени, хотя фиксировались и памятники предшествующего времени (Оджайляу 2 и др.). Раскопки сако-усуньского поселения Тузусай 2 подтвердили его сельскохозяйственную ориентацию, в частности выращивание его обитателями риса и проса. Среди открытых поселений привлекает внимание зимовка Оджайляу 3, где зафиксированы остатки каменных жилых конструкций. На Армане, Талгаре, Тургене и Капчагае были сделаны стратиграфические разрезы для получения данных о природно-климатических условиях региона в изучаемое время.

Т.В. Савельева весьма подробно охарактеризовала итоги исследований участка, примыкающего к въездным воротам средневекового Талгара. Обнаруженные здесь каменные кладки, усиленные обожженными кирпичами, часть двора с тандырами, многочисленная кухонная (котлы), столовая (в том числе поливная и ангобированная) и специальная (кумганы, трубы и т.д.) керамика позволили предположить наличие на данном участке амбара и хлебопекарни. Найденные там же железные предметы (панцирные пластины, наконечники стрел, ножи, дверные приклады, цепи, гвозди, инструменты плотника и др.) датируют указанные постройки концом XI – началом XIII в.

В своем докладе *Д. Воякин* проанализировал сделанные в Талгаре (Тальхире) находки оружия и доспеха с целью реконструкции комплекса вооружения жителей города в эпоху средневековья. Так, помимо многочисленных фрагментов кинжалов и меча, найдены железные наконечники стрел, пик и дротиков, топоры, а также тесла (которые, вероятно, использовались и как оружие). Защитный доспех, по мнению докладчика, был наборно-пластинчатым (ламеллярно-панцирным), в целом напоминая средневековый туяк.

В историографическом докладе *Ж. Майсупова* была дана высокая оценка роли историка, археолога и этнографа А.Н. Бернштама в деле становления и развития археологии Казахстана и Киргизии.

В докладе *Ж.Е. Смаилова* подробно характеризовались итоги археолого-архитектурного изучения мавзолеев Жоши-хана и Алаша-хана, а также прилегающей к ним территории с целью их последующей реставрации и музеефикации. Сооружение указанных памятников, связанных с именами широкоизвестных в тюрко-монгольской среде правителей, относится, вероятно, к концу XV – началу XVI в. Обследование участка за мавзолеем Алаша-хана привело к открытию руин двух жилых построек. Изучение округи мавзолея Жоши-хана (на р. Кенгир, в 45 км от г. Жезказгана) дало еще более интересные результаты: были обнаружены другие средневековые погребальные сооружения, жилые дома, печи и котлован неясного назначения. Очевидно, здесь, по мнению докладчика, находились неукрепленное поселение – ставка представителя ордынской знати, в письменных источниках упоминаемое как Орда-Базар.

Группа докладов была посвящена изложению итогов многомесячных работ самого крупного отряда Западно-Казахстанской экспедиции ИА МН – АН РК (начальник З.С. Самашев) по комплексному полевому исследованию Сарайчика – городища золотоордынского времени, находящегося на р. Урал в 40 км от г. Атырау (Гурьев).

В докладе, зачитанном *Д.А. Талеевым*, была дана общая характеристика объектов городской застройки, выявленных на восьми раскопах в сезон 1997 г. В ходе изучения 3-метрового культурного слоя было выделено четыре строительных горизонта, расчищено более 20 помещений. Особый интерес представляют неплохо сохранившиеся руины бани, мечети (?), караван-сарая. В помещениях зафиксированы суфы, тандыры, каны (отопительные системы), погреба, очаги, хозяйственные ямы. При этом помимо костей крупного и мелкого рогатого скота, рыбы, верблюда, зерен проса обнаружено значительное количество поливной и неполивной керамики золотоордынского типа, медные монеты (от хана Тохты до хана Тохматыша), предметы домашнего обихода.

В докладе *Л.Р. Кима* и *О.В. Кузнецовой* были обобщены результаты исследования комплекса керамической посуды Сарайчика. Так, из неполивной красноглиняной (почти исключительно станковой) посуды наиболее распространенными оказались кувшины (60%), менее – миски, хумы и т.д. В качестве отощителей в глиняном тесте отмечено присутствие шамота, песка, органики, дресвы и алебастра. Четвертая часть обнаруженных сосудов была орнаментирована; зафиксировано использование приемов лощения и нанесения красного ангоба. Среди привозной керамики значительную группу составляют сероглиняные сосуды. Поливная керамика (красноглиняная и кашинная) характеризуется разнообразием цветовой гаммы (желтая, зеленая, коричневая, непрозрачная, бесцветная и др.). Распространенным мотивом являлся цветок лотоса, отмечен также геометрический и эпиграфический (написанное арабской вязью слово "успех") орнамент. Весьма декоративна привозная селадоновая, а также тимуридская (с бирюзовой поливой) керамика.

А. Токтабаев посвятил свой доклад выяснению и уточнению генеалогии Чингизидов – ханов Младшего жуза в контексте изучения эпохи возвышения и распада Золотой Орды, истории золотоордынских городов и, в частности, Сарайчика.

Ж.-М. Гийом (Бельгия) в докладе "О движении эталонов культуры по Великому Шелковому пути" предпринял попытку доказать связь и генетическую последовательность возникновения и распространения театра как специфического жанра искусства на широком историческом фоне. По мнению докладчика, от

греческого театра V–III вв. до н.э. через согдийские мистерии, парфянские, а затем и буддийские театрализованные представления идея театра с его основными атрибутами (маски и др.) достигла Китая, а в VIII–IX вв. – Кореи и Японии. Таким образом, зороастрийский и буддийский "стили" – фактическая основа китайского театра – проникли в Китай с территории Средней Азии.

Выступившие на заключительном заседании конференции директор Института археологии МН – АН РК, профессор, чл.-кор. Национальной Академии наук Республики Казахстан *К.М. Байпаков*, д-р ист. наук *К.А. Акишев*, делегаты и гости конференции, положительно оценивая итоги проделанной работы, отметили сохранение тенденции перехода археологии Казахстана от стагнации к динамическому развитию. Расширение тематики проводимых исследований, укрепление организационных и научных связей с зарубежными коллегами, работающими на территории Казахстана, рост технической оснащенности экспедиций – характерные черты современного этапа археолого-этнографического изучения Казахстана, в котором наряду со специалистами Института археологии МН – АН РК все более активно участвуют представители вузовской науки и музейные работники. Отмеченные положительные изменения нашли реальное отражение в прочитанных докладах, для которых был характерен взвешенный, неконъюнктурный подход к решению сложнейших проблем древней и средневековой истории Казахстана в контексте истории Евразийского субконтинента.

В принятой резолюции конференции обращалось внимание на успешное развитие приоритетных направлений археологических исследований в Казахстане, связанных с поисками следов обитания древнейших людей (эпоха палеолита), с изучением взаимодействия кочевых и оседлых культур, культовых объектов сарматского и раннетюркского времени, городов на Великом Шелковом пути и т.д. К новым и весьма перспективным направлениям относятся поиски курганов с вечной мерзлотой, сохраняющей органические остатки, расширение спектра методов структурного анализа, стратиграфии и датирования археологических объектов. Несомненно положительными тенденциями явились хорошая документированность и наглядность многих докладов, выразившиеся в демонстрации качественных рисунков и чертежей, видеодокументации, аэрофотоснимков, графических и пластических реконструкций внешнего облика древних обитателей Казахстана и их костюма. В резолюции также подчеркивалась особая важность результатов, получаемых Западно-Казахстанской и Южно-Казахстанской экспедициями ИА МН – АН РК, плодотворность межрегионального и междисциплинарного сотрудничества работающих в Казахстане специалистов. Вместе с тем выражалась и озабоченность состоянием проблемы охраны археологических памятников Казахстана.

В рамках конференции состоялось открытие "Золотого зала" Музея археологии академии наук РК, специально предназначенного для хранения и демонстрации оригиналов наиболее интересных и ценных произведений древнего ювелирного искусства, найденных в ходе археологических исследований на территории Казахстана.

Большой интерес вызвала и презентация сборника "Вопросы археологии Казахстана", посвященного памяти выдающегося казахстанского археолога Мира Касымовича Кадырбаева. Сборник включает не только научные статьи, но и воспоминания друзей, учеников и коллег Мира Касымовича, работающих в научных организациях, вузах, музеях Казахстана и России и успешно продолжающих изучение евразийских древностей.

Институт археологии РАН,
Москва

В.С. Ольховский

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОМПЬЮТЕРОВ В АРХЕОЛОГИИ

26-ой конгресс CAA (Барселона, 1998)

В Барселоне с 24 по 28 марта 1998 г. проходил 26 конгресс ассоциации "Применение компьютеров в археологии" (Computer Applications in Archaeology – CAA). Это сообщество ученых активно функционирует с начала 1970-х годов, ежегодно проводя свои конференции в различных городах мира. Предыдущая конференция проходила весной прошлого года в Манчестере (Великобритания), в 1999 году она будет проходить в Дублине (Ирландия), а в 2000 г. – в Любляне (Словения).

Барселонский конгресс CAA явился весьма представительной встречей – в нем участвовали ученые более чем из 20 стран Европы, Америки, Японии, Австралии. Было прочитано свыше 140 докладов, не

© А.С. Смирнов, 1999 г.

считая выставочных сообщений и презентаций. Основную массу докладов представили хозяева конференции – испанские ученые, а также представители Великобритании (более 30 докладов от каждой страны). Много докладов принадлежало итальянским исследователям (более 20). Из стран Восточной Европы больше всего докладов принадлежало польским ученым (5 докладов). Из стран СНГ с докладом выступала представительница Армении. Россия была представлена только Институтом археологии РАН (Москва). Его сотрудниками были сделаны следующие доклады: "Результаты анализа данных аэросъемки на Среднем Дону" (Г.Е. Афанасьев), «База данных "Белоозеро". Средневековый подъемный материал с городской береговой черты на Севере России» (С.Д. Захаров, С.А. Сидоров), "Использование AutoCAD для анализа стратиграфии" (А.С. Смирнов).

Работа происходила по следующим секциям: географические информационные системы; программы визуализации; археология и Internet; CAD-системы и программы обработки изображений; программы для полевой фиксации материала и некоторые другие. Специальная секция была посвящена методологическим проблемам применения компьютеров в археологии. Характерно, что, как правило, не было докладов, посвященных использованию только какой-либо конкретной программы для нужд археологии. По всей видимости, этот рубеж уже пройден многими зарубежными коллегами. Обычно доклады были посвящены конкретной научной проблеме, для решения которой авторами использовались несколько программ и технологий. Например, на стадии сбора исходных данных применялась какая-либо из CAD-программ, затем полученные данные импортировались в ГИС-систему для детальной обработки или в программу визуализации для получения трехмерных реконструкций. Нередко сочетание CAD- и ГИС-программ с различным современным инструментарием типа систем глобального (спутникового) позиционирования (GPS) или электронными лазерными теодолитами (Total Station), данными дистанционного зондирования земной поверхности, результатами радиометрического анализа слоя и т.п. Так что отнесение докладов к какой-либо конкретной секции нередко было весьма условно.

Показательно, что такая тема, как базы данных, на конференции была представлена явно вторым планом. Это может свидетельствовать о том, что подобная процедура (создание баз данных) воспринимается уже как чисто служебная функция, не заслуживающая отдельного рассмотрения. Те доклады, которые имели в своем названии "базы данных", обычно представляли нечто большее. Это были базы данных в сочетании с ГИС-системами, предоставляющие все сведения о памятниках определенной территории либо характеризующие распределение археологического материала в определенном контексте. Нередко подобные "базы данных" было невозможно отличить от ГИС-систем. Чаще всего представляемые информационные системы предназначались для использования в области сохранения археологического наследия, чем и объясняется название секции "Базы данных для охраны памятников". Употребление термина "базы данных" в традиционном понимании в этом случае достаточно условно. Описание собственно баз данных как самоцель на конгрессе отсутствовало полностью.

Наиболее многочисленной была секция географических информационных систем, что говорит о том, что ГИСы являются сейчас приоритетным и наиболее интенсивно развивающимся направлением в использовании компьютерных технологий в археологии. Основными областями применения этих систем можно назвать анализ распределения археологических памятников в конкретных географических условиях и времени, реконструкцию древнего ландшафта; создание информационных систем типа археологических карт для нужд охраны памятников, анализ возможностей ГИС-систем (в том числе объектно ориентированных) для археологии и некоторые другие. Чаще всего использовались программы ARC/INFO и ArcView.

Как ни покажется парадоксальным, но второй по количеству участников была секция анимации. Это направление нельзя считать методом исследования, но его значение в области охраны и особенно популяризации археологического наследия несомненно. Скорее всего именно пониманием необходимости подобной деятельности и заботой о сохранении археологических памятников своей страны объясняется большое количество докладов на этой секции. Используемые в этой области технологии позволяют с фотографической точностью воспроизвести отдельные сооружения, здания, целые поселения и даже города. В ряде случаев авторы создавали трехмерные модели обширных участков древнего рельефа с расположенными на них поселениями. Используемое программное обеспечение позволяет зрителю не только рассмотреть модель с различных точек зрения и в различных масштабах, но и "пройти" по улицам древнего города, "войти" в любое из понравившихся зданий, "заглянуть" в любую комнату, где нередко восстановлены даже детали интерьера. В ряде случаев представленные работы являлись настоящими компьютерными фильмами. Следует добавить, что проблема охраны памятников присутствовала во множестве докладов не только на этой секции. Вопросы сохранения и "менеджмента" археологического наследия в той или иной степени затрагивались практически на всех секциях.

Работа секции Internet показала все возрастающее влияние этой всемирной сети на оперативный обмен данными и предоставление информации. Многие институты, лаборатории и даже отдельные ученые имеют свои WWW-страницы и даже сайты в Internet. Насколько известно автору этой статьи, из российских археологических организаций свои страницы в Internet имеют только Институт археологии и этнографии

СО РАН и Московская археологическая экспедиция (нач. А.Г. Векслер). Обсуждались проблемы проведения археологических Internet-конференций, использования Internet в области охраны памятников, узкоспециальные проблемы типа представления рисунков и многие другие.

Секция CAD-программ во многом была посвящена использованию AutoCAD. Это направление в среде "drawing techniques" рассматривалось не только в области его традиционного применения (полевая фиксация, черчение), но и с точки зрения возможностей его использования для анализа палеолитической и средневековой фресковой живописи, что является новацией в области использования CAD-систем в археологии. Хотя, судя по докладам, чаще всего AutoCAD использовался для чисто археологических задач, часто связанных с проблемами полевой фиксации. На программной базе AutoCAD создаются достаточно сложные и нередко весьма дорогостоящие программно-аппаратные комплексы. Один из докладов был посвящен системе ArchaeoCAD, разрабатываемой в Германии с 1992 г. и используемой в практической деятельности с 1995 г. Это комплексная система, включающая помимо специально разработанного на базе AutoCAD программного обеспечения ряд приборов и механизмов для фиксации материала с использованием лазерной технологии. Этот комплекс применим при исследовании поселений, могильников, городских раскопках, а также для целей пространственной археологии. Система позволяет полностью автоматизировать процесс создания различных планов, в том числе и послойных, самостоятельно формируя их структурную систему. ArchaeoCAD позволяет создавать двух- и трехмерные модели на основании полученных данных. Этот программно-аппаратный комплекс выдает всю необходимую текстовую и графическую информацию о раскопе и содержащихся в нем находках, в том числе и полевую опись. ArchaeoCAD, несомненно, на порядок повышает качество полевых и камеральных работ и в значительной степени убыстряет их (особенно камеральных блок), но цена делает его недоступным даже для многих зарубежных археологических организаций.

Помимо использования AutoCAD как самостоятельной системы в докладах явственно прослеживалась тенденция к использованию AutoCAD в комплексе с другими программами. В полевой практике это в первую очередь кооперация с системами глобального позиционирования (GPC) и лазерными электронными теодолитами (Total Station) типа SOKKIA и им подобным. В ряде случаев AutoCAD использовался в сочетании с данными фотограмметрии. Подобное взаимодействие позволяет достаточно гибко использовать возможности этих систем от фиксации находок в пределах раскопа до создания карт расположения памятников. Но для последней задачи все чаще используют AutoCAD и какую-либо ГИС-систему. В этом случае AutoCAD задействован на первоначальной стадии, для сбора исходных данных, которые затем импортируются в ГИС-программу для создания обзорных и тематических карт. В этой же роли, т.е. как система для сбора полевых или исходных данных, AutoCAD выступает в кооперации с различными программами визуализации.

Проблемам использования компьютерных технологий непосредственно при изучении памятников была посвящена секция "Использование компьютеров в полевой археологии". Главной особенностью предлагаемых технологий опять же была их комплексность. Чаще всего авторы предлагали использовать компьютерную станцию (workstation) как базовый блок системы для непосредственной фиксации материала и ввода первоначальных данных, применять переносные компьютеры типа notebook, а для оперативного обмена информацией использовать модемную связь или Internet. Для ввода географо-топографической информации предлагались системы глобального позиционирования (GPC) и электронные теодолиты (Total Station), а также данные аэро- и космической съемки. Для фиксации материала, особенно архитектурных элементов, использовались данные фотограмметрии. В области программного обеспечения также предлагалось совместное использование различных ГИС- и CAD-систем, иных программных продуктов. В результате пользователь может получать исчерпывающую информацию об объекте и находках в любом виде. Это могут быть карты, чертежи, послойные или стратиграфические, различные реконструкции, списки находок, сформированные сообразно с различными требованиями и многое другое.

К полевой проблематике можно отнести доклады, сделанные на секции "Дистанционное зондирование и геофизические методы в археологии". Чаще всего доклады были посвящены именно последнему аспекту. Дистанционные, неразрушающие методы изучения археологических памятников все более и более распространяются в последние годы. В докладах прозвучала характеристика различных аппаратных средств, используемых для этой цели. Чаще всего это небольшие, портативные приборы, носимые и используемые одним человеком, но тем не менее дающие достаточно информации для представления о наличии и количестве находок, создания предварительного плана поселения. Полученные при геофизическом обследовании данные обрабатывались на компьютерах с применением различных специализированных программ.

Здесь же следует сказать о секции "Обработка изображений и фотограмметрия", доклады на которой в большинстве случаев были также посвящены или непосредственно связаны с полевыми исследованиями. Один из докладов был посвящен анализу изображений палеолитической живописи. Но чаще докладчики предлагали различные методы использования данных фотограмметрии для фиксации материала и трехмерных реконструкций.

Доклады, представленные на секции "Количественная археология", были посвящены результатам обработки материала различными статистико-комбинаторными методами. Пожалуй, название этой секции наиболее точно соответствовало содержанию представляемых докладов. Это статистическая обработка керамического и кремневого материала, выполненная при помощи различных математических методов и программных продуктов. Встречались доклады, посвященные археоботанике, археометрии.

По результатам очередного конгресса CAA в Барселоне можно с большой долей уверенности говорить о главных направлениях и способах применения компьютерных методов в археологии.

Институт археологии РАН,
Москва

А.С. Смирнов

ПАМЯТИ ИРИНЫ ПЕТРОВНЫ РУСАНОВОЙ

(1929–1998)

Поколение шестидесятников, чьи творческие годы пришлись на 1960–1970-е годы, стало уходить из жизни очень заметно. И.П. Русанова принадлежала к этому поколению, и нам, ее сверстникам, трудно думать и писать о ней в прошедшем времени. Зато можно сказать то, что должны были бы говорить ей обязательно, но все как-то не собрались, не успели...

Ирина Петровна была удивительно скромным человеком, что не мешало ей с абсолютной уверенностью всегда отстаивать свое мнение и быть в трудных жизненных ситуациях твердой и гордой. Последнее качество принято считать недостатком, но от этого "недостатка" в сочетании со скромностью обычно страдала только она сама. Соединение в душе двух противоположных качеств делало ее мучительно застенчивой, что нередко мешало ей не только в обычном общении с людьми, но и в науке – при обсуждении проблем на конференциях, симпозиумах и даже на заседаниях своего отдела, в котором она проработала более 40 лет. Добавлю к тому же, что Ирина Петровна была горячим и вспыльчивым человеком и, выступая, в гневе высказывалась излишне резко, когда бывала категорически не согласна с гипотезами докладчика.

Несмотря на гневливость, она обладала редкой в наше время особенностью – безграничной, иногда неразумной добротой, которой охотно пользовались, к сожалению, люди самых разных понятий об этике и чести. Существенно, что она никогда никого не упрекала и все возникающие неприятности считала долгом брать на свои довольно хрупкие плечи. Незаметно для окружающих она тянула тяжелый воз, наполненный в основном чужими делами и горестями. Были, конечно, и свои жизненные осложнения, а в последние годы пришла и беда: медленно и неизбежно наступавшая ужасная болезнь. Ирина Петровна была здравомыслящим, наблюдательным и умным человеком, и я уверена, что она хорошо знала, чем она больна и что ее ждет. При этом она не позволяла себе делиться своим несчастьем даже с друзьями и, конечно, надеялась на более длительное время, отпущенное ей Судьбой, и соответственно планировала свою жизнь и работу.

Однако чуда не случилось, и 22 октября 1998 г. она умерла, обремененная мыслями о беспомощности и болезни самого дорогого ей человека – мужа Б.А. Тимощука, о собственной неоконченной большой работе, о других делах, которые хотелось бы завершить, о людях, которым нужно было многое сказать и

© С.А. Плетнева, 1999 г.

передать. Она многого не успела, так как болезнь, долгие годы дремавшая в ней, неожиданно и стремительно, буквально за 1–2 месяца, убила ее.

Ирина Петровна Русанова родилась 22 апреля 1929 г. в старой московской интеллигентной дворянско-священнической семье, сохранившей все лучшие традиции своей среды: скромность, доброту, честность, порядочность.

В 1947 г. она окончила одну из московских средних школ и поступила на Математический факультет МГУ. Это было вполне закономерно: ее мама была учителем математики, и дочка, естественно, всегда в школе преуспевала по всем математическим дисциплинам. Однако на Мехмате И.П. Русанова оставалась всего год и затем столь же обоснованно перешла на Исторический факультет – отец ее, проф. П.Н. Счастнев, был крупным специалистом по исторической географии.

На Истфаке Ирина Петровна без колебаний выбрала Кафедру археологии, поскольку казалось, что эта наука более других направлений далека от невыносимой в те жестокие годы действительности.

Сразу после окончания университета (в 1953 г.) она была рекомендована в аспирантуру и, успешно сдав вступительные экзамены, поступила в ИИМК, став ученицей П.Н. Третьякова, бывшего тогда заведующим Сектором славянской археологии. Так начался ее долгий и многотрудный путь по археологическому славяноведению.

Тема кандидатской диссертации И.П. Русановой была посвящена древлянам, но следует напомнить, что материалов для ее разработки в те годы было немного – только результаты работ, проводившихся на земле этого славянского союза В.Б. Антоновичем в конце XIX – начале XX в. Кроме того, при характерной для славянского обряда бедности погребальных инвентарей в музеи попадали и сохранялись только отдельные вещи, как правило, не дающие представления ни о культуре славян, ни о датировке комплексов, в которых они были обнаружены. Стало очевидно, что необходимы какие-то новые данные о древлянских памятниках. Поэтому уже в 1954 г. И.П. Русанова, воспользовавшись предложением Ю.В. Кухаренко участвовать в его экспедиции в Припятское Полесье, впервые попала на землю, которую впоследствии многократно обошла пешей разведкой вдоль и поперек. За долгие годы работ там эта земля стала ее второй родиной, которую она знала и любила, пожалуй, даже больше, чем родное Подмосковье. Первые четыре года пребывания в составе экспедиции Ю.В. Кухаренко были годами ее ученичества. Ю.В. Кухаренко стал ее учителем в полевой исследовательской работе. Он предоставлял своим ученицам (второй была К.В. Каспарова) свободу и только изредка поправлял или консультировал их. Этот педагогический прием сделал уже тогда обеих начинающих археологов прекрасными и опытными "полевиками". Так, несколько месяцев они практически самостоятельно вели раскопки на одном из интереснейших памятников региона – городище Хотомель, культурные напластования которого им удалось убедительно разделить на два слоя: верхний – VIII–X вв. и нижний – VII в. Обе ученицы всегда с глубокой благодарностью вспоминали своего учителя, который помог им в освоении нашей совсем нелегкой специальностью. По словам самой Ирины Петровны, именно он посоветовал им взять для дальнейшей работы темы, которым они посвятили многие годы жизни: К.В. Каспаровой – "зарубинецкую", а И.П. Русановой – "пражскую" культуры.

Заинтересованная в получении новых материалов, И.П. Русанова до окончания экспедиции Ю.В. Кухаренко (1957 г.) активно участвовала в ее работах. Это несколько задержало написание исследовательницей кандидатской диссертации, но после окончания аспирантуры она была принята в Институт археологии младшим научным сотрудником. С 1959 г. начались ее самостоятельные ежесезонные исследования. Разведки и раскопки Древлянского отряда велись на громадной территории Припятского Полесья. При малых средствах, отпускаемых институтом, представляются невероятными "размах", который приобрела работа Ирины Петровны Русановой, и результаты, которые удавалось ежегодно получать в этом слабоизученном глухом районе.

Следуя совету Ю.В. Кухаренко, Ирина Петровна вплотную занялась поисками и исследованиями славянских памятников VI–VIII вв. Впервые остатки этих поселений были открыты С.С. Гамченко, который объединил их в единую группу, названную им "памятники типа Корчак". Только спустя 30 лет на эти памятники вновь обратил внимание Ю.В. Кухаренко. Он сопоставил материалы Корчака с западнославянской культурой пражского типа и уверенно датировал их VI–VIII вв., а также впервые составил карту памятников пражского типа на территории нашей страны.

Вот так, опираясь на эти исследования, по-"русановски" дотошно перепроверяя ранее известные и опубликованные данные, открывая десятки новых памятников, И.П. Русанова и пошла по пути, намеченному Ю.В. Кухаренко.

Проводя длительные экспедиции и, что особенно ценно, постоянно публикуя результаты своих работ в крупных статьях (в МИА, СА, КСИА), она в те же годы не только смогла успешно защитить в 1958 г. кандидатскую диссертацию на тему "Курганы полян", но и подготовила на ее основе выпуск САИ "Курганы полян X–XIII вв". В этой небольшой по объему книге практически рассмотрен погребальный обряд всего Среднего Приднепровья (более 200 могильников). Предельно, даже излишне, сжатая, написанная четким, характерным для всех работ И.П. Русановой стилем, книга охватывает громадный материал. Исследо-

вательница выделила в этой массе погребальных комплексов основные характеризующие их признаки и затем картографировала их. Этот, казалось бы, простой прием позволил решить многие стоявшие перед автором вопросы: были определены основной ареал полянских курганов и распространение их на смежных территориях, выявлены особенности погребальных обрядов древлян и очерчена их территория, а также, несмотря на незначительность погребальных инвентарей, предложена датировка всех исследованных комплексов и прослежена некоторая эволюция обряда во времени.

Историзм этой сугубо археологической работы очевиден, построенные на ранее неизвестных науке данных выводы почти точно совпадают с выводами о границах Русской земли IX–XI вв., сделанными А.Н. Насоновым.

А между тем количество открываемых ею и другими археологами раннеславянских памятников междуречья Днепра и Западного Буга росло с каждым сезоном, многие из них были частично раскопаны, а наиболее крупные поселения в группе Корчак были исследованы Ириной Петровной полностью. В результате этих работ помимо планировки поселений, устройства жилищ и других построек было обнаружено огромное количество обломков лепной керамики. Для создания "работающей" типологии И.П. Русановой было необходимо прежде всего восстановить полные формы обнаруженных сосудов. Все мы, старшее поколение, хорошо помним, как Русанова многие месяцы сидела в полуподвальной "секторальной" по 12 часов в сутки и с завидным упорством реставрировала славянские горшки. Она смогла восстановить около 80 сосудов полностью и примерно в 10 раз больше частично, т.е. верхнюю или нижнюю часть сосуда. Эта казавшаяся неподъемной работа завершилась четкой типологией, в основу которой легли пропорции горшка и степень (градус) отгиба венчика. Она дала неопровержимые доказательства для разделения "культуры типа Корчак" на два хронологических периода (VI–VII и VIII–IX вв.), что до того не удавалось сделать никому из исследователей.

Новые данные, находки и открытия сделали абсолютно необходимым написание обобщающей работы о "памятниках типа Корчак" и их значении для истории восточных славян и Киевской Руси. Книга И.П. Русановой "Славянские древности VI–IX вв. между Днепром и Западным Бугом" (серия САИ) вышла из печати в 1973 г. Она является публикацией безупречно обработанного материала, превращенного в исторический источник. Выводы изложены хотя и лаконично, но обоснованы фундаментально.

Культуре пражского типа, частью (вариантом) которой является Корчак, была посвящена следующая большая монография И.П. Русановой "Славянские древности VI–VII вв.". В ней рассмотрены все варианты пражской культуры – от Подунавья и Одера до Приднепровья. Работа была успешно защищена в качестве докторской диссертации (1976 г.). Я не буду останавливаться на подробной характеристике этой превосходной книги, так как в 1977 г. (СА, № 3) вышла моя рецензия на нее. А.К. Амброз, прочитав ее, заявил, что она наполнена "звоном литавров и фанфар". Я и сейчас скажу то же, что писала 25 лет назад: "Монография И.П. Русановой знаменует собой поворотный этап в развитии археологии славян".

Этой книгой завершился долгий этап жизни и научной направленности И.П. Русановой.

С первых лет работы в славяноведении исследовательницу привлекали вопросы происхождения славян, т.е. практически культур, предшествовавших пражской. Ирина Петровна обратилась к материалу, с которым она могла работать только по изданиям и архивным документам. В течение пяти лет она штудировала массу книг и статей на европейских языках, посвященных пшеворской культуре. Ей удалось убедительно выделить три этнических компонента этой культуры: славянский, кельтский, германский, наглядно показав на археологическом материале сложный процесс славянского этногенеза. К сожалению, И.П. Русанова не захотела публиковать свое исследование полностью, ограничившись несколькими статьями, в которых отразила основные достижения этой большой работы.

Еще не закончив заниматься этой проблемой, она вновь вернулась к активной экспедиционной деятельности. Из Среднего Приднепровья она перешла на соседние земли – на юго-западную окраину восточнославянского мира (в Северную Буковину). Началась работа ее новой Славянской экспедиции совместно с экспедицией Черновицкого университета, руководимой ее мужем – Б.А. Тимощуком. Благодаря союзу двух крупных археологов-полевиков на этой территории удалось выявить расположенные "гнездами" славянские памятники VI–X вв., изучить структуру гнезд, планировку многих поселений VIII–X вв., наметить "следы связей" пражской культуры с предшествующими ей культурами "карпатских курганов" и черняховской. Два поселения (Кодын I и II) были раскопаны большими площадями, что позволило расслоить культурные напластования VI–VIII вв. на несколько хронологических периодов. Впервые появилась возможность несколько удревнить (до середины V в.) некоторые из вскрытых на поселении комплексов. Книга "Кодын – славянские поселения V–VIII вв." была опубликована в 1984 г. Несмотря на очень небольшой объем (всего 7 п.л.), ее авторам удалось осуществить мечту каждого археолога – издать материалы раскопок комплексами. Этому способствовал, конечно, дар Ирины Петровны излагать свои мысли ясно и в предельно сжатой форме. Однако, как бы ни были значительны успехи И.П. Русановой и Б.А. Тимощука на Буковине, впереди их ждало открытие мирового или во всяком случае общеевропейского значения.

1980-е годы стали началом последнего этапа научного и жизненного пути Ирины Петровны Русановой.

Он был полностью связан с работой Прикарпатской экспедиции (1982–1989), а затем – до последних месяцев жизни – с изучением и решением тех проблем, которые встали перед ней после открытия материалов уникальных памятников – нескольких славянских святилищ.

Святилища находились на р. Збруч, где еще в 1848 г. был найден утопленный в реке знаменитый "Збручский идол", о котором написано множество научных трудов, выдвинуто множество гипотез о его этнической принадлежности и времени изготовления.

Прикарпатская экспедиция И.П. Русановой – Б.А. Тимощука, естественно, начала тотальные обследования берегов Збруча, которые завершились открытием расположенных на высоких холмах трех городищ-святилищ.

На двух были проведены большие раскопки. Поскольку городища и их окрестности густо заросли реликтовым лесом, археологам приходилось выбирать более или менее свободные от деревьев полянки, только в исключительных случаях подрывая корневые системы деревьев. Тем не менее результаты полевых исследований оказались потрясающими. Прежде всего на святилище "Богит" было обнаружено первоначальное местонахождение Збручского идола: выдолбленная в скале квадратная ямка, точно соответствовавшая размерам основания идола, в которой он был, очевидно, прочно закреплен.

Замечательно, что оба святилища по размерам, планировке и даже находкам соответствуют открытым ранее славянским святилищам в Арконе, Шлонже, Добжешуве и др., признанным всеми славистами-археологами культовыми центрами западных и восточных славян. Вокруг этих святилищ раскинулись поселения X–XIII вв.

Следует добавить, что и в других открытых в бассейнах Прута и Днестра гнездах поселений экспедиция нередко фиксировала остатки святилищ, хотя и не столь представительных.

Шесть из семи известных в настоящее время в славянском мире крупных святилищ функционировали не менее 300 лет каждое, т.е. с IX–X по XII–XIII вв., а одно даже до XIV в. Они сосуществовали с государственным христианским культом, но, конечно, были оттеснены на окраины и ставились "в лесах и на горах", уходя таким образом от новой религии, так же как старообрядцы от никонианства. Те же процессы происходили, видимо, и с малыми святилищами, но они значительно реже могли противостоять наступлению официальной религии.

Мы должны быть благодарны авторам, которые, вполне осознавая значение своего открытия, поспешили сделать его общедоступным, т.е. опубликовали и ввели в широкий научный оборот.

О Збручских святилищах ими написано кроме мелких заметок несколько статей и монография "Языческие святилища древних славян" с подробным резюме на немецком языке и хорошим списком литературы на русском и других европейских языках. Удивительно, что они смогли сделать так много за столь короткий срок – книга была написана всего через два года после окончания полевых работ. Она издана более чем в "скромном" виде, хотя, конечно, в наше время следует считать "всякое даяние благом". За рубежом книга, несмотря на досадные недостатки издания, встретила восторженное понимание, а в Польше вышла блестящая рецензия на нее. Приходится пожалеть, что на страницах нашего журнала появилась рецензия В.П. Даркевича, подвергшего книгу безответственно огульной критике, поставившей под сомнение не только факт существования самих святилищ, но и полевую квалификацию авторов. Ирине Петровне удалось ответить на нее, доказав, что В.П. Даркевич крайне невнимательно, а потому и предвзято прочел монографию. Я рада, что она еще успела написать этот ответ сама и даже увидеть его напечатанным.

И.П. Русанова шесть лет работала над подготовкой к публикации большого фундаментального труда о языческих святилищах славян. Ею собран громадный материал по этой тематике, написаны отдельные большие разделы, работа приближалась к завершению, но была неожиданно и трагически прервана...

Ушел из жизни удивительно целеустремленный человек, умеющий логически и верно мыслить, жить и работать "до упаду", всегда стараясь при этом ничем не затруднять друзей и коллег. Уверена, что в нашей памяти Ирина Петровна Русанова останется еще долго живой и деятельной, поскольку будут живы ее книги, ее ученики и ученики ее учеников. А мы, старшее поколение, будем помнить ее до конца своей жизни молодой, симпатичной и увлеченной девочкой, какой она была 40 с лишним лет назад – в первые годы нашего знакомства.

Институт археологии РАН,
Москва

С.А. Плетнева

СПИСОК ТРУДОВ И.П. РУСАНОВОЙ[1]

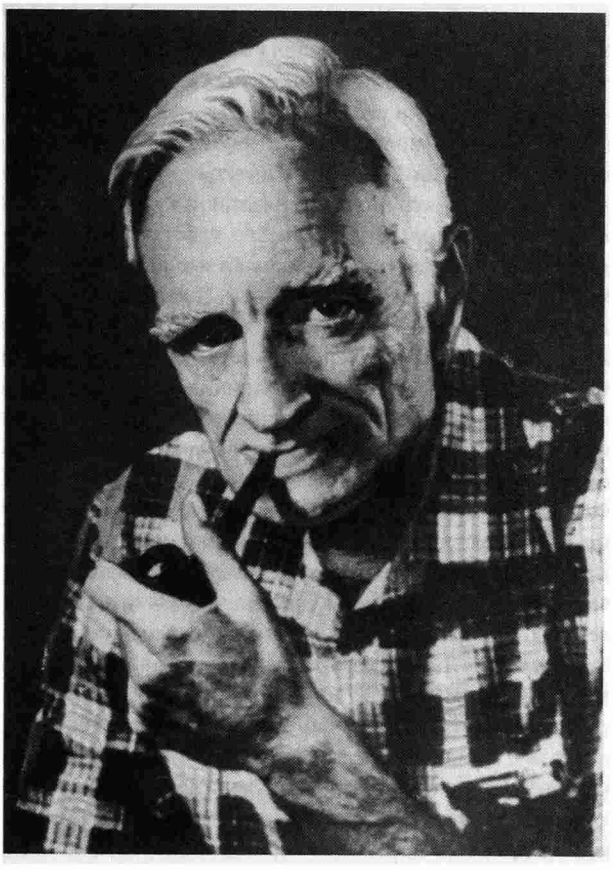
1. Археологические памятники второй половины I тыс. н.э. на территории древлян // СА. 1958. № 4. С. 33–46, илл. и карт.
2. Территория древлян по археологическим данным // СА. 1960. № 1. С. 63–69, карт.
3. Археологические памятники древлян // АКД. М., 1960. 15 с.
4. Разведка по реке Уж // КСИА. 1961. Вып. 86. С. 70–72, карт.
5. Древности железного века в междуречье Десны и Днепра. Вып. 1. Археологическая карта. М., 1962. 51 с. Вып. 2. Погребальные обряды. 76 с. (в соавт. с А.К. Амброзом, Л.В. Артишевской и др.).
6. Археологические экспедиции Государственной Академии истории материальной культуры и Института археологии Академии наук СССР. 1919–1956 гг. Указатель. М., 1962. 264 с. (в соавт. с Н.Н. Ворониным, М.А. Тихановой и др.).
7. Поселение у с. Корчака на р. Тетерев // Славяне накануне образования Киевской Руси. МИА. 1963. № 108. С. 39–50, илл.
8. Работы в зоне затопления Житомирской ГЭС // КСИА. 1965. Вып. 104. С. 50–53, илл.
9. Языческое святилище на р. Гнилопять под Житомиром // Культура Древней Руси. М., 1966. С. 233–237, илл.
10. Курганы полян X–XII вв. // САИ. 1966. Вып. Е1–24. 70 с.
11. Рец.: *Въжарова Ж.Н.* Славянски и славянобългарски селища в българските земли от края на VI–XI в. София, 1965 // СА. 1966. № 3. С. 276–279 (в соавт. с С.А. Плетневой).
12. Исследования памятников на р. Гнилопяти // АО–1965. 1966. С. 142–146, илл.
13. Славянские памятники середины и второй половины I тыс. на северо-западе Украины и юге Белоруссии // Древности Белоруссии. Матер. конф. по археологии Белоруссии и смежных территорий (1966 г.). Минск, 1966. С. 183–192, илл.
14. Работы Древлянского отряда в 1966 г. // АО–1966. 1967. С. 239, 240.
15. Курганы XI–XII вв. у с. Буки Житомирской области // КСИА. 1967. № 110. С. 42–47, илл.
16. О керамике раннесредневековых памятников Верхнего и Среднего Поднепровья // Славяне и Русь. К шестидесятилетию академика Бориса Александровича Рыбакова. М., 1968. С. 143–150.
17. Керамика раннеславянских поселений Житомирщины // Archeologicke rozhledy. Praha, 1968. № 5. S. 576–582, 697–698 (таблицы).
18. Разведки на Волыни // АО–1967. 1968. С. 238, 239.
19. Исследования раннеславянских поселений на Волыни // АО–1968, 1969. С. 324–327.
20. Карта распространения памятников типа Корчак (VI–VII вв. н.э.) // Древние славяне и их соседи. МИА. 1970. № 176. С. 93–96, карт.
21. Раскопки курганов на Волыни // АО–1969. 1970. С. 278, 279.
22. Культура типа Корчак и соседние с ней культуры // Тез. докл., посвящ. итогам полевых археологических исследований в 1970 г. в СССР (Археол. секции). Тбилиси, 1971. С. 262. 263.
23. Жилище VIII–IX вв. у села Буки на Житомирщине // КСИА. 1971. № 125. С. 46–51, илл.
24. Изучение раннеславянских памятников типа Корчак // Матер. 13-й конф. ІА АН УРСР. 1968. Київ, 1972. С. 285–287.
25. Погребальные памятники второй половины I тысячелетия н.э. на территории Северо-Западной Украины // КСИА. 1973. Вып. 135. С. 3–9. илл., карт.
26. Славянские древности VI–IX вв. между Днепром и Западным Бугом // САИ. 1973. Вып. Е1–25. 100 с., илл., карт.
27. Северные элементы на памятниках типа Корчак // КСИА. 1974. Вып. 139. С. 3–7, карт.
28. Рец.: *Баран В.Д.* Ранiе слав'яне миж Днестром и Припятью. Київ, 1972 // СА. 1975. № 4. С. 301–304.
29. Славяне в Центральной Европе раннего средневековья // Реферативный сб. ИНИОН. 1975.
30. Пражская культура // БСЭ. Т. 20. М., 1975. С. 491.
31. Раскопки славянского поселения Кодын (Черновицкой обл.) // АО–1974. 1975. С. 362, 363, илл. (в соавт. с Б.А. Тимощуком).
32. Рец.: *Винокур И.С.* Історiя та культура черняхiвськiх племен Днiстро-Днiпровського межирiччя II–V ст. н.е. Київ, 1972. 180 с. // СА. 1975. № 4. С. 297–304 (в соавт. с Э.А. Сымоновичем).
33. Славянское поселение Кодын на Буковине // АО–1975. 1976. С. 389. (в соавт. с Б.А. Тимощуком).
34. Славянские древности VI–VII вв. (культура пражского типа). М., 1976. 216 с.
35. Поселение Кодын II в бассейне р. Прут // АО–1976. 1977. С. 364, 365 (в соавт. с Б.А. Тимощуком).
36. Один из методов классификации раннеславянской керамики // КСИА. 1977. Вып. 148. С. 31–35, илл.
37. Славянские древности VI–VII вв. (культура пражского типа) // АДД. М., 1977. 52 с.

---

[1] Составлен А.Л. Хорошкевич при участии И.М. Тюриной, А.А. Юшко.

38. Славянские древности VI–VII вв. // "Новейшие достижения советских археологов". Тез. докл. всесоюз. конф. М., 1977. С. 24–27.
39. Рец.: *Тимощук Б.О.* Слов"яне ПівнІчноЇ Буковини V–IX ст. КиЇв, 1976 // СА. 1978. № 2. С. 312–318.
40. О ранней дате памятников пражского типа // Древняя Русь и славяне. М., 1978. С. 138–143, карт.
41. Памятники типа Пеньковки // Проблемы археологии. Вып. 2. М., 1978. С. 114–118, карт.
42. Поселение Кодын II в Северной Буковине // Археологические исследования на Украине. 1976–77. XVII конф. Института археологии УССР. Тез. докл. Ужгород, 1978. С. 96 (в соавт. с Б.А. Тимощуком).
43. Где искать ранних славян? // Знание–сила. 1978. № 6. С. 29–31, илл.
44. Стратиграфия поселения Кодын II на Буковине // АО–1977. 1978. С. 381 (в соавт. с Б.А. Тимощуком).
45. Раскопки славянского города на р. Прут // АО–1977. 1978. С. 358 (в соавт. с Л.П. Михайлиной и Б.А. Тимощуком).
46. Раскопки и разведки Славянской экспедиции // АО–1978. 1979. С. 397 (в соавт. с Б.А. Тимощуком).
47. Этногенез славян // Обществ. науки. 1979. № 4. С. 187–190.
48. Селища и городища Ревное I // АО–1978. 1979. С. 370, 371 (в соавт. с Л.П. Михайлиной и Б.А. Тимощуком).
49. Славянский могильник X в. на Верхнем Пруте // АО–1979. 1980. С. 305, 306 (в соавт. с Л.П. Михайлиной).
50. Изучение славянских поселений у с. Черновки // АО–1979. 1980. С. 331.
51. Славянский могильник X в. на Верхнем Пруте // АО–1979. 1980. С. 305, 306 (в соавт. с Л.П. Михайлиной).
52. Итоги изучения славянских памятников Северной Буковины V–X вв. // СА. 1981. № 2. С. 83–93, илл. (в соавт. с Л.П. Михайлиной и Б.А. Тимощуком).
53. Памяти Юрия Владимировича Кухаренко (1919–1980) // СА. 1981. № 2. С. 318.
54. Древнерусское Поднестровье: историко-краеведческие очерки Ужгород, 1981. 144 с. (в соавт. с Б.А. Тимощуком).
55. "Длинный" дом X в. на городище Ревно I // АО–1981. 1983. С. 289, 290 (в соавт. с Л.П. Михайлиной и Б.А. Тимощуком).
56. Исследование славянских поселений VIII–X вв. в Черновицкой области // АО–1981. 1983. С. 313 (в соавт. с Б.А. Тимощуком).
57. Славянские святилища на Среднем Днестре и в бассейне Прута // СА. 1983. № 4. С. 161–173 (в соавт. с Б.А. Тимощуком).
58. Славянские городища-святилища и языческий храм // АО–1982. 1984. С. 325, 326 (в соавт. с Л.П. Михайлиной и Б.А. Тимощуком).
59. Кодын – славянские поселения V–VIII вв. на р. Прут. М., 1984. 87 с., илл., карты (в соавт. с Б.А. Тимощуком).
60. Гнездо славянских поселений у с Черновка Черновицкой обл. // КСИА. 1984. Вып. 179. С. 19–25 (в соавт. с Б.А. Тимощуком).
61. Компоненты пшеворской культуры // Тез. докл. советской делегации на V Междунар. конгр. славянской археологии (Киев, сентябрь 1985 г.). Киев, 1985, С. 43, 44.
62. Збручское святилище // Всесоюз. археологическая конф. "Достижения советской археологии в XV пятилетке". Тез. докл. Баку, 1985. С. 303, 304 (в соавт. с Б.А. Тимощуком).
63. Исследование городища–святилища на р. Збруч // АО–1984. 1986. С. 298, 299.
64. Збручское святилище (предварительное сообщение) // СА. 1986. № 4. С. 90–99 (в соавт. с Б.А. Тимощуком).
65. По следам Збручского идола // Знание–сила. 1987. № 3. С. 42–47 (в соавт. с Б.А. Тимощуком).
66. Славянские святилища на Среднем Днестре и бассейне Прута // СА. 1987. № 4. С. 161–173. (в соавт. с Б.А. Тимощуком).
67. Исследование второго Збручского (Крутиловского) святилища // АО–1985. 1987. С. 401, 402 (в соавт. с Б.А. Тимощуком).
68. Классификация керамики типа Корчак // Slavia antiqua. 1988. T. XXX.
69. Компоненты Пшеворской культуры // Тр. V МКАС. Тез. докл. советской делегации. Секция I. Древние славяне. Киев, 18–25 сентября 1985 г. Т. 4. Киев, 1988. С. 195–199.
70. Об общественной структуре пшеворских поселений // Археологические источники об общественных отношениях эпохи средневековья. М., 1988. С. 8–19.
71. Рец.: *Рыбаков Б.А.* Язычество Древней Руси. М., 1987 // СА. 1988. № 2. С. 260–264 (в соавт. с Б.А. Тимощуком).
72. Второе Збручское (Крутиловское) святилище // Древности славян и Руси М., 1988. С. 78–90 (в соавт. с Б.А. Тимощуком).
73. Рец.: Dostal B. Breclav–Pohansko. Casne slovanske osidleni. III. Brno, 1985. // СА. 1989. № 2. С. 267–271 (в соавт. с И.О. Гавритухиным).

74. Городища – святилища на р. Збруч та данi писемных джерел // Тез. доповiдей и повiдомлень I-оi Тернопiльсоi областноi наук. iсторико-краэзнавчоi конф. Тернопiль, 1990. С. 69–71.
75. Во времени Збручского идола (археологическая находка X в. в 1848 г.) // ВИ. 1990. № 8. С. 153–157 (в соавт. с Б.А. Тимощуком).
76. Этнический состав носителей пшеворской культуры // Раннеславянский мир. Материалы и исследования. М., 1991. С. 119–150.
77. Культовые места и языческие святилища славян VI–XIII вв. // СА. 1992. № 4. С. 50–67.
78. Галицко-волынские височные кольца // Час. помнiкi, людзi. Памяцi рэпресаваных археалагау. Менск, 1993. С. 109, 110.
79. Караваи в языческих обрядах славян // IV науч. конф. Российской народной академии наук. Доклады, выступления, тезисы. Материалы. М., 1993. С. 27–30.
80. Культовые сооружения славян-язычников // Истоки русской культуры (археология и лингвистика). Тез. докл. М., 7–9 декабря 1993 г. М., 1993. С. 60–62.
82. Введение // Археология СССР с древнейших времен до средневековья. Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н.э. – первой половине I тысячелетия н.э. М., 1993.
83. Зарубинецкая культура. Историография // Там же. С. 20–24.
84. Зарубинецкая культура. Вещевые находки // Там же. С. 28–31 (в соавт. с Е. В. Максимовым).
85. Липицкая культура // Там же. С. 96–104 (в соавт.с В.И. Бидзилей)
86. Вельбарская культура // Там же. С. 182–191.
87. Культура карпатских курганов // Там же. С. 171–179.
88. Заключение // Там же. С. 192–197.
89. Указатель имен // Там же. С. 319–321.
90. Указатель географических названий // Там же. С. 321–325.
91. Хлебные печи у славян // Археология и история юго-востока Древней Руси. Матер. науч. конф. Тезисы. Воронеж, 1993. С. 56–59.
92. Языческие святилища древних славян. М., 1993. 217 с. (в соавт. с Б.А. Тимощуком).
93. Язычники на Збруче // Наука в России. 1994. № 2. С. 72–77 (в соавт. с Б.А. Тимощуком).
94. Памяти Ксении Васильевны Каспаровой // РА. 1995. № 4. С. 230–233 (в соавт. с С.А. Плетневой, Г.И. Смирновой).
95. Культовые сооружения и жертвоприношения славян-язычников // Истоки русской культуры (археология и лингвистика). Материалы по археологии России. Вып. 3. М., 1997. С. 47–62.
96. Культовые зольники скифского времени // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Т. VI (Сборник к столетию М.И. Артамонова). Симферополь, 1998. С. 160–172.
97. Еще раз о славянском языческом центре на реке Збруч // РА. 1998. № 2. С. 234–243 (в соавт. с Б.А. Тимощуком).
98. Религиозное "двоеверие" на Руси XI–XIII вв. // Культура славян и Русь (Сборник в честь Б.А. Рыбакова). М., 1998. С. 144–163 (в соавт. с Б.А. Тимощуком).
99. Священные колодцы // Историческая археология. Традиции и перспективы. К 80-летию со дня рождения Даниила Антоновияча Авдусина. М., 1998. С. 8–14.
100. Языческие храмы славян // Сборник в память В.В. Аулиха. Львов (в печати).



ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА ИВАНОВИЧА ДЖАВАХИШВИЛИ

(1917–1998)

Скоропостижно скончался замечательный человек, яркая личность, утонченный интеллигент, член Грузинской Академии наук, профессор Александр (Лали) Иванович Джавахишвили, посвятивший почти всю свою сознательную жизнь изучению древнейшего прошлого Грузии. Его жизнь оборвалась за письменным столом в его рабочем кабинете в Государственном Музее Грузии во время работы над материалами археологических раскопок последних лет.

А.И. Джавахишвили родился 31 августа 1917 г. в семье выдающегося историка – академика Ивана Джавахишвили. Его мать, Анастасия Николаевна Джамбакур-Орбелиани, была прямым потомком грузинского царского рода. После окончания Тбилисского государственного университета А.И. Джавахишвили поступил в аспирантуру по специальности искусствоведение. С 1943 г. до конца жизни он работал на разных должностях в Государственном Музее Грузии: много лет руководил Отделом археологии, был заместителем директора, более полувека заведовал Главным хранилищем музея, где собраны ценнейшие сокровища грузинского народа.

От родителей Лали Джавахишвили унаследовал любовь к историческому прошлому своего народа, и поэтому не удивительно, что поприщем для своей научной деятельности избрал именно музей. Он хорошо сознавал первостепенное значение памятников материальной культуры для изучения древнейших периодов истории. Известно, как много времени и сил может отнимать музейное дело, тем более у такого человека, каким был Лали, который ко всем своим обязанностям всегда относился с обостренным чувством ответственности и, будучи безгранично преданным своему делу, брался выполнять любую черную работу. Особо следует отметить его неутомимую деятельность по созданию археологической выставки в залах Музея Грузии, а также в его Главном хранилище. Природный дар художника, тончайший вкус, тяга к новизне способствовали успеху экспозиции.

Лали успешно совмещал музейную работу с собственно научной деятельностью. Его отличали необыкновенная добросовестность, исключительная ответственность, глубокая эрудиция и интуиция подлинного ученого. Научные интересы А.И. Джавахишвили были весьма обширны. Свою научную деятельность он начал в области истории искусств, опубликовав несколько блестящих работ, в которых

© О.М. Джапаридзе, Р.М. Мунчаев, 1999 г.

впервые были освещены вопросы художественного ремесла Древней Грузии, а также сделан замечательный анализ путей развития ювелирного дела начиная со средней бронзы и кончая античной эпохой. Позже он изучает культово-мемориальные памятники раннехристианской эпохи на территории Грузии. Но всеобщее признание ему принесли исследования по археологии Грузии.

С середины 1950-х годов начинается новый этап в научной работе Лали Джавахишвили. В музее окончательно сформировался его глубокий научный интерес к древнейшему прошлому Грузии, и он полностью посвящает себя изучению памятников материальной культуры. Им был раскопан и исследован ряд чрезвычайно интересных памятников. Больше всего его привлекали древнейшие многослойные поселения. Лали был великолепным полевым работником, и все исследованные им памятники раскопаны образцово. Первым крупным памятником, раскопанным Лали Джавахишвили, был Квацхелеби – поселение периода куро-аракской культуры, датируемое III тыс. до н.э. Без преувеличения можно сказать, что ни один памятник этой эпохи не был исследован столь исчерпывающе, как поселение Квацхелеби. Поселение было раскопано полностью, и этому эталонному памятнику было посвящено блестящее исследование, в котором дается глубокий анализ большого и разнообразного материала. Раскопки поселения Квацхелеби позволили более детально изучить вопросы, связанные с проблемой куро-аракской культуры.

Не менее значительным был его вклад в дело выявления и изучения в 1960-х годах ранее неизвестной раннеземледельческой культуры Закавказья, предшествовавшей куро-аракской культуре. В Квемо Картли, в частности, были выявлены следы древних поселений, раскопки которых показали, что в VI–V тыс. до н.э. в Восточном Закавказье наряду с регионами Передней Азии существовала довольно развития и самобытная культура раннеземледельческих племен. Благодаря огромному опыту и настойчивости, которыми обладал Лали, изучение этих сложнейших памятников было проведено на высоком научном уровне.

Особое место в научном наследии Лали Джавахишвили занимает его фундаментальная монография, посвященная строительному делу и архитектуре Южного Кавказа в V–III тыс. до н.э., в которой со всей полнотой и на широком культурно-историческом фоне исследован ряд важнейших вопросов, связанных с древнейшей историей Закавказья. Значение этого научного труда трудно переоценить. Он быстро стал настольной книгой для широкого круга специалистов по Кавказу и Передней Азии.

Жизнь А.И. Джавахишвили оборвалась во время работы над материалами, собранными его экспедицией в последние годы при раскопках древнего поселения Бериклдееби – памятника со сложной стратиграфией. Лали работал с огромным увлечением и страстью, как никогда раньше, как будто чувствовал приближающийся конец. К сожалению, начатое автором исследование осталось незавершенным. Эту работу, важную и нужную для многих специалистов, завершат его коллеги, отдав тем самым последний долг памяти большому ученому.

Лали Джавахишвили интересовало не только далекое прошлое грузинского народа, но и глубоко беспокоили его настоящее и неясное будущее. И хотя раньше Лали был далек от политики, бесконечная любовь к своей Родине заставила его, несмотря на преклонный возраст, включится в последние годы в политическую жизнь страны. Блестящий исследователь древней истории своего народа А.И. Джавахишвили стал энергичным и преданным творцом новой, свободной Грузии.

Уход из жизни Лали Джавахишвили – большая утрата для грузинского народа и всей нашей науки.

Тбилисский государственный университет
Институт археологии РАН, Москва

О.М. Джапаридзе,
Р.М. Мунчаев

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО – Археологические открытия. М.
АРТ – Археологические работы в Таджикистане. Душанбе
АС – Археологический съезд
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л. – СПб.
ВДИ – Вестник древней истории. М.
ВИ – Вопросы истории. М.
ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения. СПб.
ИАК – Известия Археологической комиссии. СПб.
ИАН ТССР. СОН – Известия Академии наук Туркменской ССР. Серия общественных наук. Ашхабад
ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук
ИГАИМК – Известия Государственной академии истории материальной культуры. Л.
ИРАИК – Известия Российского археологического института в Константинополе
ККМ – Коломенский краеведческий музей
КСИА – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР. М.
КСИИМК – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР. М.
ЛОИА РАН – Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь.
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
НАА – Народы Азии и Африки. М.
ОПИ – Отдел полевых исследований ИА РАН
ПИДО – Проблемы истории докапиталистических обществ. Л.
ПИМК – Проблемы истории материальной культуры. Л.
РА – Российская археология. М.
РИС – Русский исторический сборник
СА – Советская археология. М.
САИ – Свод археологических источников. М.
СГАИМК – Сообщения Государственной академии истории материальной культуры. М.–Л.
СЭ – Советская этнография. М.
Тр. АС – Труды Археологического съезда
Тр. ГИМ – Труды Государственного Исторического музея. М.
ТСА РАНИОН – Труды секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук. М.
ТЮТАКЭ – Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции
AJA – American Journal of Archaeology
AJAH – American Journal of Ancient History
AM – Mitteilungen des Deutschen Archaeologischen Instituts. Athenische Abteilung
BAR – British Archaeological Reports
CAH – The Cambridge Ancient History
ICOMOS – International Council on Monuments and Sites
JDAS – Jahrbuch des Deutschen Archaeologischen Instituts
JdS – Journal des Savants
MDAFA – Memoires de la Delegation archeologique francaise en Afghanistan. Paris.
NADARCA – New Archaeological Discoveries in Asiatic Russia and Central Asia. S.-Petersburg.
NC – The Numismatic Chronicle
RE – Pauly-Wissowa Real-Encyclopaedie der klassischen Altertumswissenschaft
REG – Revue des etudes grecques

Адрес редакции:

117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Телефон 124-34-42

Заведующая редакцией *Е.В. Бубнова*

Технический редактор *Л.И. Глинкина*

Сдано в набор 17.01.99 Подписано к печати 19.02.99 Формат бумаги $70\times100^{1}/_{16}$
Печать офсетная. Усл.печ.л. 20,8 Усл. кр.-отт. 24,0 тыс Уч.-изд. л. 25,8 Бум. л. 8,0
Тираж 1145 экз. Зак. 2266

Отпечатано в типографии "Наука", 121099, Москва, Шубинский пер., 6